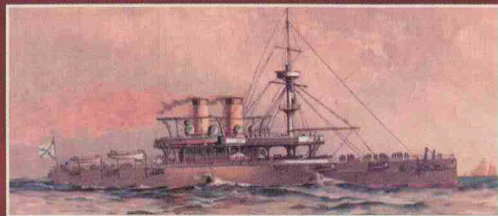
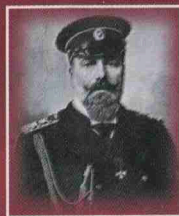


68. 68

К 70



ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА



Ю. Л. КОРШУНОВ



ББК 63.3 (2)6-8
К 66

Ю. Л. Коршунов

К 66 Генерал-адмиралы Российского императорского флота. —
СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. — 320 с.
ISBN 5-7654-2751-0

На протяжении двух веков 300-летней морской истории России отечественным флотом руководили генерал-адмиралы. Это высшее звание на флоте было введено Петром Великим. Первым генерал-адмиралом флота Российского стал соратник Петра граф Ф. М. Апраксин, а последним — великий князь Алексей Александрович Романов, вышедший в отставку в 1905 году.

Генерал-адмиралов в России было всего шесть. Кроме названных — граф А. И. Остерман, князь М. М. Голицын, император Павел I и великий князь Константин Николаевич. О каждом из них пойдет речь в этой книге.

ББК 63.3 (2)6-8

ISBN 5-7654-2751-0

© Ю. Л. Коршунов, 2003
© Издательский Дом «Нева», 2003

Оглавление

Предисловие автора	5
Глава 1. Сподвижник Петра Великого — первый генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин	7
<i>Северная война</i>	14
Глава 2. Дипломат и генерал-адмирал граф А. И. Остерман	19
<i>Внешняя политика и дипломатия Петра I</i>	23
Глава 3. Третий генерал-адмирал князь М. М. Голицын	27
<i>Морской собор Св. Николая Чудотворца</i>	31
Глава 4. Великий магистр — генерал-адмирал император Павел I	35
<i>Галерный флот России</i>	42
Глава 5. Генерал-адмирал — реформатор Российского флота великий князь Константин Николаевич	45
Моряк с детства	45
<i>Ф. П. Литке — моряк, ученый, воспитатель</i>	55
Переписка с В. А. Жуковским	63
Комитет по составлению Морского устава	66
Во главе флота и Морского ведомства. Начало реформ	69
«Морской сборник» — орган реформ и гласности	76
Первые шаги парового кораблестроения. Концепция возрождения флота	83
<i>Фрегат «Светлана»</i>	90
Флот выходит в океан	93
На дальневосточных рубежах	99
Цусимский эпизод	103
<i>Андреевский флаг у берегов Америки</i>	107
<i>«Миантонамо» на Кронштадтском рейде</i>	117
Начало броненосного кораблестроения	125
Производственная база броненосного кораблестроения	131
<i>Броненосец «Петр Великий»</i>	137
Нарезная артиллерия и Обуховский завод	141
Кадры парового флота	144



Быт на флоте	150
Соратники	155
Ликвидация крепостного права	176
Судебная реформа	182
Личная жизнь, семья, дети	184
Трудная судьба старшего сына	192
Не только поэт, но и моряк	201
Последние годы генерал-адмирала	207

Глава 6.

Последний генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович	214
Детство и юность	214
Начало морской карьеры	220
<i>К. Н. Посьет — адмирал и министр</i>	228
Визит в Соединенные Штаты Америки	233
На Дальнем Востоке	248
Августейший командир «Светланы». Снова Америка	254
Командир Гвардейского экипажа	259
Боевые действия флота на Дунае	261
Генерал-адмирал	269
<i>Над Порт-Артуром Андреевский флаг</i>	282
Дворец на Мойке, личная жизнь	286
Русско-японская война. Цусима	296
Последние годы	304
Именной указатель	306
Список использованной литературы	317

Предисловие автора

Звание генерал-адмирала в России ввел Петр I. Это был высший чин на флоте. В Табели о рангах¹ он стоял наравне с генерал-фельдмаршалом в армии. Первым генерал-адмиралом в 1708 году стал граф Ф. М. Апраксин², вторым — в 1740 году граф А. И. Остерман. В 1756 году это звание было присвоено князю М. М. Голицыну. Прошло шесть лет, и в 1762 году генерал-адмиральский чин Екатерина II пожаловала своему сыну, 8-летнему царевичу Павлу Петровичу. С тех пор звание генерал-адмирала в России присваивалось только представителям царствующей династии.

Так, в соответствии с установившейся традицией в 1831 году в возрасте четырех лет генерал-адмиралом стал второй сын Николая I великий князь Константин Николаевич, впоследствии крупнейший реформатор отечественного флота. В 1855 году со вступлением на престол Александра II 27-летний генерал-адмирал Константин Николаевич назначается «Главным начальником Флота и Морского ведомства». Другими словами, с этого времени флот поступил не только в прямое, но и в непосредственное подчинение

¹ Законодательный акт, утвержденный в 1722 году Петром I; устанавливал систему воинских, гражданских и придворных чинов. — *Ред.*

² Некоторые энциклопедические издания ошибочно относят к числу генерал-адмиралов Ф. А. Головина (Советская военная энциклопедия. М., 1972; Советский энциклопедический словарь. М., 1980 и др.), который в действительности являлся с 1699 года адмиралом, а с 1700 — генерал-фельдмаршалом. — *Ред.*

царствующей династии. Генерал-адмирал уже, по существу, не чин, а должность — августейший руководитель флота. Морской министр теперь становится лишь «управляющим Морским министерством». В отличие от других министров Российской империи доступ к главе государства — императору он имеет только через генерал-адмирала.

В 1881 году Константина Николаевича сменил его племянник, сын Александра II великий князь Алексей Александрович. В этой должности он пробыл 24 года. Чем закончилось генерал-адмиральство Алексея Александровича, мы знаем — Цусимой. С его уходом в мае 1905 года в отставку, по существу и прекратилось в России генерал-адмиральство. Во главе флота вновь становится назначаемый императором Морской министр.

Таким образом, более чем за 300-летнюю историю отечественного флота генерал-адмиралов было шесть: граф Ф. М. Апраксин, граф А. И. Остерман, князь М. М. Голицын, император Павел I, великие князья Константин Николаевич и Алексей Александрович. Об их жизни и пойдет наш рассказ.

Биографические сведения приведены на историческом фоне, на котором осуществлялась деятельность генерал-адмиралов. О некоторых из них написано меньше, о других больше. И это не случайно. Ровно 50 лет, почти четверть всей истории Российского Императорского флота, его возглавляли два великих князя — Константин Николаевич и Алексей Александрович. В то же время благодаря определенным идеологическим ограничениям ни о том, ни о другом в советские годы не было написано ни слова. Это и явилось причиной того, что основной объем книги посвящен именно им — Константину Николаевичу и Алексею Александровичу Романовым. В книге приводятся многочисленные малоизвестные факты из их служебной деятельности и личной жизни. Это дает возможность оценить не только их административные, военные и морские, но и человеческие качества.

Глава 1.

Сподвижник Петра Великого — первый генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин

Один из создателей русского флота, участник крупнейших морских походов и сражений, старший брат царицы Марфы Матвеевны, невестки Петра I, Федор Матвеевич Апраксин родился в 1661 году в Москве. Его отец, комнатный стольник¹ царя Федора Алексеевича, «имел счастье выдать свою дочь Марфу Матвеевну за царя Федора Алексеевича. Столь знаменитое родство доставило детям его быстрое повышение». В десять лет Федор Апраксин стал стольником при царе Федоре, а после его смерти в 1682 году — стольником Петра I; хотя он и был старше царя на 11 лет, но активно участвовал во всех потешных военных забавах. Это, естественно, сблизило его с Петром. В 1693 году вместе с царем он отправился в Архангельск, где, несмотря на свои относи-



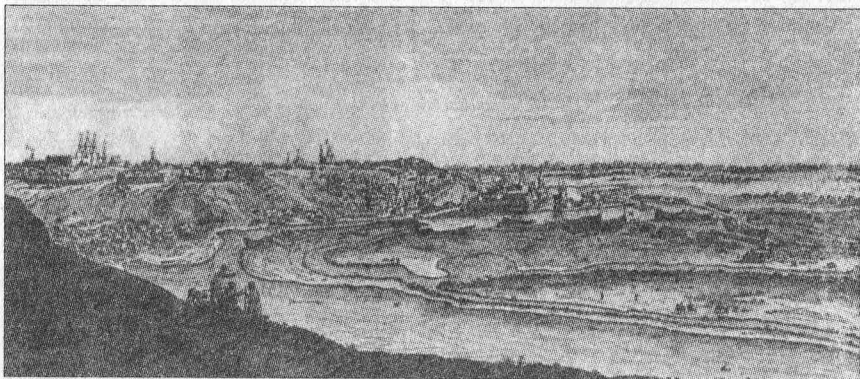
Генерал-адмирал Ф. М. Апраксин.
Худ. В. П. Жуковский.

¹ Придворный чин в России XIII—XVII веков, который был рангом ниже боярского. Первоначально так называли придворного, который прислуживал за княжеским или царским столом. — Ред.



тельно молодые по тем временам годы, был назначен двинским воеводой, а через год — и губернатором Архангельска. В своих письмах к Ф. М. Апраксину Петр I обращается к нему не иначе как «мин герр губернатор Архангел». В ту пору Архангельск был единственным морским портом России, через который велась вся торговля с заграницей. Под руководством Ф. М. Апраксина и при его активном участии здесь, на Соломбальской верфи, было построено и отправлено в плавание первое отечественное казенное торговое судно.

В 1696 году уже имевший опыт в морских делах Ф. М. Апраксин участвовал во 2-м Азовском походе Петра I. На следующий

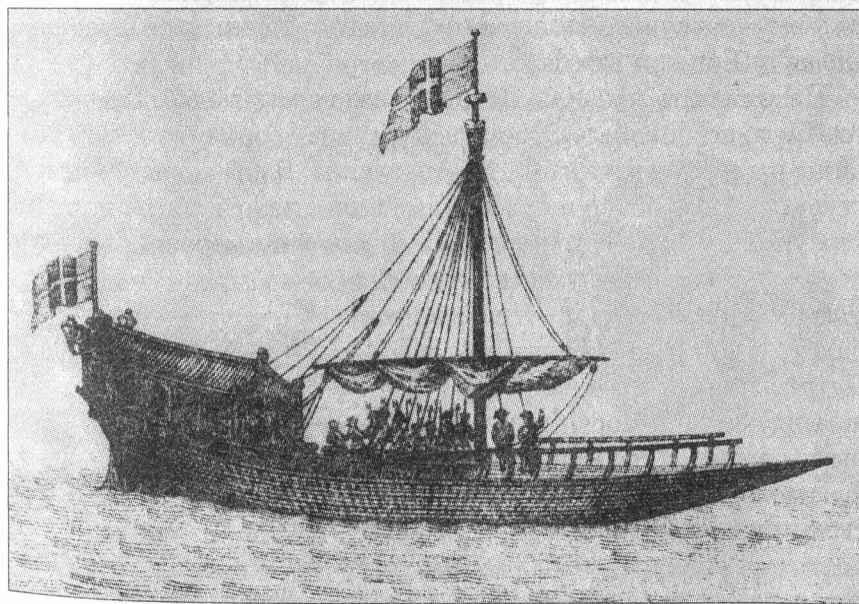


Воронежская кораблестроительная верфь XVIII в. Голландская гравюра.

год вместе с государем он поехал в Амстердам учиться кораблестроительному делу. По возвращении из-за границы участвовал с Петром I в действиях флота под Таганрогом. Год спустя, в 1700 году, Ф. М. Апраксин назначен «главным начальником вновь учрежденного Адмиралтейского приказа», получил титул адмиралтейца и стал азовским губернатором. С этого времени он осуществлял надзор за всем судостроением на Воронежских верфях. В его ведение поступило, по существу, все управление морской частью на Азовском море. За шесть лет своего губернаторства, до 1706 года, пока Петр I воевал со шведами на севере, Ф. М. Апраксин пополнил Азовский флот множеством судов, перестроил Азов, в Таганроге построил крепость и гавань для военных кораблей, а Воро-



нежские верфи оборудовал дополнительными доками и шлюзами. На Дону, в Таврово и Новопавловске появились новые верфи. В Воронеже Ф. М. Апраксин организовал даже что-то вроде кораблестроительного училища. Он докладывал государю: «...из драгун учится 90 человек и принялись изрядно». Переписка с Петром I велась регулярно. В 1703 году Ф. М. Апраксин писал: «Изволил ты писать, чтоб готовить 30 кораблей, я рад сколько могу без всякой лени, хотя же их счетом и довольно, но к делу не годятся..., зело худы и требуют много починок». В 1705 году Петр I сам приехал «смотреть свой флот и учинил в пользу одного многие распоряжения». Ф. М. Апраксин проявил здравый смысл и рачительность губернатора, убедил государя отменить приказание о постройке в Воронеже 300 будар (парусно-гребные суда. — Ю. К.). «Ибо через выполнение одного истребились бы около Воронежа все сосновые леса». По его инициативе стали создаваться железные заводы и начали на них сверление пушек. «На железные заводы, — докладывает он Петру I, — ездил я пробовать пушки, вы-



Галера, построенная на Воронежской верфи.

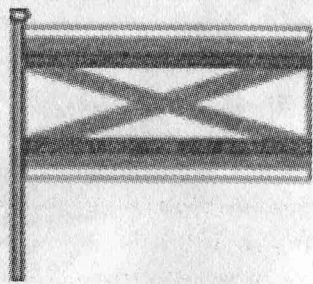


литы зело гладко, будет в готовности к весне 100, ныне еще не все просверлены».

В связи с неожиданной смертью президента Адмиралтейства адмирала и генерал-фельдмаршала Ф. А. Головина 22 февраля 1706 года состоялось «Высочайшее повеление — Адмиралтейца Федора Матвеевича Апраксина во всяких его государственных указах и в приказных делах писать адмиралом и президентом Адмиралтейства». Меньше чем через месяц, получив от Ф. М. Апраксина доклад о погребении Ф. А. Головина, Петр I писал ему: «Мин герр адмирал, возвышаю вас на его градус, в чем вам от сердца искреннего при поздравлении желаю: да благословит Господь Бог вам быть в сей Сарже к славе имени своего и пользе угнетенных Христиан».

Прибыв вскоре в С.-Петербург, Ф. М. Апраксин вступил в управление Морским ведомством. В мае флот вышел на Кронштадтский рейд. На флагманском корабле Ф. М. Апраксин «поднял свой белый флаг на грот-стеннге и донес о сем Государю». Будучи в это время с армией в Польше, руководя действиями против Карла XII, Петр I ответил Ф. М. Апраксину из Люблина. «Приездом вашим во флот и распусцием первого флага вас вторицею поздравляю, желая да Бог даст вам счастья».

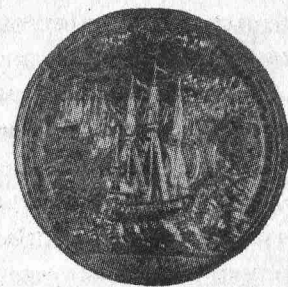
Надо сказать, что пока Петр I воевал на юге, под С.-Петербургом было неспокойно. Ответственность за оборону молодой столицы царь возложил на Ф. М. Апраксина. В его подчинение поступили все морские и сухопутные силы, находящиеся под Петербургом. Возможно, именно это в какой-то мере и объясняет появление ранее не существовавшего в России воинского чина — генерал-адмирал. Судя по изначальному замыслу Петра I, генерал-адмирал — это главнокомандующий и морскими, и сухопутными силами. Кстати, учрежденный им флаг генерал-адмирала с косым Андреевским крестом и бело-сине-красными полосами являлся своеобразным символом «двух рук» петровского «потентата» — армии и флота.



Флаг генерал-адмирала, учрежденный Петром I в 1708 г.

Первому этот чин в 1708 году Петр I пожаловал своему ближайшему сподвижнику Ф. М. Апраксину. Что этому предшествовало? В августе 1708 году 12-тысячный корпус шведов под командованием Любеккера выступил из Выборга и направился к Петербургу. К счастью, пошли проливные дожди, превратившие дороги в непролазную грязь. Идти по главному выборгскому тракту, где его ждали не только основные силы Ф. М. Апраксина, но и заранее построенные им укрепления, Любеккер не решился. Справа был Финский залив, а значит, Балтийский флот и кронштадтские укрепления. Оставалось одно — свернуть влево на проселочные дороги. Грязи там было, естественно, еще больше. Однако иного выхода у Любеккера не было. Так, не сумев подойти к Петербургу, обойдя его с востока, шведы дошли до Невы и переправились в средней ее части на левый берег. Не найдя здесь продовольствия, о чем позаботился Ф. М. Апраксин, Любеккер не мог ничего предпринять, кроме как идти дальше. В открытый бой с относительно сильным противником Ф. М. Апраксин не вступал, но постоянно беспокоил его, главное, действовал измором. Он понимал, что снабжение — это ахиллесова пята шведов. Добравшись с большими потерями до Копорья, где его ждали корабли, потеряв в бою с Ф. М. Апраксиным свой арьергард, Любеккер так ни с чем и возвратился в Выборг.

Только что одержав победу под деревней Лесное, Петр I высоко оценил действия Ф. М. Апраксина. Пожаловав ему чин генерал-адмирала, он приказал выбить медаль с изображением на одной стороне портрета Ф. М. Апраксина с надписью: «Царского величества Адмирал Ф. М. Апраксин», на другой — изображение флота, построенного в линию, с надписью: «Храня сие не спит; лучше смерть, а не неверность, 1708 г.».



Медаль, выбитая в честь адмирала Ф. М. Апраксина в 1708 г.

Зимой 1710 года, перейдя во главе 10-тысячного корпуса по льду Финского залива, Ф. М. Апраксин после непродолжительной осады овладел Выборгом, за что Петр собственноручно воз-

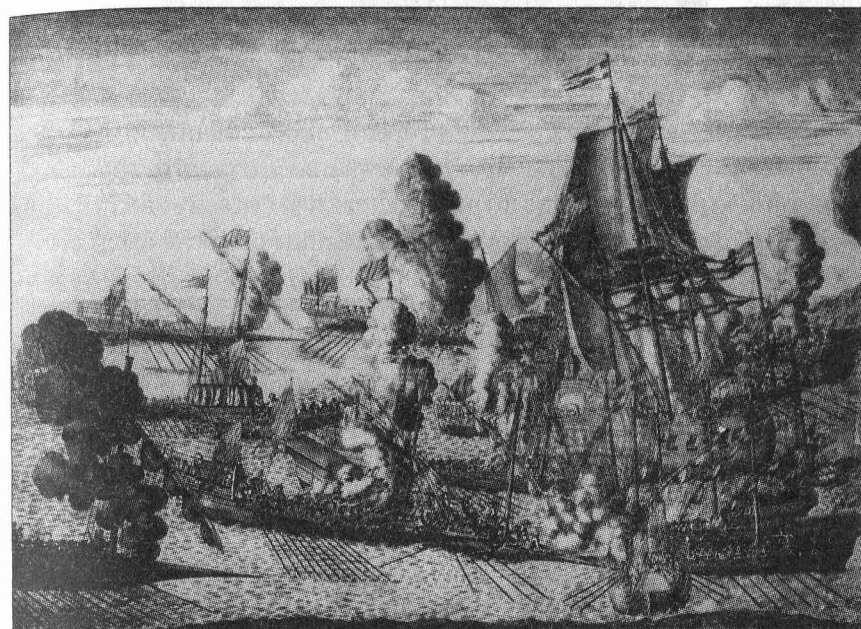


ложил на него орден Св. Андрея Первозванного и наградил золотой шпагой, украшенной бриллиантами. «По взятии Выборга пошел граф Апраксин флотом к Гельсингфорсу и, овладев лежащими перед ним островами, поставил на них батареи и открыл свободный путь в Балтийское море».

Однако обстановка резко изменилась. В связи с началом войны с Турцией Петр I приказал возвратить флот из шхер в С.-Петербург, а Ф. М. Апраксину — с капитанами, а также с большим числом офицеров и матросов — следовать в Таврово. Готовился Прутский поход. В мае 1711 года Ф. М. Апраксин со своим галерным флотом вышел в Черное море, но возможность сразиться с турками ему не представилась, хотя он и видел флот противника у Бердянской косы. Прутский поход Петра I, как известно, закончился полным поражением. Заключенный с Турцией мир требовал сдачи Азова, ликвидации просуществовавшего почти 15 лет Азовского флота и разрушения таганрогских гаваней. Решение всех этих задач возлагалось на Ф. М. Апраксина. Будучи человеком хозяйственным, он считал, что чем истреблять корабли, лучше продать их туркам. «Капитан-паша говорил, чтоб годные корабли отдать им в цену, для сего велел я оные показать паше... и будем договариваться о цене». Так, на завершение южных дел ушел весь 1712 год.

Впрочем, победы были еще впереди — 27 июля 1714 года Ф. М. Апраксин разделил с Петром I славу Гангута. Правда, некоторые историки считают, что именно при Гангуте в одной и той же обстановке наиболее ярко проявились гений Петра и военная ординарность Ф. М. Апраксина. Исчерпав якобы все средства парализовать противника, Ф. М. Апраксин «склонялся к бездействию; царь же, наоборот, при тех же условиях проявил чрезвычайное напряжение сил и энергии». Ну да Бог им судья, этим историкам. Нельзя забывать, что Петр I был еще и царем!

После овладения Финляндией Ф. М. Апраксин стал во главе занятого края. Свои функции он сохранял вплоть до 1719 года. Его последние военные действия связаны с разорением шведских берегов в районе Стокгольмских шхер. Командуя в 1719–1720 годах галерным флотом, высаживая десанты в непосредственной близости от шведской столицы и угрожая своими действиями Стокголь-



Гангутский бой 27 июля 1714 г. Гравюра А. Ф. Зубова.

му, Ф. М. Апраксин оказал значительное влияние на ускорение Ништадтского мира. До Стокгольма его галеры не дошли всего 14 миль. С окончанием Северной войны именно из рук генерал-адмирала Ф. М. Апраксина Петр I принял чин полного адмирала «в знак понесенных трудов в сию войну, ибо довольно чином вице-адмирала служил».

По воспоминаниям современников, Ф. М. Апраксин был небольшого роста, плотный, пользовался репутацией правдивого человека, был весьма любезен с окружающими и всеми любим, отличался умом, «любезностью и искренним желанием быть полезным каждому». Естественно, имел он недоброжелателей и врагов. Честно выполняя указания царя, не отличался самостоятельностью: «Домогался всегда письменных предписаний или же искал опоры в постановлениях „консилиев“». В его деятельности сказывалась еще боярская и воеводская нерешительность. Впрочем, это не мешало ему в деле царевича Алексея быть среди членов следственной комиссии и проявить при этом твердость.



А Петру дважды приходилось назначать следствия по злоупотреблениям в частях, подведомственных своему любимцу. Первый раз — в 1714 году, тогда Ф. М. Апраксин оказался лично невиновен, но допустил злоупотребления среди своих подчиненных и государь его «оштрафовал». Правда, желая вознаградить графа «за понесенную им вследствие штрафа денежную потерю», в 1716 году государь подарил ему все поместья, оставшиеся после смерти его вдовствовавшей сестры, царицы Марфы Матвеевны. Второе следствие состоялось в 1718 году. На этот раз «за злоупотребления Апраксин был подвергнут аресту», судим и даже «лишен имущества и достоинств». Что и говорить, казнокрадство на Руси существовало исстари. Однако вскоре, учитывая прежние заслуги Ф. М. Апраксина вновь ограничились денежным штрафом. Умер Ф. М. Апраксин в Москве в 1728 году.

Северная война

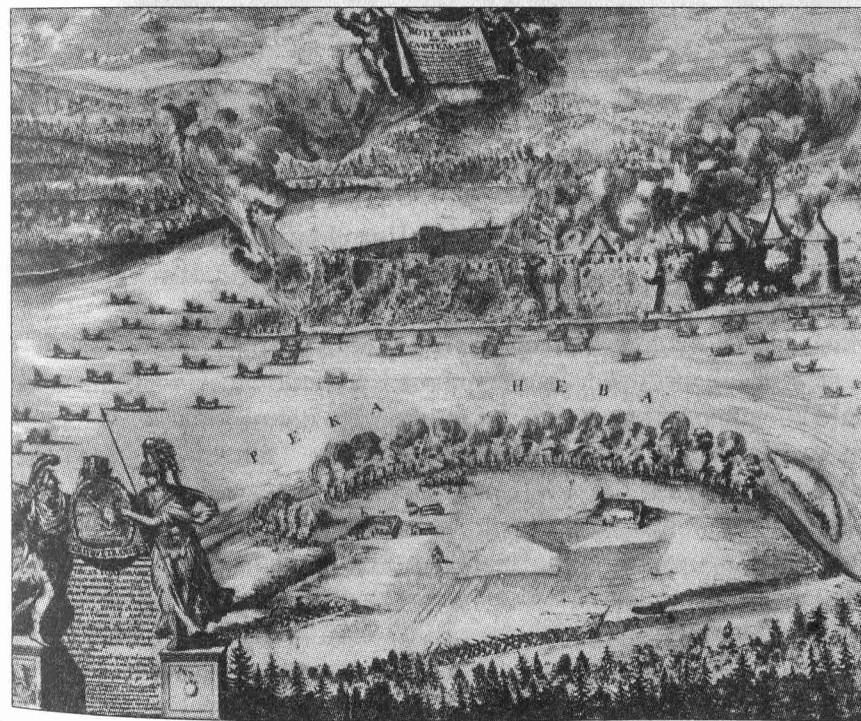
Деятельность трех первых генерал-адмиралов Российского флота неразрывно связана с Северной войной. «Окно в Европу» Петр I пробивал через Прибалтику и Финский залив. Еще во время своего пребывания за границей в 1697–1698 годах он заключил союз с Данией, Польшей и Саксонией против Швеции и начал готовиться к войне. Получив 8 августа 1700 года известие о подписании мирного договора с Турцией, Петр I буквально на следующий же день двинул войска к шведской границе. Дания, Польша и Саксония уже вели войну. К началу осени 1700 года армия Петра I численностью 35–40 тысяч с 145 орудиями подошла к Нарве. Осада затянулась. Русская армия была еще неопытна и плохо обучена. Офицеров-иностранцев солдаты не только не понимали, но и не любили.

Неожиданно для союзников молодой 18-летний шведский король Карл XII оказался опасным противником. Появившись внезапно под Копенгагеном с прекрасно обученной и дисциплинированной армией, он разбил датчан и вынудил их к миру. Затем Карл XII начал военные действия против русских. Совершив бросок по морю, высадившись с 32 тысячами солдат и всего 37 орудиями в Перново

(Пярну), Карл атаковал русские войска и, несмотря на их численное превосходство, обратил в бегство. Только Преображенский и Семеновский полки, сохранив боевой порядок, отступили организованно, отбиваясь от противника. Полагая, что с русскими покончено, Карл XII обратился против Польши, по выражению Петра I, надолго «увяз в Польше».

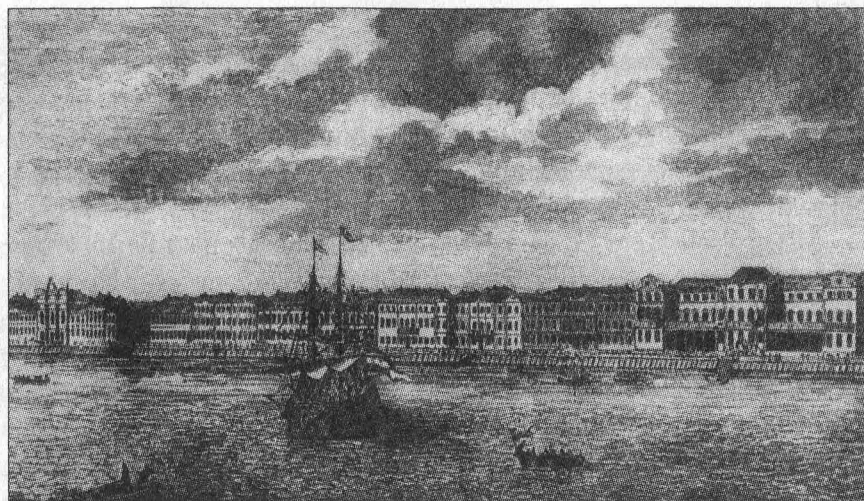
Между тем Петр I с присущей ему энергией и настойчивостью восстанавливал свою военную силу. Рекрутские наборы дали пополнение для формирования новых полков. Образовался и русский офицерский корпус, в основном из унтер-офицеров преображенцев и семеновцев. Было изготовлено 300 орудий, в том числе из снятых церковных колоколов.

В 1701–1702 годах, одержав ряд побед над шведами в Лифляндии, русские овладели расположенной в истоке Невы у Ладожско-



Взятие Нотебурга 11 ноября 1702 г. Гравюра А. Шхонебека.





С.-Петербург при Петре Великом. Гравюра А. Ф. Зубова.

го озера крепостью Нотебург (древний Орешек). Петр I назвал ее Шлиссельбургом. Весной 1703 года в устье Невы пала еще одна шведская крепость — Ниеншанц, а 16 мая на Заячьем острове застучали топоры — рубили Петропавловскую крепость и деревянный городок, которому суждено было стать столицей Российской империи — Санкт-Петербургом. К городу, росшему на болотистых берегах Невы буквально на глазах, Петр I привязался всей душой. Иначе как «своим парадизом» он его и не называл. В это же время на Свири с построенных здесь верфей в спешном порядке спускались суда будущего Балтийского флота. К осени 1703 года на острове Котлин уже строилась крепость Кроншлот, начало Кронштадта. Успешно шли дела и в Эстляндии. В 1704 году здесь пали еще две сильные шведские крепости — Нарва и Дерпт.

Тем временем Карл XII расправлялся с союзниками Петра I. Решив покончить с Польшей, он взял Варшаву и сумел привлечь на свою сторону часть польской шляхты, Польша вышла из войны. Перенеся затем войну в Саксонию, он заставил и ее заключить с ним мирный договор. В конце 1707 года, отдохнув в Саксонии, шведская армия выступила против России. Ожидая вторжения шведов, Петр I приказал укреплять Москву и другие города. Русская армия отступала, полностью сохраняя свою боеспособность.



Петр Великий — отец отечества.

Между тем, испытывая трудности в снабжении и рассчитывая на помощь гетмана Мазепы, изменившего Петру I, Карл XII неожиданно повернул на Украину. Однако и Петр I не дремал: 28 сентября 1708 года под деревней Лесное он разбил шведский корпус, шедший из Лифляндии на соединение с Карлом XII. Все более ощущавшаяся нехватка продовольствия заставила шведов двинуться на не разоренную еще Полтавщину. В мае 1709 года они осадили Полтаву, но с ходу взять ее не смогли. На выручку защитникам города с главными силами подошел Петр I. «Генеральная баталия» произошла 27 июня. Потерпев полное поражение, шведская армия обратилась в бегство. Ее остатки, настигнутые русской конницей на берегу Днепра, сдались на милость победителя. Первоклассная и до тех пор непобедимая шведская армия практически перестала существовать. Раненый Карл XII с Мазепой, успев перебраться через Днепр, бежали в Турцию.



Успешно действовали русские войска и на севере. В 1710 году окончательно были завоеваны Карелия и Финляндия, взяты острова Даго, города Выборг, Рига, Ревель и другие. В 1714 году русский флот одержал блестящую победу при Гангуте и занял Аландские острова. Понимая бесперспективность войны, Карл XII согласился на мирные переговоры, которые начались на Аландских островах. Однако в декабре 1718 года Карл XII был убит в Норвегии. Рассчитывая на поддержку Англии, новое шведское правительство решило продолжать войну, но вскоре и оно начало понимать ее бесперспективность. В мае 1719 года русский флот одержал победу при Эзеле, а в июне 1720 года — при Гренгаме. Швеция потеряла флот, способный защищать ее территорию с моря. Теперь русские галеры почти безнаказанно действовали в Стокгольмских шхерах. Столица Швеции оказалась под прямой угрозой захвата русскими.

В этих условиях в 1720 году шведы возобновили мирные переговоры, и 30 августа 1721 года в финском городе Ништадт мирный договор был подписан.

Таким образом, более чем двадцатилетняя борьба за Прибалтику завершилась в пользу России. Именно победа в Северной войне превратила Россию в одну из великих европейских держав. «Мы, — говорил Петр I, — от тьмы к свету вышли, и о которых не знали в свете, ныне почитают».

Глава 2.

Дипломат и генерал-адмирал граф А. И. Остерман

Государственный деятель и один из руководителей внешней политики России эпохи Петра I Андрей Иванович (Генрих Иоанн Фридрих) Остерман родился в семье лютеранского священника в Вестфалии (Германия) в 1686 году. С ранних лет мальчик «...обнаруживал нрав холодный и, по-видимому, бесстрастный, но ум острый, дальновидный и тонкий». Получив отличное образование в Иенском университете, он владел к его окончанию пятью языками: немецким, голландским, латинским, французским и итальянским. Свое образование Г. Остерман завершил путешествием по Европе, во время которого, в 1704 году, встретил в Амстердаме находившегося на русской службе вице-адмирала К. И. Крюйса, посланного Петром I «для приглашения на русскую службу умных и образованных иностранцев». К. И. Крюйс предложил Г. Остерману поступить к нему в качестве личного секретаря, на что Г. Остерман согласился и приехал с ним в Москву. Здесь он встретил своего старшего брата, служившего воспитателем при дочерях царицы Прасковьи Фе-



*Генерал-адмирал А. И. Остерман.
Гравюра Грачева.*



доровны, вдовы Иоанна V. Молодого Г. Остермана брат представил царице.

Принят он был ласково, и на вопрос, как его зовут, отвечал: «Генрихом, Ваше Величество». «Отца Вашего зовут Иван, — возразила царица, — так и Вам следует называться Андреем Ивановичем». Так с тех пор и повелось. Языком А. И. Остерман овладел быстро — свободно говорил и писал по-русски.

Будучи как-то в 1707 году на корабле у К. И. Крюйса, Петр I спросил, «нет ли при нем исправного чиновника, который мог бы написать важное письмо». К. И. Крюйс представил царю А. И. Остермана. Написанное им письмо Петру понравилось. Поговорив с А. И. Остерманом четверть часа, государь объявил, что берет его к себе переводчиком. Вскоре А. И. Остерман был определен в посольскую канцелярию письмоводителем, а в 1708 году стал личным секретарем Петра I.



Адмирал К. И. Крюйс.

Благодаря исключительным способностям А. И. Остерман продвигался по службе быстро. В Прутском походе он сопровождал царя уже в чине тайного советника. Два года спустя был направлен в Берлин для «склонения прусского короля к действию против Швеции». Во время пребывания в 1715 году английского флота с визитом в Ревеле А. И. Остерман по поручению царя самостоятельно вел переписку с английским адмиралом Норрисом. «За отличные труды и верность» в 1716 году ему был пожалован чин «советника канцелярии Его Величества». Участвуя в 1718 году в качестве полномочного министра в мирных переговорах со Швецией на Аландских островах, А. И. Остерман сумел склонить Швецию к выгодному для России миру. Однако внезапная смерть Карла XII сорвала переговоры. Три года спустя вместе с Я. В. Брюсом он вновь был назначен уполномоченным на мирных перего-

ворах со шведами в Ништадте. Петр I был настолько уверен в благополучном исходе переговоров, что послал Сенату указ с повелением опубликовать его сразу же после заключения мирного договора: «Объявляем сим, что Мы Андрея Остермана за верность его: и службу: бароном нашего Российского государства Всемиловнейше пожаловали».

Добиваясь во что бы то ни стало мира, Петр I решил даже вернуть шведам Выборг. С этим поручением из С.-Петербурга в Ништадт был послан П. И. Ягужинский. Зная об этом, А. И. Остерман убедил выборгского коменданта И. М. Шувалова, с которым находился в дружеских отношениях, задержать П. И. Ягужинского в Выборге во что бы то ни стало. «По известной слабости П. И. Ягужинского к крепким напиткам» А. И. Остерман просил И. М. Шувалова «напоить его без меры и уложить на несколько часов в постель». Комендант в точности выполнил просьбу. Это позволило А. И. Остерману объявить шведским уполномоченным, что он получил от государя повеление через два часа отправить ему известие либо о подписании мирного договора, либо о разрыве переговоров. В результате мир был подписан буквально перед самым приездом П. И. Ягужинского. Кстати, с тех пор он стал злейшим врагом А. И. Остермана. Зато Петр был в восторге. Своим уполномоченным он писал: «Трактат, вами заключенный, столь искусно составлен, что и мне самому не можно бы лучше одного написать для подписания господам шведам. Славное сие: ваше дело останется навсегда незабвенным; никогда Россия такого полезного мира не получала». Петр I щедро наградил Я. В. Брюса и А. И. Остермана деревнями и большой суммой денег. Кстати, для их характеристики можно добавить, что «из предоставленных им от государя на *тайные расходы* тридцати тысяч червонцев берегли они в казну девять тысяч».

После смерти Петра I А. И. Остерман активно участвовал в политической жизни России, содействовал восшествию на престол Анны Иоанновны. Будучи вице-канцлером, руководил практически всей ее внешней политикой, оказывал значительное влияние и на внутренние дела. В 1732 году он стал председателем «Воинской комиссии для рассмотрения и приведения в порядок флота,



Адмиралтейства и всего, что к тому принадлежит», участвовал в составлении нового штата флота. В 1740 году А. И. Остерману был присвоен чин генерал-адмирала, и он «вступил в полное управление Морским ведомством, оставаясь во главе коллегии иностранных дел». По мнению некоторых современников, почти никогда не бывавший в море и не интересовавшийся делами флота А. И. Остерман получил звание генерал-адмирала по наущению своего прежнего друга, а теперь соперника и врага Б. Х. Миниха, искавшего возможность не столько наградить, сколько осмеять хилого и больного вице-канцлера.

Впрочем, флотом А. И. Остерману довелось управлять недолго, меньше года. После дворцового переворота 1741 года, приведшего на престол Елизавету Петровну, он был арестован и со всей семьей посажен в Петропавловскую крепость. По воспоминаниям очевидцев, А. И. Остерман проявил при этом полное присутствие духа, поразив всех своей невозмутимостью. Обвиненный во многих политических преступлениях А. И. Остерман был судим и приговорен к смертной казни через колесование. Приговор выслушал с совершенным спокойствием. Так же бесстрастно держал себя и на Сенатской площади 18 января 1742 года во время приготовления к казни. Отменена она была только тогда, когда голова его уже лежала на плахе. Не изменившись в лице, А. И. Остерман спокойно встал, застегнул воротник, «спросил себе только что сброшенный парик» и сошел с эшафота. На следующую ночь со всей семьей он был сослан в Сибирь, в Березово, где и скончался в 1747 году.

«В частной жизни своей... Остерман был скуп до невероятности, дом его был знаменит нечистотой, служители были в лохмотьях, серебряная посуда, ежедневно им употребляемая, по нечистоте своей походила на оловянную, стол, за исключением торжественных дней, был самый дурной».

Непроницаемый в своих политических намерениях А. И. Остерман «всегда говорил и писал двусмысленно... никогда не глядел никому прямо в глаза... когда затруднялся с ответом, смотрел вверх так, что зрачки его глаз скрывались под ресницами... Случалось иностранным посланникам после двухчасовой неумолкной бесе-

ды с Остерманом в его кабинете с глаза на глаз выходить оттуда, ничего не узнав о его намерениях». В равной мере честолобивый, осторожный и злопамятный, А. И. Остерман не терпел тех, кто был выше его. Для достижения своих целей не задумываясь приносил в жертву друзей.

«С другой стороны, граф Андрей Иванович Остерман отличался в отношении денежном бескорыстием неизменным, никогда не принял подарка от иностранного двора без соизволения русского правительства, неусыпно пекся о выгодах России, иностранец происхождением, служил отечеству нашему со всем усердием, со всей верностью природного русского, никогда не отделял выгод своих от выгод России, полагая собственную славу во славе России». Будучи уже на смертном одре, Петр I сказал про него: «Необходимо России — он ни разу не ошибался в делах дипломатических и лучше всех знает нужды России».

Внешняя политика и дипломатия Петра I

Две главные внешнеполитические проблемы унаследовал Петр I от XVII века: турецкую и шведскую. Решение каждой из них означало выход России к морю, соответственно, к Черному или Балтийскому. Первые годы своего царствования Петр I целиком посвятил черноморской проблеме. Черное море, по существу, являлось внутренним морем Турции. По образному выражению одного из российских дипломатов, «Оттоманская Порта¹ берегла его, как непорочную девицу, к которой никто не смел прикоснуться. Скорее султан допустит кого-нибудь в свои внутренние покои, чем согласится на плавание чужих кораблей по черноморским водам». Взятие Азова и основание Таганрога дали России выход в Азовское море, но пока Керченский пролив оставался в турецких руках, это не открывало путь в Черное море и тем более в Европу. Впереди еще были Босфор и Дарданеллы.

¹ Принятое в европейских документах и литературе название правительства Османской империи. — *Ред.*



С Турцией Петр I воевал не в одиночку. В союзе с ним были Австрия, Польша и Венеция. Однако удовлетворенные достигнутыми для себя результатами союзники начинали уже склоняться к миру. «Великое посольство» 1697–1698 годов, в котором инкогнито участвовал и Петр I, помимо других целей имело также задачу привлечения к войне с Турцией новых союзников. Убедившись в полной неудаче своих дипломатических усилий, Петр I с необычайной решимостью, буквально в одночасье, переориентировал всю внешнюю политику России с юга на север. При невозможности в сложившейся международной обстановке пробиться к Черному морю у него немедленно возник план «северного союза». Впрочем, момент для России был благоприятный — антишведская коалиция уже складывалась. В 1700 году союз России, Дании, Польши и Саксонии был установлен. Колебавшаяся Пруссия от участия в войне воздержалась. Увы, неудачи первых месяцев войны привели к тому, что, потеряв всех своих союзников, Россия оказалась один на один со Швецией. Попытки найти новых союзников или хотя бы посредников в лице Англии, Франции или Голландии для заключения выгодного мира результатов также не дали.

Всю политическую обстановку в Европе перевернула блестящая «Полтавская виктория». Война, которую Россия вела с явным или неявным участием давних противников Швеции, сразу превратилась в войну общеевропейскую. Теперь все хотели получить от разваливающейся Швеции свою долю. В то же время ни Англия, ни Голландия, ни даже Франция не были заинтересованы в усилении России. Именно их стараниями в 1711 году Турция, и без того встревоженная успехами своего северного соседа, выступила против России. Свою цель в какой-то мере они достигли. Прутский поход Петра I окончился полной неудачей. Однако на севере успехи России были бесспор-



Король Швеции Карл XII.



ны, и это продолжало тревожить прежде всего Англию. Выходившие в Лондоне политические памфлеты резко критиковали правительство за невыполнение им обещаний, данных Карлу XII. Распространяя слухи о захватнических планах Петра I в Европе, английская дипломатия пустила в ход все средства запугивания союзников России.

Начавшиеся в 1718 году мирные переговоры русских и шведских представителей на Аландских островах прервала гибель Карла XII. Не без усилий Англии война возобновилась. Теперь Англия еще активнее стремилась помешать успехам России. Под ее давлением в 1720 году Дания заключила со Швецией сепаратный мир. Примирилась со Швецией и Пруссия. Наконец, Англия открыто встала на сторону Швеции, заключив с ней союз. В 1720 и 1721 годах английский флот дважды появлялся в Балтийском море — якобы для охраны шведского побережья от русских десантов. Впрочем, все закончилось лишь безрезультатной морской демонстрацией.

Что еще можно сказать о петровской дипломатии? Все нити ее управления Петр I крепко держал в своих руках. Как правило, он лично участвовал в переговорах, выполняя функции и посла, и министра иностранных дел. Тем не менее ко второй половине царствования его усилиями была создана школа умелых, тонких дипломатов, отлично ориентировавшихся в международной обстановке и действовавших с большим искусством и тактом. Одной из ведущих фигур в дипломатическом корпусе Петра I был А. И. Остерман.

Что еще можно сказать о политике Петра I? Ее всегда определяли долгосрочные стратегические планы. Базировались они главным образом на идее мирного существования России в европейском сообществе. В основу переговоров со Швецией, как указывал Петр I, должно быть положено «не только: мир заключить, но и обязаться дружбой... Когда между обеими державами прежняя вражда и зависть исчезнут, а вечная дружба установится, то не только можем себя от других обезопасить, но и баланс в Европе содержать». «Мы знаем, — писал Петр I А. И. Остерману в Ништадт, — что хотя мы через оружие свое и привели короля шведского к ус-



тупке всего нами завоеванного, но Швеция всегда будет искать возможность возвратить себе потерянное, и таким образом война не пресечется. Поэтому мы предлагаем следующий способ к искоренению всех ссор: если король уступит нам провинции, которые теперь за нами (кроме Финляндии), то мы обяжемся помочь ему вознаградить его потери в другом месте, где ему нужно».

Главными принципами дипломатии Петра I являлись политическая добросовестность и верность своим обязательствам. «Лучше можно видеть, — писал он, — что мы от союзников отставлены будем, нежели мы их оставим, ибо гонор пароля (честь данного слова. — Ю. К.) драже всего есть».

Глава 3. Третий генерал-адмирал князь М. М. Голицын

Один из сподвижников Петра I, главнокомандующий русским флотом Михаил Михайлович Голицын родился в 1681 году в Москве. Службу на флоте начал в 1703 году. Будучи послан в 1708 году Петром I за границу «для обучения морским наукам», почти десять лет служил на судах голландского флота. За это время трижды плавал в Архангельск и обратно, «был на Ост-зее¹, на Испанском и Мидетеранском² море до Венеции». По возвращении в 1717 году в Россию получил чин унтер-лейтенанта, в 1720 году стал лейтенантом, участвовал в Северной войне. Командуя отрядом галер, отличился 27 июля 1720 года в Гренгамском сражении.

Всю свою дальнейшую карьеру М. М. Голицын сделал после вступления на престол Екатерины I, «в эпоху упадка флота, господства протекции и придворных интриг». В 1726 году Адмирал-



*Генерал-адмирал М. М. Голицын.
Неизвестный художник.*

¹ Северное море. — Ред.

² Средиземное море. — Ред.



тейств-коллегия получила именной указ императрицы: «флота лейтенанту князю Михаилу Михайловичу Голицыну быть в присутствии Адмиралтейств-коллегии Советником и получать капитан-командорское жалование». Далеко не всем это пришлось по душе. При подписании очередного протокола участвующие в заседании коллегии «старшие капитаны полковничьего ранга Вильбоа и Мишуков заявили, что им неприлично подписываться ниже лейтенанта князя Голицына», хотя он и Советник коллегии. Президент Ф. М. Апраксин «отвечал, ежели они не хотят подписывать протокол, то могут выйти из Присутствия, а он доложит о сем Государыне. Мишуков поддержал свое звание и вышел вон, а Вильбоа подписался ниже Голицына». Впрочем, протекции у М. М. Голицына были, судя по всему, достаточно сильные. На следующий год он, хотя и был переведен на гражданскую службу, «повелено ему быть президентом Юстиц-коллегии», но произведен в капитан-командоры.

На флот М. М. Голицын возвратился в 1732 году уже вице-адмиралом на должность генерал-кригс-комиссара Адмиралтейств-коллегии. Это была береговая административная должность, связанная с распределением расходов на содержание флота, заготовкой различных материалов и инспектированием. С первого дня вступления в новую должность «не сошелся князь Голицын с президентом коллегии графом Н. Ф. Головиным, останавливая многие действия президентовы и редко соглашался с его предложениями», но и «живого духа в Адмиралтейств-коллегию, пропитанную тлетворным бюрократизмом, внести не смог». Конфликт с президентом закончился лишь в 1737 году. Шла война с Турцией и М. М. Голицыну «велено было Высочайшим указом ехать в Таврово, наблюдать за строительством флотилии». Между прочим, как только состоялось его назначение, то «представила коллегия Кабинету (императорскому. — Ю. К.), что Генерал-Кригс-Комиссар князь Голицын оставил без подписи 200 протоколов и ни каких мнений на оные не подал». Как пишет составитель жизнеописания М. М. Голицына В. Н. Берх, «что сказал на представление сие Кабинет, того не встретил я в делах».

С приездом в Таврово М. М. Голицын застал там вице-адмирала Н. А. Сенявина и контр-адмирала В. А. Дмитриева-Мамонтова, за-

нимавшихся тем же делом, что поручено и ему. «Сие многоначалие явилось поводом к разным неудовольствиям. Князь Голицын жаловался на сие Сенату и в феврале 1738 года последовал указ Сената, чтоб ему быть главным начальником над строением флотилии». Тем не менее, хотя М. М. Голицын и провел на Дону около двух лет, но не смог он не только выбрать место для строительства судов, но даже вывести в море построенные до него галеры. Вся его деятельность свелась к постройке одного бота и лодок, о типе которых всю войну шла бесконечная переписка с Адмиралтейств-коллегией.

С окончанием в 1739 году войны с Турцией М. М. Голицын был уволен с должности генерал-кригс-комиссара и определен астраханским губернатором. На губернаторской должности он пробыл недолго. С вступлением в 1741 году на престол Елизаветы Петровны «повелено ему было присутствовать в Сенате», а в 1745 году, будучи произведен в действительные тайные советники, М. М. Голицын был назначен послом в Персию.

«Можно полагать, что Елизавета Петровна была особенно благорасположена к князю Голицыну и готовила его в главные начальники над морской частью». В 1746 году он награжден орденом Св. Андрея Первозванного и произведен в адмиралы. Однако в указе «на предмет сей... сказано, что в сию должность вступить ему по возвращении из нынешнего посольства в Персии». В конце 1748 года М. М. Голицын приехал в Москву и в мае 1749 года направил в Адмиралтейств-коллегию сообщение, что «Ее Императорское Величество соизволила повелеть ему иметь над флотом команду». Как пишет уже упоминавшийся В. Н. Берх, «на предмет сей не нашел я никакого акта в делах..., надо полагать, что князь Голицын прислал помянутое сообщение по словесному повелению Императрицы». Адмиралтейств-коллегия отреагировала сдержанно — «сообщение сие принять к сведению».

В январе 1750 года М. М. Голицын приехал в С.-Петербург и известил Адмиралтейств-коллегию, что он «начинает в оной присутствовать». Коллегия определила: «Послать во все морские команды указы, дабы оные состояли у него под начальством и исполняли все повеления его. Ему же, Адмиралу князю Голицыну, —



поступать с оними по регламенту и Указам». Оскорбясь посланным к нему предписанием, М. М. Голицын прибыл в «Присутствие и объявил словесно, что императрица Елизавета Петровна, вступая на прародительский престол, повелела Адмиралтейству поступать во всем по Регламенту Родителя своего Императора Петра I. Поелику в оной так не поступают, то предлагает он, чтобы следовали непременно сему указу и повелели бы... доставлять ему рапорты о всех работах». Мнения членов коллегии разделились. Одни считали, «что течение дел оставить в настоящем порядке и рапортов к Адмиралу князю Голицыну не посылать», другие с ним согласились. Однако в голосах «было равенство без перевеса, и дело сие осталось без всякого положения». По-видимому, эта ситуация была доложена императрице, «ибо 7 апреля 1750 года повелено Адмиралу князю Голицыну быть президентом Адмиралтейств-коллегии».

Престарелый, больной, давно отошедший от флота, да и не обладавший организаторскими способностями М. М. Голицын, как глава флота, сосредоточил всю свою деятельность лишь на береговом строительстве. «Как истинный сын церкви», первое, что он сделал, — принял с ревностным усердием за постройку церкви в Адмиралтействе. Она была освящена во имя Захария и Елизаветы в 1755 году. По его инициативе завершилась постройка начатых еще Петром I кронштадтских каналов, облицованы камнем каналы С.-Петербургского гребного порта, построено каменное здание под «модель-камеру», в С.-Петербурге началось строительство Морского собора Св. Николая Чудотворца и т. д.

Получив накануне Семилетней войны, в 1756 году, чин генерал-адмирала, «за дряхлостью и болезнями» М. М. Голицын практически уже не мог руководить флотом. В 1760 году члены Адми-



Адмиралтейский канал в Кронштадте.

ралтейств-коллегии обратились к нему с вопросом, будет ли он принимать участие в делах. Генерал-адмирал ответил: «Хотя прежде по болезни и отказывался, но ныне мне уже лучше, а посему присылать мне реестры о всех слушанных делах». После этого он еще несколько раз приезжал в Адмиралтейств-коллегию, «но здоровье его было уже весьма расстроено, ибо в коллегии, — пишет В. Н. Берх, — до сих пор хранится кресло с длинными подножками, на коем вносили его в Присутствие».

Уволенный в 1761 году Петром III от службы, он был еще раз восстановлен в звании генерал-адмирала Екатериной II. Однако глубокая старость не позволила ему продолжать службу. Умер М. М. Голицын в 1764 году.

Морской собор Св. Николая Чудотворца

Еще с петровских времен западная окраина С.-Петербурга, его приморская часть на левом берегу Невы, традиционно почти полностью принадлежала Морскому ведомству. И сегодня здесь расположены многие здания, учреждения и организации, связанные с историей отечественного флота. Это — судостроительный завод «Адмиралтейские верфи», 1-й Морской госпиталь, склады Новой Голландии, дворец великого князя генерал-адмирала Алексея Александровича, казармы Гвардейского экипажа, дворец великого князя адмирала Александра Михайловича и другие.

В середине XVIII века эта часть столицы, расположенная в основном между тремя мостами — Поцелуевым, Торговым и Харламовым, — была застроена морскими казармами — невзрачными деревянными бараками. Была здесь и церковь, тоже деревянная, обветшавшая и невзрачная. Постройка Морского каменного собора, о чем неустанно заботился президент Адмиралтейств-коллегии «истинный сын церкви» князь М. М. Голицын, требовала денег. Взять их было неоткуда. Идея финансирования строительства собора родилась в Адмиралтейств-коллегии и, очевидно, не без участия самого М. М. Голицына. Дело в том, что еже-



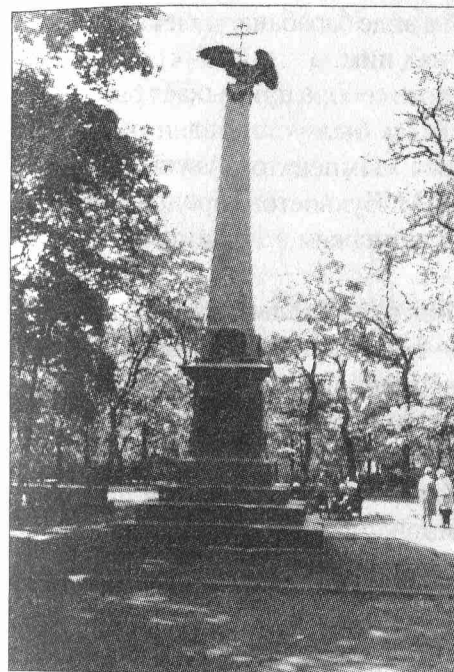
годно наводившийся через Неву наплавной Исаакиевский мост принадлежал Морскому ведомству, поскольку эксплуатировался он моряками. Исаакиевским он назывался по месту своего размещения: напротив площади, где шло строительство Исаакиевского собора, предшественника нынешнего. Мост давал Морскому ведомству незначительный, но постоянный доход — проход и проезд по нему были платными. Деньги шли в казну Адмиралтейств-коллегии. Их и решили использовать на строительство собора.

В 1752 году князь М. М. Голицын представил императрице Елизавете Петровне «на благоусмотрение Ея Императорского Величества предложение построить против Адмиралтейских казарм каменную церковь во имя Св. Чудотворца Николая. Ибо находящаяся в деревянных казармах деревянная церковь пришла уже в негодность». Императрица одобрила предложение и повелела Адмиралтейств-коллегии приступить «к сему благочестивому делу».

Строительство собора поручили архитектору Морского ведомства С. И. Чевакинскому. Это был один из талантливейших зодчих С.-Петербурга XVIII века. После рассмотрения и одобрения Адмиралтейств-коллегией представленного С. И. Чевакинским проекта и сметы строительства приступили к работам. Собор строился с 1753 по 1762 год. Когда строение было уже подведено под крышу, императрица повелела позолотить все пять куполов собора. Хотя отделочные работы еще продолжались, но освящение со-



Никольский Морской собор.



Памятник экипажу броненосца «Император Александр III», погибшему в Цусимском бою.

бора в присутствии императрицы Елизаветы Петровны состоялось 5 декабря 1760 года.

Во что же обошлось Морскому ведомству строительство собора? Как свидетельствуют архивные документы, на постройку собора было «употреблено 129 987 рублей 38 $\frac{1}{2}$ копеек. В сумме сей находилось денежного сбора с Исаакиевского моста 64 997 рублей 78 $\frac{1}{4}$ копейки и добровольных подаяний 3917 рублей 52 копейки».

Никольский Морской собор, как его стали называть в обиходе, является одним из прекраснейших архитектурных памятников С.-Петер-

бурга, выдающимся образцом стиля барокко середины XVIII века. Собор увенчан пятью золотыми куполами. Его фасады украшают колонны, стоящие на высоких постаментах. На фоне голубых стен белые колонны создают характерную для барокко игру светотени, невольно напоминая морскую стихию. Прекрасные лепные наличники обрамляют высокие стрельчатые окна.

Собор возведен двухэтажным. Обе церкви — нижняя и верхняя — поражают мастерством своего оформления. Особенно хороша верхняя, где интерьер, созданный талантом С. И. Чевакинского, дополняется великолепным деревянным резным иконостасом, выполненным резчиком «Адмиралтейского ведомства» Игнатием Канаевым.

Недалеко от собора, на самом берегу Крюкова канала, красуется под стать ему прекрасная по своим пропорциям и изяществу четырехъярусная колокольня. Три ее нижних яруса украшены ко-



лоннами. Верхний, выполненный в виде барабана, увенчан небольшим куполом с тонким шпилем над ним.

К комплексу зданий Никольского собора примыкает разбитый в 1860 году сквер. В 1908 году здесь был установлен памятник броненосцу Гвардейского экипажа «Император Александр III». Под командой капитана 1 ранга Н. М. Бухвостова броненосец доблестно сражался и погиб со всем экипажем в Цусимском сражении 14 мая 1905 года.

И сегодня Никольский Морской собор пользуется доброй славой у российских моряков. Еще после русско-японской войны 1904–1905 годов на стенах его верхней церкви были установлены памятные мраморные доски с названиями погибших кораблей. В наше время эту традицию продолжили. На многих мраморных досках здесь увековечены имена советских и российских подводников, погибших в море при выполнении своего воинского долга.

Глава 4. Великий магистр — генерал-адмирал император Павел I

Екатерина II хорошо помнила завет Петра I: «Всякий potentat¹, который единое войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет». Флот императрица не просто любила — лелеяла и пестовала. Отсюда и победы Ф. Ф. Ушакова, А. Г. Орлова, С. К. Грейга. Не случайно, что после восшествия на престол в 1762 году одним из первых указов императрица возвела наследника в звание генерал-адмирала. Указ звучал так: «Ревностное и неутомимое попечение Ея Императорского Величества о пользе государственной и о цветущем состоянии флота, желание с достоинством в том подражать Государю Императору Петру Великому подвигло Ея Императорское Величество всемилостивейше определить возлюбнейшего сына своего, наследника цесаревича и Великого Князя Павла Петровича еще при нежных младенческих летах в генерал-адмиралы». Великому князю тогда шел девятый год.

Надо сказать, что всерьез о подготовке наследника к морской службе и к руководству флотом практически никто и не думал. Хотя



Генерал-адмирал Павел I.

¹ Властелин. — *Ред.*

справедливости ради следует заметить, что на первых порах к флоту его и приучали. Очередной день «тезоименинства высокоповелительного генерал-адмирала» в 1763 году праздновался не только торжественно, но и с флотскими ритуалами. Поутру в 11 часов «все флагмана с морскими штаб- и обер-офицерами для принесения нижайшего поздравления собрались в покоях Его Императорского Высочества. Члены Адмиралтейств-коллегии поднесли своему генерал-адмиралу белый флаг с синим Андреевским крестом».

К литургии в Петропавловский собор императрица пожелала следовать на шлюпке под своим штандартом. Наследнику же, «яко генерал-адмиралу, и другим флагманам» велела быть под своими флагами. Прибыв на пристань, прежде всего приказал наследник поднять флаг, подаренный ему Адмиралтейств-коллегией. Как только на пристань «изволила приехать императрица, Его Императорское Высочество, как генерал-адмирал и командир флота, дал знак спустить на всех шлюпках флаги». После того как императрица села в шлюпку и наследнику велела быть при себе, «по велению Его Высочества флаги снова подняли». В дальнейшем подъёмы и спуски флагов в тот день по указанию «высокоповелительного генерал-адмирала» производились несчетное число раз. Августейший ребенок уже тогда проявлял чрезмерную любовь к ритуалам. По окончании молебна «производилась пальба с города, Адмиралтейства, с яхт и с галер. Яхты и галеры были расцвечены флагами».

В первое время «главный командир флота», еще подросток, изредка приезжал в Кронштадт и Адмиралтейств-коллегию. В «Материалах по истории флота России» за 1763 год можно прочитать, что 15 июля «Адмиралтейств-коллегия рассудила для пришествия Его Императорского Высочества в будущий пяток¹ в Кронштадт ехать туда вице-адмиралу Нагаеву, взяв с собой надлежащие дела и книги для поднесения от Морского Шляхетского корпуса». Месяц спустя «Его Императорское Высочество Великий князь Павел Петрович прибыл в 11 часов в Адмиралтейств-коллегию и объявил указ Ея Императорского Величества о делании яхты.

¹ Пятница. — Ред.



Учиненный всеподданнейший доклад о приготовлении к спуску кораблей с прочими членами Коллегии подписать изволил». После Адмиралтейств-коллегии юный генерал-адмирал посетил модель-камеру, где «...изволил осмотреть разным судам модели, потом заложил яхту и осмотрел мастерские. Из Адмиралтейства изволил выехать в 2 часа».

Некоторое время за подписью совсем еще юного генерал-адмирала в Комиссию по российскому флоту отправлялись вполне серьезные указания, например такие, как предложение об организации экспедиции для поиска северо-восточного прохода в Индию. «Недавно поднесена мне книга г. Ломоносова, — писал великий князь, — о проходе Сибирским океаном в Восточную Индию. Немалое, без сомнения, в коммерции произошло бы удобство и приращение, если бы оный проход был сыскан... Сообщая вам сие сочинение, прошу принять на себя труд и, рассмотрев оное, подать мне письменно мнение Ваше: 1) упоминаемые оные доводы не противны ли в чем мореплавательским правилам, 2) если оные во всем основательны, то каким образом точно приступить надлежит к предприятию, 3) в тайне хранить оное или начать открыто, 4) какие приготовления сделать, где и каком числе строить суда, 5) в какое время и откуда идти. Словом, что к успешному произведению в действие сего намерения потребно. Предлагая Вам на рассмотрение сие дело, не без оснований, мне кажется, почел я, что оно до Вас касается: Вам Высочайшим Ея И. В. позволением вверено рассуждать в собрании Вашем о состоянии российского флота и о утверждении морской силы российской... При рассмотрении приложенного сочинения может для лучшего объяснения быть и автор, о чем ему дать знать надобно». Письмо это, скорее всего, писалось не без участия самого М. В. Ломоносова.



Адмирал С. И. Морозов.

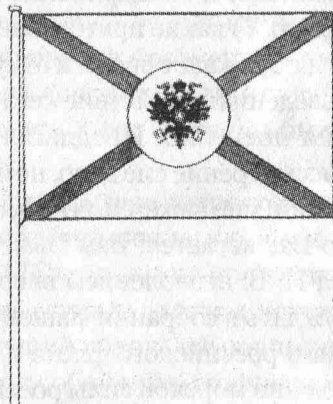


В дальнейшем приказы и указания генерал-адмирала все чаще звучали так: «За отсутствием моим в Кронштадте и за неимением времени морскую команду, состоящую в двух дивизиях, поручаю вам (С. И. Мордвинову. — Ю. К.), о состоянии которой и о всех приключениях имеете рапортовать мне по вся недели».

В море за всю свою жизнь генерал-адмирал практически так ни разу и не выходил. Сохранились лишь редкие упоминания о его посещении кораблей, главным образом, галер. Очевидно, слаженные, механически единообразные действия гребцов напоминали ему чем-то столь любезный его сердцу прусский шаг. Еще наследник любил маневры галер, подъемы и спуски флагов, салюты и прочие ритуалы. Одним словом, все то, что было связано с незамедлительным исполнением его сиюминутной воли. Вот как описывается в архивных документах, например, одно его посещение галер в 1766 году. После плавания по Финским шхерам в Петербург возвратилась галерная эскадра. В два часа пополудни на флагманскую галеру прибыл «Его Императорское Высочество Павел Петрович и приказал немедленно сняться с якоря и следовать в галерную гавань. В 5-м часу по словесному приказу Его Высочества подняли на флагманской галере „Надежда“ штандарт, по которому и был произведен салют. В 6-м часу вечера эскадра прибыла к галерной гавани, и Его Высочество съехал на берег».

Что и говорить, флот будущего императора не заинтересовал. Прусская шагистика, гатчинские вахтпарады да разводы караулов увлекали его куда больше. Тем не менее, при вступлении на престол в 1796 году Павел I звание генерал-адмирала с себя не снял.

Год спустя император России стал Великим магистром Мальтийского ордена (Ордена Св. Иоанна Иерусалимского). Событие



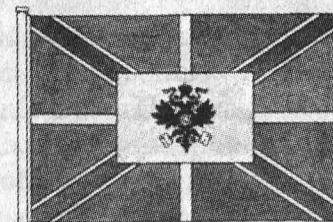
Флаг генерал-адмирала, учрежденный Павлом I в 1797 г.

это было беспрецедентным — российский император, глава русской православной церкви, возглавил католический орден, духовным отцом которого являлся сам папа Римский! Чем же был вызван такой шаг?

Европа переживала тогда трудное время. Революционный взрыв во Франции потряс весь континент. Французская революция угрожала королевской, императорской и прочей полуфеодальной Европе. Ходом событий в войну против революционной Франции оказалась втянута и Россия. Это было естественно. Вот высказывание Павла I о французской революции: «Я думаю о ней лихорадочно и говорю о ней с возмущением». В боях с наполеоновскими генералами в Италии, Швейцарских Альпах и на полях Австрии чудо-богатыри А. В. Суворова покрыли себя неувядаемой славой.

Французская революция поставила Мальтийский орден на край гибели. Орден потерял не только все владения на континенте, но и свою главную твердыню — остров Мальту. Именно после захвата Мальты французами и последовало обращение Ордена к Павлу с просьбой возглавить его. Впрочем, это был вполне логичный шаг. В течение многих веков главной целью Ордена являлось сдерживание натиска мусульман на Европу. Теперь свои многовековые функции Орден передавал России, стране, которая уже целое столетие вела успешную борьбу с Османской империей.

Заинтересована была в таком шаге и Россия. Готовясь к активному вмешательству в европейские дела, император прекрасно понимал выгодное стратегическое положение Мальты как базы русского флота. Так в лице Павла I как бы слились воедино интересы и устремления трех лиц: императора России, Великого магистра Мальтийского ордена и генерал-адмирала русского флота.



Флаг наследника цесаревича, утвержденный Павлом I в 1797 г.



К началу 1799 года в Европе сформировалась вторая антинаполеоновская коалиция. В ее состав вошли Россия, Англия, Австрия и Турция. Главная цель коалиции заключалась в изгнании французов из Италии. Одновременно Павел I стремился изменить обстановку и на Средиземном море, где вслед за Мальтой Франция захватила и Ионические острова. Их освобождение Павел считал важной задачей, но главной его целью все же была Мальта — остров, принадлежавший Ордену, Великим магистром которого он являлся.

Вскоре из России в Италию были посланы войска А. В. Суворова, а из Севастополя в Средиземное море направилась эскадра Ф. Ф. Ушакова. После блестящих побед Ф. Ф. Ушакова при взятии острова Корфу и изгнания французов с Ионических островов очередь стала за Мальтой. Однако командующий союзной английской эскадрой вице-адмирал Г. Нельсон всячески препятствовал действиям Ф. Ф. Ушакова против Мальты. На море Англия никогда не была искренней союзницей России. Победы Ф. Ф. Ушакова на Средиземном море пугали англичан не меньше, чем победы Наполеона в Европе и Египте. Между тем Павел I торопил Ф. Ф. Ушакова с взятием Мальты. Неожиданно в октябре 1799 года Ф. Ф. Ушаков получил просьбу Г. Нельсона помочь ему взять остров. На корабли в Неаполе были погружены три батальона гренадеров, присланных А. В. Суворовым в качестве будущего гарнизона Мальты, приняты полные запасы продовольствия и боеприпасов. Все было готово к последнему броску. Увы, быстро менявшаяся политическая обстановка в Европе и неоднократные предательства со стороны союзников заставили Павла I отозвать в Россию и А. В. Суворова, и Ф. Ф. Ушакова. Стратегическим устремлениям императора не суждено было стать реальностью. Мальта так и не стала российской.

Что же касается собственно деятельности Павла I как генерал-адмирала, то она, как и в его молодости, сводилась в основном к отработке слаженного маневрирования галер да потешным боям между ними. Вот лишь несколько эпизодов, характеризующих его деятельность в 1798 году. 14 июля генерал-адмирал повелел стоявшей на рейде гребной флотилии и придворным яхтам производить маневры. Флотилия, построившись в ордер баталии, маневриро-

вала против Монплезира¹. Его Императорское Величество прибыл на яхту. Затем по сигналу с яхты стали производить маневры. 23 и 24 июля на гребной флотилии в присутствии Его Императорского Величества происходили обычные маневры. 28 июля маневры происходили у Монплезира в присутствии Государя Императора. Монплефир защищали три плавучих батареи, атаку на них производили иолы². Атакующие имели флаги Иоанна Иерусалимского. После продолжительной атаки батареи одна за другой сдавались и поднимали флаги Иоанна Иерусалимского. По отбытии Его Императорского Величества в гавань служители поставлены были по рядам, вантам, штагам и прокричали 6 раз «виват!», на что с императорского катера отвечали единократным «ура!».

Что еще можно сказать о практической деятельности генерал-адмирала Павла I? В Гатчине в Английском саду на Белом озере по Высочайшему повелению были созданы небольшая гавань и верфь. К 1797 году здесь уже плавала целая флотилия из 24 судов: ялов, гондол, яхт. В их числе даже 19-пушечный фрегат «Эмпренабль» и 8-пушечная яхта «Миролюбивая». Некоторые из этих кораблей просуществовали до 1868 года.

Будучи убежденным в том, что он является единственным инициатором всех действий своих подданных, Павел настойчиво внедрял эти принципы и на флоте. Перед закладкой каждого корабля он требовал представлять ему на рассмотрение «чертежи оных, нехудо и модели, а в Петербурге без него не закладывать». Вмешиваясь во все, император стремился навести на флоте строжайший порядок и дисциплину! «Быв сегодня в Морском госпитале, к крайнему неудовольствию изволил найти все в неустройстве и запущении: больницы с замерзлыми окнами и запущенными стеклами, порция больным недостаточна и дурна. Для цинготных и венерических больных нет молочной порции». Порядки на флоте устанавливались день ото дня все строже и строже. «Государь император повелеть соизволил: приехавших сего числа из Кронштадта в Петербург мичманов... немедленно выслать к командам

¹ Любимый приморский дворец Петра I в Петергофе. — *Ред.*

² Небольшое парусное двухмачтовое судно. — *Ред.*



своим и впредь чтоб никто из офицеров без дозволения в С.-Петербург отпускаем не был». Император требовал, «чтоб флагманы и капитаны, равно и офицеры, от своих команд не отлучались и не ездили из Кронштадта в Петербург, а из Петербурга в Кронштадт и другие порты, не испросив на то дозволения».

Увы, подобные порядки устанавливались не только на флоте, но и по всей России. Впрочем, продолжалось это недолго. В ночь с 11 на 12 марта 1802 года Михайловский замок окружили гвардейские полки. Группа заговорщиков проникла в спальню императора и потребовала его отречения. Павел отказался. В возникшей драке он был зверски убит. В могилу современники проводили Павла I шуточной эпитафией: «Сюда, прохожий, но не очень близко! Здесь лежит Павел I. Молись, чтобы Господь избавил нас от второго!» Так, по существу, бездеятельно и закончилось почти сорокалетнее пребывание великого князя Павла Петровича, императора Павла I на посту генерал-адмирала Российского флота.

Галерный флот России

Галера — парусно-гребное судно, существовавшее в VII–VIII веках почти во всех флотах европейских стран. Впервые галеры появились в Венеции. Не случайно, создавая отечественный флот, за образцами этих кораблей и инструкциями Петр I обратился именно к Венеции. Ознакомившись во время путешествия за границу с техникой постройки и практикой управления парусным флотом, Петр I сам намеревался отправиться в Венецию специально для ознакомления с галерными делами. Увы, ему помешал стрелецкий бунт. Первые русские галеры с помощью итальянских мастеров были построены в Воронеже в 1696 году. Их гребцами стали осужденные на бессрочную каторгу стрельцы-бунтовщики и пленные турки. Впрочем массовое строительство галер в России началось лишь в 1703 году на Балтике, на Олонецкой верфи. Создание галерного флота на Балтийском море диктовалось его мелководьем, особенно в восточной части Финского залива, и наличием шхерных районов, стеснявших плавание крупных па-

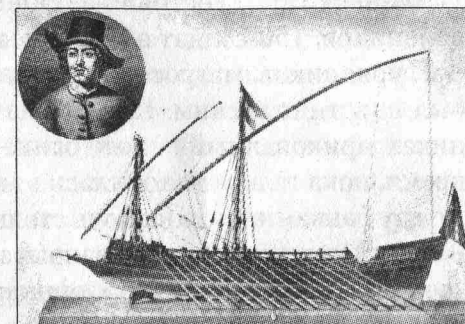
русских кораблей. 29 июля 1703 года на Олонецкой верфи при участии Петра I была заложена первая галера Балтийского флота «Святой апостол Петр».

Русские галеры представляли собой гребные суда длиной 35–40 метров, шириной 4,5–5 метров и осадкой около 3 метров. На корме галеры под деревянными дугами устанавливалась большая каюта. Сверху она прикрывалась тентом. Перед каютой имелся помост, огражденный перилами. На носу галеры была невысокая открытая надстройка. Вперед выступал бушприт, к которому крепился конец реи, несущей передний косяк парус. Как правило, галеры были 30-баночные, по пять-шесть гребцов на весло. В документах говорится о необходимости «60 колец больших, что невольников приковывают».

Весла изготавливались из березового леса. Поскольку толщина весла не позволяла грести, обхватив его ладонями, к нему приделывался деревянный брус с выточенными в нем ручками. Длина весла составляла около 13 метров и весило оно 94 килограмма.

Галеры имели, как правило, по две мачты. Каждая мачта несла по треугольному парусу, крепившемуся к косой рее. Мачты на галерах были съемными.

Артиллерийское вооружение галер было весьма мощным: 3 баковых орудия 6-фунтового калибра и по 16 1–2-фунтовых пушек, установленных вдоль бортов. Для захвата неприятельских кораблей имелись особые четырехрогие якоря. Они подвешивались на концах обеих реев. Сойдясь с противником вплотную, реи разворачивали в его сторону, делался залп из всех орудий и ружей, на неприятельское судно сбрасывались якоря, закрепленные тросами, и корабль противника подтягивался к борту. После использования ручных гранат abordная команда вступала в бой, но уже на борту неприятельского корабля.



Петр I в матросском костюме и галера 1696 г.



Экипаж галер состоял из 450–550 человек: 300 гребцов-невольников, 150 солдат абордажных команд, а также 70 офицеров, урядников, матросов и пушкарей. Труд гребцов на галерах был поистине адским. Каждый из них был в кандалах и наручниках, прикованный к своей банке¹, на которой он проводил все время, пока галера находилась в море. Спали гребцы на палубе между банками, куда на ночь стелилась кожа или войлок. В непогоду натягивался тент, закрывавший всех от дождя. Чтобы гребля была согласованной, офицер, стоявший на кормовой надстройке, свистком подавал команды. Порядок гребли был непрост: по приказу капитана и по свистку гребцы, вставая, толкали ручку весла вперед, потом, стоя, рывком откидывались назад и садились на банку. При рывке весла погружались в воду и галера двигалась вперед. Опытные гребцы делали до 26 гребков в минуту, что позволяло развить скорость до 6 узлов (около 11 километров в час. – *Ред.*).

Наряду с галерами строились и более мелкие парусно-гребные суда: скамповеи и бригантины. К весне 1704 года, всего лишь через год после выхода России в невольское устье, флот располагал уже достаточно сильным галерным флотом, состоявшим из 8 галер, 13 скамповей и 34 бригантин. Всего при Петре I было построено 305 галер, из них на Балтике – 203. Наиболее яркой победой галерного флота явилась победа при Гангуте. Не менее успешными были действия галер и на завершающем этапе Северной войны. Несмотря на присутствие в Финском заливе шведско-английского флота, русские галеры нападали и разоряли шведское побережье под самым Стокгольмом. Активно действовал галерный флот на Балтике и Черном море и во времена Екатерины II.

Просуществовал галерный флот в России до 1828 года.

¹ Сиденье для гребцов. – *Ред.*

Глава 5. Генерал-адмирал – реформатор Российского флота великий князь Константин Николаевич

Моряк с детства

Второй сын Николая I и императрицы Александры Федоровны родился 9 сентября 1827 года. Мальчика нарекли Константином. Назревала очередная война с Турцией, и не исключено, что выбор имени связан со стремлением навязать Константинополю свою волю в греко-турецком конфликте, который и привел вскоре к войне. По воле отца мальчик с раннего детства был предназначен к морской службе. Константину не исполнилось и четырех лет, когда император пожаловал ему звание генерал-адмирала и назначил шефом Гвардейского экипажа.



Император Николай I.

По установившейся традиции до восьми лет великие князья росли с няньками. В восемь они поступали в распоряжение воспитателей, начиналось их целенаправленное обучение. Трудно сказать, чем руководствовался отец, назначив Константину воспитателя не в восемь, а в пять лет. Возможно, предугадал незаурядные способности сына.



Воспитателем великого князя стал известный к тому времени мореплаватель и полярный исследователь капитан 1 ранга Федор Петрович Литке. Несомненно, выбор был тщательно продуман. Выходец из небогатой дворянской семьи, великий труженик, «обязанный всем своим обширным познаниям собственному труду», Ф. П. Литке стал прекрасным воспитателем эмоционального мальчика, а с возрастом — юноши с пылким характером.

Как записано в послужном списке Константина Николаевича, свой первый выход в море он сделал в 1833 году — «1-я и 2-я дивизии под начальством адмирала Кроуна» демонстрировали пятiletнему генерал-адмиралу свое маневрирование. На следующий год вместе с отцом Константин совершил плавание на пароходе «Геркулес» в Данциг и обратно. К этому времени он уже стал мичманом. Чины великим князьям жаловались не как простым смертным. Впрочем, и учиться, а особенно проводить летнее время не в детских играх, а в учебных плаваниях, они начинали тоже не как простые смертные — намного раньше.

На всю жизнь в памяти великого князя осталось его первое плавание по Финскому заливу. Потом их было много, более пятидесяти, но то было первое... Стоял чудесный солнечный июнь 1835 года. На Петергофском рейде отдал якорь бриг «Улисс». Все восхищало мальчика — и звонкая трель боцманских дудок, и drobный топот босых матросских ног, и умопомрачительная белизна тиковой палубы. Трудно сказать, когда Константин сам решил, что будет моряком. Скорее всего, позднее. Ведь в то лето ему не исполнилось еще и восьми.

Регулярные зимние занятия начались с осени 1835 года. Первое время учебные часы строго не регламентировались. Впоследствии их ежедневно, кроме выходных, было пять. Первый урок



Императрица Александра Федоровна.

начинался в 8 часов утра. Подъем в 7, умывание, обязательная гимнастика, завтрак — и на занятия. Послаблений никаких, отец был строг.

Помимо общеобразовательных предметов — русского языка, литературы, истории, алгебры, геометрии, физики и химии — преподавались и специальные науки: фортификация, артиллерия, тактика, маневрирование, пиротехника и другие. Изучались также теория права и теория православия. Языков было три — французский, английский и немецкий. Обязательными являлись домашние задания. Естественно, преподаватели подбирались самые лучшие. Например, по электромагнитному телеграфу лекции в 1845 году читал академик Б. С. Якоби. Судя по записям в дневнике, который регулярно проверял отец, Константин учился хорошо и с интересом.

В свое очередное учебное плавание великий князь отправился в 1836 году. Для этого под флагом ставшего уже контр-адмиралом Ф. П. Литке был сформирован отряд, состоявший из фрегата «Паллада», корвета «Князь Варшавский», брига «Патрокл», шхуны «Доледа» и тендера¹ «Лебедь». Отряду предстояло пятнадцатидневное плавание по Финскому заливу с посещением Ревеля, Свеаборга и Гангутского рейда.

На фрегат «Паллада» великий князь прибыл из Петергофа рано утром 4 июля. «По прибытии Его Высочества отслужили молебен о благополучном плавании и направились к острову Гогланд. По пути производили разного рода учения». В вахтенном журнале «Паллады» можно прочитать, что «во время пушечных учений Его Высочество с другими кадетами находился у пушек».

С приходом 7 июля к Гогланду Константин обошел на пароходе «Геркулес» находившийся там флот и подробно осмотрел фрегат «Галлона». На следующий день, обогнув Гогланд, Ф. П. Литке направились в Ревель. После знакомства с крепостью, городом, православным и лютеранским соборами «отряд вступил под паруса и 12 июля прибыл в Свеаборг». Сюда же с гардемаринами пришли

¹ Малый парусный военный корабль, предназначенный для разведывательной, дозорной и посыльной службы. — *Ред.*



фрегаты «Нева», «Мария» и «Венера». Осмотрев суда обоих отрядов, Константин посетил Свеаборгскую крепость и некоторые острова. Спустя день подошли к Гангуту.

Точно к назначенному сроку в ночь на 20 июля отряд возвратился в Кронштадт. «В 7 часов утра Его Высочество, простясь с командиром, офицерами и командой, изволил пересест на пароход „Иматра“, и убыть в Петергоф». Таким было первое учебное плавание юного моряка. Что и говорить, даже при всех возможных условиях корабельного комфорта для девятилетнего мальчика это была нагрузка.

С 1836 года летние учебные плавания стали регулярными. Первые четыре года Ф. П. Литке посвятил изучению Финского залива. Со своим воспитанником он обследовал буквально все его уголки: острова, маяки, шхеры, береговые укрепления, солдатские казармы, лазареты и т. д. Все осматривалось не спеша и детально. Можно смело утверждать, что Финский залив, эту колыбель отечественного флота, великий князь с детства знал как свои пять пальцев.

Далее последовали Аландский архипелаг, острова Готланд, Эланд, Борнхольм, центральная и южная Балтика. Интересная деталь: по мере взросления и укрепления детского организма увеличивалась и продолжительность плаваний. В 1836 году она составила 15 дней, в 1837 году — 22, в 1838 году — 28, в 1839 году — 34, в 1840 году — 42, в 1841 году — 50. Возрастала и нагрузка на юного моряка. В дневнике и вахтенных журналах все чаще встречаются упоминания о его непосредственном участии в учениях по перемене парусов, рей, стрельбе и других практических упражнениях. Так, при плавании в 1840 году на фрегате «Аврора» упоминается, что «Великий князь занимался различными практическими работами: упражнялся в брании рифов, перемене парусов, рей, участвовал в пушечной экзерции¹ примерно и с пальбой в цель». Находящиеся в море эскадры часто подходили к отряду Ф. П. Литке, демонстрируя великому князю свое маневрирование. Так, 18 июля 1839 года по сигналу с парохода «Геркулес», на

котором находился Константин, люгеры¹ «Петергоф» и «Ораниенбаум» производили «примерную атаку с пальбой из орудий».

Внутренние плавания по Балтийскому морю Ф. П. Литке завершил в 1843 году. Последним пунктом маршрута 1842 года стал Копенгаген. Следующий год был посвящен подробному изучению Ботнического залива, финских шхер и портов Финляндии. В дневнике записано: «25 мая у Гельсингфорса производились маневры на гребных судах, в которых участвовал Его Высочество, а 26 мая делали различные опыты с орудиями, свезенными на берег. На баркасе фрегата „Екатерина“ занимались новым устройством для поднятия якорей и верпов».

Первое знакомство с океаном состоялось в 1844 году. «Для Его Высочества был составлен в Архангельске отряд из вновь построенных там судов: корабля „Ингерманланд“ и фрегата „Константин“». На «Ингерманланде» лейтенант Константин Николаевич шел уже не просто учеником, а командиром фок-мачты, вахтенным начальником.

До Архангельска добирались внутренним водным путем. На пароходе «Ладога» — вверх по Неве, Ладожскому озеру с заходом на острова Валаам, Коневец и в Лодейное Поле. Далее — плавание по Онежскому озеру с посещением Петрозаводска. «Здесь на литейном заводе в присутствии генерал-адмирала произведена была проба чугунных орудий, отлитых для Балтийского и Черноморского флотов». Из Вытегры сухим путем добирались до Косногорской станции на Северной Двине и далее на пароходе в Архангельск. Перед отправлением в плавание, естественно, посетили Соловецкий монастырь.

Переход из Архангельска в Кронштадт занял ровно месяц. Заход был всего один — в Копенгаген. Шестнадцатилетний юноша хорошо запомнил это свое первое заграничное плавание. То был экзамен, экзамен морем, и он его выдержал. Впервые великий князь узнал, что такое Баренцево море и чем оно отличается от Балтийского, впервые испытал на себе штормовую погоду в Северной Атлантике. Своим учеником воспитатель был доволен. Теперь он мог

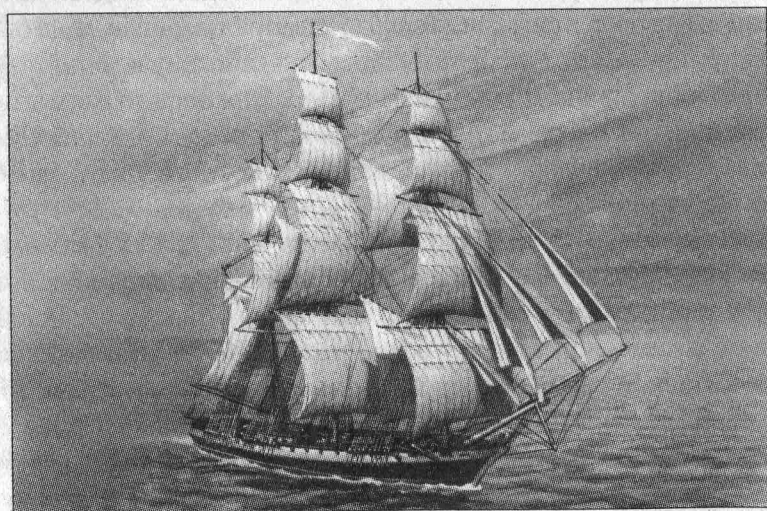
¹ Упражнение. — Ред.

¹ Небольшие парусные суда. — Ред.



смело докладывать государю — моряк состоялся. Больше того, с возвращением в Кронштадт по рекомендации Ф. П. Литке Константин был назначен командиром брига «Улисс». На нем он совершил несколько самостоятельных плаваний по Финскому заливу — дальше молодого командира пока не пускали.

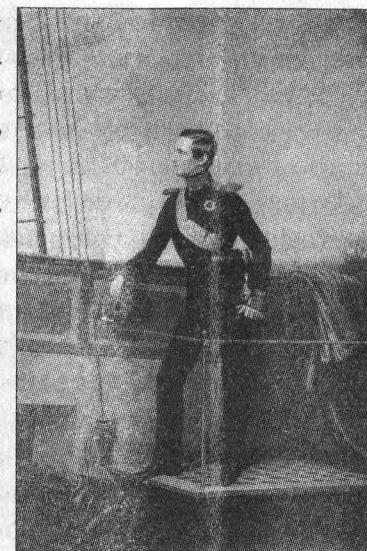
Впрочем, не прошло и трех месяцев, как великий князь снова отправился в дальнее плавание, на этот раз — в Средиземное море. Предстояло знакомство с портами Испании, Франции, Италии. Кронштадтский рейд «Ингерманланд» покинул 10 октября 1844 года. Осенние штормы не замедлили напомнить о себе. «Выдержав бурю необычайной жестокости, в Копенгаген прибыли 20 октября». После короткого перехода и непродолжительной стоянки на Плимутском рейде плавание продолжили. 13 декабря находившаяся в Палермо императрица встретила сына. В Средиземном море великий князь стал старшим офицером — сначала корвета «Менелай», затем фрегата «Флора». Свои новые обязанности он выполнял грамотно, профессионально. В августе 1845 года плавание завершилось знакомством с Севастополем, Николаевом, Херсоном, Таганрогом. На этот раз великий князь находился в плавании почти 10 месяцев.



44-пушечный фрегат «Паллада».



Последующие кампании Константин проводил большей частью на «Палладе». Снова Атлантика, Северное и Средиземное моря. И так вплоть до совершеннолетия: зимой — учеба, увлеченно, но с напряжением и под неусыпным оком отца, летом — море. Совершеннолетие в ту пору отмечалось в 20 лет. Можно смело утверждать, что к этому времени великий князь был уже профессиональным моряком. В августе 1846 года Константин Николаевич стал капитаном 1-го ранга и на Спидхетском рейде вступил в командование фрегатом «Паллада». Успешно приводя его в Кронштадт, две последующие кампании он плавал командиром «Паллады».



Августейший командир фрегата «Паллада» капитан 1-го ранга великий князь Константин Николаевич.

В 1849 году морская служба Константина Николаевича неожиданно прервалась. Несмотря на то, что он только что отпраздновал свадьбу, надо было ехать на войну. Армия И. Ф. Паскевича двинулась в Венгрию, и по воле отца Константину следовало находиться там. Из похода великий князь систематически писал императору обстоятельные письма. Государь говорил, что именно по ним он составлял себе полное представление о характере военных действий. Кампания была непродолжительной, но война есть война. На ней всегда стреляют. Судя по реляции И. Ф. Паскевича, великий князь постоянно «разделял с войсками все труды похода... оставался под смертоносным действием неприятельских батарей... находился под самым сильным ружейным огнем, отличаясь мужеством и самоотвержением». Трудно сказать, чего здесь больше — правды или желания угодить императору (ведь люди всегда остаются людьми), но именно так записано в представлении Константина к ордену Св. Георгия 4-й степени.

Впрочем, справедливости ради следует заметить, что к робкому десятку великий князь не принадлежал никогда. Чувство долга в



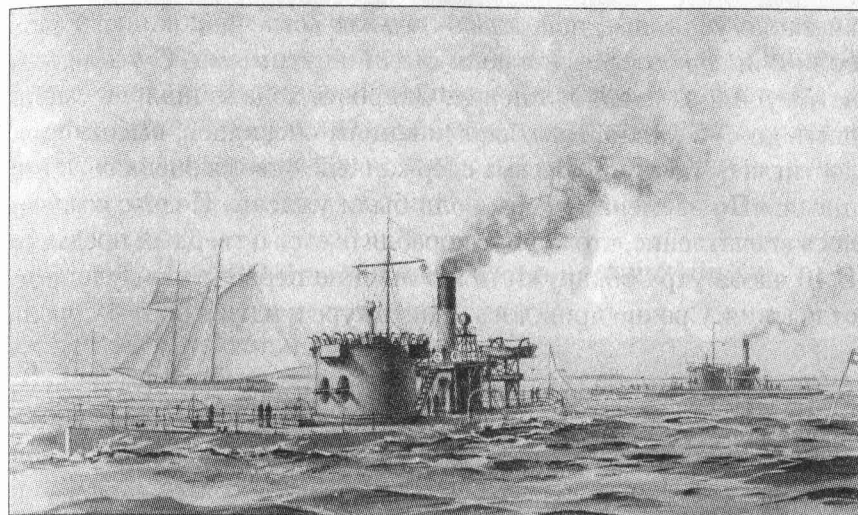
его действиях всегда превосходило ощущение личной опасности. Вот лишь несколько примеров.

Национально-освободительное движение в Польше грозило перерасти во всеобщее восстание. Чтобы это предотвратить, наместником государя в Царстве Польском был назначен прославивший либералом Константин Николаевич. 15 июля 1862 года на его предшественника было совершено покушение. Стреляли дерзко — в упор, в лицо. Несмотря на это великий князь с женой на следующий же день выехал в Польшу. Прошли сутки, и в него тоже выстрелили — так же дерзко, так же в упор. Живым великий князь остался только благодаря счастливой случайности и эполету.

Это событие в своем дневнике он описал так: «...Потом один в театр. Страделла¹. Не слишком дурно. После второго акта хотел отправиться. Только сел в коляску, выходит из толпы человек, я думал — проситель. Но он приложил револьвер мне к груди в упор и выстрелил. Его тотчас схватили. Оказалось, что пуля пробила пальто, сюртук, галстук, рубашку, ранила меня под ключицей, ушибла кость, но не сломала ее, а тут же остановилась, перепутавшись в шнурке от лорнетки с канителью от эполета. Один Бог спас. Я тут же помолился. Какой-то доктор мне сделал первую перевязку. Телеграфировал Саше (Александру II. — Ю. К.). Общее остервенение и ужас. В 11 часов в карете с сильным эскортом воротился в Белведер. Сказал жинке (обычное выражение великого князя. — Ю. К.), чтобы не было испуга. Дома другая перевязка. Дрожь скоро прошла».

А вот второй пример. Опасаясь войны с Англией и Францией, грозивших в связи с польскими событиями высадить десант и захватить Петербург, Россия в 1863 году в срочном порядке, кстати, по инициативе великого князя и при его активном участии, создала подвижную броненосную оборону Кронштадта и столицы. Ее основу составили мониторы — однобашенные броненосцы, предназначенные исключительно для плавания в Финском заливе. Высота их борта не превышала 25–30 сантиметров. Однако шло время, и возникает новая идея: а нельзя ли использовать эти кораб-

¹ «Страделла» — опера немецкого композитора Флотова. — Ред.



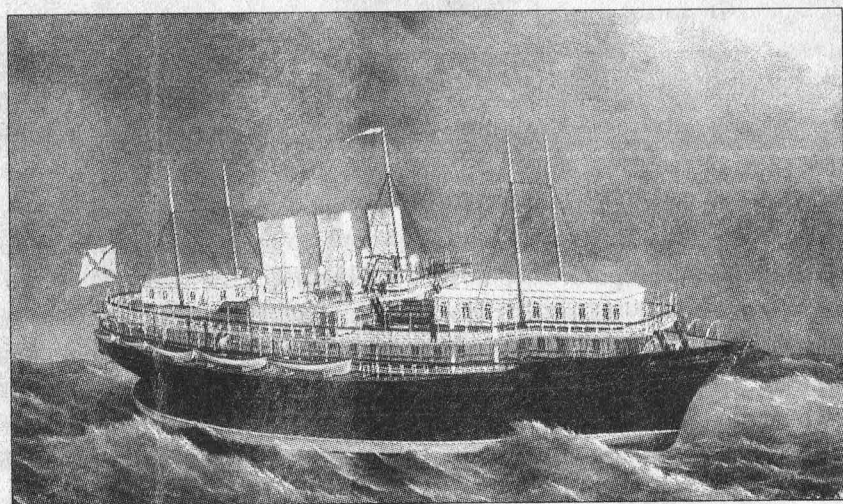
Однобашенные мониторы «Ураган» и «Смерч» на Транзундском рейде.
Высота их борта не превышала 25–30 см.

ли и в открытом море? И вот в 1865 году отряд мониторов под флагом генерал-адмирала отправился в Швецию. Цель похода — проверить мониторы в открытом море. Морякам повезло: погода стояла благоприятная, плавание прошло успешно. Но это был риск, и немалый. По едва возвышавшимся над водой палубам мониторов почти постоянно гуляла волна. Выход на верхнюю палубу был небезопасен. А если свежий ветер? Крутая балтийская волна в любой момент могла стать роковой. Что и говорить, на мониторах плавали люди неробкого десятка.

И еще один эпизод. По заказу Морского министерства в Англии строилась императорская яхта «Ливадия». Спроектированная адмиралом А. А. Поповым яхта имела необычный «круглый» корпус. В сентябре 1878 года она была готова. Ее переход из Гриника в Севастополь планировалось совместить с мореходными испытаниями. 3 октября яхта покинула Гринковский рейд. В качестве гостей на ее борту находились английские инженеры и, в частности, известный кораблестроитель Э. Рид. В Бресте на борт поднялся великий князь Константин Николаевич. Плавание через Бискайский залив продолжалось под его флагом. Сначала переход проходил в благоприятных условиях. Однако к полуночи 8 октября ветер



внезапно усилился, поднялась сильная встречная волна. Удары волн в носовую часть корабля стали ощутимыми. С усилением ветра усиливалось и волнение. Скорость хода пришлось уменьшить до 4–5 узлов. По воспоминаниям очевидцев, высота волн достигла 6–7 метров. Весьма сдержанный в своих оценках Э. Рид писал: «По временам удары волн были ужасны. Подчас создавалось впечатление, что корпус корабля бьется о твердый предмет». В 10 часов утра обнаружили затопление первого междудонного отделения. Срочно пришлось менять курс и идти в порт Ферроль.



Императорская яхта «Ливадия». Третье «круглое» судно А. А. Попова состояло из верхнего корпуса, как бы поставленного на полупогруженный эллиптический понтон.

Каким же образом ведомая опытными моряками «Ливадия» оказалась в самом центре шторма, да еще долгое время шла против волны? Ответ на этот вопрос дает Э. Рид. Он прямо считал, что генерал-адмирал не хотел упустить удобного случая «провести обстоятельные испытания яхты, и потому мы направились в самую пасть бискайского циклона». Каков был риск подобных испытаний, можно судить по тому, что в Феррольской бухте водолазы обнаружили в носовой части судна 5-метровую вмятину с разрывами и трещинами в обшивке. Оказались погнуты и сломаны шпангоуты, затоплены пять бортовых и одно междудонное отделение.



Резонно спросить, а нужно ли было генерал-адмиралу лично возглавлять поход мониторов в Швецию и лично участвовать в мореходных испытаниях «Ливадии»? Наверное, нет. Но его любимым выражением всегда была французская поговорка: «Nobless oblige» — «Положение обязывает».

Ф. П. Литке — моряк, ученый, воспитатель

Выходец из семьи обрусевших немцев, Федор Петрович Литке родился в Петербурге в 1797 году. Первые сведения о его деде относятся к 1735 году, времени его приезда в Россию. Известно, что в 1745 году он был пастором в одном из лютеранских приходов Москвы. Отец — П. И. Литке — служил таможенным чиновником в Петербурге. Увы, с рождением сына Федора счастье в семье отца окончилось, жена умерла через два дня после родов. Вскоре отец женился. О своем детстве Ф. П. Литке вспоминал всегда с грустью. Отец запомнился ему неласковым, постоянно чем-то озабоченным.



Адмирал Ф. П. Литке.

«Я не помню, чтобы он когда-нибудь меня приласкал, хотя бы потрепал по щеке, но трепку другого рода мне случалось испытывать, большей частью по наговорам мачехи». С детских лет Ф. П. Литке пристрастился к чтению книг. Все свободное время он проводил в богатой библиотеке своего дяди.

Важным событием в жизни Ф. П. Литке стало замужество сестры, вышедшей в 1810 году замуж за морского офицера И. С. Сульменова. «С самой первой минуты нашего знакомства, — вспоминал Ф. П. Литке, — он полюбил меня как сына, а я его как отца». С переездом Сульменовых в Кронштадт Ф. П. Литке часто наве-



щал их. Подружившись с матросами парусного бота, перевозившего пассажиров из Петербурга в Кронштадт, он слушал их рассказы о морской службе, о географических открытиях, о морских сражениях, иногда участвовал в постановке парусов, даже стоял на руле.

В 1813 году Федор Литке сдал экзамены на присвоение первого офицерского чина. Морской министр представил ходатайство государю: «Дворянин Литке,... обученный собственным изданием наук, принадлежащим до мореплавания, просит принять его на службу во флот». Резолюция царя была краткой: «Гардемарином на одну кампанию». Шла война с Наполеоном, и гелиот¹ «Аглая», на котором служил гардемарин Ф. П. Литке, направился в составе флотилии канонерских лодок к занятому французами Данцигу. В бою за город Ф. П. Литке проявил незаурядную распорядительность. «За отменную храбрость, оказанную при осаде с морской стороны Данцига» он был награжден орденом Св. Анны 4-й степени и вскоре досрочно стал мичманом.

Подошла пора самостоятельной службы. В феврале 1815 года напутствуемый слезами сестры и крепким мужским объятием И. С. Сульменова Ф. П. Литке отправился в Свеаборг. Однако служить ему там довелось недолго. Весной 1816 года он получил от И. С. Сульменова письмо. «Я тебя запродаю; снаряжается на будущий год экспедиция в Камчатку под начальством В. М. Головнина, который по просьбе моей обещал взять тебя с собой». В те годы имя командира легендарной «Дианы» В. М. Головнина, только что совершившего полное приключений отважное плавание в Японию, не сходило с уст молодых офицеров. Идти в кругосветное плавание под его командой для молодого моряка было честью и большим счастьем.

Более двух лет продолжалось кругосветное плавание шлюпа «Камчатка». Именно оно сделало Ф. П. Литке не только опытным моряком, но и определило его научные интересы. То же можно сказать и о его соплавателе на «Камчатке», ставшем с тех пор его самым близким другом, Ф. П. Врангеле. После возвращения из кругосветного плавания лейтенант Ф. П. Литке продолжал

служить на Балтике. В 1820 году на линейном корабле «Три Святителя» он совершает переход из Архангельска в Кронштадт. На следующий год по рекомендации В. М. Головнина Ф. П. Литке назначен начальником научной экспедиции по обследованию Новой Земли. Шутка ли сказать, в 23 года командир военного брига и начальник научной экспедиции! «А было о чем задуматься, — писал через 50 лет Ф. П. Литке, — я убедился, что мне многого недоставало и со стороны опытности, и со стороны характера, чтобы быть вполне способным начальником такой экспедиции».

Для плавания в ледовых условиях был построен специальный бриг «Новая Земля». Он имел водоизмещение 200 тонн и усиленную, обшитую медью подводную часть. Экипаж брига состоял из 43 человек. В конце июня 1821 года экспедиция вышла в море. Плавание небольшого судна среди льдов было делом нелегким. Требовалось огромное напряжение сил и высокая выучка всего экипажа. Уже при выходе из Белого моря бриг сел на не нанесенную на карту мель. Был отлив, и вскоре судно совершенно обсохло. «Бриг в полном вооружении, — вспоминал Ф. П. Литке, — стоящий на песчаном острове... посередине моря, коему не видно пределов,... около него люди... иные осматривающие подводную часть,... другие делающие астрономические наблюдения, еще другие прохаживающиеся беспечно по песчаной площадке;... все это составляло необыкновенную картину». Только четкая работа экипажа и распорядительность командира позволили с честью выйти из необычной ситуации.

Вслед за первой новоземельской экспедицией последовали еще три. Продолжались они ежегодно вплоть до 1824 года. Два года после возвращения из Арктики ушли на обработку обширных материалов. Ее результатом явилась книга «Четырехкратное путеше-



Адмирал Ф. П. Врангель.

¹ Старинное двухмачтовое грузовое судно. — Ред.



ствие в Северный Ледовитый океан на военном бриге „Новая Земля„ в 1821–1824 годах». Молодому исследователю книга принесла признание и широкую известность. Прекрасное знание морского дела и настойчивость, проявленные в арктических походах, выдвинули Ф. П. Литке в число лучших офицеров флота. Не случайно, когда возник вопрос о назначении командира на отправлявшийся в кругосветное плавание с заходом в Русскую Америку¹ шлюп «Сенявин», выбор пал на капитан-лейтенанта Ф. П. Литке.

Кронштадт «Сенявин» покинул в августе 1826 года. На пути были Рио-де-Жанейро, мыс Горн. В Новоархангельск — центр русских владений в Америке — «Сенявин» пришел в июне 1827 года. Следуя традициям русских мореплавателей, на «Сенявине» под руководством командира велись обширные метеорологические, астрономические, гидрологические и магнитные наблюдения. Большие исследовательские работы проводились и при стоянках в портах. Участники экспедиции совершили несколько плаваний для изучения Берингова моря и экваториальной части Тихого океана. Затем пересекли Индийский океан и в сентябре 1829 года, обогнув мыс Доброй Надежды, вернулись в Кронштадт. Свое плавание Ф. П. Литке описал в вышедшем в свет трехтомном труде «Путешествие на военном шлюпе „Сенявин“ в 1826–1829 годах». Вскоре книга была переведена на многие европейские языки. В научном мире имя Ф. П. Литке получило широкую известность. Он стал членом-корреспондентом Российской академии наук и был произведен «через чин» в капитаны 1 ранга. Полный сил и энергии Ф. П. Литке мечтал о новых путешествиях и исследованиях, однако плавание на «Сенявине» стало его последней научной экспедицией.

В ноябре 1832 года в жизни Ф. П. Литке произошли важные перемены. О них он узнал во время беседы с царем и царицей при представлении по поводу производства во флигель-адъютанты. Николай I предложил ему стать воспитателем великого князя Константина Николаевича. «Я ответил, — писал Ф. П. Литке, — ...что

¹ Неофициальное название русских владений в XVIII–XIX вв. в Северной Америке (Аляска, часть Северной Калифорнии, Алеутские острова). — *Ред.*

воля Государя для меня закон и если Его Величеству угодно будет повелеть, то мой долг — повиноваться».

Великому князю тогда шел шестой год. За свои новые обязанности Ф. П. Литке взялся по обыкновению с полной ответственностью. Скоро он вошел в курс дела и через год стал своим человеком при дворе. Со своим воспитанником Федор Петрович находился практически безотлучно. В 1834 году он писал Ф. П. Врангелю: «В 9 часов утра вступаю в гувернантские свои права и пользуюсь ими до 9 часов вечера, когда Вел. Кн. ложится спать; ночь проводит с ним еще старая его нянюшка, но с лета, кажется, поступает он совсем в мои руки, тогда буду и спать с ним». Действительно год спустя Ф. П. Литке пишет: «С исполнением генерал-адмиралу семи лет нянюшки прочь и он поступил совершенно на руки дядьки, который с утра до вечера остается с ним безотлучно, а с вечера до утра с ним вместе спит; то есть он на бессменной 24-часовой вахте по 7 дней в неделю. Прибавь к этому заботу о хозяйстве и тысячи маленьких забот,... пересыпь все это ответственностью, беспокойством, а иногда для переменки и неприятностями и ты получишь маленькое понятие существа теперешней моей обязанности». Впрочем, Константина Ф. П. Литке искренне полюбил. Общение с любознательным, пылким и открытым мальчиком доставляло не только хлопоты, но и несомненное удовольствие.

Справедливости ради надо сказать, что и воспитанник прикипел душой к воспитателю. При его отсутствии великий князь, скупавший без своего ученого «дядьки», постоянно писал ему письма, исповедовался в своих детских грехах. «У меня теперь три отца, — пишет он Федору Петровичу, — вездесущий Отец небесный, Папа, который в то же время и мой государь, и Ты, который всегда печется о моем счастье. Как возможно не быть счастливым в таком семействе!!!».

К середине 1840-х годов по мере взросления великого князя возможностей для научной и общественной деятельности вне императорского двора стало больше. К этому времени относятся и первые шаги Ф. П. Литке по организации Русского географического общества. Разработанный им проект устава общества был одобрен на собрании учредителей. В их число вошли такие видные ученые



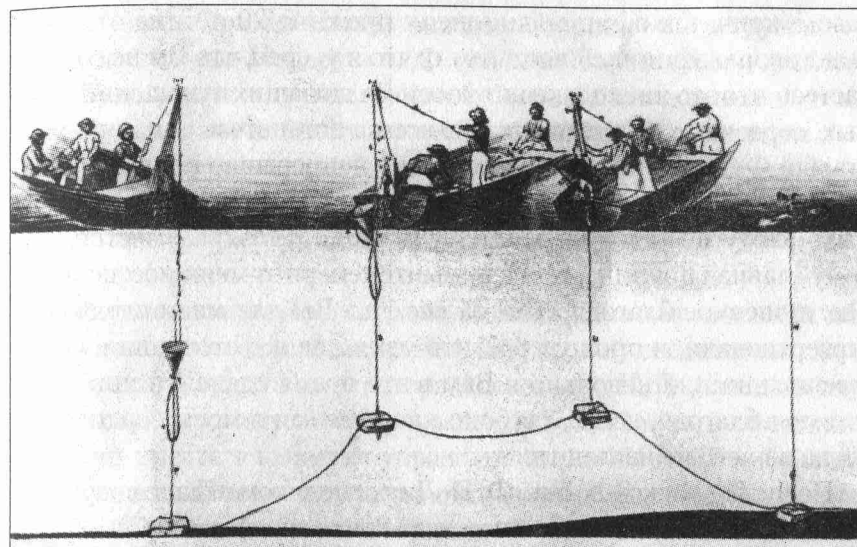
военные, военные и военно-морские деятели, как Ф. Ф. Берг, К. М. Бэр, Ф. П. Врангель, В. И. Даль, И. Ф. Крузенштерн, Э. Х. Ленц, П. И. Риккорд, В. Я. Струве и другие. В сентябре 1845 года общее собрание учредителей единодушно избрало Ф. П. Литке вице-президентом вновь созданного Русского географического общества. Президентом общества стал его юный воспитанник восемнадцатилетний великий князь Константин Николаевич. При активном участии Ф. П. Литке Русское географическое общество развернуло широкую программу научных экспедиций. Несомненно, этому способствовала и его близость к императорской семье. Крупные экспедиции были направлены на Урал, в Сибирь, Забайкалье, Туркестан, на Каспийское и Аральское моря.



Академик Э. Х. Ленц.

В 1846 году вице-адмирал Ф. П. Литке стал председателем Морского ученого комитета. К этому времени отечественный флот накопил уже большой опыт кругосветных и дальних плаваний. Все заметнее становилась зависимость флота от науки. В связи с этим остро ощущалась необходимость создания специального морского журнала, на страницах которого передовые офицеры могли бы обсуждать волнующие их вопросы. Для учреждения такого журнала Ф. П. Литке употребил все свои связи и возможности. Лично разработав его программу, он добился ее «высочайшего» утверждения. Первый номер «Морского сборника» вышел в 1848 году.

В 1850 году Ф. П. Литке вновь возвратился к строевой службе. В течение трех лет он являлся главным командиром Ревельского порта и военным губернатором Ревеля, а во время Крымской войны — Кронштадта. Непосредственно под его руководством была разработана система обороны крепости и побережья Финского



Постановка мин Нобеля под Кронштадтом в 1854 г. С акварели Э. Нобеля.

залива, в частности на подходах к Кронштадту были выставлены минные заграждения из мин Якоби и Нобеля. Далеко не последнюю роль в их создании сыграл Ф. П. Литке. Когда противник предпринял несколько попыток овладеть подступами к Петербургу, он встретил организованный отпор. Понеся потери на русских минах, эскадра союзников вынуждена была покинуть Балтику.

Все эти годы редкий рабочий день обходился без того, чтобы на столе Ф. П. Литке не появился объемистый пакет с просьбой-приказанием Константина Николаевича дать заключение по тому или иному документу или просто совет по какому-либо затруднительному вопросу. Подробнейшим образом вникая во все детали, Ф. П. Литке всегда добросовестно исполнял волю своего августейшего воспитанника.

Надо сказать, что и отношение великого князя к Федору Петровичу отличалось любовью и глубоким уважением. В сентябре 1852 года Ф. П. Литке получил от своего бывшего воспитанника письмо. «Любезный Федор Петрович! Через два дня мне минет 25 лет и с тем вместе кончится Ваше попечительство. Таким об-



разом, кончатся официально наши прежние 20-летние отношения, говорю официальные, потому что я уверен, что Вы не сомневаетесь, что это нисколько не относится до наших отношений личных, сердечных и душевных. Вы всегда останетесь для меня мой старый Федор Петрович, с которым я непрерывно провел 16 лет, и если Господь Бог меня удостоит хоть чем-нибудь быть полезным флоту в моем теперешнем положении, то, разумеется, Вы тому главная причина. Итак, примите теперь от меня мое: искреннее, душевное благодарение за все, что Вы для меня сделали и пожертвовали, и прошу простить меня... за все огорчения, которые вольно или невольно я Вам в это время сделал, и поверьте, что моя благодарность, глубоко начертанная в моем сердце, никогда из него не изгладится».

После Крымской войны Ф. П. Литке целиком отдался научной деятельности. С 1864 года и почти до конца своей жизни он являлся президентом Академии наук. Хотя научные интересы Федора Петровича целиком и полностью были связаны с Российским географическим обществом, его деятельность в Академии наук была чрезвычайно широка — от заметок по поводу сборника пословиц и поговорок В. И. Даля до активного участия в расширении существующих и создании новых научных учреждений. Так, по инициативе Ф. П. Литке была создана магнитно-метеорологическая обсерватория, значительно расширили свою деятельность Главная физическая и Пулковская астрономическая обсерватории. Более 20 лет Ф. П. Литке являлся руководителем Русского географического общества. В ознаменование его заслуг перед отечественной географией Общество учредило Большую золотую медаль имени Ф. П. Литке. Этой награды удостоены многие крупные отечественные географы.

Выдающийся мореплавателю и ученый адмирал Федор Петрович Литке посвятил всю свою жизнь русскому флоту и отечественной науке. Его имя носил ледокол, сыгравший большую роль в истории арктического мореплавания. Имя Ф. П. Литке увековечено на карте мира многими географическими названиями: залив, губа, полуостров, гора и мыс на Новой Земле, пролив между Камчаткой и островом Карагинский в Баренцевом море, один из ос-

тровов Земли Франца-Иосифа, остров в Карском море, группа островов архипелага Норденшельда, течение в Беринговом море, банка¹ в Белом море и другие. Таким был воспитатель и попечитель генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича.

Переписка с В. А. Жуковским

В формировании Константина Николаевича как личности далеко не последнюю роль сыграл В. А. Жуковский, воспитатель старшего брата, будущего императора Александра II. По заведенному Николаем I строгому порядку каждое воскресенье сыновья должны были писать в качестве упражнения письма кому-нибудь из окружающих. Писал письма и Константин. Когда очередь дошла до В. А. Жуковского, его ответ произвел на великого князя такое впечатление, что он не захотел прерывать переписку и продолжал ее до самой смерти поэта в 1852 году.

Свое первое письмо В. А. Жуковский написал великому князю в 1840 году. Он сожалел, что «его молодой друг хотел отделаться от своей работы, почему она и не вышла такой, какой могла бы быть... Знаете, что такое слог? Это совершенная истина, что человек на бумаге такой же точно, каков он... в жизни. Если человек имеет ясные мысли, — слог его ясен, если он чувствует сильно, — и слог его силен и горяч, если он много знает, — и в слог выражаются эти знания. К сему надо присоединить... знание языка и искусство владеть им, т. е. уметь выбирать слова и помещать их на принадлежащее им место. Это искусство... Вы приобретете от навыка. Но прежде всего будьте человеком, имейте ясные мысли, высокие чувства, теплоту сердца и любовь к правде, тогда Ваш слог будет выражением прекрасного и тот, кто будет Вас читать, догадается, что он беседует с Великим Князем, достойным своего имени и звания».

«Великие князья, — писал В. А. Жуковский в другом письме, — должны понимать свое время,... должны поставить себя на высоту своего века своим всеобъемлющим просвещением». Поэт постоян-

¹ Отмель. — Ред.



но напоминал Константину о его предстоящей государственной деятельности, о необходимости выработать чувство ответственности, твердые привычки, самостоятельное мышление и сильную волю. «Сильная воля, — писал он, — это могущество души, которым мы побеждаем наши желания всякий раз, когда они противятся нашему долгу». Для разумной деятельности, неоднократно напоминал В. А. Жуковский, необходим запас хороших привычек, приобретенных благодаря постоянному самонаблюдению и самосовершенствованию, привычек, позволяющих действовать собственным умом и собственной волей.

В поздравительном письме к Новому 1842 году В. А. Жуковский пишет о необходимости дорожить временем. «На 15-м году и во всяком звании можно начать думать о расчетливом употреблении минут и часов... В звании же Великого Князя эта расчетливость становится строгой должностью. Вы обязаны скорее других сделаться зрелым человеком, обязаны перед Богом, ибо Он назначил для Вас отборное место между людьми,... наложив на Вас ответственность отборную... Как не жаль разбудить Вас из золотого беспечного сна счастливых младенческих лет, но, поздравляя Вас с Новым годом, я должен сказать Вам. Пора! Великий князь, дорожите минутами и часами, из них творятся годы, а Ваши годы должны быть радостью для Русского народа, его честью и пользой в настоящем и славной страницей в его истории».

Не ограничиваясь советами о личном самосовершенствовании, В. А. Жуковский размышляет и о закономерностях общественной жизни. «Движение — святое дело, все в Божьем мире развивается, идет вперед и не может, не должно стоять. Неподвижность — смерть... Движение, развитие порядка, постоянно, без потрясений... есть жизнь. Останавливать движение или насильственно ускорять его — в обоих случаях погубительно. Это справедливо и в жизни частного лица, и в жизни народа».

К этой теме В. А. Жуковский возвращался неоднократно. В частности в 1848 году после революционных событий в Германии он писал: «Революция есть безумно губительное усилие перескочить из понедельника прямо в среду. Но и усилие перескочить из понедельника назад в воскресенье столь же напрасно и столь же может

быть губительно. Одно есть революция вперед, другое — революция назад... Что же советует теория, которая учит тому, что надлежит всегда делать? Она говорит: не насильствуй того, чего не можешь пересилить; не швыряй понедельник в среду, но и не тащи его назад в воскресенье. А что говорит практика? Практика, согласная с сестрой своей теорией, зорким взглядом различает ту математическую линию, перешагнув через которую, понедельник становится вторником... и это действие... есть реформа во времени и к месту по закону вечной правды».

После плавания в 1845 году вокруг Европы в Черное море, естественно, с заходом в Константинополь у великого князя родился план прорыва через Босфор и захвата Дарданелл. План вылился в достаточно подробную, на 9 листах, записку. Озаглавлена она была так: «Предложение атаки Царьграда¹ с моря». Жажда славы, восемнадцатилетний юноша заканчивал свою записку словами: «Три условия необходимы для успешного исполнения этого предприятия. Неожиданность, быстрота и отвага. Не останавливаться перед трудностью и опасностью, а идти прямо напролом, не боясь потерять три, четыре, даже пять кораблей и несколько тысяч людей, потому что результат этого стоит». В письме В. А. Жуковскому он писал, что мечтает прибить Олегов щит на врата Царьграда. На эти мечтания поэт отвечает: «Мне весело видеть, как в молодой груди Русского Великого Князя кипит безотчетное желание дел знаменитых. Но здесь радует не возможность, что от него будут дела знаменитые. Ибо в наше время нужны не дела славы, озаряющие только немногих избранных, а дела правды,... благодетельные для всех... Здесь радует само это стремление, с которым, естественно, соединяется и способность совершить необыкновенное».

Интересна и оценка В. А. Жуковским отношения великого князя к своей первой военной награде — ордену Св. Георгия 4-й ст., полученному в 1849 году за Венгерский поход. «Обращаясь к письму Вашему, — пишет поэт, — скажу, что меня весьма тронуло то, что Вы говорите о Вашем Георгии. В том чувстве недостойства, кото-

¹ Константинополь.



рое Вы так смиренно выражаете, заключается много истинного достоинства. Кто ищет великого... из любви к источнику всякого величия, к Богу, тот никогда о себе не будет иметь слишком высокого мнения, но зато и никогда не собьется с дороги, ведущей его прямо к цели. Наша дорога есть лестница. Кто взошел на одну ступень, если он не слеп и не безумен, узнает только то, что он еще не дошел и что ему следует подниматься, а не считать себя на высоте. Добрый Вам путь в высоту», — заканчивает старик-поэт.

Комитет по составлению Морского устава

Первым крупным самостоятельным делом Константина Николаевича на флоте явилось руководство учрежденным в 1850 году комитетом по составлению нового Морского устава. Действовавший в то время устав — «Книга Устав Морской о том, что касается доброму управлению в бытность флота на море» — был написан еще Петром I. И хотя с тех пор многое изменилось, петровский устав с незначительными поправками все еще продолжал действовать. В результате этого служба на кораблях шла не по четко установленным правилам, а, скорее, по традиции, что нередко порождало «произвол там, где... требуется порядок и строгое исполнение закона». Это понимал император, видел и великий князь. Его назначение председателем комитета было отнюдь не случайным.

Главное требование председателя к работе комитета заключалось в том, чтобы предпринять «всевозможные усилия, дабы даровать флоту Морской устав, сообразный с потребностями и соответственный состоянию науки и морского законодательства во всех морских державах». Для этого при составлении Устава требовалось принять во внимание все постановления по морской части, и не только русские, но и иностранные. Обязательным великий князь считал также «выслушать мнение по всем предметам Устава не только членов комитета, но и вообще всех отличнейших наших морских офицеров». К участию в составлении нового устава он «желал таким образом призвать как бы весь флот». Будучи по своей нату-

ре «западником», но оставаясь глубоко русским человеком, большим патриотом своей родины, Константин Николаевич считал, что основой нового Морского устава все же «должен служить Устав Императора Петра Великого, содержащий многие правила, могущие быть и поныне руководством для морского офицера, несмотря на истечение 132 лет со времени его издания».

Надо сказать, что приглашение флотской общественности к участию в составлении устава было не просто красивой фразой. В комитет поступило огромное количество мнений и предложений, позволивших будущему главе флота ближе и конкретнее познакомиться с флотским офицерством, узнать его взгляды на службу, оценить кругозор, общую и профессиональную подготовку. С другой стороны, приглашение принять непосредственное участие в решении столь важного для флота вопроса, как составление Морского устава, явилось актом уважения и доверия к флотскому офицерству. По существу, это был первый шаг на пути к активизации общественной жизни флота.

Комитет работал почти три года. Работал напряженно. Его председатель требовал от всех большой ответственности и тщательности. Впрочем, не только требовал, но и проявлял эти качества сам. Кроме петровского Устава комитет рассматривал и проанализировал практически все зарубежные морские уставы. Из них во внимание были приняты 2700 статей.

Небезынтересен, а методически даже и сегодня может быть полезен порядок работы комитета. Вот он, этот порядок, установленный двадцатитрехлетним председателем: «1. Распределить между членами первоначальное составление... отдельных частей проекта Морского устава. 2. Труд каждого переда-



Контр-адмирал великий князь
Константин Николаевич.



вать... прочим для подробного рассмотрения и сравнения с существующими обычаями у нас и за границей... 3. Проекты одного из членов с письменными замечаниями всех... подвергнуть тщательному... обсуждению и передавать другому члену для исправления. 4. Исправленный таким образом проект рассматривать вновь в комитете... 5. Пересмотреть особо... постановления,... которые не вошли в проект, и затем включить в оный те,... которые комитет признает полезными. 6. Составить этим порядком все главы одного раздела,... рассмотреть оные в связи одной с другой для устранения могущих встречаться противоречий. 7. По мере изготовления таким образом разделов Устава печатать оный и рассылать на рассмотрение гг. (господам. — Ю. К.) флагманам и отличным морским офицерам. 8. Замечания, которые будут получены со всего флота, обсуждать в комитете и... окончательно исправлять проект морского устава». Одно из главных требований председателя звучало так: «Излагать статьи по возможности кратко, всегда ясно, точно и определенно, избегать малейшего двусмыслия... и притом чисто и правильно по-русски».

Сам председатель вникал во все детали: лично написал главу о главнокомандующем, тщательно сравнил проект устава с только что полученным новым французским морским уставом. Находясь за границей на лечении, «работая ежедневно все утро и вечер... Генерал-Адмирал пересмотрел все замечания (их было около 4600. — Ю. К.)... и исправил по ним проекты во многих статьях».

Наконец проект устава был готов. Получены отзывы «гг. флагманов и отличных морских офицеров», но великому князю этого было мало. В 1851 году он отправился в плавание по Балтийскому морю с отрядом кораблей, созданным специально для проверки на практике основных положений нового устава. Лишь после тщательной доработки каждой статьи «Великий князь представляет своему Августейшему Отцу новый Морской устав». Что и говорить, должность председателя была отнюдь не парадной. Заслуженной была и награда. В 1853 году Константин Николаевич получил свой второй орден — Св. Владимира 1-й степени.

Итак, Морской устав Петра Великого закончил свое почти полуторавековое существование. Флот получил новый устав, «отве-

чавший требованиям современного морского закона». Однако немаловажное значение имело и то, что, возглавив вскоре после этого Морское ведомство, генерал-адмирал принял управление не новичком, а с большим запасом знаний, полученных по многочисленным предложениям действующих офицеров и адмиралов. Все это «позволило Августейшему Генерал-Адмиралу наряду с богатым положительным опытом, накопленным в отечественном флоте, раскрыть и неподкрашенную картину отрицательных сторон и крупных недочетов, сложившихся в морской среде». По существу, это и явилось главной пружиной всех будущих реформ великого князя.

Во главе флота и Морского ведомства. Начало реформ

В июне 1852 года, когда великий князь еще работал над Морским уставом, император Николай I назначил его товарищем (заместителем. — Ю. К.) начальника Главного морского штаба. Через два с небольшим года вступивший на престол в связи со смертью отца старший брат Константина Николаевича Александр II «призывает его к управлению флотом и Морским ведомством на правах министра». Трудные это были годы для России, а для флота особенно. Поражение в Крымской войне привело не только к потере Черноморского флота, но и к запрету его иметь. Немногим лучше обстояли дела и на Балтике.



Генерал-адмирал
великий князь
Константин Николаевич.

Великий князь тяжело переживал случившееся: «...я теперь не что иное, как генерал-адмирал без флота, который только что видел



своими глазами гигантские флоты... вчерашних врагов...» Однако в панику не впадал, а наоборот — в будущее смотрел с оптимизмом. «Мне кажется, — размышляет Константин Николаевич, — что первая обязанность наша должна состоять в том, чтобы отбросить всякое личное славословие и сказать, что наша жизнь должна пройти в скромном... труде... для будущего... Посему не о морских победах... следует думать, не о создании вдруг большого числа судов, но о том, чтобы непрерывными плаваниями небольшого числа хороших судов приготовить целое поколение будущих опытных и страстных моряков». Именно страстных, а значит, честных и увлеченных. Для этого необходимо было прежде всего возродить флот духовно, «создать ту атмосферу, то благожелательное отношение... к мыслям подчиненных, при котором могли с наибольшей пользой найти применение духовные силы личного состава...» Эту задачу и поставил перед собой прежде всего Константин Николаевич.

Надо сказать, что, вступая в управление флотом, великий князь взял себе за правило не производить преобразований немедленно, не делать никаких перемен в спешке. Само управление министерством он считал «...только средством, чтобы ближе познакомиться с действительным состоянием дел на флоте». Кстати, неторопливость в решении важных вопросов, предварительное и всестороннее их изучение, в том числе детальное ознакомление и с их историей, являлось характерной чертой в работе Константина Николаевича. Знакомясь с фактическим положением дел на флоте, он доходил до мелочей, до деталей. Один из его ближайших помощников А. В. Головнин, сын известного мореплавателя В. М. Головина, вспоминал: «В продолжение зимы 1854 года редкая проходила неделя, чтобы Великий князь не побывал в Кронштадте, а в течение лета он ездил туда ежедневно».

Итак, предстояло полное возрождение флота. Полное, потому что его практически не было вовсе. Вот только проблема заключалась в том, что средств на это не было. Финансовое положение страны после Крымской войны было катастрофическим. Приходилось думать не о строительстве флота, а о сокращении расходов на его содержание. И здесь великий князь, как истинно государственный

человек, несмотря на все свое стремление воссоздать флот, пошел на резкое уменьшение расходов по своему ведомству. Именно с этого, по существу, и начались его реформы, но о них позже. Пока же о сокращении расходов.

Не говоря о первых послевоенных годах, когда денег практически не было вовсе, соблюдать режим строгой экономии приходилось долго. Так, в марте 1857 года, когда выяснилось, что министерство финансов в очередной раз ошиблось в расчетах годового дефицита и он оказался вдвое больше планируемого, спасти положение могло только жесточайшее сокращение расходов по всем ведомствам. Великий князь находился в это время в Средиземном море и в поездке по Франции.

Государь написал генерал-адмиралу дружеское письмо с просьбой о помощи в этом вопросе. Понимая всю серьезность положения, Константин Николаевич решился на крайние меры: во-первых, не вооружать вовсе в том году и не посылать в море парусный флот, во-вторых, отказаться от заграничных экспедиций, в-третьих, пересмотреть сроки платежей, заказов и постройки, в-четвертых, распустить 28 тысяч матросов и уволить в бессрочный отпуск офицеров экипажей, которые не имеют винтовых судов. Результат был ощутимый — бюджет Морского министерства сократился почти на четверть, с 19 миллионов рублей до 14. «Сверх того Его Высочество отказывается от содержания, которое он получает по управлению Морским ведомством и приказывает своей придворной конторе сделать разные сокращения у себя в доме». Когда стало ясно, что финансовое положение не улучшилось к августу 1857 года, Константин Николаевич возвратил в казну еще миллион рублей, уже полученный Морским министерством, а на следующий год запросил сумму на 4 миллиона меньше, чем в текущем году.

К этому же времени относится и письмо Константина Николаевича к герою Кавказской войны наместнику на Кавказе князю А. И. Барятинскому. Письмо характеризует не только широту взглядов генерал-адмирала, но и его зрелость как государственного деятеля, способного подняться выше ведомственных подходов и прекрасно понимающего задачи, стоящие перед правительством.





Генерал-фельдмаршал князь
А. И. Барятинский.

«Состояние наших финансов, которое в высшей степени затруднительно, — пишет двадцатисемилетний великий князь, — побуждает неотлагательно сократить по всем ведомствам все расходы... и пожертвовать многими прекрасными надеждами на будущее... Посему... не о содержании на Кавказе многочисленной армии, на которую мы решительно не имеем денежных средств, но о том,... чтобы усовершенствованием внутреннего управления вводить на Кавказе порядок и довольствие. Не издерживая на то больших сумм,... стараться сделать из управления Кавказского образец бережливости и благоустройства. На это нужна не армия, не громкие экспедиции в горы, не пышный двор падишаха, но выбор дельных

людей и скромный образ действия. Конечно, блестящий наместник обратится тогда в губернатора, но этот губернатор оставит по себе имя в истории народов, тогда как первый присоединится к ряду тех предместников, которых имена сохранились только в звании улиц.

Глубоко проникнутый этими убеждениями, я занимаюсь теперь сокращением морского бюджета и с грустью предвижу, что придется расстаться с разными предположениями на счет Каспийской флотилии и устройства там портов. Мы в состоянии уделить туда весьма небольшие суммы, и я думаю, что следует более заботиться о развитии на Каспии торгового судоходства, чем об увеличении числа военных судов... Вот тебе, любезный князь, весьма длинное письмо. Не пеняй меня за некоторые выражения и вспомни, что я пишу под грустным впечатлением всего, что вижу... Прощай, Бог с тобой, обнимаю тебя от души».



Помимо практически полного прекращения эксплуатации парусного флота, возможность существенной экономии денежных средств великий князь видел также в сокращении береговых команд. Численность нижних чинов на флоте к концу 1855 года составляла 125 169 человек. При этом она обуславливалась не только количеством судов, но в значительной мере назначением нижних чинов в так называемые «нестроевые команды к исполнению обязанностей, нисколько не соответствующих званию военного матроса». Нестроевые составляли целую треть всей численности нижних чинов на флоте. За 25 лет, с 1828 года по 1853 год, на флот было призвано 108 737 рекрутов. В нестроевые из них поступили 34 тысячи человек. Это были рабочие экипажи, портовые, арсенальные роты, писари, курьеры, музыканты и т. п., проходившие службу в многочисленных береговых учреждениях. Сюда же относились денщики. «Казенные дома и квартиры должностных лиц были наполнены с излишеством казенной прислугой, состоявшей из нижних чинов, служивших и на кухне, и на конюшне». С большой настойчивостью генерал-адмирал добивался сокращения нестроевых матросов с заменой их вольнонаемными, «дабы не отвлекать рекрутской повинностью от плуга и свободного производительного труда ни одного лишнего человека». Результаты оказались более чем ощутимые. Численность нижних чинов на берегу, составлявшая в 1855 году 63 163 человека, сократилась к 1879 году до 822 человек.

Упразднение нестроевых команд осуществлялось настойчиво, из года в год, но постепенно и без спешки. Вместо рабочих экипажей были созданы кадры постоянных мастеровых и рабочих. Такому же постепенному упразднению подверглись и денщики, число которых в 1855 году доходило до полутора тысяч человек. «К 1874 году их количество сократилось до 30, а с 1879 года в Морском ведомстве не осталось ни одного денщика». Естественно, с этим нельзя смешивать вестовых, обслуживавших офицеров на кораблях, но и они были существенно сокращены. Если раньше одному офицеру назначалось по несколько денщиков, теперь один вестовой обслуживал нескольких офицеров. Одновременно он исполнял на корабле еще и



строевые обязанности. В целом благодаря мерам, принятым великим князем, количество нижних чинов, служивших непосредственно на кораблях и «составлявших боевую силу флота», повысилось с 54% в 1855 году до 93% в 1879 году. Так вкратце выглядели результаты деятельности Константина Николаевича по сокращению расходов на содержание флота.

А теперь о самих реформах. Их суть заключалась в решении двух основных проблем: во-первых, в полном техническом переоснащении флота, то есть в замене флота парусного деревянного паровым броненосным и, во-вторых, в социальных преобразованиях, которые коренным образом изменили условия службы на флоте не только офицеров, но и нижних чинов.

Одновременно с решением глобальных проблем проводилась и реорганизация административного управления в Морском министерстве. В основном она сводилась к двум моментам: во-первых, к децентрализации управления с предоставлением большей самостоятельности на местах и, соответственно, возложением ответственности за состояние дел на местные власти, во-вторых, — к значительному упрощению делопроизводства и резкому сокращению бумажной переписки. Через все организационные изменения, настойчиво осуществлявшиеся великим князем, проводилась мысль: «не флот для береговых учреждений, а береговые учреждения для флота». Заметим, что число служащих в Морском министерстве и портовых управлениях, составлявшее в 1853 году 1134 человека, уже к 1861 году было сокращено до 508 человек.

По глубокому убеждению Константина Николаевича, непременным условием проведения реформ являлась открытость, гласность и прежде всего прямая и откровенная информация о фактическом положении дел. «Я буду особенно взыскателен, — пишет генерал-адмирал в одном из своих приказов, — за непоказание беспорядков и никак не позволю похвал. Нужно, чтобы факты, а не фразы хвалили нас». А вот еще несколько выдержек из его приказов того времени.

«Я желаю, чтобы отчет не ограничивался сухим рассказом того, что сделано, или содержал похвалы удивительному порядку и благоустройству; напротив — требую... откровенного изложения тех

несовершенств и непорядков, которые следует устранить и улучшить».

«Многочисленность форм подавляет у нас сущность административной деятельности и обеспечивает всеобщую официальную ложь. Взгляните на годовые отчеты — везде сделано все возможное, везде... успехи, везде водворяется, если не вдруг, то, по крайней мере, постепенно должный порядок; взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то, что есть, от того, что кажется, правду от неправды и полуправды и редко где окажется прочное — плодотворная польза. Сверху блеск, внизу гниль. В творениях нашего официального многословия нет места для истины, она затаена между строками».

«Я требую в отчетах не похвалы, а истины, в особенности откровенного и глубоко продуманного изложения недостатков... и сделанных ошибок, и те отчеты, в которых нужно будет читать между строками, будут возвращены мною с большой гласностью».

Когда читаешь эти строки, невольно приходит мысль: нет, генерал-адмирал не подписывал приказы, он их писал сам. Писал образно, четко, с большой убежденностью, даже страстью. Чего не терпел великий князь — так это формального, бездумного отношения к делу. Того же требовал и от своих подчиненных, особенно в береговых учреждениях. Только творческая конкретная деятельность «придает важность учреждению и заслуживает ему название министерства, департамента и т. п., а не количество письменного труда;... многоделие письменное есть лучшее доказательство незначительности умственного труда, который один заслуживает уважения... Многочисленность чиновников и писарей доказывает неспособность начальника изворотиться меньшим числом подчиненных и неумение его привлечь людей способных, в которых качество заменяло бы количество».

Интересно отметить, что реорганизацию Морского министерства великий князь начал с Медицинского департамента, как самого немногочисленного, но весьма важного по роду своих занятий. «Важность Медицинского департамента, — считал великий князь, — состоит в умственном труде директора при выборе врачей... наблюдении за госпиталями и лечении на флоте. Труд же письменный в



этом департаменте есть только малая часть его деятельности». Константин Николаевич часто вспоминал слова М. М. Сперанского: «уменьшение числа письменных дел есть признак благоустройства министерства, а увеличение их есть знак расстройства».

Особое внимание при проведении реформ на флоте уделялось гласности. Как правило, все они «широко и гласно» освещались на страницах журнала «Морской сборник» — главного печатного органа Морского ведомства.

«Морской сборник» — орган реформ и гласности

Ежемесячный журнал Морского ведомства «Морской сборник» начал издаваться в 1848 году. Как уже упоминалось, его основателем был председатель Морского ученого комитета вице-адмирал Ф. П. Литке. Главное назначение журнала заключалось в «распространении между служащими на флоте и вообще в морской службе необходимых и полезных сведений по морской части». Так по существу оно и было. В пяти разделах журнала — Постановления и распоряжения правительства, Официальные статьи и известия, Гидрографический отдел, Учено-литературный отдел и Библиография — печатались материалы и статьи по самым различным вопросам морской тематики.

Новой и совершенно необычной функцией журнала во время Крымской войны 1853–1856 годов явилась публикация сведений из Севастополя о погибших и раненых. Инициатива такой публикации целиком принадлежала генерал-адмиралу. Великий князь считал, что «се-



Журнал «Морской сборник».

мейства жертв, павших в борьбе за отечество, имеют право оплакивать эти жертвы и ими гордиться без произвольных отсрочек».

Поражает оперативность печатавшейся в журнале информации. Данные о состоянии раненых журнал публиковал иногда с устареванием не более чем на две-три недели. Так, в «Морском сборнике» № 4 за апрель 1855 года в списке «убитых, раненых и контуженых офицеров и кондукторов»¹ можно прочитать:

— «11 апреля — 38-го флотского экипажа лейтенант Барсеньев — ранен».

— «5 апреля — 33-го флотского экипажа мичман Брылкин — контужен в ногу, остался на своем месте».

Странно, но еще более подробные сведения давались в аналогичном списке по нижним чинам. В том же номере читаем:

— «39-го флотского экипажа матрос Степан Власенко из казенного села Александровка Херсонской губернии, на службе с 1847 года — на Волынском редуте 15 марта ранен в правую ногу пулей навывлет без повреждения кости, теперь чувствует себя хорошо».

— «Бахмутского 32-го флотского экипажа матрос Евсей Рудаков из села Марченки Екатеринославской губернии, на службе с 1854 года, от роду 24 года — на 4-м бастоне 31 декабря ранен пулей

422 ОФИЦИАЛЬНЫЕ СТАТЬИ (Апрель)

Имя, прозвание, какого экипажа, какого уряда. Где, когда и как ранен.

Виленьской Губернии.

33-го Флотского Экипажа На 5-м баст., 17 Марта, ранен матрос Анто́нь Биди́нский, из казенной деревни Польской Камешки; на службе с 1846 года. Итугерию пулею в левую ланку, без повреждения кости; поправляется, но еще слаб.

Гродненской Губернии.

39-го Флотского Экипажа На Волынском Редуте, 9 Марта, ранен матрос Григорий Бомо́къ, из деревни Крички помещика Харламовича; на службе с 1838 года. Итугерию пулею в правую руку и ногу без повреждения кости; чувствует себя хорошо.

Медовской Губернии.

34-го Флотского Экипажа На 4-м баст., 16 Марта, ранен матрос Яковъ Маратовской, из деревни Зеткович помещика Грѣфа Хазолевскаго; на службе с 1849 года. Итугерию пулею в левую ланку навывлет, без повреждения кости; поправляется.

40-го Флотского Экипажа На 5-м баст., 14 Февраля, ранен матрос Иванъ Степаненко, из деревни Рубинъ помещика Роговскаго; на службе 6 лет. Итугерию пулею в левую голень; выжили 14 Марта и возвратился на баттарю.

Список нижних чинов, раненных в Севастополе.

¹ Воинское звание сверхсрочнослужащих и унтер-офицеров в армии и флоте. — Ред.

в бок и правую руку; кость руки не повреждена, но жилы еще в стянутом состоянии, есть надежда, что впоследствии будет совершенно свободно владеть рукой, выписан 17 марта и возвратился на батарею».

Можно только удивляться, что журнал, издававшийся в С.-Петербурге, мог дать в своем апрельском номере столь подробную информацию о раненных в Севастополе по их состоянию на март и даже на апрель!

И все же наиболее существенные изменения «Морской сборник» претерпел с вступлением Константина Николаевича в управление флотом. Прежде всего в журнале появился специальный раздел «Для гласного обсуждения предпринимаемых по Морскому ведомству преобразований». Планы предстоящих реформ не только публиковались в «Морском сборнике», но и рассылались «различным лицам Морского и других ведомств, имеющим по обсуждаемым вопросам специальные сведения». В результате этого флотская общественность активно включилась в подготовку предстоящих реформ. Свободная полемика не только допускалась, но даже поощрялась. На страницах «Морского сборника» появились многочисленные отклики на публикуемые материалы и предложения по реформам. Они «заклучали в себе весьма дельные указания, которыми Министерство воспользовалось с величайшей готовностью». Таким образом, практически все преобразования, введенные затем Морским министерством, прошли через гласное обсуждение в «Морском сборнике». Это обеспечило не только достаточно свободное обсуждение планируемых реформ, но и привыкание флота к новому порядку задолго до его введения в действие.

Наряду с обсуждением предстоящих реформ гласности была предана и вся административная деятельность Морского министерства. Журнал начал печатать ежегодные отчеты департаментов и результаты их ревизий. Прямо скажем, для флота это была новинка. Публикуемые материалы впервые дали возможность в определенной степени контролировать деятельность береговых учреждений. То, что раньше знал лишь узкий круг чиновников, теперь стало известно всем. Великий князь считал, что «влиянием страха об-

щественного порицания» гласность, таким образом, способствует искоренению злоупотреблений.

Вообще следует отметить, что в течение всех лет руководства флотом к «Морскому сборнику» Константин Николаевич проявлял особое внимание. Он считал, что «в руках высшего морского начальства „Морской сборник“ составляет сильное орудие для довершения образования морского офицера». Уже в 1855 году, имея в виду «расширение журнала и постановку его на должную высоту Великий князь исходатайствовал у Государя на издание его... 30 000 руб. вместо отпускавшихся раньше 2000 руб.». Свои мотивы он сформулировал так: «Сумма, которая требуется на издание „Морского сборника“ весьма незначительна по сравнению с той пользой, которую это издание приносит. „Морской сборник“... содержит все новейшие сведения по морской части, которые морскому офицеру нужно иметь для пользы службы и которые ни один из них не в состоянии приобрести ни за какие средства. «Сборник» доставляет им приятное и полезное чтение, удовлетворяет умственные потребности, отвлекает от занятий пустых и, сообщая каждому подробности о его товарищах, поддерживает во флоте дух товарищества, который имеет следствием, что морские офицеры составляют как бы одну морскую семью».

В своей инструкции председателю Морского ученого комитета адмиралу Ф. П. Врангелю великий князь так определил задачи «Морского сборника». Журнал должен точно отражать картину современной жизни флота, а в будущем стать его «готовым памятником... Помимо специальных ученых статей в „Сборнике“, должны помещаться и статьи,... которые своей замечательностью... знакомили бы нашу публику с флотом и моряками и возбуждали бы к ним сочувствие и уважение».

Благодаря усилиям великого князя в те годы «Морской сборник» стал одним из лучших журналов России. В нем активно сотрудничали не только такие известные адмиралы, как Г. И. Бутаков, Ф. П. Врангель, А. А. Попов, К. П. Посьет, но и крупнейшие русские ученые, литераторы: В. И. Даль, Э. Х. Ленц, Н. И. Пирогов, В. Я. Струве. Многие из них получали задания и командировки лично от великого князя. Именно по предложению



генерал-адмирала ушел в кругосветное плавание на «Палладе» А. И. Гончаров, отправился вокруг Европы на «Ретвизане» Д. В. Григорович.

Подчас даже не верится, что в середине XIX века в «Морском сборнике» мог появиться специальный библиографический раздел. Назывался он так: «Матросам, квартирмейстерам, боцманам и иногда офицерам». В разделе, который предназначался, главным образом, для «нижних чинов», печатались сведения о библиотеках в отечественных портах и за границей. Например, раздел содержал полную информацию о русских книгах в американских библиотеках. Находясь в том или ином иностранном порту, матрос мог посетить библиотеку и воспользоваться русской литературой.

Уделяя особое внимание изучению деятельности населения России, занятого «мореходством, рыбным промыслом и судоходством на реках и озерах», Морское министерство организовало в различных регионах страны работу большой группы писателей. В частности, на Каспий и в Астраханскую губернию поехал А. Ф. Писемский, в верховьях Волги работал Н. А. Островский, на берегах Азовского моря — М. Л. Михайлов, в Малороссии — Г. П. Данилевский. В своем обращении к литераторам, давая им задание на командировки, великий князь писал: «Если вы найдете возможным подметить и другие характеристические черты обозреваемой вами страны и ее жителей, то совершенно от вашего усмотрения будет зависеть вместить их в описание, как признаете за лучшее. Морское начальство, не желая стеснять таланта, вполне предоставляет вам излагать ваше путешествие и результаты исследований в той форме и в тех размерах, которые вам покажутся наиболее удобными, ожидая от вашего пера произведения достойного, как по содержанию и изложению, так и по объему».

Внимание великого князя к «Морскому сборнику» было постоянным. В 1855 году он писал адмиралу Ф. П. Врангелю: «Узнав, что Ваше Превосходительство занялись „Морским сборником“ и не сомневаясь, что журнал сей под вашим... руководством получит значительные улучшения, считаю нужным сообщить вам некоторые мысли вследствие наблюдения моего за ходом „Сборника“».

1. Необходимо заблаговременно готовить статьи, дабы всегда быть уверенным в избытке материалов... При том желательно, чтобы «Сборник» составлялся не из случайных статей,... но из таких, которые с известной целью заказаны... Академик Берг мог бы сообщить нам свои заметки о Каспийском море... Весьма полезно украсить «Сборник» извлечением из... превосходного описания Пулковской обсерватории. Описание сие стоит дорого и, конечно, немногие из наших офицеров имеют оное... Сверх того я просил бы вас предложить В. Я. Струве... написать мысли его о тех услугах, которые... мореплаватели оказали астрономии... Академик Ленц вызвался писать для «Сборника»,... поручаю вам просить его познакомить нас с электромагнитным телеграфом... Есть уже статьи, мною заказанные: графу Толстому — исторический очерк высшего морского управления у нас, князю Голицыну — о судебной части в английском флоте, Швабе — о наших заводах...» и т. д. Список статей, заказанных Константином Николаевичем, большой и весьма разнообразный. Слов нет, поражает широта интересов, образованность и осведомленность двадцативосьмилетнего генерал-адмирала. Далее Константин Николаевич продолжает:

«2. Весьма желал бы видеть в каждом номере „Сборника“ обзор плаваний судов английских и французских... Необходимо знакомить наших офицеров с иностранными флотами, особенно ныне, когда мы не встречаемся с ними в море. Составлять подобные обзоры легко при помощи иностранных газет и журналов, но необходимо иметь охоту заниматься этим».

3. «Сборнику» необходимо иметь во всех главных портах... постоянных корреспондентов, которые следили бы внимательно за всем, что любопытно в морском отношении».

4. Необходимо чаще печатать объявления о продаже «Сборника» и открыть подписку во всех главных городах, предоставив продавцам... значительный барыш. *Цель наша не в том, чтобы извлекать денежные выгоды, чтобы знакомить Россию с флотом, возбуждать к нему уважение и привязанность.*

5. Когда случится в «Сборнике» статья действительно замечательная... которая требовала кроме таланта автора еще долговре-



менных трудов и усилий, то следует назначать за нее особенное вознаграждение и печатать об этом, чтобы писатели наши знали, что труды их вознаграждаются. Для чего Ученый комитет мог бы назначить премии.

6. Необходимо каждый год печатать правила приема в наши учебные заведения.

7. Надобно печатать как можно чаще объявления о продаже книг, карт и планов от Морского ведомства».

Через некоторое время великий князь снова обратился к председателю Морского ученого комитета: «Прошу поручить г. Зеленому (главный редактор „Морского сборника“. — Ю. К.) повидаться с теми офицерами, которые могли бы написать... статьи и пригласить их к тому моим именем. Например, командиры „Авроры“, „Оливуцы“ и „Двины“ могли бы сообщить полезные сведения о их плавании, качестве судов, удачных маневрах и разных чисто морских случайностях плавания. Гг. Швабе и Соколов... первый — о работах на Ижорских заводах, второй — ...о заводах английских; бывшие в Средиземном море — свои замечания о судах и морях других наций... офицеры, служившие на винтовых судах, — наблюдения над механизмами этих судов, врачи — наблюдения над болезнями в разных климатах и об устройстве госпиталей в разных иностранных портах и т. п.».

Редко какой из вышедших номеров журнала избегал замечаний великого князя, как, впрочем, и деятельность самой редакции, находившейся постоянно в поле зрения Константина Николаевича. Свои замечания и предложения он неоднократно адресовал председателю Морского ученого комитета.

«В январской книжке „Морского сборника“ (1856 г.) замечается много опечаток. Прошу обратить на это внимание редакции».

«Я узнал, что букинисты ищут купить прошлогодний „Морской сборник“ и предлагают по 15 руб. за экземпляр. Прошу... объявить это редакции с тем, что об имеющихся у нас в наличии экземплярах прежнего времени следует публиковать: где и по какой цене продается».

«Я нахожу неосновательным возвращение г. Шанцу статьи его для того, чтобы он сам уменьшал... чертежи. Редакция полу-

чает... значительные суммы, чтобы нанять чертежника. Надобно быть благодарным за хорошие морские статьи, а не затруднять авторов».

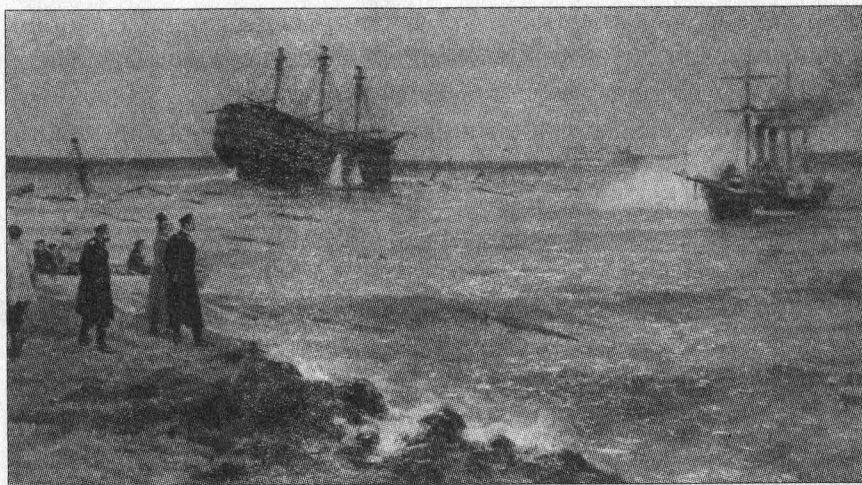
Что и говорить, замечания и предложения были конкретными и деловыми. Впрочем, усилия великого князя не были напрасными. «Морской сборник» приобретал все большую популярность, и не только в морской среде, но и «вне морского общества». Интерес к морской тематике стали проявлять многие периодические издания. Такие известные журналы, как «Русский Вестник», «Вестник Европы», «Русский Архив» и др. активно привлекали моряков-писателей на свои страницы. Что же касается подписчиков-неморяков на «Морской сборник», то их число возросло более чем в три раза — с 500 в 1853 году до 1677 в 1875 году. Одним словом помимо своей первой задачи — подготовки реформ и гласности — «Морской сборник» успешно решал и свою вторую главную задачу — «знакомить Россию с флотом, возбуждая к нему интерес и привязанность».

Первые шаги парового кораблестроения. Концепция возрождения флота

С вступлением в управление Морским ведомством главной задачей Константина Николаевича стало возрождение флота. При этом возрождать флот требовалось практически заново, да к тому же на качественно новой основе. На смену деревянным парусным кораблям пришли паровые броненосные. То, что решать эту задачу надо было срочно, великий князь понимал прекрасно. В только что закончившейся Крымской войне против 77 паровых кораблей противника под Севастополем и на Балтике Россия смогла выставить всего 16. Единственное, на что был способен, казалось бы, мощный парусный Черноморский флот, — это затопить себя в Севастопольской бухте, чтобы преградить в нее вход противнику.

Однако прежде чем строить новый флот, требовалось определить его облик. То, что флот должен быть паровым, было ясно, но против кого, для решения каких задач и каким конкретно он дол-





Затопление кораблей Черноморского флота в Севастопольской бухте.

жен быть, — это требовалось еще решить. Одним словом, необходимо было разработать доктрину будущего парового флота России. Новые дела можно делать только с новыми людьми. «Деятели прежнего времени, — писал Константин Николаевич, — не могли откровенно вступить на новый путь». Поэтому прежде всего требовалось сплотить вокруг себя единомышленников. Такие, естественно, были, и вскоре «небольшой круг сильных, патриотически настроенных людей во главе с Великим князем... энергично взялся за создание для России необходимой морской мощи». Это была блестящая плеяда будущих молодых адмиралов: Г. И. Бутаков, Н. К. Краббе, С. С. Лесовский, И. Ф. Лихачев, А. А. Попов, И. А. Шестаков и другие. Именно с их участием в процессе нескончаемых бесед и обсуждений при несомненном лидерстве великого князя и рождалась доктрина отечественного парового флота.

Основным противником России на море в те годы являлась Англия. Уроки Крымской войны и анализ возможных сценариев развития будущего позволили Константину Николаевичу сделать абсолютно точный прогноз — в течение нескольких десятилетий Англия останется основным соперником России в Мировом океане. Великий князь не ошибся, «владычица морей» оставалась потенциальным противником России вплоть до начала XX века. В каче-

стве силы, противодействующей ее усилиям на международной арене, и создавался отечественный паровой броненосный флот.

Явное неравенство возможностей на море после Крымской войны определило на несколько десятилетий не только задачи флота, но и программу военного кораблестроения. При выработке военно-морской доктрины за образец были приняты действия флота Соединенных Штатов Америки во время войны за независимость, и особенно в войне против Англии в 1812–1814 годах. Буквально закусанная «осами и оводами», как называла тогда пресса быстроходные американские крейсера, «владычица морей» вынуждена была пойти на приемлемый для американцев мир. На океанских коммуникациях «осы и оводы» терзали британскую морскую торговлю беспощадно. Будучи настигнуты англичанами, они бесстрашно вступали в бой и не раз одерживали сенсационные победы. Что же касается побережья США, то здесь английским десантам противостояли гребные и парусно-гребные канонерские лодки. Вооруженные мощными гладкоствольными орудиями, они представляли собой грозную силу даже для британского флота.

Еще во время Крымской войны, проводя испытания одной из таких канонерских лодок, великий князь едва не погиб. 17 июля 1855 года внезапно налетевший шквал опрокинул плоскодонную канонерскую лодку с великим князем на борту. Константин Николаевич был отличным пловцом и без труда доплыл до ближайшего обеспечивающего судна. Однако его адъютант — лейтенант князь Е. А. Голицын — погиб. Несмотря на несчастный случай, канонерские лодки американского типа успешно применялись для отражения атак английского флота под Свеаборгом.

Итак, следуя замыслу Константина Николаевича, вновь создаваемый флот начинал развиваться в двух направлениях. Его боевым ядром в океане должны были стать быстроходные парусно-винтовые корветы и клиперы, обладавшие большой автономностью. Будучи заблаговременно развернуты в Мировом океане, они могли в любой момент ринуться на британские морские торговые суда. В то же время предполагалось, что на Балтике, Черном и Белом морях, маскируясь в шхерах, лиманах и губах, англичан



будут поджидать небольшие, но вооруженные мощными орудиями канонерские лодки и мониторы. Так выглядела концепция, получившая воплощение в стратегическом плане развития флота.

Строить винтовые корабли начали еще во время войны. Техническое превосходство парового флота союзников, пришедшего на Балтику и угрожавшего столице, превратило наши парусные корабли в малоподвижные плавучие батареи. На первых порах основная тяжесть защиты прибрежных вод легла на небольшие парусно-гребные канонерские лодки. Однако при всем героизме их экипажей, не боявшихся вступать в бой даже с линейными кораблями противника, противостоять паровым кораблям они не могли. Первоочередной задачей Морского министерства стало создание винтовых канонерских лодок. Инициатором срочного ее решения являлся Константин Николаевич. Несмотря «на малую подготовленность русских заводов, работа закипела: Великий князь входил во все, и только благодаря его личной настойчивости и надзору чертежи составлялись, машины строились».

Между тем «неподготовленность наших казенных адмиралтейств и заводов к столь сложным работам... отсутствие механических средств, весьма ограниченное число хороших мастеровых, отсутствие всякой опытности инженеров-строителей и механиков,... неимение запасов, необходимых для судов нового рода,... наконец, неимение частных судостроительных и механических заводов... — все это составляло громадное препятствие к пополнению Балтийского флота современными судами. Но эти затруднения не остановили деятельность Генерал-Адмирала..., и он решился в трудные годы войны положить начало нашей независимости от заграничных заводов созданием на отечественных казенных и частных заводах средств для постройки винтовых судов. Это вызвало небывалую деятельность в наших северных адмиралтействах. Целый ряд улучшений и нововведений на наших казенных заводах начал вводиться в виду, так сказать, неприятия. В то же время сделано было приглашение частным заводам принять на себя приготовление винтовых механизмов при покровительстве... Морского министерства. Предложение это было принято с признательностью нашими заводчиками, но

они были до такой степени не готовы к исполнению столь неожиданных работ, что Морскому министерству приходилось даже раздроблять свои заказы так, что предметы одного механизма изготовлялись на нескольких заводах». Забегая вперед, скажем, что итог этой деятельности был поразителен. За короткий промежуток времени, всего за 8 лет (с 1855 по 1863 год) флот получил 132 винтовых судна, из которых за границей были построены всего пять.

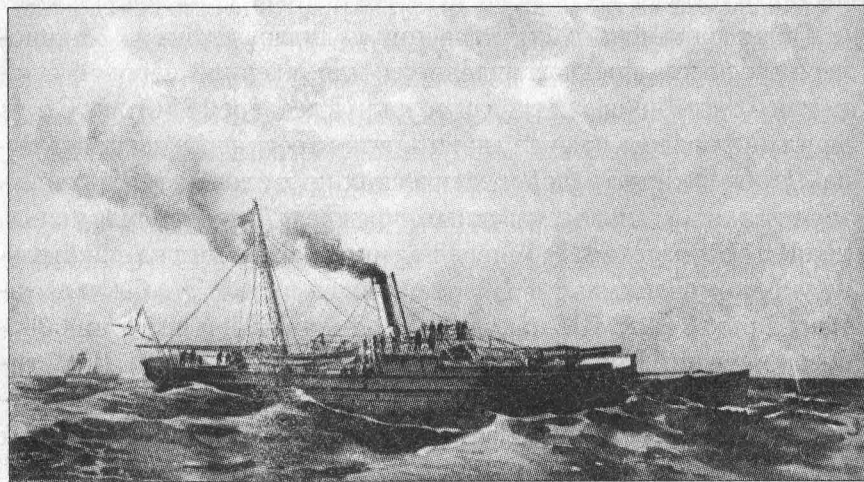
Первенцем нового судостроения являлась серия из 38 канонерских лодок, предназначавшихся для шхерной паровой флотилии. Шесть первых лодок заложили в декабре 1854 года. Сдать их планировалось к началу навигации, то есть через четыре месяца. Чтобы избежать бюрократических проволочек, столь характерных для российских казенных учреждений, контроль за исполнением срочного заказа генерал-адмирал возложил на специально уполномоченных лиц. Назначил их он лично. Это были капитаны 2 ранга И. А. Шестаков, П. Ю. Лисянский и чиновник особых поручений Кораблестроительного департамента Н. И. Путилов. Последний отвечал за заказ паровых машин, котлов и поставку материалов для корпусов кораблей. Вот как вспоминал об этой работе И. А. Шестаков.

«Все, впряженные в тяжелую колесницу громадного труда, везли дружно, радуясь, что августейший возница (великий князь Константин Николаевич. — Ю. К.) погоняет и в хвост и в гриву. Часто в техническом отношении изготовление с лишком семидесяти механизмов при наших детских заводских средствах... представляло важнейшее затруднение. Бросаясь всюду для открытия возможности создать флотилию, мы начинали уже отчаиваться. Однажды... директор Кораблестроительного департамента пришел ко мне с предложением употребить для снабжения лодок механизмами чиновника особых поручений Путилова, ручаясь, что он откроет средства, если они только существуют хотя бы в зародыше, и оживит такие, которые давно похоронены, но когда-то существовали.

Великого Князя можно было видеть во всякое время по докладу простого лакея. Он тотчас был уведомлен о блеснувшей надежде

де, призвал Путилова, и к лету флотилия была готова. Талантливый, энергичный, ничем не сразимый и никогда не унывающий Путилов составил себе впоследствии завидную славу промышленного деятеля...

Познакомлю со способностями Путилова анекдотом. Главное наблюдение за постройкой и снабжением лодок было поручено... Лисянскому и мне. Мы стояли у Путилова над душой, не доволь-



Одна из первых отечественных канонерских лодок «Бура»

ствуясь, что труженик сам себе не давал покоя, надоедали ему без всякой жалости... Какой-то цилиндр не лез в лодку, и я не мог найти его ни на одном из заводов, открытых или воскрешенных Путиловым. Взбешенный моими сомнениями колдун посадил меня в карету и повез... в придворное экипажное заведение! Там пропавший без вести предстал предо мной почти оконченный,... его делали тайно, не только без вести для меня, но и без ведома министра двора и придворной конторы!»

Уже летом 1855 года отряд из шести только что вступивших в строй лодок «Шквал», «Шука», «Ерш», «Зарница», «Порыв» и «Бурун» выдержал у Толбухина маяка двухчасовой бой с винтовым фрегатом и двумя пароходами союзников. С этого времени союзники, по признанию французского адмирала Пено, начали думать не только о нападении, но и о собственной защите.

К концу 1858 года благодаря усилиям генерал-адмирала Россия имела уже достаточно сильную флотилию из 75 винтовых канонерских лодок. Базировались они на Петербург, Кронштадт и Свеаборг. Сорок из них образовали в 1861 году Практическую эскадру. Командовал эскадрой впоследствии известный создатель первой тактики парового флота контр-адмирал Г. И. Бутаков.

Теперь об океанском направлении развития флота. Серийная постройка крупных кораблей, изначально проектировавшихся как винтовые, началась с осени 1855 года. В Петербурге и Архангельске были заложены 20 парусно-паровых крейсеров классов «корвет» и «клипер». Как и при сооружении канонерских лодок, надзор за проектированием и постройкой судов возлагался на ближайших соратников генерал-адмирала, наделенных особыми полномочиями. Механизмы для всех кораблей изготовливались на петербургских заводах. В Архангельск их доставляли в разобранном виде. Несмотря на недостатки, обусловленные спешкой, все корабли были спущены на воду в 1856 году. На следующий год частная верфь в Бордо получила заказ на два корабля: фрегат «Светлана» и корвет «Баян». Еще год спустя в Кронштадт пришел построенный в Нью-Йорке винтовой фрегат «Генерал-Адмирал». Так начинался паровой флот России.

В начале 1860-х годов с учетом опыта постройки первых винтовых кораблей началось строительство винтовых корветов и клиперов второй серии. Именно они, воспетые в «Морских рассказах» К. М. Станюковича, продолжили возобновленные после Крымской войны дальние плавания. Только теперь плавания стали не экзотическими «вояжами», как в первой половине XIX века, а рядовой будничной службой. Под командованием Г. И. Бутакова, И. Ф. Лихачева и А. А. Попова парусно-винтовые корветы и клиперы обеспечивали охрану активно осваиваемого дальневосточного Приморья. Постоянное присутствие в Тихом океане русских эскадр явилось не только прекрасной школой для моряков будущего броненосного флота, но и весомым военно-дипломатическим фактором на тихоокеанском театре.



Фрегат «Светлана»

В середине июня 1856 года руководство Морского министерства вело в Петербурге переговоры с одним из совладельцев французской судостроительной фирмы «Collas et Comp» Б. Колло. Речь шла о постройке для русского флота в Бордо двух кораблей — фрегата и корвета. Оба судна планировалось строить по так называемой «композитной системе» — железный набор корпуса и деревянная наружная обшивка. Строителем судов должен был быть известный в то время французский кораблестроитель Арман.

Переговоры шли успешно, и 30 июня контракт был подписан. Он предусматривал следующие характеристики 60-пушечного фрегата: водоизмещение — 3200 тонн, длина — 70 метров, ширина — 14,6 метра, осадка — 6,25 метра. Стоимость постройки оценивалась в 2 800 000 франков, т. е. около 705 тысяч рублей серебром. Вооружение фрегата состояло из 33 60-фунтовых пушек и 27 30-фунтовых. Паровую машину мощностью 450 лошадиных сил предполагалось заказать во Франции или в Англии. Полностью снаряженный фрегат должен был покинуть Бордо 1 мая 1858 года. За каждый день задержки предусматривался штраф 500 франков. Переход в Кронштадт фрегат должен был совершить с русским экипажем. Уголь и провизию обеспечивала русская сторона.

Наблюдающим за постройкой и исполняющим обязанности командира фрегата стал капитан 2 ранга П. Ю. Лисянский, сын первого русского кругосветного мореплавателя Ю. Ф. Лисянского. 14 августа 1856 года генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич уведомил его и Б. Колло телеграммой, что император утвердил финансирование строительства кораблей в Бордо. Быстро закончив согласование чертежей и спецификации фрегата, П. Ю. Лисянский прибыл в Петербург. Его доклад в Кораблестроительном департаменте прошел успешно и спецификация нового фрегата, получившего название «Светлана», была утверждена. 20 августа П. Ю. Лисянский вернулся в Бордо, кстати, уже капитаном 1 ранга. В сентябре во Францию начали прибывать и первые офицеры фрегата.



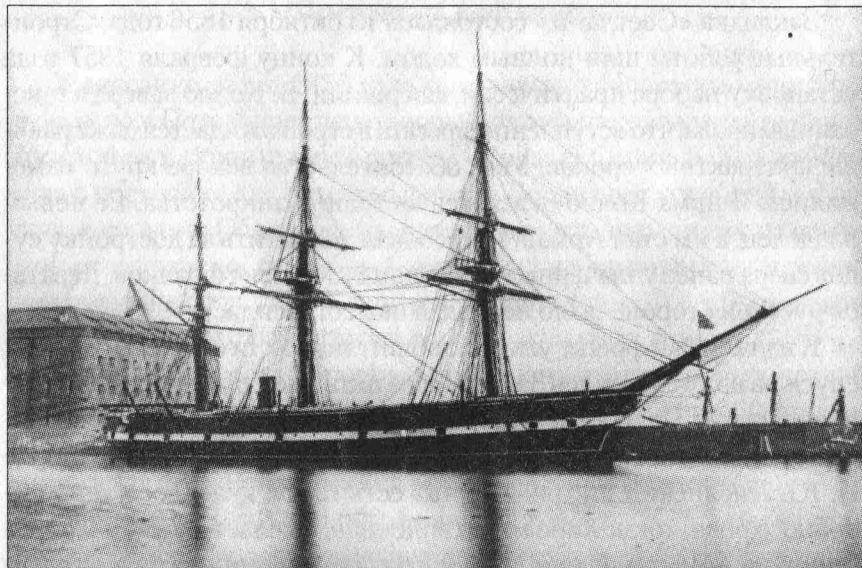
Закладка «Светланы» состоялась 13 октября 1856 года. Строительные работы шли полным ходом. К концу февраля 1857 года установку набора практически завершили. Б. Колло заверил генерал-адмирала, что вступление фрегата в строй ожидается даже раньше контрактных сроков. Увы, обстоятельства вскоре круто изменились. Фирма Колло оказалась на грани банкротства. Ее новый владелец, а им стал Арман, потребовал доплатить за достройку судов сверх ранее уплаченных сумм еще 1130 тысяч франков. Деваться русской стороне было некуда, и она согласилась.

К началу мая фрегат уже был обшит медью. Его торжественный спуск на воду состоялся 3 мая. Через пять дней приступили к установке мачт, а 4 июля и к погрузке машины. Постепенно фрегат обретал очертания боевого корабля. В своем очередном рапорте П. Ю. Лисянский писал: «Фрегат есть самое красивое судно подобного рода, когда-либо мною виденное, и делает честь способностям г-на Армана». С прибытием в начале июля экипажа достроечные работы пошли еще быстрее. Активное участие в них принимали матросы и офицеры.

27 сентября буксиры спустили фрегат по реке, и он встал на якорь в гавани Бордо. Рано утром 2 октября 1858 года в присутствии строителя Армана, главного инженера завода и двух комиссаров от французского правительства на «Светлане» развели пары. Вскоре фрегат самостоятельно вышел в Бискайский залив и приступил к испытаниям. В целом испытания прошли удовлетворительно, хотя замечаний было много. Тем не менее П. Ю. Лисянский, имевший предписание прибыть в Кронштадт до ледостава, решил на верфь не возвращаться. Догрузив необходимые запасы, он вышел в море и направился к родным берегам.

К сожалению, переход, начавшийся 7 октября, оказался не из легких. Поломки шли одна за другой. В конечном итоге машину пришлось остановить. Плавание продолжили под парусами. 12 октября «Светлана» вошла на Спидхедский рейд. Сразу приступили к ремонту котлов и машины. Работы велись круглосуточно, и через пять дней плавание продолжили. В Киле, куда фрегат прибыл 24 октября, «Светлану» посетил генерал-адмирал Константин Николаевич. «Это чудное судно, лучший из имеющихся у нас фрега-





Фрегат «Светлана» готовится покинуть Бордо.

тов и которым любой флот мог бы гордиться», — писал он Александру II.

Между тем драгоценное время для перехода в Кронштадт было упущено — навигация в Финском заливе подходила к концу. Встал вопрос: идти в Кронштадт или зимовать в Киле? П. Ю. Лисянский уговорил генерал-адмирала разрешить переход, «в крайнем случае, зимуем в Ревеле, чтобы быть в русских водах». Генерал-адмирал согласился. В море «Светлана» вышла 2 ноября, но вскоре в корме открылась течь. Пришлось взять курс на Копенгаген. Через четыре дня втянулись в гавань. Другого выхода, кроме докования, не было. Предстояла и зимовка.

Наконец, 28 апреля 1859 года «Светлана» покинула Копенгаген и в начале мая прибыла в Кронштадт. Здесь фрегат зачислили в 23-й флотский экипаж Балтийского флота. После замены артиллерийского вооружения фрегат перевели в ранг 40-пушечных. Началась его служба в русском флоте. Несмотря на не совсем удачное начало, в целом служба «Светланы» была долгой и успешной. В свой первый дальний поход фрегат вышел 4 сентября 1859 года. Предстояло плавание в Средиземное море. На следующий год прямо

оттуда «Светлана» ушла на Дальний Восток. В Кронштадт она вернулась лишь через два года.

Такая уж судьба сложилась у этого корабля — почти все время в заграничных плаваниях, в дальних морях. Единственный перерыв был связан с ремонтом на Кронштадтском паровом заводе. Ремонтировали фрегат с 1868 по 1870 год, полностью перебрали корпус, машину. Фрегат оснастили многими самыми новыми на то время достижениями техники: «магнитоэлектрическим аппаратом для освещения в ночное время, опреснительными установками, обеспечивавшими пресной водой суточные потребности 560 человек фрегатского экипажа», а также многими другими техническими новинками, «весьма необходимыми для удобства плавания». Однако самым главным в модернизации «Светланы» явилось ее вооружение десятью 203-миллиметровыми нарезными орудиями. Фрегат стал одним из первых деревянных кораблей российского флота, вооруженных нарезной артиллерией. Служила «Светлана» долго, более 30 лет. В 1892 году многократно испытанная жесткими штормами всех широт она была исключена из списка судов флота. В историю кораблестроения «Светлана» вошла как «долгожитель» в классе деревянных фрегатов.

Флот выходит в океан

В том, что лучше, чем дальние плавания, морской школы для офицеров и команд быть не может, великий князь был убежден. «Сделаться настоящим моряком и полюбить море, плавая только в тесных пределах Балтийского моря, — писал он в докладе императору, — совершенно невозможно. Только постоянное пребывание офицеров в течение двух, трех лет в дальнем плавании, разнообразие и неожиданность тех положений, соединенных с ответственностью, в которые их ставят обстоятельства, сами опасности, с которыми им приходится бороться, придают им неоценимые для морской службы свойства: навык и любовь к морской стихии, глубокое сознание чувства долга, твердость характера,



отвагу, спокойствие духа, великодушное пожертвование в минуты опасности и находчивость... Уже приобретение одних этих драгоценных свойств, из которых и складывается то, что обыкновенно называют „морской дух“,... вполне вознаградило бы те денежные жертвования, которые принуждено делать государство при постоянном содержании военных судов в дальних... плаваниях. Но эти плавания дают нам еще в высшей степени важные выгоды. Эти плавания служат отличной проверкой качества наших судов. Изучение вод, портов, лоций и иностранных флотов доставляет нам неоценимые для военно-морского дела сведения, а встречи с судами иностранных флотов возбуждают стремление к усовершенствованию, питаемое благородным чувством... гордости и соревнования».

Император поддержал великого князя и почти сразу с окончанием войны в 1856 году, несмотря на крайне тяжелое финансовое положение страны, разрешил снарядить в заграничное плавание первую послевоенную эскадру. В Средиземное море ушли три паровых судна — корабль «Выборг», фрегат «Палкан», пароходофрегат «Олаф» и два парусных — фрегат «Кастор» и бриг «Филоктет». Парусным кораблям предписывалось состоять при российских миссиях в Афинах и Константинополе, паровым — находиться в Ницце, где отдыхала вдовствующая императрица Александра Федоровна. Однако по пути в Средиземное море начальник эскадры получил приказ государя — собрать всю эскадру в Генуе и ожидать прибытия генерал-адмирала.

Великий князь прибыл 23 января 1857 года. Орудийные салюты, флаги расцветивания, команды судов выстроены по рядам. На Генуэзском рейде раздается русское «ура!», звучит «Боже, царя храни». Невелика была мощь русской эскадры. Но не в этом видел смысл смотра генерал-адмирал. Андреевский флаг вновь реял в Средиземном море и не на одном корабле, а на целой эскадре. Это означало, что Российский флот вышел в Мировой океан.

После смотра «Кастор» и «Филоктет» отправились по назначению. С отъездом Александры Федоровны паровые корабли под флагом генерал-адмирала продолжили плавание по Средиземному морю. Дальние походы с этого времени уже не прекращались.



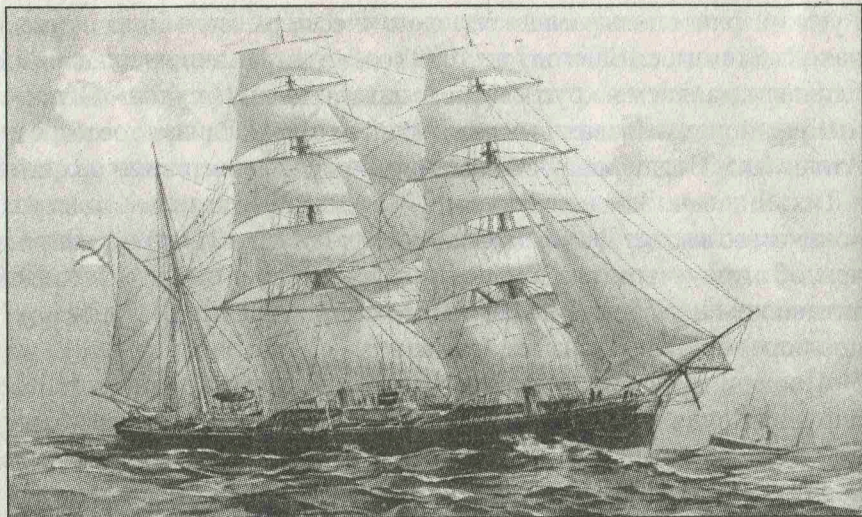
Русский флаг вновь развевался практически на всех морях и океанах. За 24 года, с 1855 года по 1879 год, «в заграничном плавании, ближнем, дальнем и кругосветном, находилось 511 судов». Основными районами плавания стали Тихий океан, Средиземное море и Атлантика. Подавляющее большинство судов совершило походы в Тихий океан. Здесь побывали 278 судов. В некоторые годы их количество в водах Дальнего Востока доходило до 24 единиц. Впрочем, об этом чуть позже, а пока о других заграничных походах. По активности посещений после Тихого океана следовало Средиземное море — 139 судов, затем Атлантика — 39 судов.

Последним годом, когда в заграничное плавание отправились парусные суда, стал 1857 год. На следующий год из Кронштадта ушли две паровые эскадры. На Дальний Восток — отряд кораблей под командованием А. А. Попова. В Средиземное море — эскадра под командованием К. И. Истомина. Сам великий князь из года в год почти постоянно поднимал свой флаг на кораблях Средиземноморской эскадры. Под флагом генерал-адмирала российские корабли посетили порты Франции, Италии, Греции, Северной Африки, а на переходах из Кронштадта — Англии и Германии.

Постоянное пребывание флота в Средиземном море требовало хотя бы минимальных условий базирования. По ходатайству Константина Николаевича правительство Сардинии выделило России во временное пользование небольшую территорию в местечке Виллафранк, что неподалеку от Ниццы. Вскоре здесь уже функционировали госпиталь, баня, мастерские для ремонта судов, строилась пристань. Что и говорить, в Средиземном море российский флот обосновался надолго и капитально. Уже в 1858 году там собралась эскадра в составе корабля «Ретвизан», фрегатов «Громобой» и «Палкан», корвета «Баян» и пароходофрегата «Рюрик». «4 декабря Его Императорское Высочество Генерал-Адмирал поднял свой флаг на фрегате „Громобой“ и, построив суда в линию баталии, вышел со всей эскадрой в море». Какие же задачи решал наш флот в Средиземном море?

Первая и основная, как считал Константин Николаевич, — это демонстрация Андреевского флага. Россия не могла не присут-

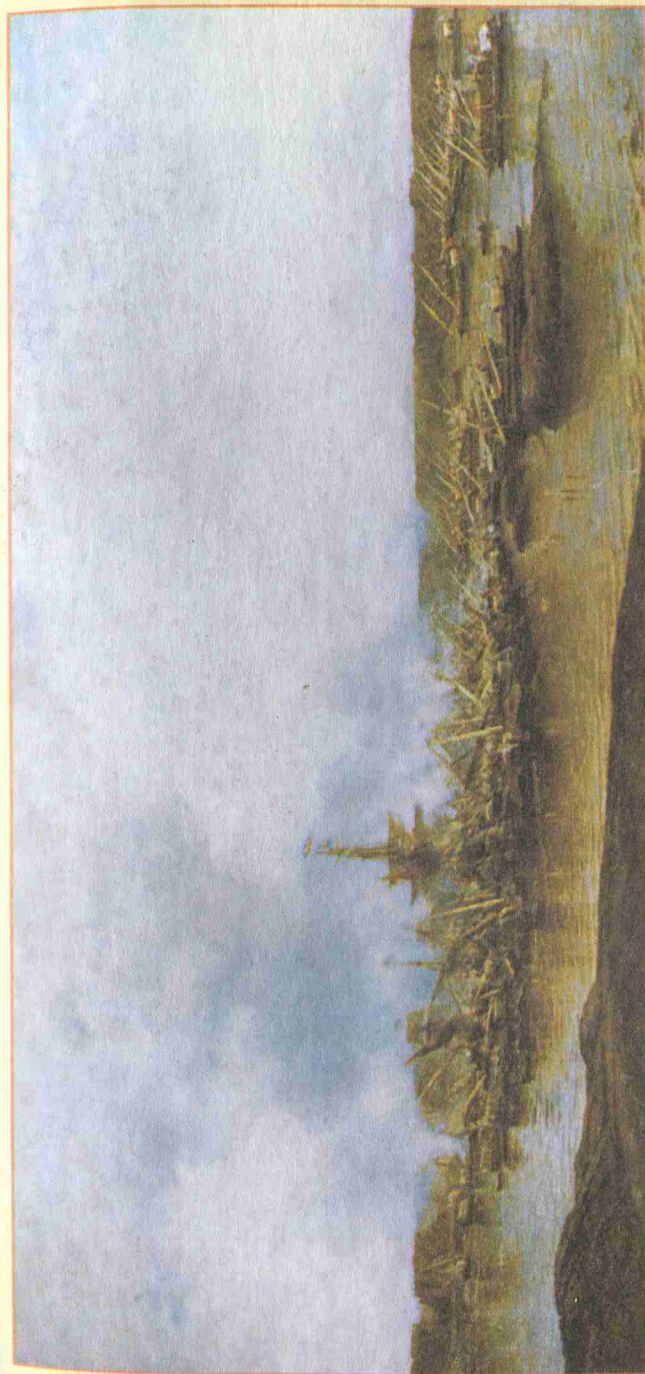




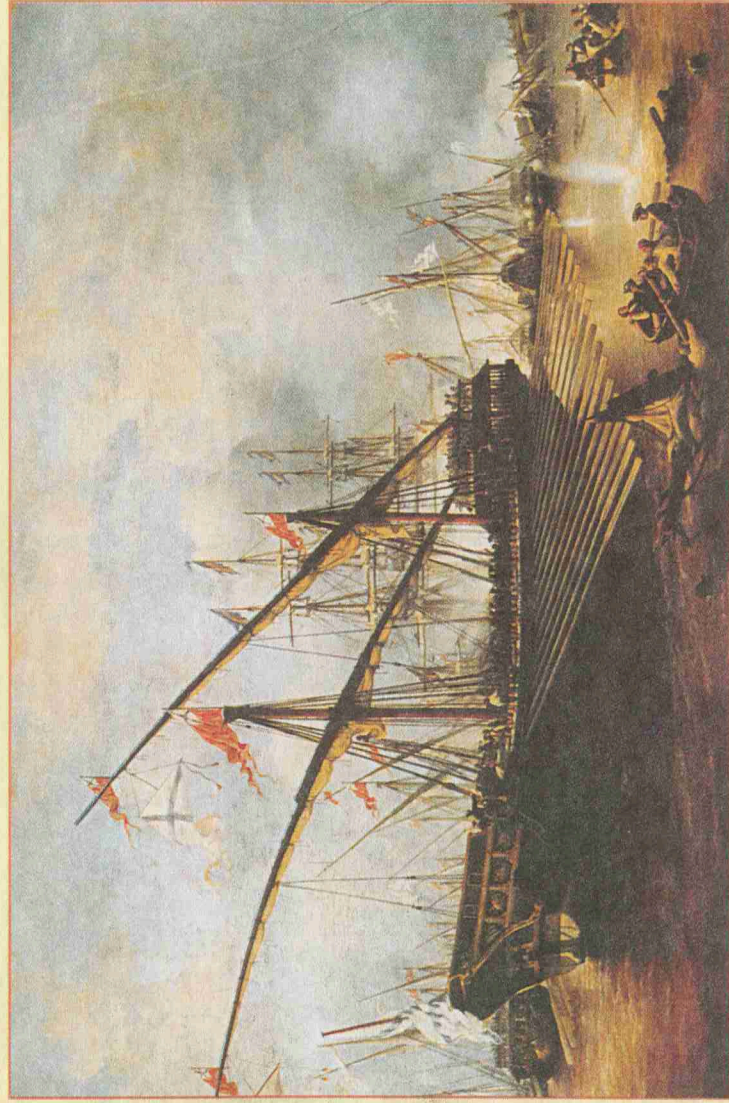
Клипер «Вестник».

ствовать в регионе, исторически представлявшем для нее столь важное военно-политическое значение. «Мы постоянно имели военные суда в греческих водах по политическим требованиям; в 1860 году у берегов Сирии мы охраняли интересы христиан... В 1866 году восстание на острове Кандии дало случай нашим военным судам оказать христиански братскую помощь семействам инсургентов¹ перевозкой их в Грецию. Всего перевезено на наших судах кандиотов 24 915 человек». Российские корабли участвовали в крупных международных событиях, например в открытии в 1869 году Суэцкого канала. Активно использовались дальние плавания и для подготовки будущих поколений моряков. Так, в 1862 году фрегат «Дмитрий Донской» с гардемаринами Морского корпуса и кондукторами Инженерного училища совершил десяти-месячное плавание в Атлантику с посещением городов Брест, Лиссабон, Порто-Гранде, острова Св. Екатерины и Рио-де-Жанейро. Естественно, были и чисто дворцовые заботы — обеспечение отдыха членов царствующей семьи на юге Франции, в Италии и Греции. Была и печальная задача — доставка в Кронштадт тела скон-

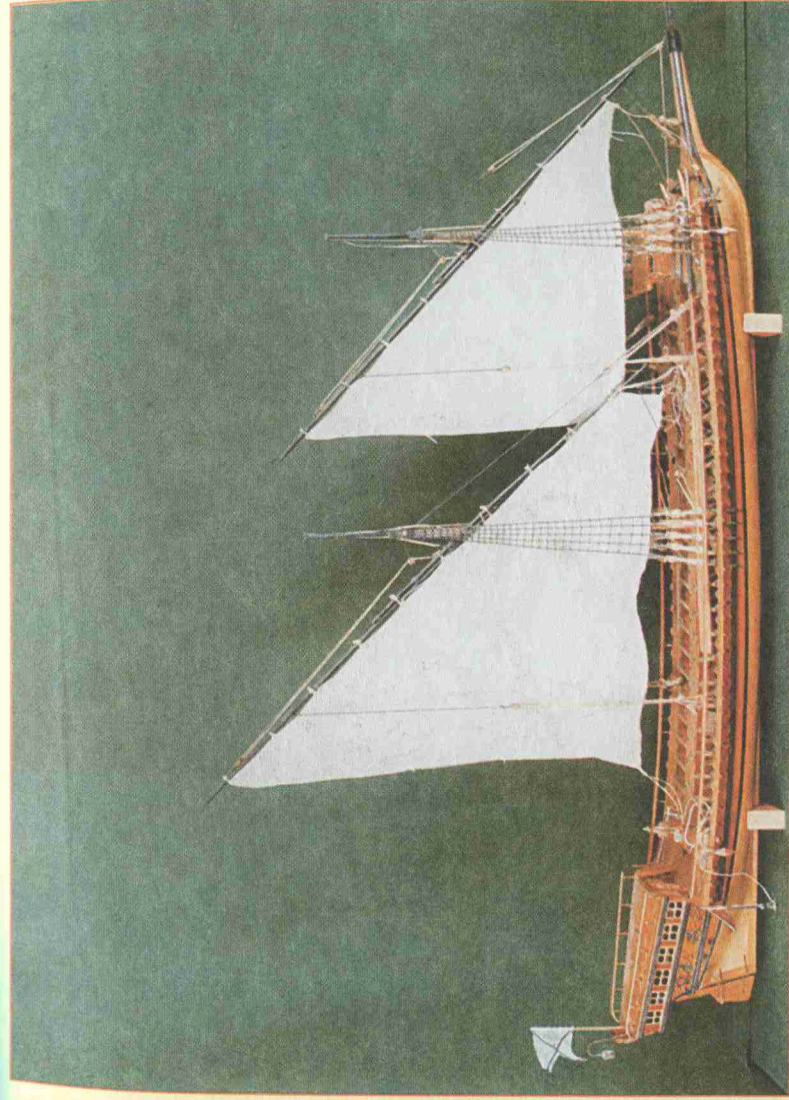
¹ Участников восстания. — *Ред.*



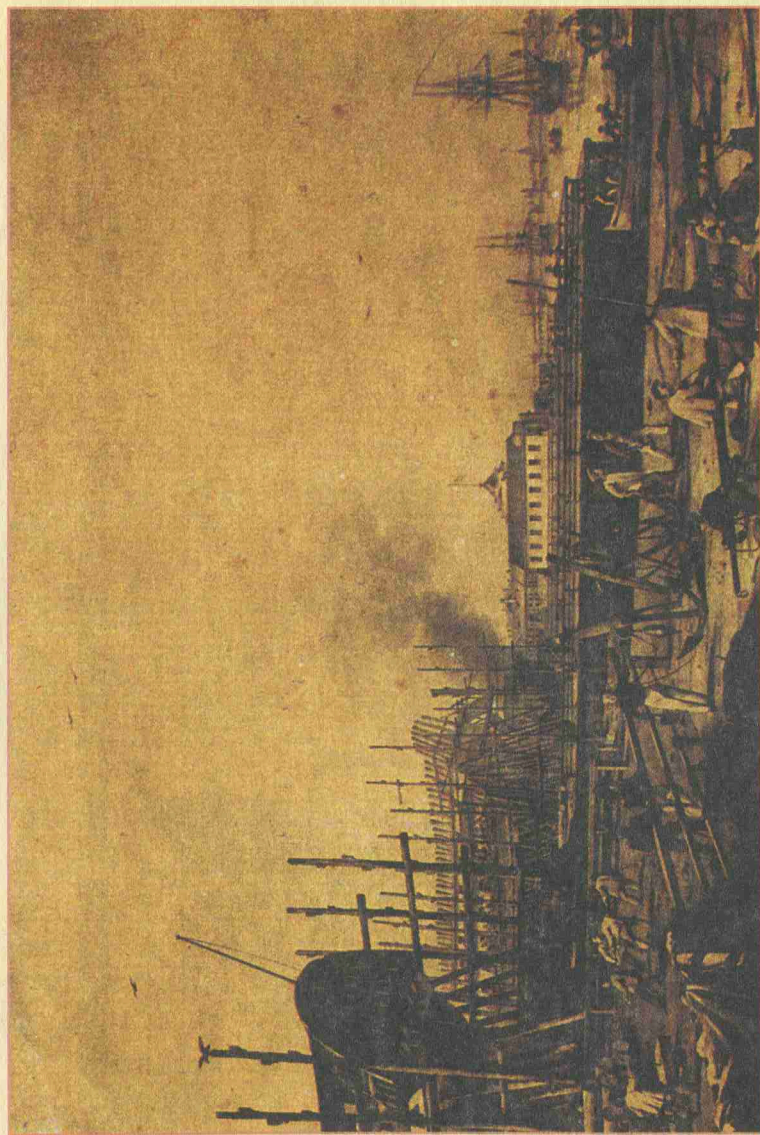
Гангутское сражение 27 июля 1714 г.
После Петра I вторую роль
в сражении играл Ф. М. Апраксин.
(Худ. А. П. Боголюбов)



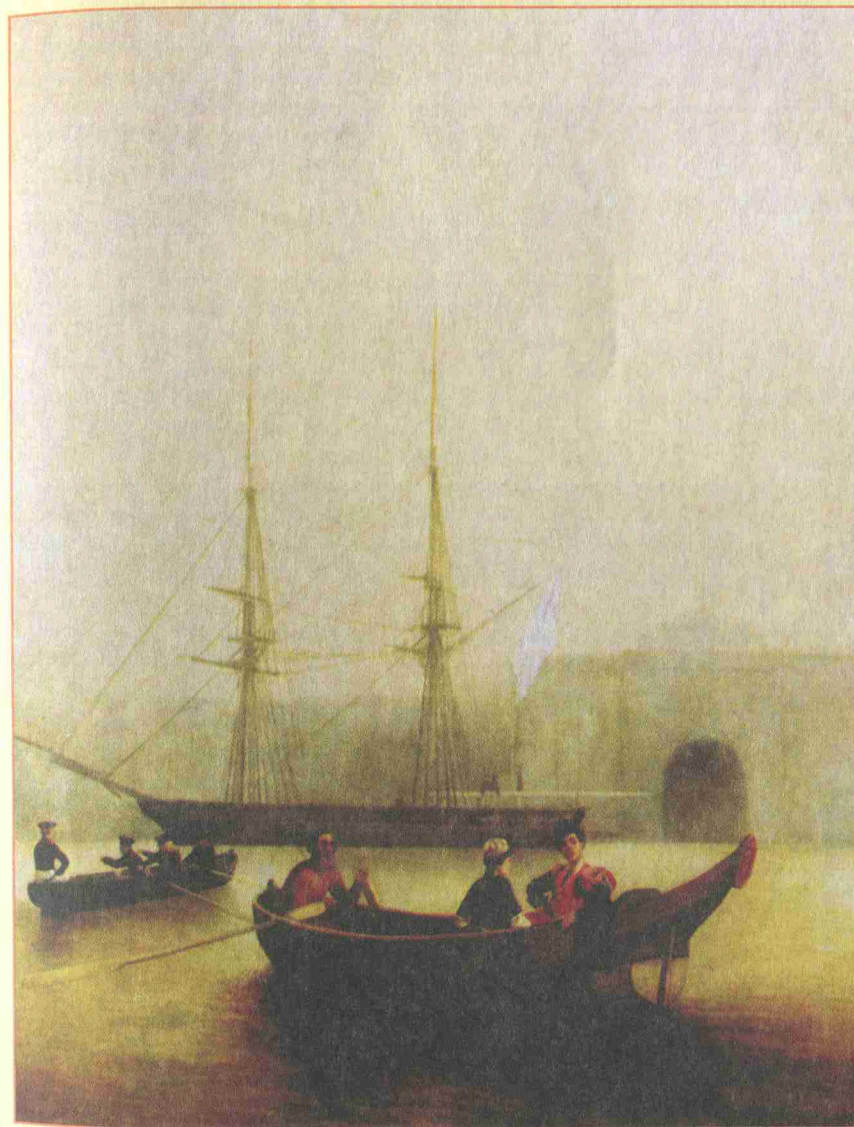
Сражение при Гренгаме 27 июля 1720 г.
Русской галерной эскадрой командовал М. М. Голицын.
(Худ. Ф. Перро)



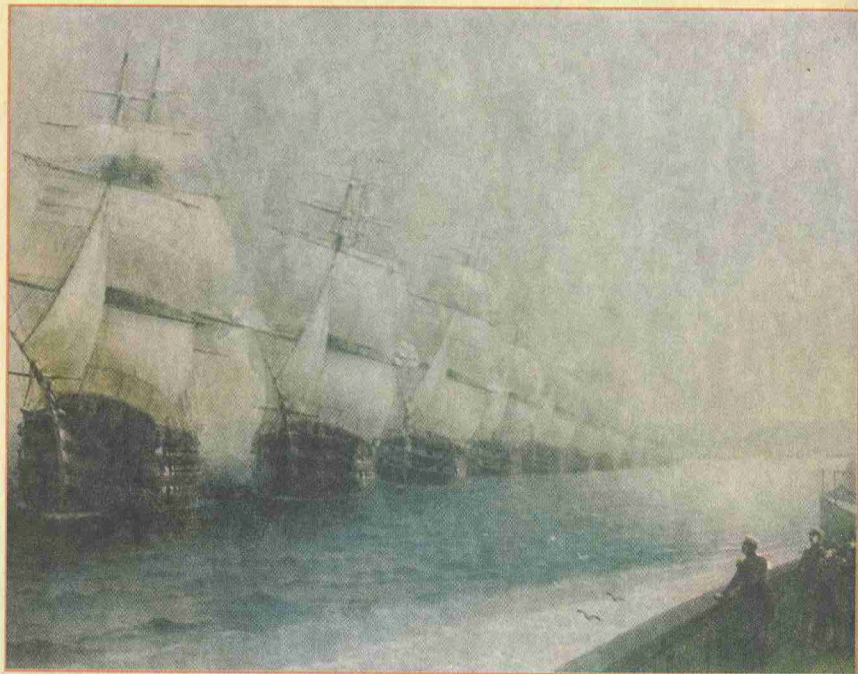
Модель галеры постройки 20-х годов XVIII в.



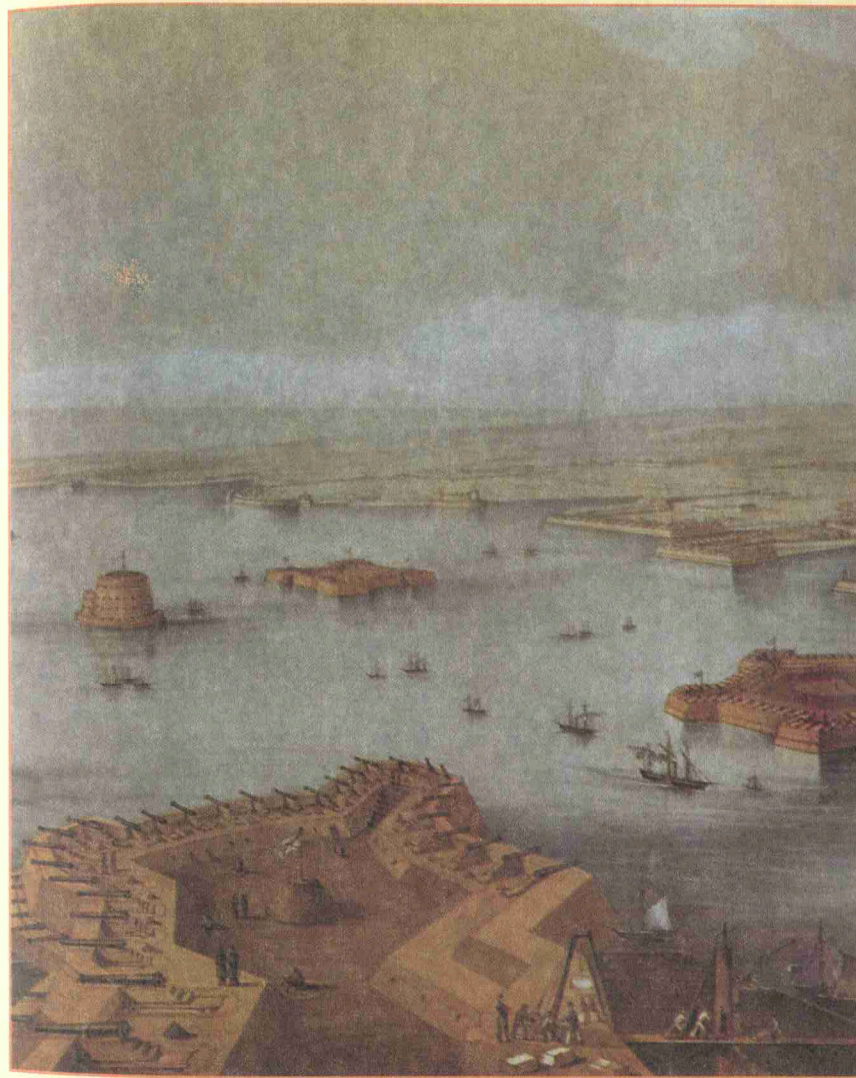
Верфь Главного Адмиралтейства в С.-Петербурге. 30-е годы XIX в.
(Гравюра К. П. Беггрова)



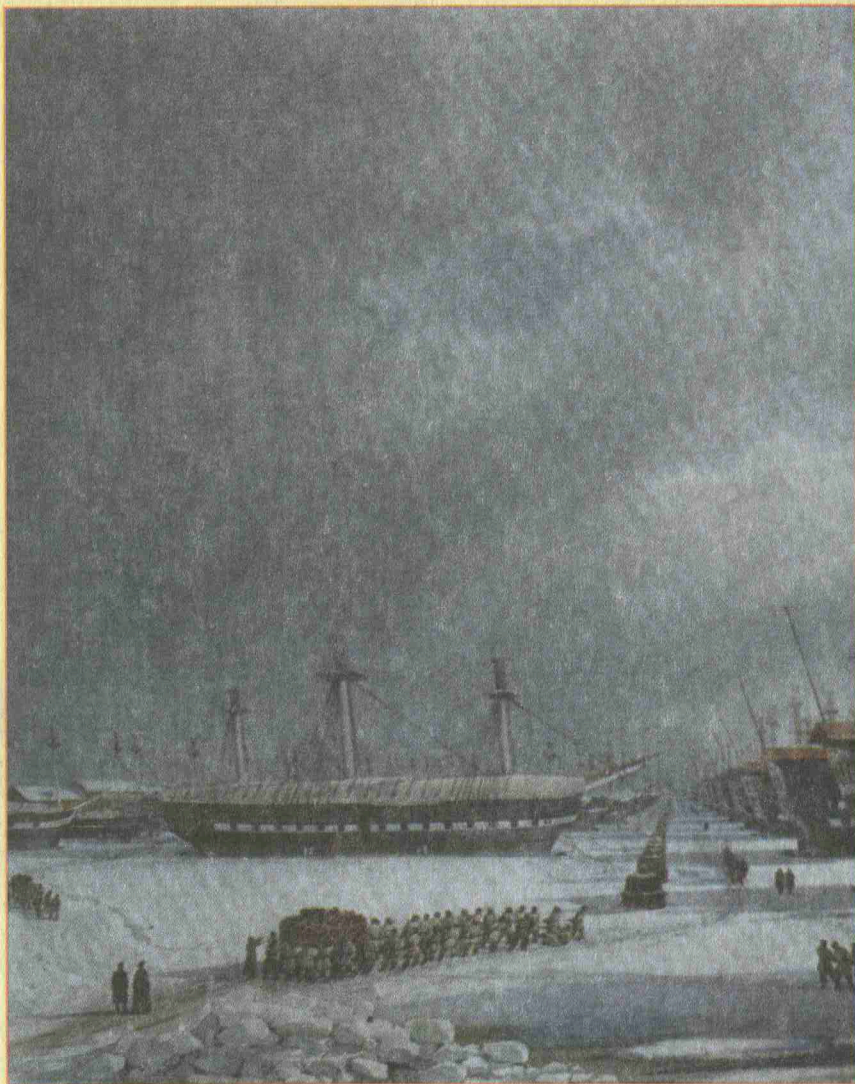
На Неве у Адмиралтейства.
(Худ. А. П. Боголюбов)



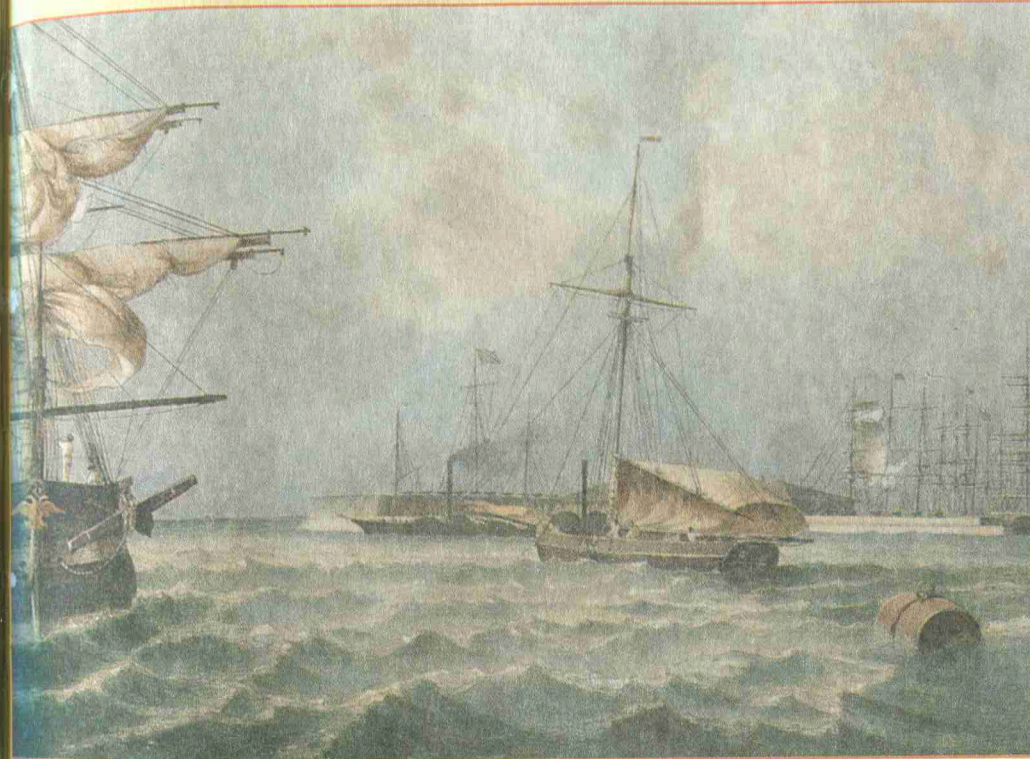
Смотр Черноморского флота в 1849 г.
Таким в 1855 г. генерал-адмирал
великий князь Константин
Николаевич принял русский флот.
(Худ. К. И. Айвазовский)



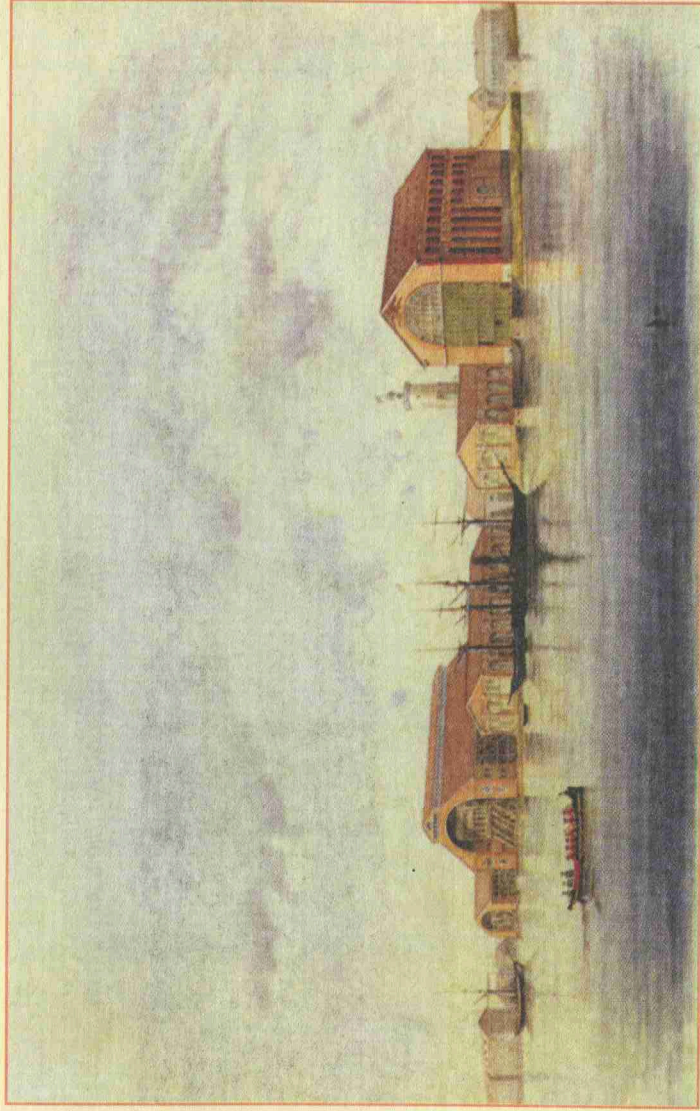
Оборонительные
укрепления Кронштадта
в годы Крымской войны
1853—1856 гг.



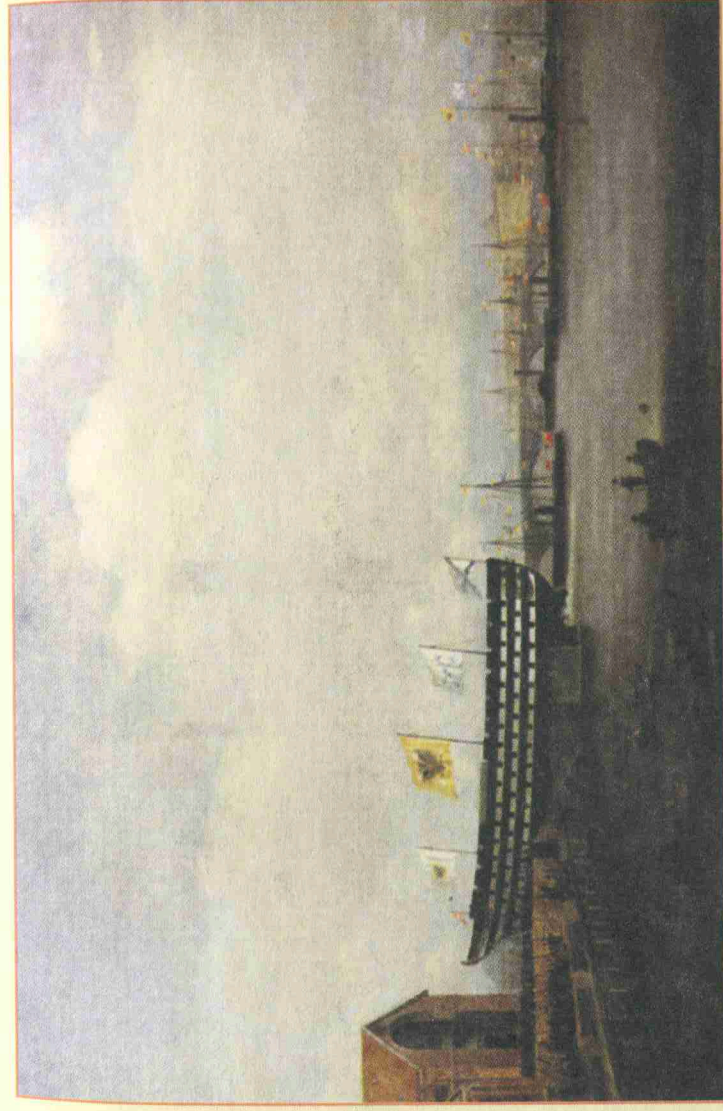
Кронштадтская гавань.
Последняя зима парусного
флота. По решению
Константина Николаевича
с 1857 г. парусные корабли
не вооружались вообще



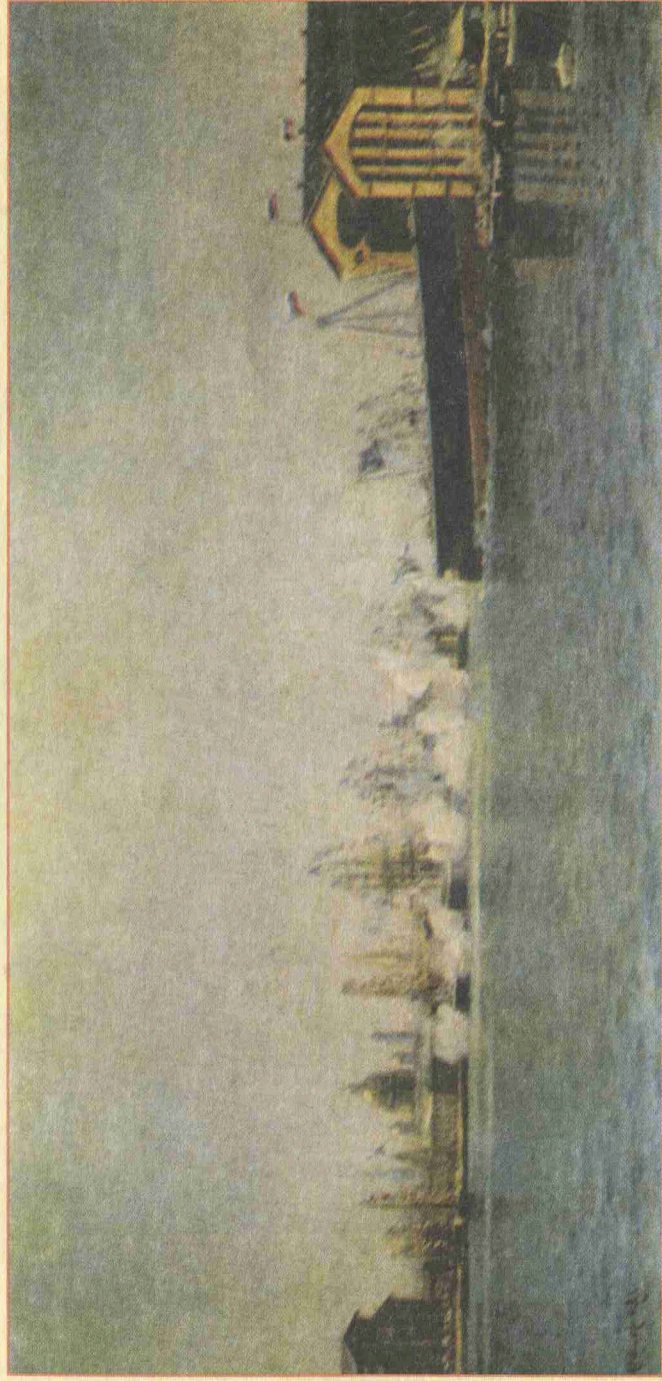
Кронштадтская гавань.
(Худ. К. И. Айвазовский)



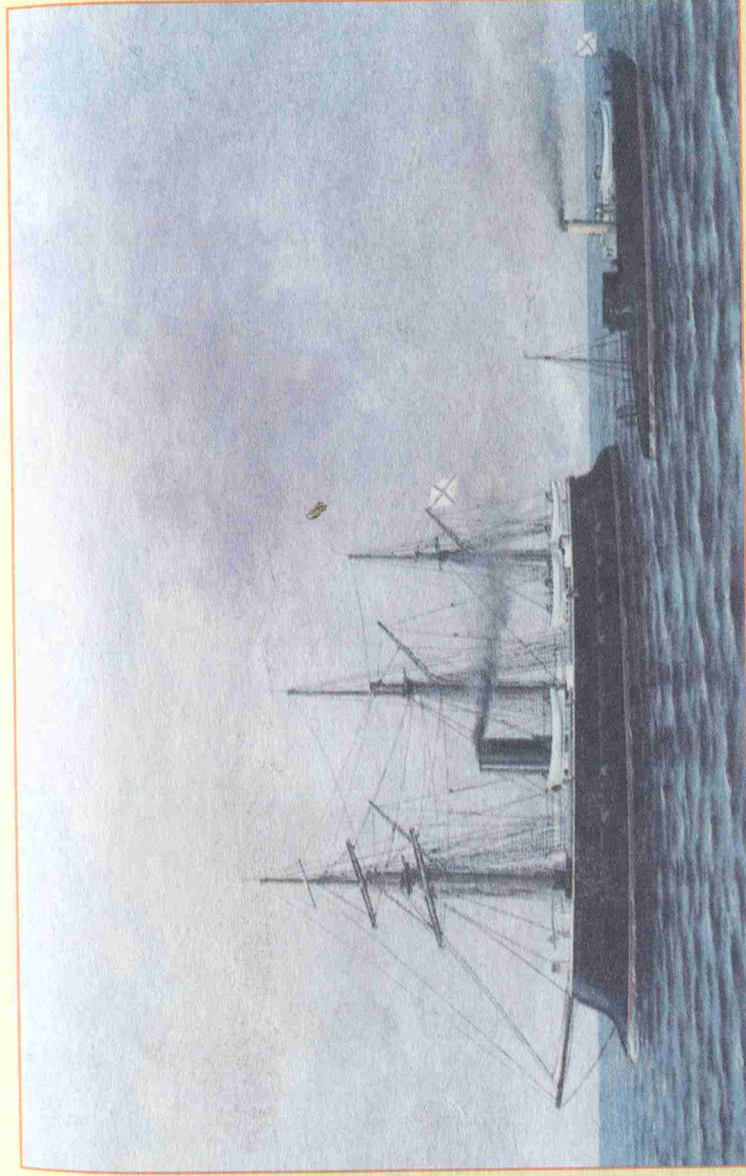
Новое Адмиралтейство в С.-Петербурге.
Начало XIX в.



Спуск в 1860 г. с главного эллинга Нового Адмиралтейства 111-пушечного
винтового корабля «Император Николай I». Это был последний
деревянный парусовинтовой линейный корабль

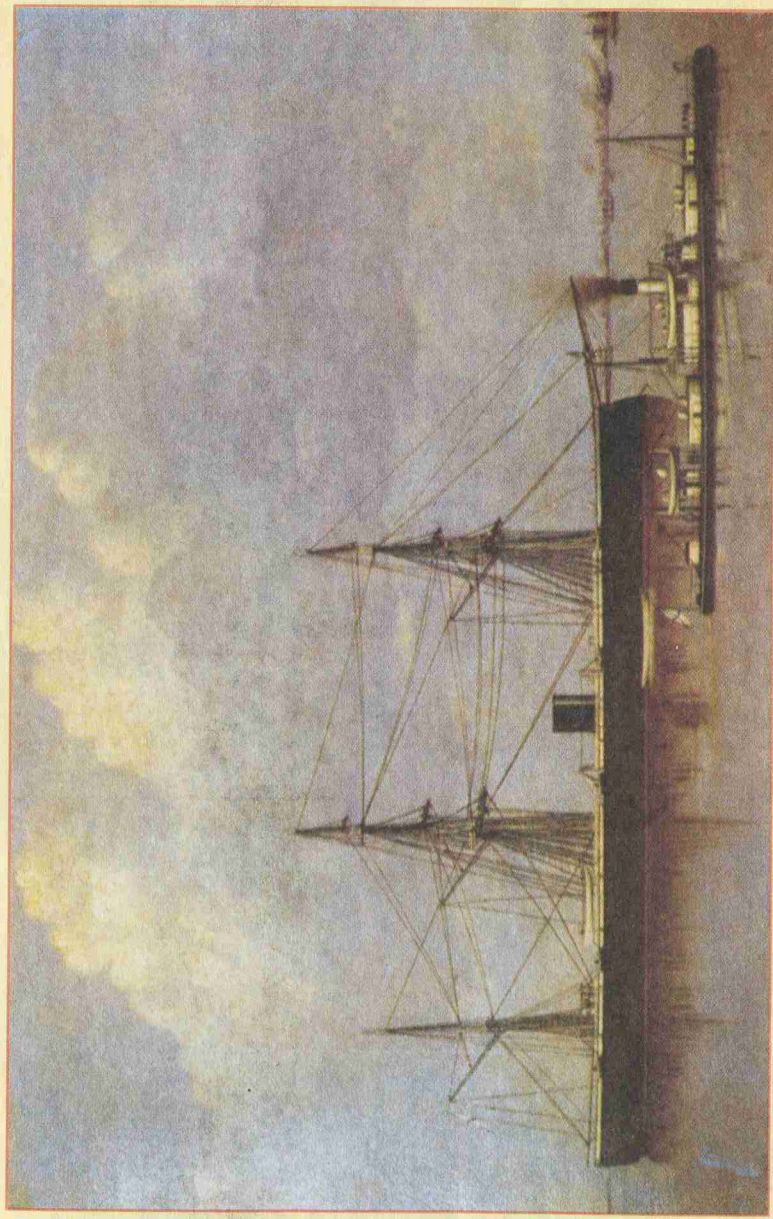


Спуск в 1880 г. в Новом Адмиралтействе
крейсера «Память Азова».
(Худ. Н. Н. Блинов)

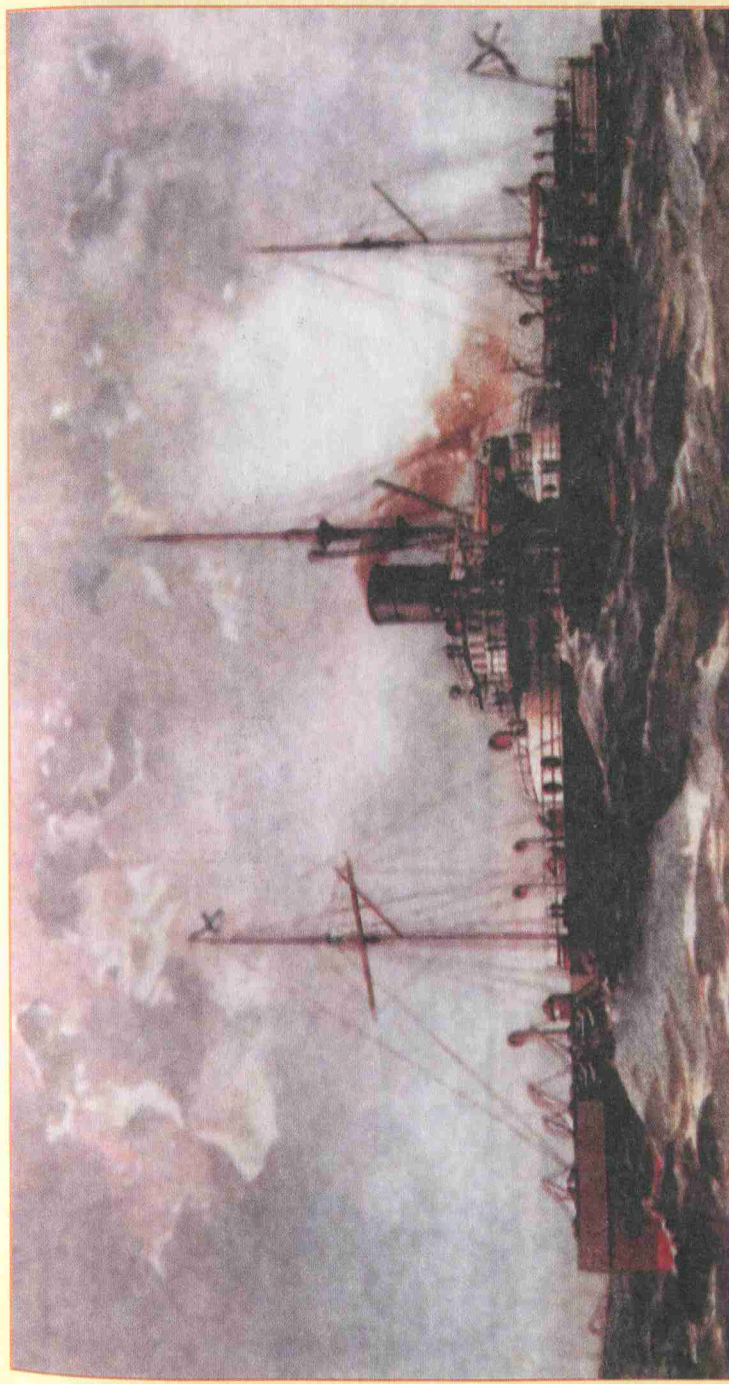


Плавучая броненосная батарея «Не тронь меня»
и канонерская лодка «Опыт».
(Худ. А. П. Алексеев)





Броненосный фрегат «Петропавловск»
и двухбашенная канонерская лодка «Смерч»



Броненосец «Петр Великий»



«Круглые» суда адмирала А. А. Попова — «Новгород»
и «Вице-адмирал Попов»

чавшегося в 1865 году в Ницце великого князя наследника Николая Александровича.

Дороговизну заграничных плаваний Константин Николаевич понимал. Он писал: «Расходы на такие плаванья, конечно, велики, но их по справедливости можно назвать самыми производительными для будущего флота». Чтобы извлечь максимальную пользу из дальних плаваний, сделать их поучительными не только для тех, кто их совершил, но и для других, великий князь разработал специальную систему отчетности. Были введены шканечные журналы. Рапорты начальников эскадр, командиров кораблей и вся документация возвратившихся из-за границы судов подвергалась тщательному анализу и разбору особой комиссией, состоявшей из опытных флагманов и капитанов. Результаты разбора публиковались в «Морском сборнике». Это, естественно, приносило «огромную пользу отечественному мореплаванию и морской военной службе в особенности, т. к. выставленные ошибки и промахи одних служили предостережением для других. Опытность, приобретенная некоторыми, делалась достоянием многих».



Корвет «Витязь».

Непросто давался океан русским морякам. Построенные во время войны и в первые послевоенные годы парусно-винтовые корветы и клиперы с трудом выдерживали океанские условия. «Плавания корветов и клиперов, — писал в своем докладе императору великий князь, — были особенно тягостны, так как ко всем недостаткам, которыми отличались наши суда того времени, они присоединяли еще благодаря небольшим своим размерам тесные и неудобные помещения. Несмотря на это офицеры принимали назначения в дальние плавания с радостью и благодарностью. Их восхищала и оживляла возможность посвятить себя, наконец, настоящей морской службе... и суда, несмотря на свои несовершенства, переходили океаны, подвергались сильным штормам и всем неудобствам зимнего плавания в весьма холодных широтах Приамурского края».

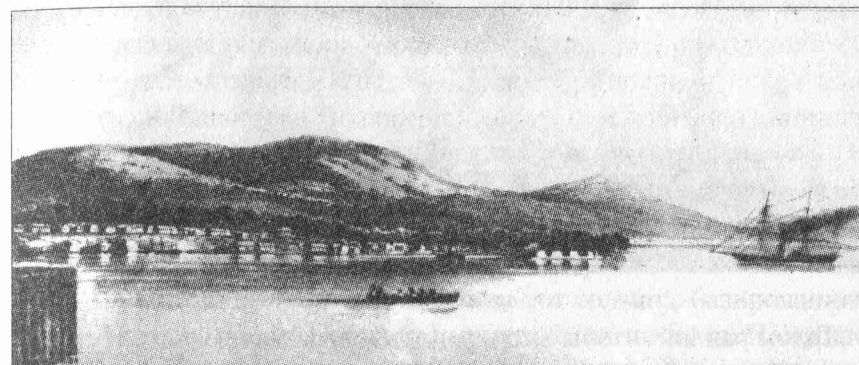
Освоение океана не обходилось без потерь. В 1861 году в Индийском океане, попав в жестокий ураган, погиб со всем экипажем клипер «Опричник». Потерпел крушение в 1863 году у берегов Калифорнии следовавший из Хакодате в Сан-Франциско корвет «Новик». Разбилась на рифах в Сангарском проливе в 1863 году следовавшая из Хакодате во Владивосток шхуна «Первая».

Все аварии и катастрофы тщательно рассматривались Главным военно-морским судом. Решения суда докладывались императору. Разными были постановления суда, но окончательный вердикт императора обычно был оправдательным. Мужество, самоотверженность и способность командиров принимать самостоятельные решения в экстремальных условиях и великий князь, и император ценили прежде всего. На докладах морского генерал-аудитора по результатам исследований катастроф, как правило, стояли такие резолюции императора: «Командира корвета „Новик“ к[апитан]-л[ейтенанта] Скрыплева никакому взысканию не подвергать, а впрочем быть по сему». «Командира шхуны „Первая“ лейт[енанта] Наумова от всякой ответственности по настоящему делу освободить».



На дальневосточных рубежах

Крымская война, нападение англо-французской эскадры на Петропавловск-Камчатский заставили Россию всерьез задуматься о судьбе своих дальневосточных окраин. В конце 1856 года была создана Приморская область Восточной Сибири. В ее состав вошли Камчатская область, Удский и Приамурский край. Центром

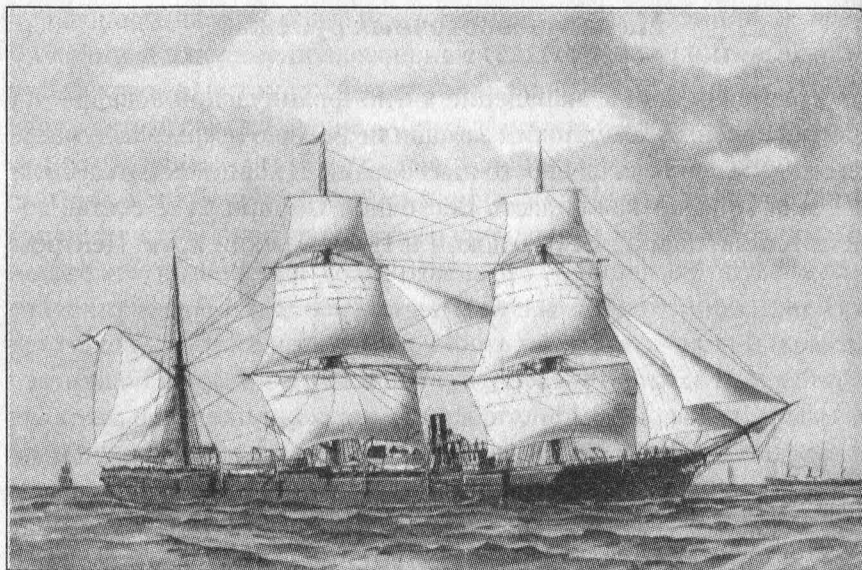


Панорама города Николаевска в устье Амура.

вновь созданной области стал расположенный на Амуре, в 40 км от его устья, Николаевский пост. С образованием Приморской области Николаевский пост стал городом Николаевском-на-Амуре. Одновременно Охотская флотилия была переименована в Сибирскую, а камчатский губернатор капитан 1 ранга П. В. Казакевич стал военным губернатором новой области, одновременно командиром Сибирской флотилии и всех портов Восточного океана. В Николаевске-на-Амуре начинают создаваться мастерские и эллинги для постройки и ремонта судов.

Значительно активизировалась и внешнеполитическая деятельность России на Дальнем Востоке. Ее первым результатом стало возвращение земель в верхнем и среднем течении Амура, уступленных Китаю еще в XVII веке. Земли были возвращены в результате подписания генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым в 1858 году русско-китайского Айгунского договора.





Корвет «Рында».

Годом раньше, чтобы «подкрепить генерал-адъютанта Путятина в его переговорах с китайским правительством», генерал-адмирал отправил на Дальний Восток эскадру под командованием капитана 1 ранга Д. И. Кузнецова. В ее составе — фрегат «Аскольд», три корвета: «Воевода», «Новик», «Боярин» и три клипера: «Плестун», «Джигит» и «Стрелок». В 1858 году к берегам Восточной Сибири взял курс отряд капитана 1 ранга А. А. Попова в составе двух корветов — «Рында», «Гридень» и клипера «Опричник». На следующий год на Тихий океан прибыли фрегат «Светлана», корвет «Посадник», клиперы «Разбойник» и «Наездник». На востоке страны шло интенсивное наращивание морской мощи. Во всех дипломатических переговорах с Китаем и Японией флот стал, по существу, главным аргументом России.

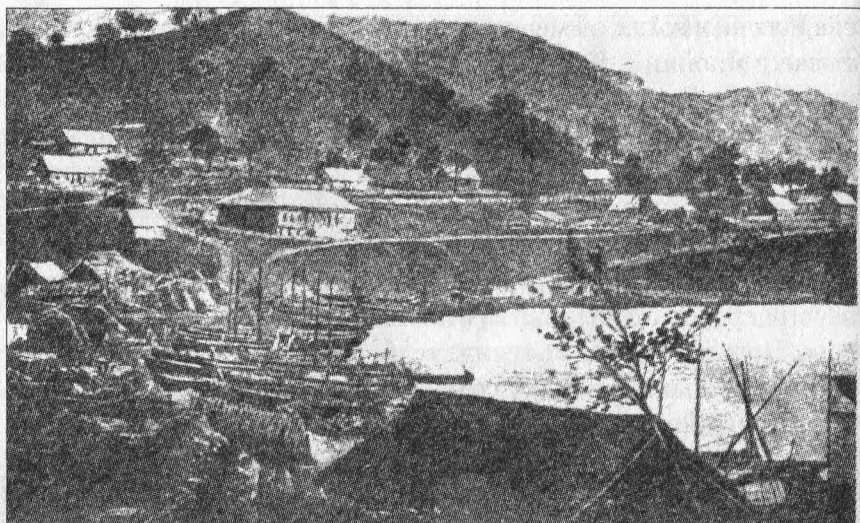
В 1860 году в китайских водах была сформирована Тихоокеанская эскадра — первое постоянно действующее соединение на Дальнем Востоке. Начальником эскадры Константин Николаевич назначил своего адъютанта капитана 1 ранга И. Ф. Лихачева. Ее главная задача, как значилось в разработанной великим князем инструкции, — «ограждение политических и промышленных интере-

сов России в водах, омывающих наши владения на Тихом океане, а также в Японии и Китае». Начальнику эскадры предписывалось «входить в ближайшее сношение с нашими дипломатическими представителями в Китае и Японии и употреблять все усилия и к исполнению требований их, клонящихся к достижению указанных им правительством целей». Именно присутствие Тихоокеанской эскадры в Печилийском заливе (ныне залив Бохайвань в Желтом море. — Ю. К.) сыграло решающую роль в успешном завершении переговоров и подписании с Китаем в 1860 году Пекинского договора. По нему Россия получила территорию восточнее реки Уссури, то есть практически все современное Приморье.

Операционная зона Тихоокеанской эскадры огромна. Она включала в себя моря Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока и Русской Америки. Если учесть непрерывное движение кораблей из Кронштадта в Тихий океан и обратно, то можно сказать, что зона действия Тихоокеанской эскадры распространялась на всю акваторию Тихого и Индийского океанов. Вот только с базированием дела обстояли плохо. Своих баз практически не было. Приходилось пользоваться чужими — японскими и китайскими. Основным местом пребывания наших кораблей становятся Хакодате, Нагасаки и Печилийский залив. В 1870 году контр-адмиралу К. П. Пилкину удалось снять в аренду сроком на 10 лет участок земли под Нагасаки площадью 0,7 га «для исправления на нем гребных судов и устройства бани». Заметим, первое, что строится на арендованном участке, — баня. Вот уж воистину для россиянина баня является предметом первой необходимости! Через несколько лет арендуемый участок расширили до 1,3 гектара. На нем построили кузницу, госпиталь, кухню, шлюпочный сарай и пирс.

Впрочем, велся активный поиск и собственных баз. В 1859 году корвет «Гридень» произвел промеры в бухте Золотой Рог. На следующий год сюда пришел военный транспорт «Манчжур». С него на берег высадились 40 солдат 4-го Восточносибирского линейного батальона. Застучали топоры, и вскоре на западном берегу бухты стояли казарма, кухня, дом для офицеров и неременная баня. К осени на зимовку в бухту вошел корвет «Гридень». Возвели еще одну казарму, еще одну баню и мастерскую с кузницей. Военный





Город Владивосток. 1866 г.

пост получил название Владивосток. Через два года пост был переименован в порт. В 1865 году сюда переведена рота 3-го Восточносибирского батальона. Вместе с ранее прибывшим из Николаевска-на-Амуре дивизионом Забайкальской горной артиллерии они образовали гарнизон порта. Поселок постепенно расширялся. В 1866 году завершилось строительство телеграфной линии, связывающей Владивосток с Николаевском-на-Амуре и другими поселениями Дальнего Востока, проложен телеграфный кабель в Японию. К тому времени во Владивостоке насчитывалось около 500 человек, 10 казенных зданий, 34 частных домов, 12 магазинов-складов и 14 китайских фанз.

В 1871 году генерал-адмирал принял решение о переводе главного порта Сибирской флотилии из Николаевска-на-Амуре во Владивосток. Новый порт стал основным местом ее базирования. В состав флотилии к этому времени входило уже более 20 кораблей. В 1875 году Владивосток обрел статус города. Из Николаевска-на-Амуре сюда была переведена мужская гимназия, а вскоре открылось мореходное училище для подготовки штурманов и судовых механиков. Городу был присвоен герб — уссурийский тигр, выгравированный на серебряном щите, держит за рымы два скре-

пленных якоря. Герб символизировал неразрывную связь Владивостока с флотом. В 1879 году были открыты постоянные паромные линии Владивосток—Петербург и Владивосток—Одесса.

Какие же задачи, помимо усиления дипломатической деятельности России, решал на Дальнем Востоке флот? «Суда эскадры Тихого океана попеременно назначались в крейсерство для наблюдения за иностранцами, посещающими берега и острова Приморской области. Они обязаны были следить, чтобы иностранные китобои не промышляли китов в заливах и бухтах, чтобы без дозволения местного начальства они не приставали к нашим берегам и островам для производства торговли с туземцами и, наконец, чтобы капитаны иностранных судов не оставляли в ненаселенных местах русских владений матросов за наказание, как это случалось прежде». Одним словом, не только военно-политическое обеспечение деятельности России на Дальнем Востоке, но и охрана наших восточных границ легла на плечи флота.

Цусимский эпизод

В конце 1850-х годов в Морское министерство начала поступать информация о повышенном интересе Британии к Цусимским островам. Два разделенных между собой узким проливом острова: северный — Камидзима, южный — Симодзима, расположенные точно посередине Корейского пролива, обеспечивали полный контроль за плаванием в проливе.

Первым на Цусимские острова из русских военно-морских деятелей обратил внимание капитан 1 ранга И. Ф. Лихачев. Вступив в 1860 году в командование созданной им на Тихом океане российской эскадрой, И. Ф. Лихачев сразу понял их стратегическое значение. В одной из своих докладных записок на имя генерал-адмирала он поставил вопрос о целесообразности овладения ими. Как и следовало ожидать, к идее И. Ф. Лихачева великий князь отнесся с большим вниманием и сразу доложил о ней императору. Через несколько дней после доклада императору в ответном письме И. Ф. Лихачеву от 26 июля 1860 г он писал:



«С этим вместе ты получишь мое официальное отношение вследствие твоей записки о Тсу-Симе¹, но чтобы ты его вполне понял, мне необходимо написать тебе несколько объяснительных слов. Записку твою я читал Государю в присутствии Горчакова 22 июля. Государь немедленно ее понял и понял всю действительную важность Тсу-Симы. Горчаков тоже не мог не признать этой важности, но по своей обыкновенной привычке побоялся, чтоб из этого не вышло политического вопроса и, главное, чтобы нам из-за этого не перессориться с японцами... Кончил он тем, что просил меня его от этого дела освободить и что нельзя ли смотреть на это не как на дело дипломатическое, а как на вопрос чисто морской и потому поручить его тебе. Я, разумеется, был очень рад этому обороту и тотчас согласился — нам же лучше. Вот почему и написал я тебе, что дело это должно иметь характер морской сделки, а не дипломатического трактата. Дело в том, чтобы мы могли основать на этом острове морскую станцию *à la Villafranca*. Для этого никакой дипломатии не нужно и никто это лучше тебя самого не сделает... Насчет твоих будущих действий ты сам лучший судья».

В соответствии с полученными от генерал-адмирала указаниями 20 февраля 1861 года И. Ф. Лихачев отправляет на острова Цусима из Хакодате корвет «Посадник». Командовал корветом капитан-лейтенант Н. А. Бирилев. Через десять дней «Посадник» отдал якорь вблизи деревни Осака на острове Симадзима. Действуя в высшей степени осторожно и терпеливо, Н. А. Бирилев получил разрешение цусимского князя на обследование бухты Имосаки, куда перешел 2 апреля. На следу-



Контр-адмирал Н. А. Бирилев.

¹ Цусима. — Ред.

ющий день утром на берегу поставили палатку, а на флагштоке подняли русский флаг. Неподалеку Н. А. Бирилев выбрал место, удобное для ремонта корвета, строительства склада и лазарета. Японские чиновники обязались выделить в помощь 15 плотников и снабжать экипаж продовольствием. На одном из скалистых островков был установлен наблюдательный пост. В рапорте командующему эскадрой Н. А. Бирилев докладывал, что население относится к русским весьма дружелюбно. При порубке леса японцы сами указывали лучшие деревья и помогали в их перевозке. Особенно их восхищала песня «Дубинушка». В начале апреля русские и японские плотники приступили к возведению зданий морской станции: коттеджа для командира, лазарета, бани, шлюпочного и угольного сараев, других построек. Во время отлива «была заложена пристань в 20 футов ширины». В дар местному князю моряки передали часть пушек с корвета, а для обучения японских мальчиков русскому языку организовали школу. По сообщению Н. А. Бирилева, дела шли на лад, «дружба царствовала во всей силе». Тем временем «Посадник» разоружился и приступил к ремонту. Дважды остров и корвет посещал И. Ф. Лихачев, действиями командира он остался доволен.

Вскоре между Н. А. Бирилевым, главным советником князя, и губернатором острова состоялись переговоры. Японские чиновники отметили, что в отношениях с русскими цусимский князь усматривает только хорошее и для своих подданных находит большую пользу. Участники совещания подготовили проект соглашения. В нем, в частности, говорилось: «Князь Тсусимский¹ вполне желает принять покровительство России во всех отношениях, во исполнение чего если Русское Правительство признает нужным держать здесь суда, то мы согласны охотно на это, и место от Хи-роуры до Имосаки включительно и по указанную черту отдать в распоряжение русских судов и под защиту их всю бухту Тата-муру, то есть от Усисима до Обунокоси. С другими нациями никакого дела иметь не будем. Мы просим Русское Правительство снаб-

¹ Цусимский. — Ред.

дить нас сколько будет можно новейшим огнестрельным оружием, а также и просим русских обучать наших молодых офицеров новейшему военному делу... просим русских не нарушать наших древних обычаев и не стараться вкоренять их веру... Но все это мы можем выполнить только тогда, если не будет к тому препятствий со стороны Правительства Эдо (Токио. — Ю. К.)».

Казалось бы, все шло хорошо, но в середине мая о присутствии на острове русских узнали англичане. Неожиданно в бухту Имосаки зашли три английских корабля. Их появлению Н. А. Бирилев был удивлен, но сохранил полное спокойствие. В донесении И. Ф. Лихачеву он писал: «Отношения наши с японцами по-прежнему самые дружественные, во всех концах острова принимают наши шлюпки приветливо и гостеприимно». В то же время цусимцы отказали англичанам в провизии и даже в дровах.

К сожалению, посещение англичан не прошло бесследно. Вскоре губернатор города Хакодате, очевидно, не без участия английского посланника, начал убеждать российского консула в необходимости ухода корвета с острова Цусима. Уступив требованиям губернатора, консул направил письмо И. Ф. Лихачеву с предложением отозвать корабль, и 7 сентября после теплого прощания с жителями острова «Посадник» покинул Цусиму. Вспоминая об этом, Н. А. Бирилев писал: «Множество шлюпок с чиновниками выехало на середину залива, ожидая прохода корвета, и когда корабль поравнялся с ними, они махали и кричали русское „ура!“».

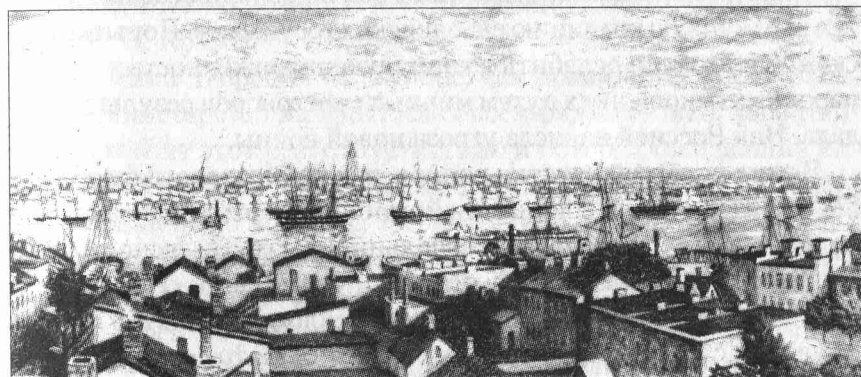
На острове остались постройки, склады и пр. Через своих поверенных князь Цусимы, а позднее и губернатор Хакодате от лица японского правительства обязались сохранить все в целости впредь до востребования русскими.

«Завершение Цусимского эпизода происходило в Петербурге, куда был отозван Лихачев. Дело решалось в Особом комитете под председательством Государя. В этом заседании Горчаков говорил очень горячо против занятия Цусимы, а Великий князь защищал уже сделанное. Затем Государь поставил вопрос, стоит ли воевать из-за Цусимы с Англией? Ответ был отрицательный, и дело с Цусимой было закрыто».



Андреевский флаг у берегов Америки

В погожие сентябрьские дни 1863 года многие нью-йоркцы обратили внимание на появившиеся на рейде незнакомые военные корабли. Видно было, что пришли они издалека и что плавание их было не из легких. Однако чьи это были корабли, нью-йоркцы не знали. Бело-синий, с косым Андреевским крестом флаг они видели впервые. Впрочем, вскоре все выяснилось. Появились вездесущие репортеры, и на следующий день весь город уже знал — на рейде русская эскадра адмирала С. С. Лесовского. Прошло несколько дней, и американские газеты сообщили еще одну неожиданную новость — в Сан-Франциско прибыла эскадра А. А. Попова. Оба известия оказались настолько сенсационными, что почти немедленно были перепечатаны многими европейскими газетами.



Эскадра С. С. Лесовского на Нью-Йоркском рейде. Неизвестный художник.

Так неожиданно для всего мира начался первый официальный дружественный визит русского флота в США. Впрочем, в историю он вошел не как визит, а как Американская экспедиция 1863–1864 годов. Справедливости ради надо заметить, что это название действительно куда более точно отражало суть этой крупнейшей в истории отечественного флота военно-политической акции.

Напряженно складывалась обстановка в мире. Третий год в Соединенных Штатах шла Гражданская война. Отношение европей-



ских государств к ней было противоречивым. Англия и Франция активно поддерживали южан. Стремясь разрушить государственную целостность США, они готовили вооруженную интервенцию. Россия оставалась верной правительству А. Линкольна и выступила против интервенционистских планов Лондона и Парижа. «Для нас нет ни Севера, ни Юга, а есть Федеральный Союз... разрушение которого мы наблюдали бы с прискорбием, — писал вице-канцлер А. М. Горчаков, — ...мы признаем в Соединенных Штатах только то правительство, которое находится в Вашингтоне». Надо сказать, что взаимоотношения России с Англией и Францией к этому времени резко ухудшились еще и из-за так называемого «польского вопроса». Начавшееся в 1860 году национально-освободительное движение в Польше переросло в 1863 году в восстание. Воспользовавшись этими обстоятельствами, Англия и Франция, опасавшиеся усиления России, начали создавать против нее мощную коалицию европейских государств. Попытка русской дипломатии ослабить возникшую напряженность в международных отношениях путем мирных переговоров результатов не дала. Над Россией нависла угроза новой войны.

В этих условиях и встал вопрос, как использовать флот, чтобы в случае начала военных действий он не оказался запертым во внутренних водах? Ведь печальный опыт Крымской войны был еще так близок. И вот в петербургской газете «Голос» была напечатана статья, подписанная инициалом «К». Автор считал, что война с Англией неизбежна и что русский флот должен быть заранее выведен в океан, где он сможет успешно вести крейсерскую войну с англо-французскими силами. Неизвестный автор указывал даже места базирования русских эскадр — Нью-Йорк и Сан-Франциско. Опираясь на эти базы, русские моряки, по его мнению, смогут оказать моральную и военную поддержку северянам.

Вскоре после появления статьи в Зимний дворец был вызван управляющий Морским министерством Н. К. Краббе. Когда он вошел в кабинет царя, там уже находился князь А. М. Горчаков и высокий, подтянутый морской офицер в чине капитан-лейтенанта — командир «Пересвета» Н. В. Копытов.

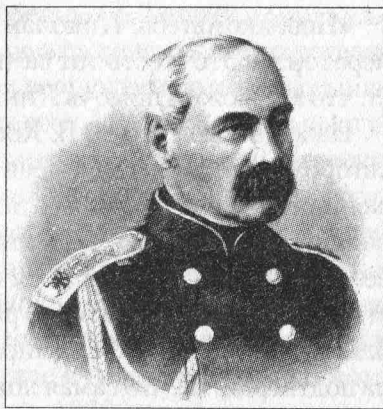
«Познакомьтесь, Николай Карлович, — улыбаясь, сказал император. — Это и есть тот самый загадочный „К“, который считает, что мы можем помочь Линкольна, не вмешиваясь в их войну».

Надо сказать, что Н. В. Копытов был далеко не единственным автором идеи заблаговременного вывода флота в океан. Из окружения генерал-адмирала ее поддерживали многие. Да и сам находившийся в то время в Польше в качестве наместника государя великий князь являлся горячим сторонником крейсерских действий флота. Еще задолго до разговора в кабинете царя один из его ближайших соратников адмирал А. А. Попов писал: «Прошлая война подтвердила... что самая ложная из всех идей сбережения флота есть необходимость спрятать его: военные суда сберегаются в море, учатся в сраженьях». Аналогичной точки зрения придерживались и многие другие передовые деятели русского флота. Активно поддерживали такую позицию и управляющий Морским министерством Н. К. Краббе.

В Зимний дворец Н. К. Краббе, как правило, ходил пешком, благо министерство находилось совсем рядом — в Адмиралтействе. Вот и на этот раз, отпустив, как и обычно, ожидавший его экипаж, он неторопливо направился к министерскому подъезду. Настроение было хорошее. Несмотря на неожиданный вызов к царю, состоявшейся беседой Н. К. Краббе был доволен. Почти трехлетний опыт службы в министерском кресле подсказывал, что он сумел убедить императора в главном — необходимости выхода русских эскадр в океан. Вспомнил Н. К. Краббе и состоявшееся под его председательством особое совещание флагманов Балтийского флота. В «журнале» (так в те годы называли протокол) совещания, состоявшегося под его председательством, были сформулированы главные цели задумываемой операции: во-первых, создать угрозу торговому судоходству вероятных противников — Англии и Франции и тем оказать давление на шедшие дипломатические переговоры с ними, во-вторых, продемонстрировать поддержку правительству А. Линкольна в его борьбе с мятежными штатами и, в-третьих, в случае начала военных действий нанести удар по самому уязвимому месту Англии — ее морским коммуникациям.



Для достижения поставленных целей были сформированы две эскадры: Атлантическая и Тихоокеанская. В состав Атлантической эскадры вошли 3 фрегата — «Александр Невский», «Пересвет» и «Ослябя», 2 корвета — «Варяг», «Витязь» и клипер «Алмаз». Командующим эскадрой был назначен контр-адмирал С. С. Лесовский, опытный моряк, недавно вернувшийся из Америки, где изучал опыт броненосного кораблестроения США.



Контр-адмирал С. С. Лесовский.

Тихоокеанской эскадрой командовал будущий выдающийся организатор и строитель броненосного флота контр-адмирал А. А. Попов. Базировалась она на только что начавшем осваиваться русском Приморье. В ее состав входили 4 корвета — «Калевала», «Богатырь», «Рында», «Новик» и 2 клипера — «Абрек» и «Гайдамак».

Основную роль в операции должна была играть эскадра С. С. Лесовского. В докладе Морского министерства правительству указывалось, что ее появление в Атлантическом океане «может иметь на мирное окончание проходящих ныне переговоров более влияния, нежели сухопутные вооружения, имеющие... в отношении к Англии чисто оборонительный характер, который не угрожает жизненным интересам этой морской... страны». В связи с этим считалось, что даже возможные в случае начала военных действий потери наших кораблей были бы оправданы, так как «польза от этих крейсеров была бы не сравнима с той, которую мог принести весь наш флот, стоящий на Малом кронштадтском рейде под укрытием береговых укреплений». Аналогичным образом оценивал свои возможности и А. А. Попов. Он писал: «Если я буду иметь три-четыре недели времени (на развертывание. — Ю. К.), то с Божьей помощью надеюсь... мы будем в состоянии сделать много вреда неприятелю, прежде нежели понадобится нас исключить из списков флота».

Подготовка операции проводилась в глубокой тайне. К ее планированию было привлечено лишь несколько высших руководителей

Морского министерства и Министерства иностранных дел. Даже командиры кораблей о действительных целях похода узнали лишь накануне выхода из Кронштадта. 14 июля 1863 года была утверждена «Инструкция Морского министерства контр-адмиралу С. С. Лесовскому». Она предписывала «следовать к берегам Северо-Американских Соединенных Штатов, не заходя... на пути ни в какой порт, и по прибытии... бросить якорь в Нью-Йорке». В инструкции указывалось, что «цель эскадры состоит в том, чтобы в случае... войны действовать всеми возможными... средствами, нанося... наичувствительнейший вред неприятельской торговле». Подробно излагая политическую обстановку в мире, давая конкретные рекомендации по взаимодействию с А. А. Поповым, по организации связи, снабжения и т. д., инструкция тем не менее предоставляла С. С. Лесовскому полную свободу действия. В ней прямо указывалось: «Во всех случаях, когда Вы признаете... необходимым, не стесняться данными наставлениями и действовать по Вашему усмотрению».

Интересно отметить, что вопросы снабжения эскадры возлагались на одного-единственного офицера — капитана 2 ранга А. Е. Кроуна. Будучи заранее командирован в Америку, он должен был при содействии русского посла в Вашингтоне «заготавливать и доставлять все нужное для наших судов в назначенные... места и сроки». Как указывалось в инструкции, речительством, «что эта важная сторона... дела будет исполнена вполне удовлетворительно» являются «опытность и испытанная распорядительность этого штаб-офицера». Что же касается сложности и масштабов стоящих перед ним задач, то об этом можно судить хотя бы по тому, что в случае начала военных действий он должен был доставить запасы на эскадру в трех точках Атлантического океана: к острову Св. Екатерины на севере Бразилии — 20 ноября 1863 года, в залив Лобиту на западном побережье Африки — 15 марта 1864 года и в залив Сан-Матиас на юге Аргентины — 5 июля 1864 года. Взгляните на карту, и вы увидите, что каждая из этих точек отстоит от других на многие тысячи километров. Вот уж воистину, без инициативы и «распорядительности» обойтись здесь нельзя!

Менее чем через месяц после утверждения плана операции Атлантическая эскадра была готова к выходу. Утром 18 июля все ко-



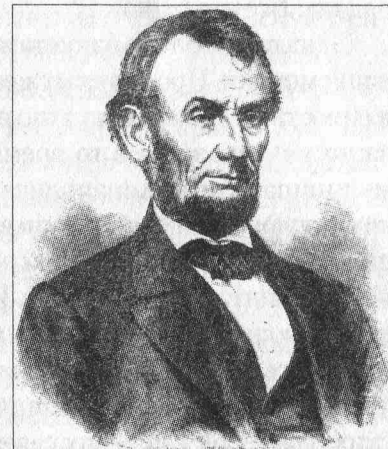
рабли, кроме фрегата «Ослябя», который находился в Средиземном море и шел в Нью-Йорк самостоятельно, вышли из Кронштадта. С. С. Лесовский спешил. Шли не под парусами, а «под парами». Израсходованное топливо корабли должны были принять на выходе из Балтики с заранее посланных туда транспортов. Впервые в истории отечественного флота заправку боевых кораблей по решению командующего осуществляли на ходу. На перегрузку более чем 1000 тонн угля ушло около 30 часов. 25 июля, находясь в полной боевой готовности, эскадра вышла в Северное море. Главное, о чем теперь заботились, — не встретиться с англо-французскими силами, поэтому в Атлантику решено было выходить не обычным путем, через Ла-Манш, а севернее Англии. Тем не менее планы С. С. Лесовского были решительные. «Если начальник встретившейся иностранной эскадры... — писал он в инструкции своим командирам, — предложит вернуться обратно в балтийские воды или сделает какие-либо оскорбительные для чести флага предложения, то адмирал намерен вступить в бой».

Плавание в океане проходило тяжело. Штормовые ветры сменялись полным штилем с густым туманом и непрекращающимися дождями. Опасаясь начала военных действий, уголь экономил, шли под парусами. Трудность совместного плавания в этих условиях усугублялась еще и разницей в скорости хода кораблей. В конце концов С. С. Лесовский принял решение каждому следовать самостоятельно. Тем не менее благодаря высокой выучке экипажей и подготовке командиров в Нью-Йорке эскадра собралась почти одновременно. 13 сентября 1863 года на Нью-йоркском рейде встали на якорь «Александр Невский» под флагом командующего и «Пересвет». «Ослябя» был уже там. На следующий день подошли «Варяг» и «Витязь». Клипер «Алмаз», попавший в штилевую полосу, пришел 29 сентября. К 1 октября в Сан-Франциско собралась и эскадра А. А. Попова. Для координации совместных действий между командующими немедленно была установлена оперативная связь — курьерами и шифротелеграммами. Надо сказать, что одновременное появление в портах США двух русских эскадр для Англии и Франции оказалось совершенно неожиданным и произвело именно тот эффект, на который и расчи-

тывало русское правительство. А. М. Горчаков писал, что операция «наших морских сил в Северной Америке в политическом смысле мысль удачная, а в исполнении отличная».

Что же касалось самих Соединенных Штатов, то там появление русских кораблей было встречено с большим энтузиазмом. Как докладывал из Вашингтона русский посол, «появление впервые нашего военного флага в Соединенных Штатах произвело сенсацию в стране и особенно в Нью-Йорке». Справедливо рассматривая приход русских эскадр как демонстрацию поддержки правительства А. Линкольна, газеты писали о восторженной встрече наших моряков. Вот как описывала «Нью-Йорк Геральд» встречу С. С. Лесовского и его офицеров на улицах города. «Полные народа тротуары улиц, по которым направлялось шествие, окаймлялось войсками, стоявшими длинными шпалерами. Дома были разукрашены флагами... народ с восторгом встречал процессию». Страницы газет пестрели заголовками: «Россия и Соединенные Штаты братствуют», «Новый союз скреплен», «Восторженная демонстрация» и т. д. Вспоминая о поддержке России в Крымской войне, газеты отмечали, что многие из русских офицеров были украшены орденами и медалями за Синоп и Севастополь. Почти ежедневно русские корабли посещали многочисленные делегации городов и штатов. Все они выражали свое уважение и признательность России «за доброжелательство, обнаруженное... русским правительством к правительству и народам Соединенных Штатов, в особенности при настоящих несчастных затруднениях, в которых находится американская нация».

Будущий великий композитор, а в те дни гардемарин клипера «Алмаз» Н. А. Римский-Корсаков писал: «Нашу эскадру приняли здесь дружелюбно, даже до крайности. В военном платье на берег и показаться нельзя: не ты будешь смотреть, а на тебя будут смотре-



А. Линкольн.



реть, будут подходить (даже дамы) с изъявлением уважения к русским и удовольствия, что они находятся в Нью-Йорке». Популярность русских моряков оказалась столь велика, что не обошлось без ее влияния на женскую моду. Как писали газеты, для многих нью-йоркских модниц «непременной принадлежностью туалета сделались пуговицы наших сюртуков, кокарды с фуражек, гардемариныские якоря в головных уборах и аксельбанты в бальных нарядах». Все это было.

Однако не только банкетами, визитами и парадами занимались наши моряки. Проявляя мужество и «истинно русскую самоотверженность», они неоднократно помогали населению в тушении столь часто возникавших в то время городских пожаров. Не случайно муниципалитеты Аннаполиса и Сан-Франциско выразили за это командующим свое искреннее восхищение и благодарность. Группа офицеров Атлантической эскадры во главе с командиром «Осляби» капитаном 1 ранга И. И. Бутаковым совершила поездку в действующую Потомакскую армию. Правда, для этого морякам пришлось пересечь на лошадей и превратиться в кавалеристов, но что не сделаешь ради союзнического долга?! Зато встречали русских офицеров в войсках северян с восторгом. При объезде позиций «каждый полк отдавал честь, преклоняя знамена».

В крайне сложной обстановке оказалась эскадра А. А. Попова. Северяне, по существу, не имели на Тихом океане своего флота, и жители Сан-Франциско постоянно находились под угрозой нападения южно-американских корсаров¹. Единственное, на что они могли рассчитывать, — это «заступничество русской эскадры... пользовавшейся их гостеприимством». Будучи человеком решительным и самостоятельным, А. А. Попов принял решение — взять Сан-Франциско под свою защиту. Эскадра начала готовиться к боевым действиям против корсаров южан. Однако из Петербурга предупредили — Россия должна держаться строгого нейтралитета. «Действия корсар в открытом море... нас не касаются; даже в случае нападения их на форты, обязанность Вашего превосходительства соблюдать строгий нейтралитет». Исходя из принципа невме-

шательства во внутренние дела США, командующему эскадрой предоставлялось право применить оружие лишь в том случае, если корсары, пройдя форты, будут угрожать непосредственно самому городу. «В этом случае, — указывалось А. А. Попову, — Вы имеете право, единственно во имя человеколюбия, а не политики, употребить Ваше влияние для предупреждения зла».

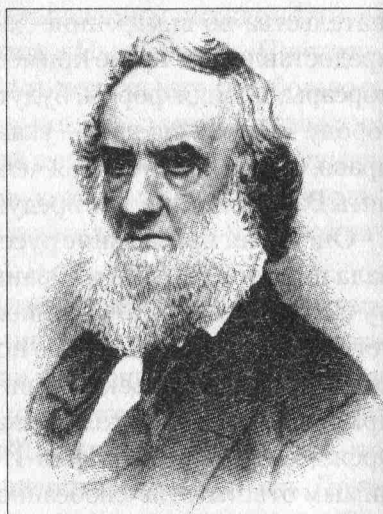
Оценивая пребывание русских эскадр как важный фактор провала попыток Англии и Франции вмешаться в Гражданскую войну США, президент А. Линкольн пригласил С. С. Лесовского посетить Вашингтон и другие порты побережья. Приглашение президента С. С. Лесовский принял и, несмотря на крайне неблагоприятную погоду, отдал приказ о переходе в Вашингтон. Однако прежде чем покинуть Нью-Йорк, командующий считал необходимым ответить на «любезность и гостеприимство, оказанное горожанами... нашей эскадре». Он предложил составить подписку в пользу благотворительных заведений Нью-Йорка. Это предложение «было принято с большим удовольствием». В своем письме мэру Нью-Йорка С. С. Лесовский писал: «Прежде чем мы оставим Нью-Йорк, прошу Вас, сэр, принять от имени офицеров вверенной мне эскадры выражение душевной благодарности за те дружественные... чувства, с которыми принимали нас ваши сограждане... Прошу Вас принять прилагаемую при этом сумму 4760 долларов, собранную по добровольной подписке офицерами нашей эскадры с целью предложить оную на покупку топлива бедным семействам». Ответ мэра был незамедлительным: «Я имел честь получить Ваше... письмо... с вложением 4760 долларов, пожертвованных офицерами Вашей эскадры... За этот великодушный акт благотворительности прошу позволения передать Вам и Вашим сослуживцам-офицерам чистосердечную благодарность города. Могу Вас заверить... что граждане Нью-Йорка платят Вам тем же чувством за Ваше дружественное к нам расположение... Их всегдашнее желание было, чтобы, пользуясь приходом Вашей эскадры, укрепить узы дружбы, существующие между Россией и Соединенными Штатами Америки».

21 ноября 1863 года фрегат «Ослябя» под флагом командующего, корветы «Варяг», «Витязь» и клипер «Алмаз» встали на якорь

¹ Пираты. — Ред.



на реке Потомак в аванпорту Вашингтона — городе Александрия. С кораблей хорошо просматривался купол Капитолия. К сожалению, из-за болезни А. Линкольн не смог посетить наши корабли, но, как только здоровье президента поправилось, русский посол представил «Президенту и г-же Линкольн адмирала Лесовского и командиров эскадры». Русские моряки посетили Вашингтон, были гостями конгресса. С ответным визитом на кораблях побывали государственный секретарь Стюард, морской министр Уэллес, жена президента г-жа Линкольн и другие общественные и государственные деятели США.



Морской министр США Д. Уэллес.

Накануне своего ухода из Вашингтона «для... Конгресса, который в тот день не имел даже своего обычного заседания» адмирал дал бал. Гостей было видимо-невидимо — «пятьсот человек сенаторов, депутатов и членов их семейств». Как писали газеты, бал был великолепен. Хозяева сделали все, что могло доставить гостям «удовольствие и приятность. Столы были превосходно сервированы, роскошно убраны редкими цветами и нагружены тонкими яствами и винами». Особенно американцев поражал высокий уровень культуры и технической подготовленности русских моряков. На одном из обедов, данных в честь С. С. Лесовского в Бостоне, хозяева отмечали, что «городскую библиотеку еще не посещали более просвещенные и знающие люди, чем наши уважаемые гости». Нередко горожане становились зрителями спектаклей, которые русские моряки ставили прямо на палубе своих кораблей.

Почти полгода находились русские корабли в американских водах. По предложению президента они посетили многие порты обоих побережий США. Все это время российские корабли играли важную роль в предотвращении вмешательства Англии и Франции в Гражданскую войну Северо-Американских Штатов. В нача-

ле 1864 года разрядившаяся политическая обстановка позволила русским морякам начать готовиться к возвращению на родину. 4 июня 1864 года эскадра С. С. Лесовского покинула Нью-Йорк, а 1 августа ушла из Сан-Франциско и эскадра А. А. Попова.

Присутствие русских эскадр в Атлантическом и Тихом океанах способствовало успеху русской дипломатии на переговорах с Англией и Францией, оказало определенное влияние на повышение авторитета правительства А. Линкольна и укрепило его позиции в войне с мятежными южными штатами. Находясь длительное время вдали от родины, русские моряки продемонстрировали всему миру высокую военно-морскую выучку.

«Миантонамо» на Кронштадтском рейде

Шел 1865 год. Гражданская война между северными и южными штатами приближалась к концу. В результате упорных боев один за другим сдавались войскам федерального правительства мятежные города южан. 17 февраля пал Чарлстон — столица рабовладельческого Юга. Над ее пылающими развалинами вновь взвился звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов. Трудной и изнурительной была эта война для американского народа. Единственным государством, поддержавшим правительство А. Линкольна в его борьбе с рабовладельческим Югом, была Россия. Ее поддержка носила не только дипломатический характер. В 1863 году русское правительство направило в порты Атлантического и Тихоокеанского побережий США две свои эскадры. Жители приморских городов хорошо еще помнили стоящие на рейдах русские фрегаты и клиперы. Свежи еще были в памяти и восторженные встречи русских моряков, нескончаемые потоки посещения их кораблей многочисленными делегациями городов и штатов.

И вот теперь в связи с приближающимся окончанием войны в правительственных кругах Вашингтона все чаще стали говорить об ответном визите в Россию. Ждали лишь президентских выборов. Предвыборная кампания А. Линкольна велась под лозунгом «Смерть рабству!» А. Линкольн победил, 4 апреля 1865 года он

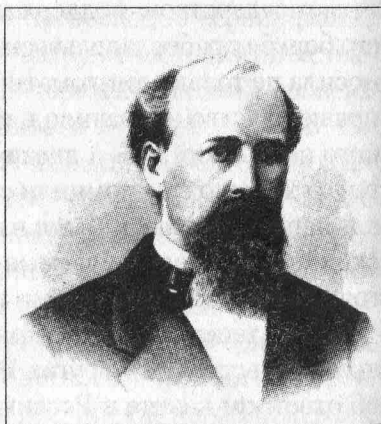


вновь стал хозяином Белого дома. Однако прошло несколько дней, и выстрел в вашингтонском театре Форда погрузил Америку в траур. Снова стало не до визита. Президент А. Линкольн был убит.

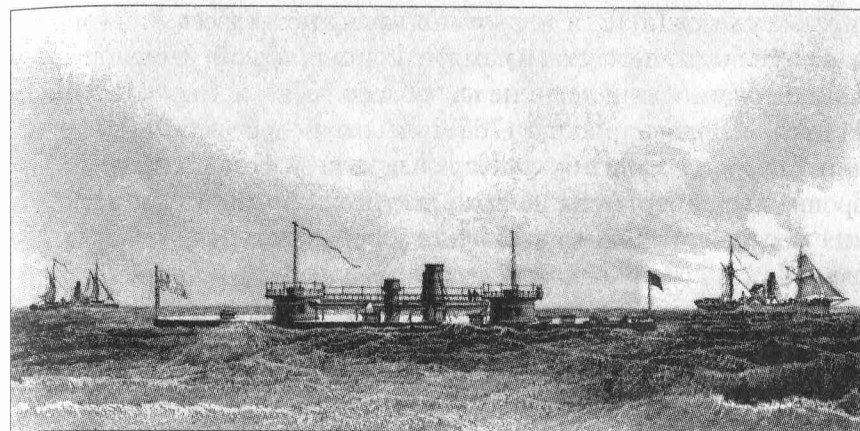
Разные бывают случаи, ускоряющие или замедляющие естественный ход событий. Ответный визит в Россию неожиданно ускорил выстрел, прозвучавший в Петербурге: 16 апреля 1866 года на набережной Невы было совершено покушение на Александра II. По счастливой случайности на этот раз царь остался жив.

Находясь еще под впечатлением недавней гибели любимого президента, Америка с большим сочувствием отнеслась к событиям в Петербурге. Лучшей возможности выразить свою признательность за активную поддержку в трудные годы Гражданской войны и одновременно поздравить императора «по поводу чудесного спасения от смерти» найти было трудно. Это понимали и лидеры правящей республиканской партии. 4 мая 1866 года они выступили в конгрессе с заявлением: «Народу, отдавшему нам в час нашей смертельной опасности свои самые теплые чувства, следует направить нечто большее, чем просто поздравление императору». Палате представителей и сенату предлагалось принять специальное совместное постановление с поздравлением главе русского государства, а для его вручения направить в Россию отряд военных кораблей с чрезвычайным послом на борту.

После одобрения палатой представителей и сенатом совместного постановления оно было подписано президентом Э. Джонсоном. В качестве чрезвычайного посла Соединенных Штатов конгресс назначил помощника государственного секретаря по морскому министерству члена Вашингтонского кабинета Густава Фокса. Бывший морской офицер, 45-летний Г. Фокс был известен как соратник А. Линкольна. В годы Гражданской войны он являлся одним из видных организаторов и руководи-



Помощник морского министра США
Г. Фокс.



«Миантонамо» пересекает океан.

лей флота северян. Конгресс также одобрил предложение Г. Фокса осуществить визит в Россию не на любом корабле, а на одном из мониторов. Считалось, что именно монитор, корабль принципиально нового типа, впервые возникший во время войны во флоте северян, будет наилучшим образом представлять флот Соединенных Штатов. Для участия в визите был избран монитор «Миантонамо». Это был низкобортный, глубокосидящий броненосец водоизмещением 1225 т. Он имел длину 79 метров, ширину 16 метров и осадку 4,5 метра. Высота его надводного борта не превышала 70–80 сантиметров. В двух башнях «Миантонамо» размещались 4 орудия калибра 381 миллиметр. Для обеспечения его перехода через океан были выделены два парусно-колесных фрегата «Аугуста» и «Аушелот».

5 июня 1866 года отряд Г. Фокса вышел из Сент-Джонса и взял курс на восток. Переход через Атлантику продолжался 11 суток. Несмотря на относительно благоприятную погоду, по едва возвышавшейся над водой палубе монитора постоянно гуляла полуметровая волна. Выход на верхнюю палубу был небезопасен. Зато бортовая качка глубоко сидящего корабля почти не давала себя знать. Ее размахи редко превышали 3–5 градусов, хотя высокобортные фрегаты в это время раскачивало до 20–25 градусов.

Каждый день после определения местоположения координаты заупоривались в бутылку и бросались за борт — кто знает, что может быть завтра. Океан есть океан. Да и недавняя гибель во время

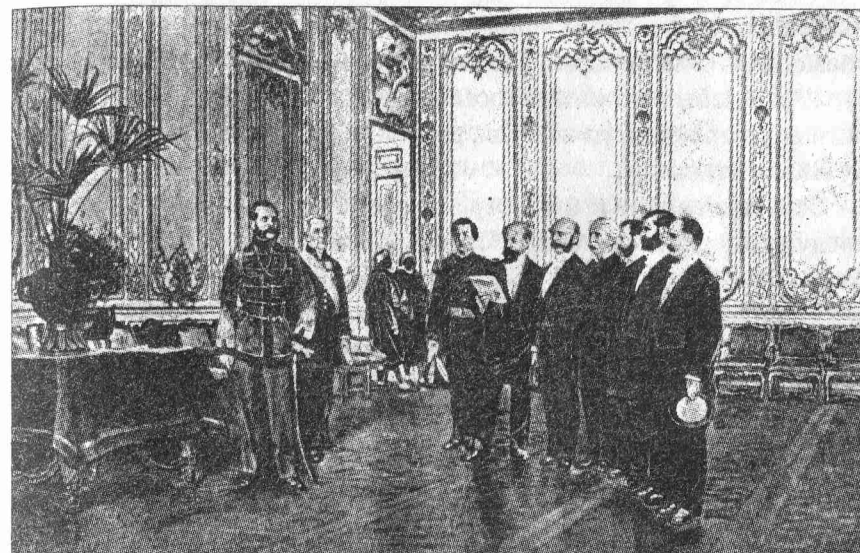


шторма у мыса Гаттерас первого корабля этого класса — «Монитора» тоже была еще свежа в памяти. Одним словом, через океан на «Миантонамо» шли люди не из робкого десятка. Переход длился 11 суток. 16 июня, пройдя 1765 миль, отряд достиг берега Ирландии. Корабли вошли в бухту Корк и встали на якорь. Кстати, три из брошенных за борт бутылки тоже достигли Европы. После нескольких месяцев дрейфа их выловили у побережья Нормандии и по давней морской традиции передали американским властям.

Странное зрелище представлял для европейцев монитор. «Это невиданное дотоле судно, похожее издали на огромный плот, на котором возвышались две башни и труба». Английский адмирал, которого Г. Фокс застал внимательно рассматривающим «Миантонамо» в бинокль, прежде всего спросил: «И вы действительно переплыли Атлантику на этой штуковине? Очень сомневаюсь, что я смог бы это сделать». Но вот прошло несколько дней, и «штуковина» вновь отправилась в путь. Впереди были Балтика и Россия. В Финском заливе отряд Г. Фокса был встречен русской броненосной эскадрой. После обмена салютами «русские суда выстроились в две колонны, а американский пароход и монитор встали между ними... Таким образом соединенная эскадра поплыла в Кронштадт и при благополучной погоде прибыла туда 6 августа».

Величественную картину представлял в тот день Кронштадтский рейд. Стены Купеческой гавани были переполнены народом. Приветствуемый пушечными выстрелами с фортов и звуками американского гимна по рейду медленно двигался «Миантонамо». Как только корабль встал на якорь, от имени императора посланника конгресса приветствовал контр-адмирал С. С. Лесовский, старый знакомый американских моряков. В тот же день Г. Фокс и сопровождавшие его лица отбыли в Петербург, где заняли отведенные для них апартаменты в гостинице «Hotel de France», что размещалась на Большой Морской, недалеко от арки Главного штаба.

8 августа чрезвычайное посольство принял Александр II. Аудиенция состоялась в Большом Петергофском дворце. До Петергофа ехали поездом. На станции пересели в придворные кареты. Несмотря на строгий дипломатический этикет, прием проходил в ис-



На царской аудиенции в Большом Петергофском дворце.

ключительно теплой обстановке. «Многочисленные связи, издавна соединяющие великую империю на востоке и великую республику на западе, — говорилось в зачитанном Г. Фоксом послании конгресса, — вновь умножились и упрочились благодаря непоколебимой поддержке, которую русское правительство оказало Соединенным Штатам в тяжелые годы их междоусобной борьбы». О традиционно дружественных отношениях между Россией и Америкой говорил и царь. Свою речь он закончил заверением, что никогда не забудет дружественного приема, оказанного Соединенными Штатами его эскадрам. Тотчас после аудиенции в Вашингтон была отправлена телеграмма, в которой Г. Фокс докладывал правительству об исполнении возложенной на него миссии. Интересно отметить, что это была первая телеграмма, отправленная из России в Америку по только что проложенному в 1866 году трансатлантическому кабелю.

Пока во дворце шел официальный прием, американские офицеры в сопровождении С. С. Лесовского осматривали дворцы и парки Петергофа. В Нижнем парке они встретили героя Севастопольской обороны Э. И. Тотлебена. Будучи по их просьбе представле-

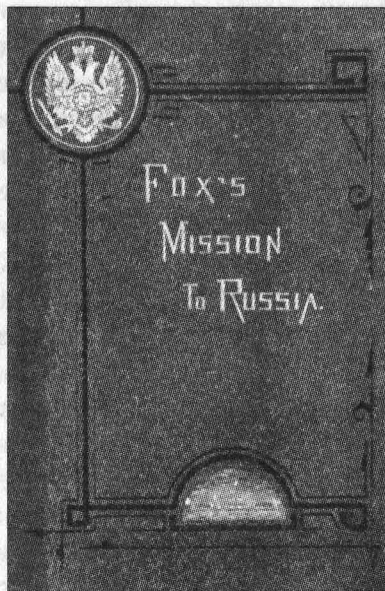


ны генералу, «офицеры с почтением и восторгом приветствовали знаменитого инженера... Прощаясь с ним, прокричали трижды „ура!“». Не забыли показать гостям и дуб, что растет на Царицыном острове, выросший из желудя, взятого с дуба, «осеяющего могилу Вашингтона».

Ответный визит императора не заставил себя долго ждать. На следующий день Александр II в сопровождении наследника, генерал-адмирала и великих князей посетил американские суда. «Миантонамо» салютовал из своих башенных орудий. Делалось это впервые и вопреки существующим правилам, ибо в американском флоте орудия такого калибра «предназначались исключительно для военных действий».

Так начался первый официальный визит американского флота в Россию. Впереди было знакомство с Петербургом. Однако до него, конечно, был Кронштадт с его мощными фортами, доками, морской обсерваторией, богатейшей библиотекой Морского клуба и арсеналом. Кстати, при осмотре последнего гости были «поражены множеством военных флагов, забранных у неприятеля и свидетельствующих о подвигах русского флота на море». В кронштадтском Морском клубе американскому посольству был дан и первый официальный обед. Радующие офицеров русского флота, «великолепные угощения и задушевный тон речей» произвели на американцев самое радужное впечатление. Впрочем, торжественные приемы, обеды и ужины шли один за другим. Заокеанские гости были нарасхват, а уж о русском хлебосольстве и говорить не приходится.

Знакомство с Петербургом начали с Исаакиевского собора. Он поразил гостей своим великолепием и



Книга И. Лоубата «Визит Г. Фокса в Россию», вышедшая в Нью-Йорке двумя изданиями, в 1874 г. и 1875 г.

огромными размерами. Далее следовали Зимний дворец, Эрмитаж, Адмиралтейство, Морской музей, Обуховский сталелитейный завод, Публичная библиотека, летние лагеря гвардейских полков в Красном селе, музей Академии наук, Биржа, Невский монастырь, музей Горного института и т. д. Одним словом, было что показать и чем поразить гостей из-за океана. В дополнение ко всему шли непрерывные приемы, обеды, балы, один великолепнее другого. Например, ужин, состоявшийся в роскошно иллюминированном саду одного из особняков на Каменном острове, на котором присутствовал «весь цвет петербургского общества», обошелся гостеприимному хозяину более чем в 40 тысяч рублей.

В погожий августовский день гости совершили поездку в Царское село. Осматривали дворцы и парки, готическое здание Адмиралтейства с его миниатюрными доками и Арсенал, заинтересовавший американцев своей уникальной коллекцией древнего и современного оружия. День завершили в Павловске. Здесь «в честь гостей был устроен русско-американский праздник; вокзал был полон самой изысканной публики, которая восторженно приветствовала американцев; по окончании музыки им был предложен в вокзале ужин». Между прочим, во время «музыки» исполнялся и только что сочиненный в честь гостей музыкальным директором Павловска (была, оказывается, такая должность) галоп «Миантонамо».

23 августа по приглашению «Московского городского общества» посольство выехало в Москву. Ехали в специальных вагонах, «задрапированных снаружи флагами американских цветов». На промежуточных станциях непременно остановки с приветствиями, подарками. Первопрестольная встретила гостей медью оркестра. Над привокзальной площадью, заполненной толпой встречающих, звучал национальный гимн «Hail Columbia». Гости направились в приготовленную для них резиденцию. Неожиданно для себя они обнаружили там свои фотографии. Однако удивление их возросло еще больше, когда они увидели и свои портреты, написанные маслом, ведь они никому не позировали. Секрет раскрыли хозяева — снимки были сделаны еще в Петербурге скрытой камерой за два дня до отъезда в Москву. С них и были написаны портреты.



Вечер американцы провели в Зоологическом саду, где в их честь было устроено большое гулянье. Сад был переполнен публикой и «роскошно иллюминирован», светились транспаранты с именами Вашингтона, Франклина, Линкольна. Знакомство с Москвой оказалось не менее интересным и насыщенным. Началось оно с Кремля и Красной площади, затем следовала прогулка по городу — «коляска была в ямской упряжке, одна часть тройками с дугами, другая — четверками, лошади были убраны сбруей, с бляхами и бубенчиками». В Москве гости посетили Петровскую земледельческую академию, Гостинный двор, суконно-сатинную фабрику, Николаевский сиротский приют, Троице-Сергиевскую лавру и, конечно, Большой театр.

На пятый день посольство отбыло в Нижний Новгород. Американцам хотели показать знаменитую Нижегородскую ярмарку. Чего здесь только не продавалось! Вот уж воистину ряды ломились от изобилия и разнообразия товаров. Размах ярмарки поражал. Достаточно сказать, что во время ее функционирования, а продолжалась она ровно два месяца в году, население города возрастало в 6–8 раз — с 40 до 250–300 тысяч человек. Торговый оборот ярмарки превышал 100 миллионов рублей. Одного только чая здесь продавалось более чем шесть тысяч тонн. В день своего приезда посольство было приглашено на обед, устроенный в его честь купечеством. «За стол село около полутора ста человек, между которыми были представители всех национальностей: русские, персы, татары, армяне, купцы с Кавказа и из далекой Сибири».

1 сентября посольство отплыло вверх по Волге. Встреча с костромичами надолго осталась в памяти американских гостей. «Как только м-р Фокс вступил на набережную, один из крестьян снял с себя верхнюю одежду и расстелил ее перед ним. М-р Фокс попытался перешагнуть через нее. Однако в ту же минуту, словно по мановению волшебного жезла, весь путь до конца набережной был мгновенно устлан одеждой. Толпа молча наблюдала, что будет дальше... Когда м-р Фокс решил, наконец, пройти по одежде, толпа радостно приветствовала его громким „Ура!“». В Твери гости пересели на поезд и вскоре прибыли в Петербург.

Последние дни пребывания в столице американцы посвятили дальнейшему знакомству с городом, «покупке разных вещей рус-

ского изделия» и нанесению прощальных визитов. Наиболее ярким событием был обед в «Английском клубе». На обеде выступил канцлер А. М. Горчаков. Выразив надежду, что добрые взаимоотношения между обоими народами будут существовать вечно, он отметил, что особенно ценит эти взаимоотношения потому, что «они не представляют никому ни угрозы, ни опасности... Господь даровал обоим странам такие условия существования, что они вполне могут довольствоваться своей великой внутренней жизнью». В тот же день полный текст речи А. М. Горчакова был передан телеграфом в Соединенные Штаты. Интересно, что отправка этой телеграммы обошлась корреспонденту «Нью-Йорк Геральд» в семь тысяч долларов.



Канцлер А. М. Горчаков.

Утром 15 сентября в день ухода американских кораблей управляющий Морским министерством адмирал Н. К. Краббе на своей яхте дал прощальный завтрак. «Желая американцам счастливого пути, адмирал Краббе высказал радость, что русским удалось, наконец, отплатить американцам за радушный прием, оказанный ими в 1863 году адмиралам Лесовскому и Попову». По окончании завтрака гости отбыли на свои корабли, после чего американская эскадра немедленно снялась с якоря и вышла в Финский залив.

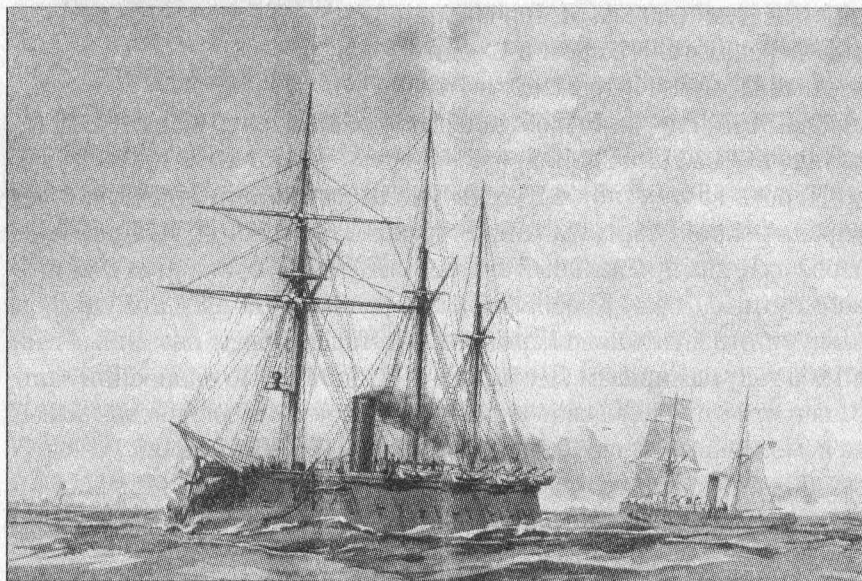
Начало броненосного кораблестроения

В 1858 году великий князь Константин Николаевич обратился в Государственный совет с ходатайством о выделении средств на постройку первых броненосцев. Иначе, предостерегал он, русский флот не сможет противостоять броненосцам и обратится в «совершенное ничтожество». Однако средств на постройку «окованных фрегатов» в казне не нашлось. Выделили их только в 1861 году.



Впрочем, и отечественная металлургия не могла тогда еще обеспечить строительство бронированных кораблей необходимым количеством железа. Первую железную «окованную» плавучую батарею для береговой обороны заказали в Англии в 1861 году. Она получила название «Первенец». В том же году в России была построена первая небольшая железная канонерская лодка «Опыт».

Одновременно с обращением о выделении средств на строительство броненосцев Морское министерство разработало и первую в истории отечественного флота программу броненосного кораблестроения. Представляя ее государю на утверждение, генерал-адмирал писал, что состав флота в настоящее время нельзя утверждать окончательно, «ибо морское искусство непрерывно идет вперед, разные изобретения и улучшения следуют одно за другим... меня-

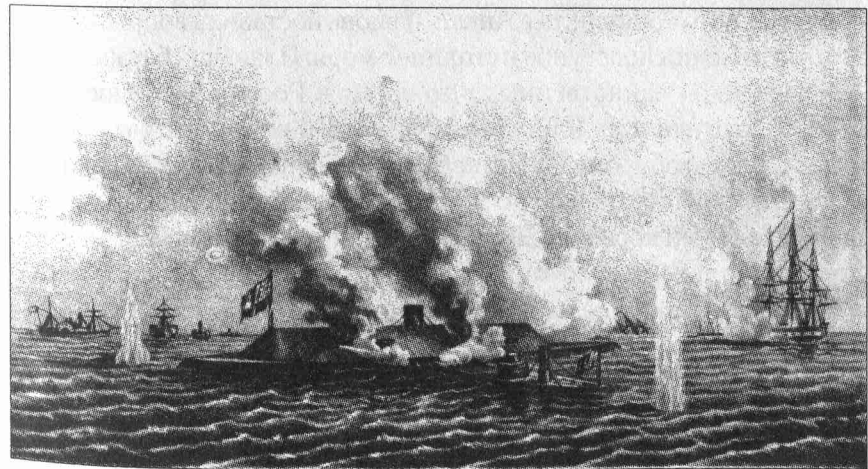


Броненосная плавучая батарея «Первенец»

ются боевые значения судов... являются суда, которые были вовсе неизвестны... Посему морское начальство, обязанное следить за всеми... усовершенствованиями, будет вынуждено время от времени изменять план кораблестроительных работ».



Великий князь как в воду смотрел. Три года спустя переход к броненосному судостроению резко ускорили события Гражданской войны в США. В марте 1862 года на Гемптонском рейде произошел двухдневный бой, в котором паровые фрегаты северян оказались легкой добычей неуязвимого для их огня броненосца южан «Мерримак». От полного истребления их спас только вовремя подоспевший башенный броненосец «Монитор». Его боевые успехи поразили всех. Никто не ожидал, что размещение орудий во вращающейся башне обеспечит «Монитору» столь значительное преимущество. Российское «морское начальство» реагировало на это событие сверхоперативно. И удивляться здесь нечему. Для изучения опыта броненосного кораблестроения в Соединенных Штатах уже работали российские кораблестроители. О «Мониторе» в Петербурге знали не понаслышке. С получением информации о происшедшем бое буквально на следующий день генерал-адмирал приказал приостановить строительство деревянных винтовых фрегатов «Петропавловск», «Севастополь» и корвета «Аскольд». Для решения вопроса о превращении их в броненосные и о судьбе других винтовых кораблей в срочном порядке был создан Особый комитет, который признал возможным переоборудовать в броненосцы оба фрегата, но от переделки корвета рекомендовал отказаться.



Бой «Монитора» с «Мерримак».



Итак, на повестку дня встал вопрос о проектировании отечественных броненосцев. Для подготовки и принятия технических решений за границу в срочном порядке были командированы две большие группы специалистов. Одна, во главе с вице-адмиралом Ф. М. Новосильским, отправилась в Англию и во Францию, другая, во главе с капитаном 1 ранга С. С. Лесовским, — в США. По инициативе великого князя за границу были направлены и представители частных заводов: Металлического, Путиловского, Леснера, Томпсона, Розенкранца и других. К строительству новых кораблей флот готовился капитально, хотя и с бережливой осмотрительностью. России тогда трудно было тягаться с богатыми французами и англичанами, что, без удержу соперничая друг с другом, обшивали железной броней свои деревянные корабли.

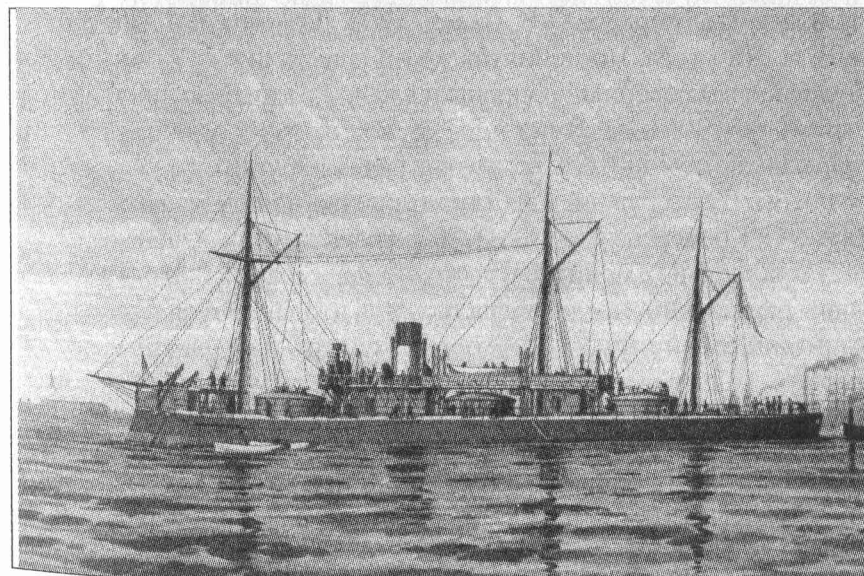
Тем не менее постройка броненосцев на Западе беспокоила генерал-адмирала. Управляющий Морским министерством Н. К. Крабе заявил, что появление броненосцев свело к нулю боевую ценность деревянных винтовых кораблей и министерство приступает к созданию оборонительного броненосного флота. Вслед за «Первенцем» на отечественных заводах были заложены две железные плавучие батареи «Не тронь меня» и «Кремль», обе с бортовым расположением орудий.

Возникшая в связи с польскими событиями 1863 года угроза вооруженного конфликта с Англией вновь поставила вопрос о срочном укреплении подступов к столице с моря. Плавучих батарей типа «Первенец» — единственных в то время в России броненосцев — явно не хватало. Как и во время Крымской войны, чтобы обеспечить морскую оборону С.-Петербурга, требовалось срочно приступить к постройке малых, но достаточно мощных, надежно защищенных броней кораблей. Лучше всего для этого подходил корабль принципиально нового типа «Монитор». В нем удачно совмещались сильные наступательные качества и практически полная неуязвимость от артиллерийского огня противника. Великий князь это прекрасно понимал. За строительство подобных кораблей для береговой обороны единогласно высказался и «Высочайше утвержденный Комитет для скорейшего введения в России нарезной артиллерии и строения броненосных судов». Учитывая важность

решения задачи, к постройке мониторов Константин Николаевич приступил немедленно.

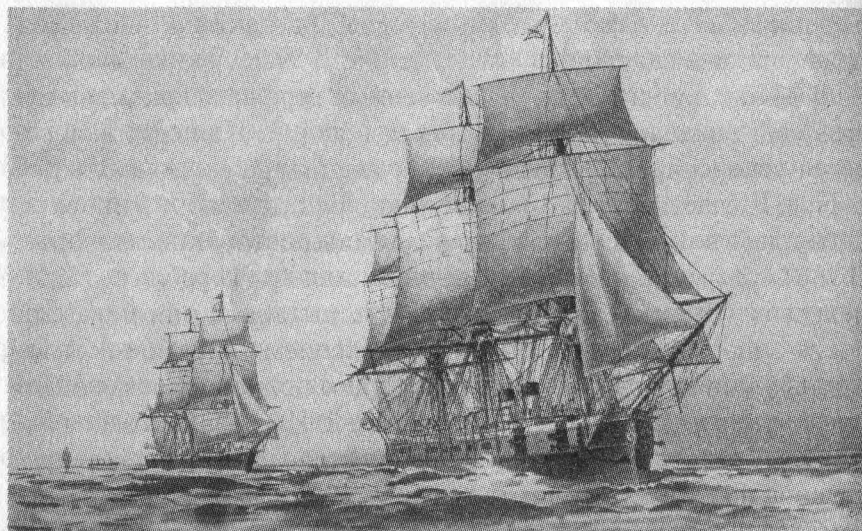
В 1863 году на шести отечественных верфях закладываются сразу одиннадцать однобашенных мониторов. Их постройка ведется ускоренными темпами, непрерывно, днем и ночью, в две смены. К счастью угроза военного конфликта вскоре миновала. Появилась возможность замедлить темпы постройки мониторов. В 1864 году на ходовые испытания вышли три корабля — «Броненосец», «Вещун» и «Колдун». На испытаниях они показали достаточно высокие качества. С вступлением в строй всех заложенных мониторов флот получил первое полноценное соединение современных броненосных кораблей. Именно благодаря башенному размещению артиллерии они стали на многие годы прекрасной школой обучения личного состава эскадренным стрельбам, правилам совместного плавания и маневрирования, то есть всему тому, что впоследствии являлось обязательным для любого соединения броненосных кораблей.

Вслед за однобашенными мониторами в 1863 году состоялась за-



Трехбашенный монитор «Адмирал Лазарев».





Парусновинтовой броненосный крейсер «Минин».

кладка первого двухбашенного монитора «Смерч», а в 1871 году на Балтике уже плавали четыре трехбашенных монитора. Корабли носили имена адмиралов С. К. Грейга, М. П. Лазарева, Г. А. Спиридова и В. Я. Чичагова. По принятой классификации они относились к броненосцам береговой обороны и в качестве таковых прослужили вплоть до 1911 года. В историю отечественного кораблестроения трехбашенные мониторы вошли как первые крупные башенные броненосцы. С завершением их строительства проблема защиты подступов к Кронштадту и столице практически была решена.

Параллельно с мониторами строились и «батарейные суда большого ранга». Они предназначались для плавания в океане и представляли собой парусно-винтовые крейсера, вооруженные артиллерией среднего калибра. Размещалась артиллерия в бронированных казематах. Первые два таких крейсера получили названия «Князь Пожарский» и «Минин». Но все же подлинным шедевром отечественного кораблестроения в годы нахождения великого князя Константина Николаевича во главе русского флота явился броненосец «Петр Великий».



Производственная база броненосного кораблестроения

В годы Крымской войны военное кораблестроение на Балтике обеспечивалось в основном тремя крупными казенными верфями: Новым Адмиралтейством, «Галерным островком» и верфями Адмиралтейских Ижорских заводов.

Новое Адмиралтейство располагалось на левом берегу Невы при впадении в нее Мойки. Возникло оно еще при Петре I. Свое название получило при Павле I, когда здесь появился первый крытый эллинг. К началу Крымской войны это была уже крупная верфь, прекрасно оборудованная для строительства деревянных судов. На Галерном острове, расположенном при слиянии Невы и Фонтанки, судостроение началось в 1830-е годы, когда здесь начали строить крупные гребные суда. На верфях Ижорских заводов, расположенных на левом берегу Невы выше С.-Петербурга, военные пароходы строились еще до Крымской войны.

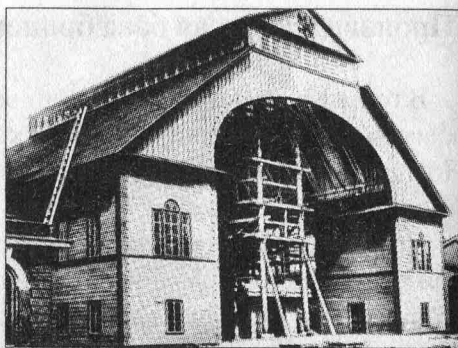
Итак, перед великим князем встала задача — наилучшим образом использовать казенные заводы для железного и броненосного судостроения. Задача была непростой. Для ее решения Константин Николаевич создал специальную комиссию под председательством директора Кораблестроительного департамента контр-адмирала А. В. Воеводского. В работе комиссии активно участвовал и сам, практически руководил ею. Трудился, как всегда, целеустремленно и напряженно. Вскоре комиссия завершила свою работу. Помимо конкретных технических предложений по каждому заводу суть выработанных рекомендаций заключалась в следующем. Суда в Новом Адмиралтействе строить казенными средствами, на «Галерном островке» — только с подряда при обязательном обеспечении конкурен-



Генеральный план «Галерного островка» 1832 г.



ции. Усилия Ижорских заводов сосредоточить не на строительстве судов, а на железо-прокатном производстве, чтобы обеспечить броненосное судостроение отечественным металлом. Для этого заводу передается технологическая документация — «кондиция» о выделке броневых плит, приобретенная Морским министерством во Франции.

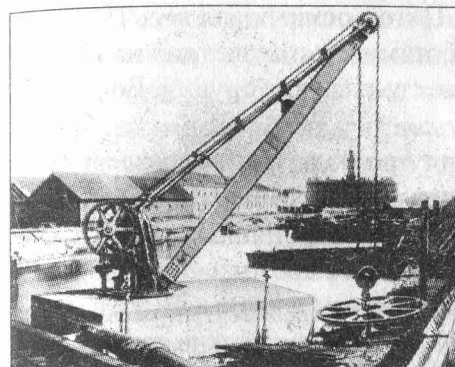


Деревянный элинг
Нового Адмиралтейства. 1863 г.

Главная цель постройки кораблей с подряда на «Галерном острове» заключалась в обучении российских инженеров и мастеров железнному судостроению. Не случайно первым подрядчиком, допущенным сюда в 1862 году, стал английский заводчик К. Митчел. Ему «в конкуренцию» почти сразу был дан известный российский подрядчик по строительству деревянных судов С. Г. Кудрявцев.

В соответствии с контрактом К. Митчел брал на себя обязательство построить на «отведенном казенном месте» из материалов, заказанных по его усмотрению в России или за границей, плавучую батарею «Не тронь меня». Инженеров, техников и квалифицированных мастеровых он привез из Англии. Рабочих нанимал в России. В качестве стажеров в постройке участвовали и русские инженеры. По уровню знаний и эрудиции они не уступали западным специалистам, но нуждались в освоении броненосного судостроения и технологической подготовке. Заграничные учителя могли сократить время их ученичества до минимума.

Помимо постройки плавучей батареи К. Митчел взялся и за проектирование самой верфи. Ее сооружение, начиная от стапеля, мастерских и кончая кранами, печами, кладовыми и связывающими их рельсовыми путями, осуществляло Морское министерство. На министерство возлагалась также ответственность за доставку в Петербург прибывавших в Кронштадт грузов для оборудования верфи и постройки кораблей, а также оплата всех таможенных пошлин.



«Галерный островок».
20-тонный плавучий кран. 1862 г.

Заказ оборудования по выбору К. Митчела в Англии осуществлял российский военно-морской агент капитан-лейтенант А. А. Колокольников. Административное управление «Галерным островком» по указаниям К. Митчела осуществлял представитель Морского министерства капитан 1 ранга Ф. Ф. Гагман. Четкая, строго деловая организация, свободное предпринимательство и предоставление

участникам работ широких полномочий способствовали сокращению сроков строительства верфи и кораблей. Верфь и плавучую батарею К. Митчел построил всего за два года. В 1867 году им же был построен и первый отечественный мореходный броненосный корабль — крейсер «Князь Пожарский». Одновременно с К. Митчелом С. Г. Кудрявцев построил два монитора — «Стрелец» и «Единорог».

В 1869 году подрядное строительство на «Галерном острове» великий князь прекратил. Опыт, приобретенный российскими специалистами, позволял перейти к самостоятельному строительству броненосных судов. Созданная с помощью казны частными предпринимателями первая в России верфь броненосного судостроения разворачивала свою деятельность. В 1869 году здесь был заложен броненосец «Петр Великий».

Приспосабливались к броненосному судостроению и другие заводы. По инициативе генерал-адмирала в 1858 году на базе главных механических мастерских Кронштадтского военного порта началось строительство Пароходного кронштадтского завода, капитально модернизированы доки, построенные еще Петром I. В дневнике Константина Николаевича можно прочитать множество записей, свидетельствующих о его активном участии в строительстве Пароходного завода и модернизации доков.

«2 июля 1859 года. Дурная погода, холодно и сильный В (Вест. — Ю. К.)... До завтрака осматривал в подробностях работы



по перестройке старых доков... Потом осматривал весь Пароходный завод со всеми новыми работами. Потом заезжал на Пушечный двор, где ставятся чугунные стелюги для орудий. Воротился домой к обеду после 5 часов...»

«8 июля 1859 г. Утром обходил Арсенал... Потом поехал к Купеческим воротам дожидаться прихода Саши (императора Александра II. — Ю. К.). Выехал ему навстречу и принял его на мой катер. Он осматривал «Штандарт»...Потом на Пароходный завод. Показывал ему все мастерские, новые машины и краны. То же в новом Адмиралтействе, где показывал ему новые мастерские, такелажную, столярную и строящуюся парусную...»

«15 сентября 1859 г. Утром ходил по Новому Адмиралтейству. Смотрел новую парусную, в которой ставят чугунные столбы и крышу, два последних шлюпочных сарая, которые обращаются в мастерские, и новое отхожее место, лучше которого я ничего на свете не видел. В 11 часов водил жинку в пароходный завод смотреть большую отливку в 10 тонн. Это была наковальня для парового молота. Потом водил ее и по другим мастерским, показывал ей новые хорошенькие и умные машины. После завтрака ходил по мага-



Территория Нового Адмиралтейства. 1865 г.



зинам в доковом адмиралтействе и назначил дополнительные места для хранения железа и машинных частей».

«25 сентября 1859 г. ...Перед завтраком был на пушечном дворе, где сделано много новых чугунных стелюг... Сделал разные распоряжения насчет их внутреннего устройства... После завтрака опять работал сметы и рассматривал разные чертежи Грисселя. Потом с ним вместе на Мортон Эллинг, где кончается постройка дома для машины подъемной и собирается тележка...»

«16 октября 1859 г. Ужасная погода, дождь и темнота... После утренней домашней работы был на Мортон Эллинге, где уже тележка собрана и устанавливается механизм... Потом переходил по всем мастерским Нового Адмиралтейства. Приказал теперь же закончить их и начать перевод мастеров. После завтрака все время на Пароходном заводе. Идет хорошо вперед. Почти все прекрасные новые американские станки поставлены. Строительные работы на нем также хорошо идут вперед. Обедал с моряками».

И так практически в течение всего 1859 года.

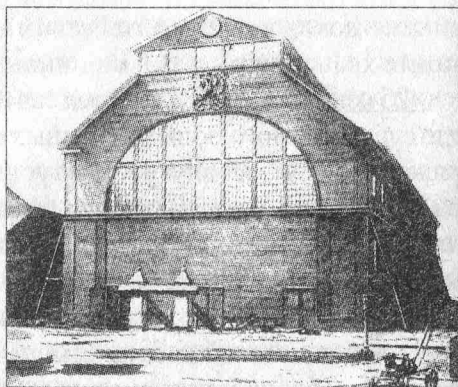
Помимо казенных заводов генерал-адмирал предпринимал усилия и по развитию частного судостроительного производства, особенно машиностроительных заводов. Старейшее отечественное предприятие, основанное на Гутуевском острове еще в 1799 году Ч. Бердом и выросшее из небольшой мастерской в чугуномеднолитейный завод, при непосредственном участии великого князя получило в 1863 году заказ на изготовление котлов и машин для четырех из десяти строившихся мониторов. Машины завода Берда были установлены также на первом железном броненосном крейсере «Князь Пожарский» и на мониторах второй серии «Русалка» и «Чародейка».

В 1856 году на месте будущего Балтийского завода располагалась небольшая механическая мастерская механика императорских яхт англичанина М. А. Макферсона. Мастерская выполняла заказы для сахарозаводчика М. Е. Карра. Вскоре М. Е. Карр и М. А. Макферсон решили вложить деньги в ее расширение. Предприятие стало называться «Балтийский механический и судостроительный завод Карра и Макферсона». Первоначально здесь строились яхты, небольшие буксиры и пассажирские суда. Но уже в

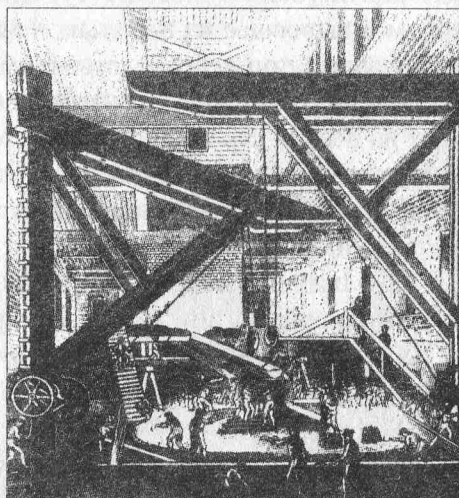


1861 году по заказу Морского министерства завод построил первую в России железную броненосную канонерскую лодку «Опыт». Крупным заказом стало строительство в 1864 году вместе с котлами и машинами двух мониторов «Броненосец» и «Латник», а в 1866 году — трехбашенного монитора «Адмирал Лазарев». Успешно конкурируя с занимавшим до этого монопольное положение в машиностроении заводом Берда, Балтийский завод получает заказ на машины для строившегося в Новом Адмиралтействе монитора «Адмирал Грейг». В 1869 году им были созданы механизмы для фрегатов «Пересвет» и «Ослябя». Вскоре Балтийский завод вошел в число ведущих судостроительных и машиностроительных предприятий Петербурга.

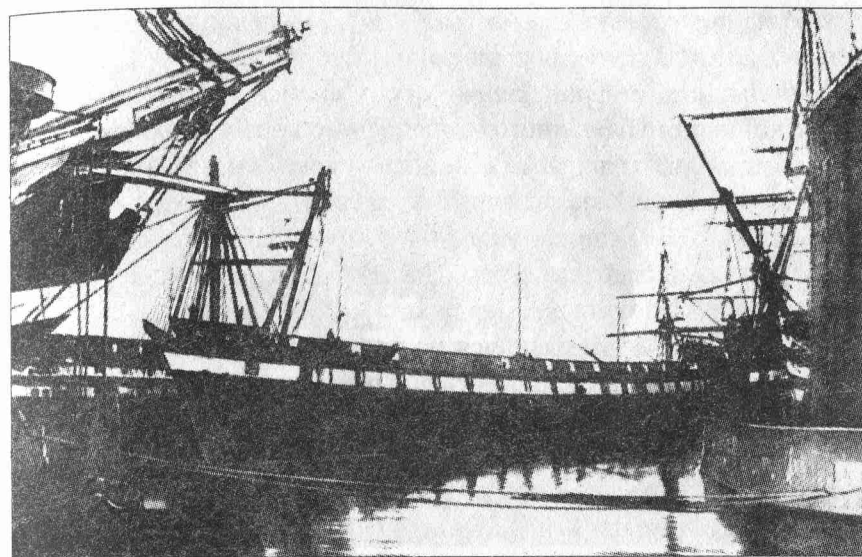
В 1857 году участник строительства первых винтовых канонерских лодок англичанин О. Томмсон основал на левом берегу Невы судостроительный металлургический и механический завод. Через шесть лет завод приобрели генерал-майор Ф. П. Семенников и подполковник В. А. Полетика. Завод стал называться Невский железодельательный механический и корабельный завод. В том же году он получил



Элинг верфи «Галерный островок». 1863 г.



Литейная мастерская завода Берда.



Винтовой фрегат «Дмитрий Донской» у достроечной стенки Нового-Адмиралтейства.

первый большой заказ — строительство плавучей батареи «Кремль». Успешно справился завод и с постройкой мониторов «Адмирал Спиридов» и «Адмирал Чичагов».

Характерным для деятельности Морского министерства в развитии частного судостроения, и особенно машиностроения, была постоянная конкуренция. Именно условия конкуренции обеспечили интенсивное развитие отечественного железного и броненосного кораблестроения. В этом великий князь видел одну из главных задач подчиненного ему Морского министерства.

Броненосец «Петр Великий»

История создания броненосца «Петр Великий» неразрывно связана с именем одного из ближайших соратников Константина Николаевича — адмирала А. А. Попова. Впервые идею мореходного монитора он высказал в 1865 году на заседании Императорского технического общества. Обладая огромным опытом крейсерской службы на Тихом океане, А. А. Попов являлся горячим сторонни-



ком создания монитора-крейсера. Кстати, это в полной мере соответствовало не только сформировавшейся уже доктрине крейсерской войны, но и утвердившейся к тому времени в отечественном флоте концепции башенного броненосного кораблестроения.

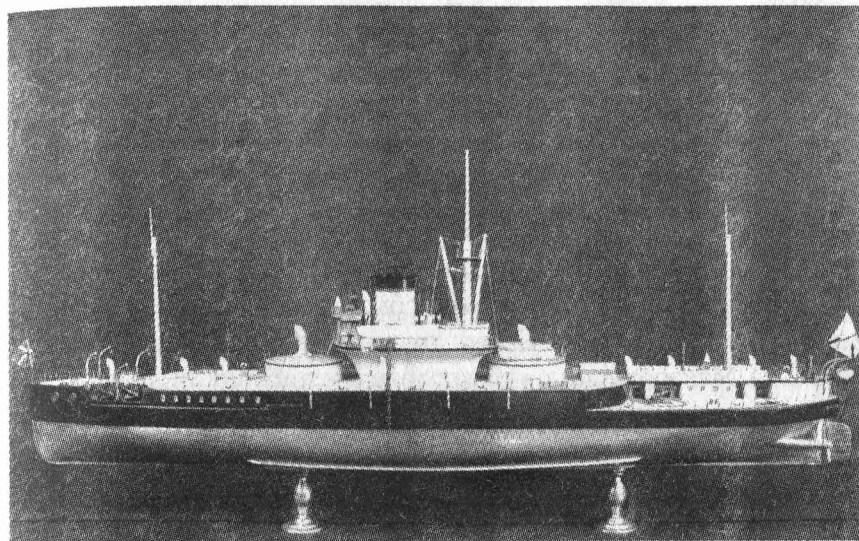
Убедившись, что идея А. А. Попова в своей основе верна, активно поддержал ее и Константин Николаевич. По его рекомендации в 1866 году А. А. Попов, командовавший тогда эскадрой мониторов на Балтике, совершил переход на американском мониторе «Миантонамо» от Гамбурга до Шербура.

«Миантонамо» возвращался на родину после триумфального плавания через океан с дружественным визитом в Кронштадт. По существу, именно пятидневное плавание на «Миантонамо» и позволило А. А. Попову окончательно сформировать облик мореходного монитора. Конкурс на создание такого корабля Морское министерство объявило в 1867 году. Из двадцати поданных проектов лучшим был признан проект А. А. Попова. Проходил он под девизом «Крейсер». Уже само название, данное автором, отражало назначение корабля — крейсерство в океане.

Проект «Крейсера» генерал-адмирал рассматривал детально — с участием «опытнейших... адмиралов и специалистов по части кораблестроения и артиллерии». Проект получил одобрение. Как указывалось в заключении, «он делает полную честь составителю».

Что отличало проект А. А. Попова? Прежде всего высокий борт, что значительно повышало мореходность корабля, во-вторых, — надежная защита: две его орудийные башни с поворотными механизмами, котельное и машинное отделения, рулевая рубка и дымовая труба защищались мощным броневым брестером. Наконец, неслыханная мощь четырех 508-миллиметровых чугунных пушек. Их залп равнялся двум залпам 100-пушечного парусного корабля.

Несмотря на только что прошедшее сокращение морского бюджета, генерал-адмирал добился у императора согласия на немедленное создание корабля. Два года ушло на окончательную разработку проекта, и в мае 1869 года на верфи «Галерный островок» состоялась закладка «Крейсера». Нельзя сказать, что строительство шло быстро. Проект неоднократно дорабатывался. Чего стоили одни лишь перемены в вооружении корабля! В связи с освое-



Модель броненосца «Петр Великий». Водоизмещение 9100 т, длина 101 м, ширина 20 м, вооружение — четыре 305-миллиметровые нарезные орудия

нием Обуховским заводом технологии производства стальных нарезных орудий гладкоствольные 508-миллиметровые почти «царь-пушки» заменяются нарезными 280-миллиметровыми орудиями. Затем их меняли на 305-миллиметровые орудия. Как достижение отечественной промышленности, ствол одного из таких орудий демонстрировался в 1872 году на Московской политехнической выставке. Кстати, именно 305-миллиметровые орудия «Петра Великого» положили начало дальнейшему вооружению этим калибром всех отечественных линкоров.

На воду «Крейсер» спустили осенью 1872 года. В том же году в ознаменование 200-летия со дня рождения Петра I броненосец получил новое имя — «Петр Великий». Под этим именем он и вошел в историю. Вступление в 1876 году «Петра Великого» в состав Балтийского флота произвело в зарубежных военно-морских кругах настоящий переполох. Еще бы, новый русский броненосец стал самым сильным кораблем в мире! Его превосходные качества вынуждены были признать даже англичане. В своем докладе Обществу английских корабельных инженеров Главный строитель Британского флота Д. Барнби публично заявил, что при более сильном во-



оружии и броневой защите «Петр Великий» превосходит по скорости и остойчивости все даже только что спроектированные английские корабли. Известный британский кораблестроитель Э. Рид писал в 1872 году в газете «Таймс»: «Русские успели превзойти нас как в отношении боевой силы существующих судов, так и в отношении новых способов их постройки. Их „Петр Великий“ может совершенно свободно идти в английские порты, т. к. представляет собой судно более сильное, чем любой из наших броненосцев».

Непривычной для того времени была и насыщенность механизмами «Петра Великого». Совершивший на нем семидневное плавание С. О. Макаров писал: «На корабле „Петр Великий“ для охотников испытаний представляется полный простор, а изобилие машин делает эти испытания чрезвычайно знаменательными и до крайности разнообразными. Надо сказать, что на корабле со времени начала кампании не было никакого момента, чтобы ни одна машина не вертелась. То вращают башни, то вертят вентиляторную машину (парогенератор. — Ю. К.) для электрического фонаря, пробуют одну из 18 помп, или просто откачивают воду, напускавшуюся для проверки непроницаемости. В крайнем случае, когда все спят, слышна работа маленькой донки (насоса. — Ю. К.) от вспомогательного котла, в котором поддерживают пар для парового отопления».

Судьба предопределила «Петру Великому» долгую, почти вековую службу. В 1878–1880 годах на нем проводились многочисленные экспериментальные и доводочные работы. После ремонта и некоторого переоборудования в Англии в 1881–1882 годах «Петр Великий» плавал в Средиземном море. В осенней Атлантике показал хорошие мореходные качества, а при посадке у берегов Шотландии на скалы — высокую живучесть. Затем была многолетняя служба на Балтике. В 1903–1908 годах «Петр Великий» переоборудовали в учебно-артиллерийский корабль Морского корпуса. В годы Первой мировой войны он использовался в качестве плавбазы, а с 1918 года находился на долговременном хранении в Кронштадте. Будучи переоборудован в 1921 году в минный блокшив, стал называться «Блокшив № 1». Во время наводнения 1924 года был выброшен на мель, но через три года снят и после ремонта снова служил минным блокшивом. На слом его сдали только в 1960-е годы.



Нарезная артиллерия и Обуховский завод

Одной из главных проблем броненосного кораблестроения являлось вооружение кораблей нарезной артиллерией. Проведенные в 1858–1860 годах на Волковом поле под Петербургом опытные стрельбы из гладкоствольных пушек показали, что они не в состоянии пробить стандартную 114-миллиметровую броню броненосцев того времени даже со 185 метров. Для преодоления брони требовались нарезные орудия, а для их производства — сталь. Производить ее впервые начали в Германии на заводах Круппа. Почти одновременно в России у него появился серьезный конкурент — горный инженер-полковник П. М. Обухов. Его технология изготовления высококачественной орудийной стали была не хуже крупновской. Однако дела у П. М. Обухова шли трудно, главным образом, из-за разделения ответственности за производство стали и артиллерийских орудий между тремя ведомствами: Морским, Военным и Горным. Договориться между собой, как водится в России, они не могли.

Заслуга Константина Николаевича заключалась в том, что по его инициативе в 1861 году с «Высочайшего соизволения» был создан Особый комитет из представителей всех трех ведомств. Возглавил его член Государственного совета адмирал граф Е. В. Путятин. Перед комитетом великий князь поставил четыре вопроса. Во-первых, в чем заключается суть требований Морского и Военного ведомств к нарезным орудиям? Во-вторых, могут ли существующие на Урале заводы выполнить эти требования? В-третьих, что надо сделать, чтобы они их выполнили? И, наконец, если существующие заводы выполнить их не могут, то где и как наилучшим образом может быть построен новый завод.

Именно благодаря комитету Е. В. Путятина управляющий Морским министерством Н. К. Краббе, опираясь на поддержку Константина Николаевича, смог вывести П. М. Обухова из-под власти Горного ведомства и поддержать его инициативу по организации в России второго после Демидовского частного орудийного завода.

Решение о создании завода под Петербургом комитет Е. В. Путятин вынес в 1862 году. Предоставление привилегии П. М. Обу-



хову обуславливалось неперенным участием в числе учредителей Н. И. Путилова, зарекомендовавшего себя деятельным предпринимателем в судостроении. Поскольку оба учредителя нового завода не располагали достаточными средствами, по предложению Н. К. Краббе в их число вошел еще один известный подрядчик судостроительных работ — С. Г. Кудрявцев.

Не без личного участия Константина Николаевича обширную территорию под будущий завод безвозмездно сроком на 72 года Морскому министерству уступил принц П. Г. Ольденбургский. Заключенный в 1863 году учредителями контракт с Морским министерством предусматривал постройку здесь в течение пяти лет сталепушечного завода и производство на нем орудий общей массой 690 тонн по 24 рубля за пуд.

В 1863 году под руководством Н. И. Путилова на отведенной территории были возведены первые здания — литейный цех и отделочная мастерская. Через год П. М. Обухов отлил здесь первое в Петербурге стальное орудие, а 30 апреля 1864 года Константин Николаевич показывал завод императору. «В присутствии Государя Императора была отлита болванка для 8-фн. пушки весом в 96 пуд.».

Однако до серийного производства орудий еще было далеко. Едва завод встал на ноги, как сталелитейное производство сделало в своем развитии резкий скачок. Изменившаяся технология требовала смены оборудования. «Вес орудий увеличивался,... конструкция усложнялась. Все это требовало новых и новых затрат». Несмотря на неоднократные ссуды Морского министерства, расходы на завершение строительства завода росли катастрофически. Чтобы не допустить его банкротства, Морское министерство в 1865 году вынуждено было взять завод под свое управление. Однако и это не избавило от финансовых трудностей. Только для



Панорама Обуховского сталелитейного завода конца 1860-х годов.



перехода к орудиям, заряжающимся с казенной части, по ходатайству генерал-адмирала заводу была выделена ссуда в 1,2 миллиона руб. Впрочем, и она оказалась не последней. В 1868 году Константин Николаевич вновь просит «Высочайшего разрешения на отпуск Обуховскому заводу 500 000 руб. для уплаты за ожидавшиеся от него орудия». Одновременно он ходатайствует о внесении в бюджет Морского министерства дополнительных сумм, необходимых для поддержания завода. И все же, как частное предприятие, завод терпел крах. Отсутствие средств у Н. И. Путилова и наследников П. М. Обухова и С. Г. Кудрявцева, умерших к тому времени, окончательно предопределило его переход в собственность Морского министерства.

Первые положительные сдвиги наступили в 1871 году. Убедившись в отличных результатах испытаний 203-миллиметровых и 228-миллиметровых орудий, Военное министерство заключило контракт на производство 40 орудий для береговых батарей. За ним последовали другие контракты — на изготовление мортир и осадных орудий. Оплата производилась, как и на заводе Круппа, — треть при подписании контракта, треть четыре месяца спустя и треть при сдаче орудий. Финансовое положение завода укрепилось. Почти десятилетняя борьба за его выживание, немаловажную роль в которой играл великий князь Константин Николаевич, начала давать результаты. С 1872 года поставка орудий Морскому и Военному ведомствам практически пошла без задержки.

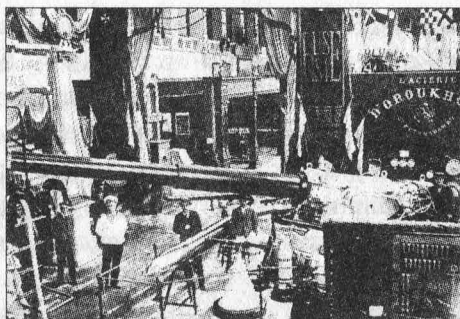
В 1872 году Обуховский завод был приглашен для участия в Московской политехнической выставке. Его главным экспонатом, как уже упоминалось, являлся ствол 305-миллиметрового орудия броненосца «Петр Великий». Табличка указывала, что на отливку ствола ушло почти 40 тонн металла. Весило орудие 19,6 тонн.



Диплом 1-й степени, полученный Обуховским заводом на Всероссийской выставке в Москве.



Своими размерами и качеством стали оно как бы иллюстрировало не только финансовые возможности завода, но и «достигнутое им искусство». Наглядным свидетельством процветания завода являлись и другие морские орудия, демонстрировавшиеся на выставке. Все они успешно прошли испытания, некоторые до 1200 выстрелов, и остались вполне пригодными для стрельбы. Кроме орудий Обуховский завод выставил образцы стали, стволы винтовок для Военного министерства, железнодорожные колеса, оси и другие принадлежности, изготовлявшиеся для российских железных дорог.



Экспозиция Обуховского завода на Всемирной выставке в Париже 1900 г.

Год спустя на Международной выставке в Вене как крупное достижение промышленности демонстрировались два нарезных орудия, оба калибра 305 миллиметров. Одно принадлежало Обуховскому заводу, второе — заводу Круппа. Так, всего через десять лет после своего возникновения по уровню продукции Обуховский завод вышел на мировой уровень. Нарезная артиллерия отечественного флота не уступала теперь зарубежной, а по ряду показателей и превосходила ее.

Кадры парового флота

Паровой броненосный флот нуждался в новых кадрах. Морской корпус, традиционно ориентированный на парусные суда, готовить их практически уже не мог. Требования к кадрам резко возросли. Впрочем, проблема заключалась не только в их специальной подготовке. Время требовало от морского офицера и совершенно иных морально-нравственных качеств. Увы, на флоте это понимали далеко не все. Но вот, казалось бы, совсем еще юный 28-летний генерал-адмирал это понимал. В 1855 году он обращается к



Министру просвещения и помощнику начальника Главного штаба по военно-учебным заведениям с просьбой поручить опытным педагогам «рассмотреть в подробности отчеты по учебным заведениям Морского ведомства и обревизовать сами заведения... Я прошу исполнить это... личное для меня одолжение и сообщить мне замечания... с полной откровенностью, не стесняясь никакими соображениями». Директору Морского корпуса и инспектору всех учебных морских экипажей предписывалось «не скрывать никаких недостатков, а напротив стараться показать оные, дабы впоследствии легче исправить».



Морской корпус. Из него вышли все российские адмиралы.

Комиссия, созданная по просьбе великого князя, была весьма представительна: участник кругосветного плавания в экспедиции О. Е. Коцебу; академик ректор Петербургского университета физик Э. Х. Ленц; академик профессор Петербургского университета, редактор журнала «Сын Отечества» А. В. Никитин; академик профессор Петербургского университета астроном и математик И. И. Сомов и другие. Всего 13 человек. Одновременно Константин Николаевич поручил «Морскому сборнику» начать публикацию статей, посвященных проблеме воспитания юношества. Их авторами являлись: герой обороны Севастополя хирург



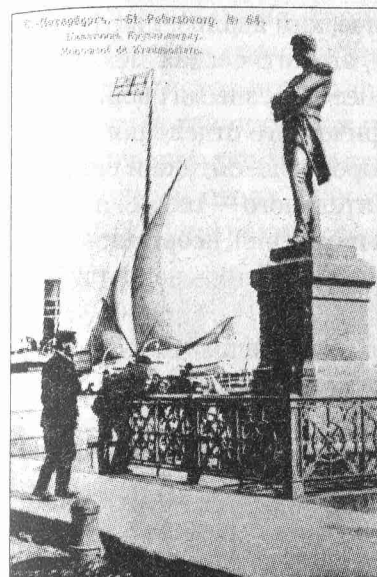
Н. И. Пирогов, писатель и государственный деятель П. А. Валуев, известный в те годы педагог Бэм и другие видные государственные и общественные деятели. Всестороннее обсуждение «вопроса о воспитании вообще оказало существенную пользу и собственно морскому воспитанию». Многие из появившегося тогда на страницах «Морского сборника» легло в основу разработанного позднее Положения о морских учебных заведениях.

Что же касается заключения комиссии, ревизовавшей морские учебные заведения, то она назвала четыре основных недостатка в их работе: во-первых, раннее поступление детей в учебные заведения, когда еще не обозначилось их призвание к морю, и невозможность в этом возрасте определить, «в состоянии ли они по своему... здоровью переносить тяготы морской службы», во-вторых, совмещение общего образования, начиная с грамотности и азов арифметики, «со специальным наносило ущерб и тому, и другому», в-третьих, недостаточное внимание «практическому морскому образованию» и, наконец, преобладание в системе воспитания «страха наказания, а не убеждения и нравственного воздействия на юношей».

Как вспоминал адмирал И. А. Шестаков, учившийся в Морском корпусе в 1830-е годы, несмотря на гуманные устремления директора И. Ф. Крузенштерна, в корпусе действовала «прутовая система». «Били как Бог на душу положит. Поверите ли, мне, 11-летнему, дали 200 ударов за грубость... Сечение, доведенное до... искусства, вошло в программу Морского корпуса и даже заняло в ней почетное место... Добро бы думали вогнать нравственные принци-



П. А. Валуев, один из авторов многих статей в «Морском сборнике» по проблеме воспитания юношей.



Памятник И. Ф. Крузенштерну. Первый российский кругосветный мореплаватель многие годы возглавлял Морской корпус.

пы через накожный процесс или смирять унижением, или воздействовать на других, еще не испытывавших героического лекарства, но нуждавшихся в нем. Нет, секли, вовсе не соображаясь ни с физическими силами пациента, ни с его психологическими условиями... Таким своеволием в наказаниях... думали вкоренить в нас понятие о дисциплине!»

В марте 1859 года Константин Николаевич передал материалы ревизии адмиралу Е. В. Путятину с поручением составить проект преобразования морских учебных заведений. Проект был готов в том же году. Однако великий князь не спешил: опубликовал его в «Морском сборнике», в «Журнале Министерства народного просвещения» и разослал 110 экземпляров различным лицам, чтобы «вызвать обсуждение в печати и получить отзывы от компетентных лиц». Отзывов Морское министерство получило множество. Были и замечания, некоторые из которых существенные. В результате для пересмотра проекта Е. В. Путятин Константин Николаевич создал в 1862 году специальный комитет из представителей двух ведомств — Морского и Народного просвещения. Комитет работал четыре года. В 1866 году появляются «Общие начала преобразования морских учебных заведений».

Еще до начала преобразования морских учебных заведений в 1862 году по инициативе генерал-адмирала в Петербурге был создан прообраз будущей Морской академии — Академический курс морских наук. Состоял он из трех отделений: гидрографического, кораблестроительного и механического. Срок обучения был двухгодичным. Учебные дисциплины подразделялись на общие и специальные. В качестве общих для всех трех отделений читались та-



кие серьезные предметы, как алгебраический анализ, дифференциальное и интегральное исчисления, аналитическая механика, практическая механика, физика. Не менее серьезными были и специальные дисциплины. Для гидрографического отделения — астрономия, геодезия, гидрография, метеорология, оптика и система маячного освещения. Для кораблестроительного — теория и практика кораблестроения, начертательная геометрия, неорганическая химия. Для механического — паровая механика, начертательная геометрия, неорганическая химия.

В 1863 году для офицеров, успешно окончивших Академический курс, были введены командировки за границу. Для этого требовался средний балл не меньше десяти при двенадцатибалльной системе и знание иностранного языка. Заграничные командировки существенно расширяли кругозор офицеров, повышали уровень их подготовки и способствовали изучению опыта иностранных флотов.

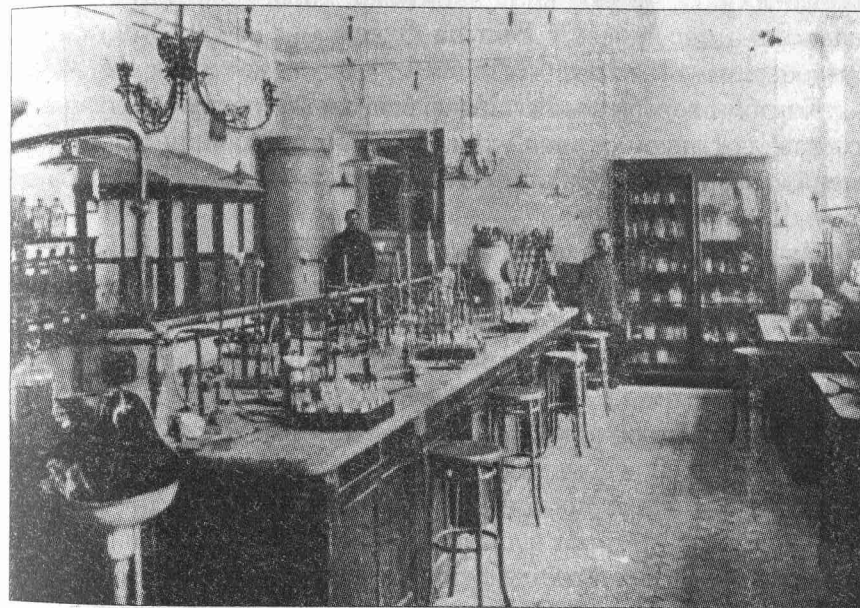
Надо сказать, что общая реформа морских учебных заведений, начавшаяся в 1866 году, проводилась без спешки. В чем заключалась ее суть? Морской корпус был преобразован в Морское училище. Остальные учебные заведения на Балтике объединились в Морское техническое училище. В Петербурге, Кронштадте и Николаеве были созданы три гимназии. В старших классах морских учебных заведений было введено обучение по новым программам со значительно большим вниманием к практическим вопросам. Ежегодно в летнее время снаряжалась учебная эскадра, на которой «кадеты проходили службу матросами, машинистами, артиллерийскими комендантами и штурманскими помощниками». Кадеты, окончившие общий курс обучения, становились гардемаринами или кондукторами. Дальнейшее специальное образование они получали, как правило, в дальних плаваниях.



Знак Минного офицерского класса.



Появление минно-торпедного оружия и его быстрое развитие в отечественном флоте остро поставили вопрос о подготовке специалистов нового профиля. В 1874 году для испытания мин, отработки способов их постановки, обучения офицеров и матросов-минеров на Балтийском море был сформирован учебный минный отряд. Одновременно в Кронштадте был создан Минный офицерский класс и Минная школа. Авторитет вели-



Химическая лаборатория Минного офицерского класса.

кого князя позволил привлечь к учебному процессу самые лучшие силы. В течение 18 лет здесь преподавал великий русский ученый, изобретатель радио А. С. Попов. Лекции по электромагнетизму и оптике читал основатель отечественной школы электромагнетизма, организатор и первый председатель Российского физического общества профессор Петербургского университета Ф. Ф. Петрушевский. Химию и взрывчатые вещества преподавал ученик и ближайший соратник Д. И. Менделеева И. М. Чельцов. Очень скоро Минный офицерский класс превратился в одно из ведущих учебных заведений России. В 1878



году в Кронштадте создано второе аналогичное учебное заведение — Артиллерийский офицерский класс.

Что еще изменилось в системе подготовки кадров? При неустанным контроле генерал-адмирала во все морские учебные заведения было внедрено правило: «действовать на учеников не страхом наказания, а силой убеждения».

Быт на флоте

Корабли кораблями, пушки пушками, но главную силу флота составляют люди. Великий князь это прекрасно понимал. Все изменилось в жизни моряков с его вступлением в командование флотом.

Прежде всего улучшилось материальное положение офицеров. Первым шагом в ряду таких улучшений стало введение в 1855 году в бюджет Морского министерства особых смет на пособия для воспитания детей. «Назначением в учебные заведения детей морских офицеров, — писал Константин Николаевич, — мы можем оказать пособие только небольшому числу семейств, тогда как все чины Морского ведомства, за весьма малым исключением, нуждаются в денежных пособиях... Поэтому я желал бы помещать в заведения только сирот, а для детей, у которых есть отец или мать, производить на воспитание от Морского ведомства ежегодное пособие». Затем последовало увеличение «столовых денег на морские кампании и береговое содержание морских офицеров». Наконец, в 1856 году были созданы эмеритальные кассы¹, которые стали выплачивать дополнительные пенсии уходящим в отставку и семьям умерших в течение службы офицеров.

Наряду с повышением материального положения офицеров особое внимание генерал-адмирал обращал на развитие в портах морских собраний и библиотек, которые могли бы «удовлетворить любознательность по всем отраслям морской специальности».

¹ Капитал, созданный из добровольных ежемесячных отчислений служащих и расходующийся для выдачи им пособий и пенсий. — Ред.



В зимние месяцы в морские собрания приглашались лекторы, читались лекции «по вопросам, интересующим в данный момент морское общество». Коренным образом изменилась обстановка и на кораблях. Вот как описывает эти изменения один из современников Константина Николаевича первый командир Владивостокского порта контр-адмирал Е. С. Бурачек.

«В 1854 году... я плывал на кораблях под флагом адмирала Рикорда... Утренние учения происходили на всех судах эскадры по спуску сигнала на флагманском корабле. Корабли соревновались в работе и некоторые доводили ее до высочайшей виртуозности. Эта виртуозность туго приходилась тогда матросам — она достигалась на их спинах... Кончалось учение. Быстро общая приборка... На корабле во всех частях его снова безукоризненная чистота. Проба. К водке. Адмиральский час. Обед. Офицеры в кают-компании. Стол накрыт. Вестовые каждому приносят погребец¹. Ели своими ложками, ножами и вилками. Сервировка и обед очень скромные. Местами водка — по большей части трюмвейн — желтоватая жидкость с сильным и едким сивушным запахом. После обеда каждый заваривает себе кто кофе, кто чай, но в свою посуду. Каюты были скудно обставлены. Кают-компания — большая, просторная, без особых удобств, бедно портовыми средствами отделанная. Курили тогда Жуков табак — из трубок с длинными чубуками, которые худо промывались и издавали отвратительный прелый запах... Главная жизнь офицеров происходила в нижней кают-компании, или, как говорились, «на кубарях». Там было свободнее. Менее чинились. Воздух в ней был специфический — тяжелый... Это была какая-то смесь миазмов, сивушного масла, табачной жуковской прелости, непромытых трубок, смоленого троса, едкой примеси непроветриваемых жилых помещений без иллюминаторов и от скопления многих вестовых. Неприглядной была и внешняя сторона жизни моряков — до черных куцых некрасивых и неудобных мундиров в обтяжку с фалдочками сзади и черных киверов с медными орлами. Да и плавание во внутренних водах... были нелегкие. По две или три недели качаться в виду берегов под парусами, без захода в порт,

¹ Дорожный сундучок с напитками и съестными припасами. — Ред.



питаться солониной и пить из водного трюма воду... Остается прибавить, что денежное береговое довольствие, весьма ограниченное, выдавалось к тому же не помесечно, а по третям, что было очень неудобно.

Но вот юный Генерал-Адмирал Великий князь Константин Николаевич вступает в управление флотом. Точно по волшебству все меняется. Картина другая. Офицеры получают новую форму — приличную, которая вскоре меняется на изящную... Содержание береговое увеличено, да и стало выдаваться помесечно; морское особое — в плавании, размеры его сообразны с обязанностями на корабле. Морские столовые — достаточны. Стол сытный, здоровый и в дальних плаваниях из свежины. Сервировка казенная: столовый набор серебряный, посуда фарфоровая, хрусталь — все солидное, исполнено по особому заказу для каждого корабля отдельно, с его инициалами. Открываются заграничные плавания. Арена их — Средиземное море и Тихий океан. В широком смысле морская школа для командиров и офицеров. Флагмана — выдающиеся адмиралы.

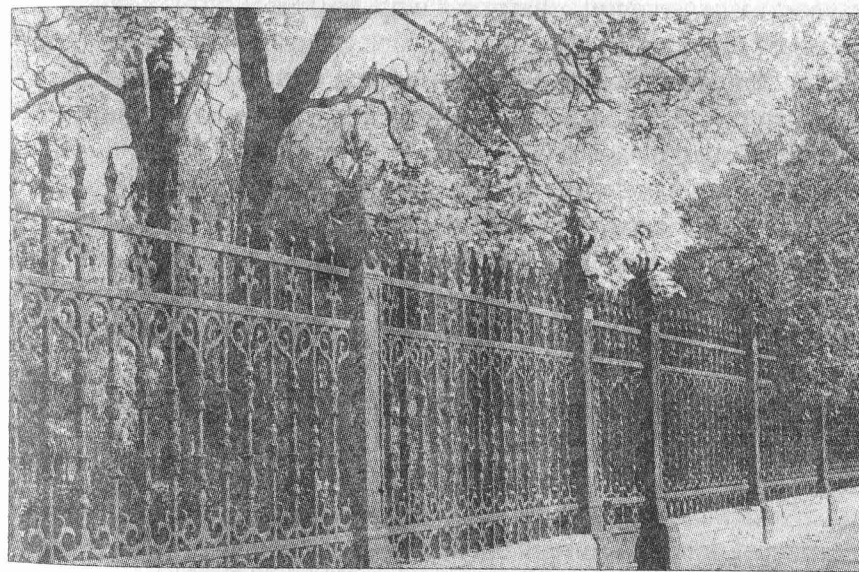


Здание Морского собрания в Кронштадте.
Построено по инициативе Константина Николаевича.



Дух флота был высок. Офицеры тогда не бежали с флота. Флот мог развиваться и совершенствоваться, потому что Августейший шеф всячески домогался, чтобы он стал объектом для ведомства (Морского министерства. — Ю. К.), а не оно для себя. Флот и ведомство составляли одно целое.

Так было в море. На берегу Великий князь... преобразовывал и внутренне и внешне Кронштадт. Много грязи он вымел из него. Страшный враг пьянства и особенно среди офицеров, он достиг положительных результатов. Воздвигнул прекрасное каменное здание Морского собрания. Организовал Морскую библиотеку так,



Летний сад в Кронштадте. Решетка и ворота отлиты на Кронштадском паровом заводе в 1873 г.

что стала она одной из лучших... в России. Выстроил прекрасный каменный театр, — короче старался украсить порт и город — родину моряков, создать им... свою общественную жизнь, отвечающую всем требованиям современной жизни и прогресса».

Большие усилия прилагал Константин Николаевич, чтобы поднять нравственный облик офицеров. «Я желал бы видеть в „Морском сборнике“, — пишет он, — ряд нравственно-философских рассуждений, написанных весьма смело и сильно, доступным для каж-



дого языком, с целью — с одной стороны, опорочить те недостатки, которые мы принуждены сознать между морскими офицерами: и которые должны быть заклеимлены общественным осмеянием, а с другой стороны, — растолковать, как следует понимать некоторые предметы и отношения. К первому разряду будут принадлежать: порицание лжи, замашек показать товар лицом, выказать небывалые заслуги свои и утаить недостатки, упущения и ошибки; взгляды на казенное имущество, расчеты с углем и дровами, системы наказаний нижних чинов и обращение с ними. Ко второму ряду статей можно отнести объяснение, как смотреть на награды и производства, отношения товарищей и пр. Желательно бы колкою насмешкой порицать зло и хвалить добро, но хвалить умно, а не приторно. За подобные статьи, которые были бы написаны с талантом и произвели бы нравственное впечатление, я готов вознаградить авторов самым щедрым образом».

Огромные изменения происходили и в жизни нижних чинов. Прежде всего сократился срок службы — с 25 до 10 лет, а для тех, кто имел образование, — до 5 и даже до 3 лет. Повысились пенсии матросам. С выходом в отставку они теперь могли получить земельные наделы и пособия на обустройство. Особое внимание уделялось повышению образования матросов. С поступлением рекрутов на флот их прежде всего обучали грамоте и началам арифметики, затем уже знакомили «с тем специальным делом, которому они назначались». Ежегодно в зимнее время — с ноября по март — три дня в неделю отводятся учебе. Создавались школы младших специалистов — школа комендоров, рулевых-сигнальщиков и другие. В матросских казармах появились первые библиотеки, выпускались газеты. В Кронштадтском театре даже были учреждены «особые даровые места для нижних чинов». Результаты оказались более чем убедительными: в 1855 году абсолютное большинство матросов было безграмотно, в 1865 году число грамотных составило уже 27 %, а в 1881 году — 51 %.

Многое было сделано и для улучшения быта нижних чинов: введено новое обмундирование, улучшилось питание и условия жизни в казармах. Вместо издавна существовавших общих нар появились индивидуальные койки с постельным бельем. Были за-

ведены кухонная посуда и умывальники, столовые, хлебопекарни и «теплые отхожие места». Особое внимание обращалось на отопление, освещение и санитарное состояние казарм. Женатым нижним чинам выдавались деньги на наем квартир. «Поразительно благоприятным последствием всех сделанных улучшений в быту нижних чинов явилось громадное уменьшение между ними смертности: в 1855 году из 1000 человек умирало 88,73, а в 1878 — только 11,64».

Несомненно, во всех этих преобразованиях сказались высокие человеческие качества. Но не только они руководили генерал-адмиралом. Великим князем Константином Николаевичем руководило сознание государственного деятеля. Он ясно сознавал значение флота для России. Что и говорить, широки были горизонты высокопросвещенного реформатора.

Соратники

Пусть меня простит читатель за смелость суждения, но характерной чертой деятельности Константина Николаевича являлся, в некотором смысле, коллективизм. Его ближайшее окружение — это были не просто подчиненные, а скорее, соратники, разделявшие его идеи и имевшие возможность достаточно открыто высказывать свою точку зрения. Слов нет, Константин Николаевич был не только генерал-адмиралом, но еще и великим князем. Для всех его помощников это являлось непреложной истиной. Тем не менее создаваемая им рабочая атмосфера формировала обстановку, которая располагала не только к подчинению, а скорее, к творческому содружеству.

Кадры генерал-адмирал подбирать умел. «Как истинно талантливый деятель... Великий князь... изыскивал, как говорится, днем с огнем деятелей между моряками и в административных учреждениях и с редкой проницательностью умел определить каждого к делу, к которому он способен... Не на словах любя величие и славу флота, ища только его пользы, генерал-адмирал не боялся затмить себя целой плеядой талантливых сотрудников, многие из



которых, отличаясь независимыми убеждениями, не раболепствовали перед сильным по власти и положению Министром». К числу наиболее близких к Константину Николаевичу моряков следует отнести: Г. И. Бутакова, Н. К. Краббе, С. С. Лесовского, И. Ф. Лихачева, А. А. Попова, Е. В. Путятина и И. А. Шестакова.

В числе соратников Константина Николаевича были и не моряки. К наиболее ярким из них следует отнести прежде всего — Н. И. Путилова и П. М. Обухова. Их вклад в создание отечественного парового броненосного флота трудно переоценить. О них и пойдет краткий рассказ.

Григорий Иванович Бутаков родился в 1820 году в Риге в семье капитана 1 ранга. После окончания в 1837 году Морского корпуса был произведен в мичмана и направлен на Черноморский флот. Быстро проявив свои способности, он стал флаг-офицером¹ адмирала М. П. Лазарева. Первое боевое крещение получил в 1838 году при высадке десанта на Абхазское побережье. В 1843 году за отличие был произведен в лейтенанты, а в 1856 году — в капитан-лейтенанты. Занимаясь в 1843–1850 годах гидрографическими работами, участвовал в составлении первой лоции Черного моря.



Адмирал Григорий Иванович Бутаков.

С началом Крымской войны, командуя пароходом «Владимир», взял в бою в плен турецко-египетский пароходофрегат «Перваз-Бахри», за что был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. За участие в Синопском сражении произведен в капитаны 2 ранга. Во время обороны Севастополя командовал пароходофрегатом «Херсон». Содействуя своей артиллерией огню береговых батарей, принимал актив-

ное участие в отражении всех штурмов города. За проявленную инициативу и личную храбрость был произведен в капитаны 1 ранга, награжден орденами Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й и 3-й степеней с мечами и бантом, а также золотым оружием с надписью «За храбрость». После гибели вице-адмирала В. А. Корнилова как выдающийся боевой офицер был назначен вместо него начальником штаба Черноморского флота. В 1856 году 36-летний Г. И. Бутаков произведен в контр-адмиралы, назначен в «свиту Его Величества», одновременно став главным командиром Николаевского порта и военным губернатором Николаева.

В 1860 году Г. И. Бутаков был переведен на Балтийский флот, но прежде откомандирован в Англию для изучения парового и броненосного судостроения. Вернувшись из Англии, Г. И. Бутаков был назначен начальником практической эскадры винтовых канонерских лодок. С этого времени он целиком отдавал все свои силы созданию в России парового броненосного флота. Блестящая школа М. П. Лазарева хотя и дала флоту боевых командиров, но в своем большинстве это были лихие парусники, не воспринимавшие быстро развивавшейся техники. В связи с этим остро ощущалась необходимость в создании новой «паровой школы», которая могла бы подготовить соответствующий личный состав. Винтовые железные корабли, нарезная артиллерия и броня в корне меняли характер морского боя. Возникло множество тактических вопросов, разрешением которых со свойственной ему энергией и занялся Г. И. Бутаков. Отлично образованный, обладавший огромной эрудицией молодой адмирал с первых дней командования эскадрой обратил главное внимание на тактическую подготовку флота. «Мы должны готовиться к бою всегда, постоянно, неотлагательно... — говорил Г. И. Бутаков, — готовиться к тому случаю, для которого мы, можно сказать, существуем и в который нам придется показать, что Россия содержит флот не без пользы».

Вскоре и в России, и за рубежом Г. И. Бутакова вполне заслуженно начали называть «основателем броненосной школы». И действительно, его эскадра «в короткое время была доведена до такой высоты, что иностранные державы посылали своих моряков учиться у Бутакова». Знаменитый американский адмирал Д. Фаррагут,

¹ Должностное лицо офицерского состава в русском флоте, подчинявшееся флагману и выполнявшее распоряжения по управлению кораблями. — *Ред.*



посетивший эскадру Г. И. Бутакова на Транзундском рейде, заключил кратко: «Русскому флоту некого бояться».

Понимая огромное значение личной инициативы в бою, Г. И. Бутаков стремился создать в мирное время обстановку, близкую к боевой: вводил таранные бои на специально построенных судах, производил настоящие артиллерийские сражения между кораблями с поражением огнем буксируемых на коротких буксирах щитов, посылал офицеров на шлюпках под огонь стреляющих кораблей, чтобы приучить их к свисту и разрыву снарядов и т. д.

Произведенный в вице-адмиралы Г. И. Бутаков в 1867–1876 годах командовал эскадрой броненосных судов Балтийского флота. К этому времени относятся такие его замечательные труды, как «Новые основания паровой тактики», удостоенные Демидовской премии, и «Книга эволюционных сигналов», положившая основание дальнейшему развитию военно-морского дела. Являя собой редкий пример неустойчивости, здравого смысла и личных достоинств, Г. И. Бутаков воспитал целое поколение русских моряков. Его школа стала блестящим продолжением школы его учителя М. П. Лазарева. Произведенный в 1878 году в адмиралы и генерал-адъютанты, последние годы жизни Г. И. Бутаков служил командиром Петербургского порта. Скончался Григорий Иванович в 1882 году.

Николай Карлович Краббе родился в 1814 году в Грузии. Его отец, генерал-лейтенант, служил на Кавказе. В 13 лет Н. К. Краббе поступил в Морской корпус. Гардемарином стал в 1830 году, затем два года плавал на Балтике. Будучи произведен в 1832 году в мичмана, продолжал служить на Балтийском флоте. «За отличие по службе» в 1836 году получил чин лейтенанта и был переведен в Гвардейский экипаж.

Буквально через месяц молодой лейтенант был направлен «в Астра-



Адмирал Николай Карлович Краббе.

хань для показания в 45 флотском экипаже порядка... службы и внутреннего устройства, соблюдаемого в Балтийских экипажах». Из Астрахани Н. К. Краббе направляют на Кавказ. Здесь он неоднократно участвовал «в делах против неприятеля» — в многочисленных десантах, «в сильной перестрелке в Цумбийском лесу», «в перестрелках на переходе к крепости Геленджик», «в жарком деле при перевале через горы к устью реки Вулан» и других. В 1837 году Н. К. Краббе получил первый боевой орден Св. Станислава 4-й степени. На следующий год он стал адъютантом начальника Главного морского штаба князя А. С. Меншикова, однако адъютантство не означало спокойной службы в столице. Не прошло и месяца, как Н. К. Краббе уже на Азовском море вновь участвует в стычках с горцами. Снова десанты, экспедиции в горы и второй орден — Св. Владимира 4-й степени.

На следующий год, вернувшись с Кавказа, Н. К. Краббе был командирован в Оренбург для участия в экспедиции против хивинцев. В 1840 году после возвращения из хивинской экспедиции он сопровождал на пароходе «Богатырь» в Киль великого князя Константина Николаевича. Именно здесь они впервые познакомились и, судя по всему, прониклись взаимным уважением и даже симпатией. «В воздаяние отличного усердия и неустойчивой деятельности при исполнении возложенных на него поручений» Н. К. Краббе был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. Дальнейшая служба адъютанта начальника Главного морского штаба проходила в непрерывных разъездах: Персия с контр-адмиралом Е. В. Путятиным, Ревель, Москва, Черное море, Астрахань, Архангельск, Тула, Нижний Новгород и т. д. В 1847 году Н. К. Краббе участвовал в экспедиции на Аральское море. «Выйдя на берег Сыр-Дарьи через пески Кара-Кум, капитан-лейтенант Краббе построил баркасы, на которых потом плавал по Сыр-Дарье и Аральскому морю». Возвратясь из этого похода, «он производится за отличие по службе» в капитаны 2 ранга.

Начало Крымской войны ставший уже капитаном 1 ранга Н. К. Краббе застает в Севастополе. Куда только не бросала его штабная служба — то он согласовывал в Тифлисе вопросы, связанные с предстоящей высадкой 16-тысячного десанта в Абхазию, то



неся на перекладных в столицу с донесением императору от А. С. Меншикова, то участвует в крейсерстве по Черному морю и бомбардировке захваченного турками Николаевского поста.

В 1854 году Н. К. Краббе стал флигель-адъютантом и вице-директором Инспекторского департамента Морского министерства. За 22 года службы в офицерских чинах бесчисленные командировки сделали его «опытнейшим морским администратором, до тонкостей знавшим не только общие дела, но и все местные особенности... морского управления в России». Чтобы не быть голословным, приведем лишь перечень тех мест, где довелось побывать Н. К. Краббе: Ревель — 7 раз, Николаев — 7 раз, Севастополь — 5 раз, Астрахань и Каспийское море — 4 раза, Свеаборг — 3 раза, Одесса — 2 раза, Оренбург — 2 раза, Выборг — 2 раза, Кавказское побережье Черного моря — 2 раза, Стокгольм — 2 раза, Архангельск, Измаил, Сыр-Дарья и Аральское море, Либава, Або, Экенесс и Гангут, Аренсбург, и Западная Двина, Прибалтийские губернии, Киль, Гельсингфорс, Копенгаген, Травемюнде, Данциг и Стокгольм. Что и говорить, внушительный список!

Впрочем, командировки не прекратились и в новой должности. Уже будучи вице-директором, Н. К. Краббе ездил в осажденный Севастополь. Выполняя поручения А. С. Меншикова, он постоянно находился на батареях и бастионах под огнем противника. В 1855 году Н. К. Краббе стал директором Инспекторского департамента. В этой должности под непосредственным руководством Константина Николаевича он служил почти пять лет. В 1860 году, будучи уже генерал-адъютантом и контр-адмиралом, Н. К. Краббе вступил в управление Морским ведомством.

Управляющим морским министерством адмирал Н. К. Краббе прослужил 16 лет, вплоть до своей кончины в 1876 году. Все эти годы, работая рука об руку с великим князем, он являлся одним из самых близких его соратников. В лице Николая Карловича генерал-адмирал имел не просто деятельного исполнителя, но и убежденного сторонника проводимых на флоте реформ. Хотя Н. К. Краббе держал себя всегда скромно и подчеркивал, что лишь реализует мысли и идеи великого князя, его роль в проведении реформ трудно переоценить. Прогресс в технике и обществе он принял умом и сердцем.

Несмотря на свою иностранную фамилию, Н. К. Краббе был «православным и русаком до мозга костей, со всеми достоинствами и недостатками, свойственными нашей нации. Все действия по управлению министерством он держал всегда открыто. Перед его рабочим кабинетом не было ни приемных, ни аванзалов. В квартире его не было ни адъютантов, ни дежурных чиновников. Когда кто-либо являлся... к министру, вестовой прямо открывал дверь в кабинет без всякого предварительного доклада».

Н. К. Краббе принадлежал к лучшим людям 1860-х годов. «Восприняв дух обновления, усвоив умом необходимость реформ, Н. К. Краббе до самой смерти стойко оставался на этом пути, ни в чем не отклоняясь от него и ни в чем не изменяя ему».

Степан Степанович Лесовский родился в 1817 году во Франции. Его отец командовал Кинбургским драгунским полком в составе русской оккупационной армии. Морской корпус С. С. Лесовский окончил в 1833 году. Как один из лучших по выпуску, он был оставлен для дальнейшего обучения в Высшем офицерском классе. С 1839 года по 1853 год служил на Черноморском флоте, командовал бригам и фрегатом. Дважды плавал в Средиземном море.



Адмирал Степан Степанович Лесовский.

По ходатайству адмирала Е. В. Путятина, отправлявшегося на фрегате «Паллада» с дипломатической миссией в Японию, С. С. Лесовский был назначен командиром фрегата «Диана», также следовавшего в Японию. Уже шла Крымская война. Выйдя из Кронштадта, не заходя ни в один из европейских портов, С. С. Лесовский обогнул мыс Горн и успешно пришел к берегам Японии. Здесь 11 декабря 1854 года на рейде города Симода в результате сильнейшего землетрясения, почти разрушившего город, «Диана» погибла. Экипаж удалось свезти на берег. Под руководством С. С. Лесовского была



построена шхуна «Хеда». Часть экипажа перешла на ней в Николаевск-на-Амуре. Другая — во главе с С. С. Лесовским отправилась на зафрахтованном купеческом судне в Петропавловск-Камчатский для усиления гарнизона. Позднее они также перешли в Николаевск-на-Амуре. Здесь С. С. Лесовский возглавил сводный экипаж, состоявший из команд «Паллады», «Авроры», «Дианы» и береговой батареи.

В 1857 году по суше, через Сибирь, С. С. Лесовский возвратился в С.-Петербург и по личному избранию Константина Николаевича был назначен капитаном Кронштадтского порта. «В этой должности ему пришлось много поработать над укомплектованием, вооружением и снабжением многочисленных судов, отправлявшихся в заграничные плавания». В 1862 году по «Высочайшему повелению» С. С. Лесовский командирован в Америку для знакомства с новыми башенными броненосцами типа «монитор». На следующий год по возвращении из Америки он был произведен в контр-адмиралы и назначен командующим Атлантической эскадрой. Его задачей было скрытно следовать в США и оказать военное и политическое воздействие на враждебную России коалицию европейских держав во главе с Англией, одновременно оказать моральную и политическую поддержку правительству А. Линкольна в Гражданской войне. Эти задачи большой государственной важности С. С. Лесовский выполнил блестяще.

Вернувшись из Америки, он командовал отрядом судов в Средиземном море, а с 1866 года шесть лет служил командиром Кронштадтского порта. С его деятельностью связано значительное улучшение быта нижних чинов. Предельно честный, прямой, непримиримый к казнокрадству, он требовал от всех командиров и начальников заботы о личном составе и полного его обеспечения всеми положенными видами довольствия.

В 1876 году после смерти Н. К. Краббе вице-адмирал С. С. Лесовский был назначен управляющим Морским министерством. Однако пробыл в этой должности он недолго, всего четыре года. «По выраженному им самим желанию был отчислен от последней должности, назначен членом Государственного совета и одновременно главным начальником наших морских сил на Тихом океане». Держа

свой флаг на крейсере «Африка», во время шторма он получил опасный перелом ноги и был вынужден возвратиться в Петербург. Несмотря на близкое сотрудничество с великим князем, отказ от должности управляющего Морским министерством, несомненно, был принципиальным, во всяком случае он свидетельствует, что С. С. Лесовский не принадлежал к числу ординарных честолюбцев.

С. С. Лесовский совмещал в себе резко противоположные качества. Имея, в сущности, незлое сердце, проявляя несомненную заботу о личном составе, он даже в те времена приобрел репутацию исключительно жестокого капитана. На кораблях, которыми он командовал, матросы изнемогали от беспощадных телесных наказаний и кулачных расправ со стороны как самого капитана, так и его офицеров. «Даже терпеливые и кроткие русские команды того времени не выдерживали невыносимого существования. На фрегате „Диана“ в заграничном плавании были попытки к возмущению, крики матросов с марсов во время работ по адресу Лесовского „За борт его“ и т. п. Однажды ночью в океане команда „Дианы“ выбежала наверх с целью привести в исполнение свои угрозы, и только находчивость старшего офицера фрегата И. И. Бутакова, скомандовавшего „К повороту!“, дала возможность предупредить преступление». Этот эпизод без фамилий и названия корабля описан в одном из «Морских рассказов» К. М. Станюковича. Умер С. С. Лесовский в 1884 году.

Иван Федорович Лихачев родился в 1826 году в Казанской губернии. Из-за расстроившегося состояния его отец, бывший кавалергард, вынужден был оставить полк и поселиться в деревенской глуши. Вскоре отец скончался. Мальчика воспитала мать, умная и энергичная женщина. Она дала детям хорошее образование. Именно от нее И. Ф. Лихачев унаследовал могучую волю и здравый смысл в делах. После домашней подготовки по общим предметам в 13 лет он



Адмирал Иван Федорович Лихачев.



поступил в один из старших классов Морского корпуса. В 1842 году был произведен в гардемарины, а через год — в мичмана с оставлением для дальнейшей учебы в Высшем офицерском классе. До 1850 года И. Ф. Лихачев служил на Черноморском флоте. Там царил лазаревский дух, формировавший будущих героев Севастополя — П. С. Нахимова, В. А. Корнилова, Г. И. Бутакова.

В 1850 году Ф. И. Лихачев был переведен на Балтику и в том же году на корвете «Оливуца» ушел в плавание на Дальний Восток с заходом в Петропавловск-Камчатский и Русскую Америку. В октябре 1851 года, имея от роду всего 25 лет, он вступил в командование корветом. На Дальнем Востоке И. Ф. Лихачев пробыл до 1853 года.

С началом Крымской войны капитан-лейтенант И. Ф. Лихачев продолжил службу в Севастополе флаг-офицером вице-адмирала В. А. Корнилова. С первого до последнего дня он был активным участником обороны Севастополя. Буквально накануне сдачи города И. Ф. Лихачев был сильно контужен в голову. За боевые заслуги он награжден орденами Св. Анны 2-й степени, Св. Станислава 2-й степени с мечами, а также чином капитана 2 ранга, а вскоре и капитана 1 ранга. Ему было всего 30 лет.

С окончанием войны, после непродолжительной службы в Николаеве начальником штаба у Г. И. Бутакова, И. Ф. Лихачев назначен адъютантом к генерал-адмиралу. Архивные документы свидетельствуют о его исключительной активности в этот период. «Нет ни одного вопроса, который бы не пытался решить его пытливый ум». И все же настойчивее всего И. Ф. Лихачев ставит перед великим князем два вопроса — необходимость океанских плаваний и освоение дальневосточных рубежей.

«Все равно, будут ли они корветы или фрегаты, — писал он в своей докладной записке, — только не держите эти суда в наших замкнутых морях, где они, как рыба, вытасенная на берег... Удаляйте их от берегов Европы, где перевес других морских держав так угнетателен для нашей маленькой морской силы... Задавайте им беспрестанно дальние плаванья... Тогда, во-первых, не будут спрашивать у Вас из Петербурга разрешения войти в док, когда судно течет... во-вторых, у Вас образуются... настоящие адмиралы, которые будут страшиться одного только суда моряков... будут бо-

яться одной ответственности — перед отечеством, вверившим им драгоценные средства, и которых не будет вгонять в идиотизм страх начальства в лице разных департаментов и разных командиров, главных и неглавных».

Осложнившиеся в конце 1850-х годов взаимоотношения с Китаем затягивали подписание договора о разделе границ в Приморье. В качестве демонстрации военной силы И. Ф. Лихачев предложил срочно собрать у побережья Китая эскадру. С его идеей согласился и великий князь, и император. Ее исполнение поручили самому И. Ф. Лихачеву. В январе 1860 года он срочно покинул Петербург, а в конце апреля уже собрал свой отряд в Печилийском заливе¹. Российский посол покинул Пекин и перебрался на эскадру И. Ф. Лихачева. Через некоторое время китайцы подписали Пекинский договор, подтвердивший права России на весь Уссурийский край. «Я думаю, — писал И. Ф. Лихачев, — что мой долг, как начальника эскадры и как русского, доложить теперь Вашему Высочеству, что благополучным исходом дела Россия обязана ни чему иному, как идее перенести пребывание Посольства на эскадру и тому энергичному усилию, с которым эскадра выполнила Ваши предначертания».

Столь быстрым успехам своего адъютанта был удивлен и великий князь. «Любезный Лихачев, — писал он, — ты совершеннейший молодец, и я обнимаю тебя мысленно от всей души... Я никогда не воображал, чтобы все наши планы, которые в январе месяце вечером в Кронштадте (помнишь ли?) мы с тобой сочиняли, могли до такой степени, буква в букву, исполниться... Повторяю снова, что ты совершеннейший молодец и что я обнимаю тебя от всей души. Все письма твои я давал читать Государю, и он в высшей степени доволен тем, что ты на пути из Хакодате в Бейтан зашел в залив Посьета и занял его десантом, не дожидаясь для сего никакого особого приказа... Одним словом, он в высшей степени доволен тобой и твоими распоряжениями». За свои действия на востоке И. Ф. Лихачев в 35 лет стал контр-адмиралом и получил орден Св. Владимира 3-й степени.

¹ Залив Бохайвань. — Ред.



Впрочем, не все замыслы и дела И. Ф. Лихачева на Дальнем Востоке заканчивались успешно. Его настойчивые усилия по приобретению Россией Цусимских островов окончились полной неудачей. Больше того, Иван Федорович был вынужден даже удалиться от дел, правда, ненадолго. В 1863 году он вновь был зачислен на действительную службу — командовал отрядом крейсеров, а затем первой русской броненосной эскадрой на Балтике. С 1867 года, почти 17 лет, И. Ф. Лихачев жил за границей, будучи военно-морским агентом (атташе. — Ю. К.) в Англии и во Франции. Уже после ухода Константина Николаевича И. Ф. Лихачев получил предложение нового генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича занять место председателя Технического комитета во вновь формирующемся Морском министерстве, однако отказался. «Он не сочувствовал переменам. Работавший не покладая рук при старом Генерал-Адмирале, он не мог заставить себя изменить этому направлению и приспособиться к новому. Он считал, что новое идет не вперед, а назад».

В 1883 году И. Ф. Лихачев подал прошение об отставке, которое с готовностью было принято. Впрочем, связи с флотом он не порывал. Он опубликовал многочисленные статьи в газетах и журналах: в «Кронштадтском вестнике» — «Проблемы морского воспитания», «Число миноносок и самодвижущихся мин» и др.; в «Морском сборнике» — «Военные суда будущего», «Практические приемы вычисления водоизмещения и остойчивости» и др. В 1888 году в журнале «Русское судоходство» вышла его статья — «Служба Генерального штаба во флоте», в которой впервые высказывалась идея создания Морского генерального штаба как органа оперативно-стратегического управления флотом. Умер вице-адмирал И. Ф. Лихачев в 1907 году.

Андрей Александрович Попов родился в 1821 году в Петербурге. Его отец, управляющий Охтинской судостроительной верфью, впоследствии генерал-майор корпуса корабельных инженеров. В девять лет А. А. Попов поступил в подготовительный класс Александровского кадетского корпуса, готовившего к поступлению в Морской корпус, куда через год и был переведен. Мальчик отличался честностью, прямодушием, но обладал исключительным



Адмирал
Андрей Александрович Попов.

самолюбием и властью. В 1839 году, сдав экзамены, семнадцатилетний гардемарин стал мичманом и получил назначение на Черноморский флот. Попав в среду черноморцев, где имя М. П. Лазарева было свято, А. А. Попов стал ревностным почитателем лазаревской школы, восприняв все ее лучшие качества — страстную любовь к морю, флоту и родине.

К началу Крымской войны капитан-лейтенант А. А. Попов командовал вооруженным пароходом «Метеор». Его главной задачей было прервать турецкие коммуникации у Кавказского побережья, не допустить подвоз оружия горцам. Во время обороны Севастополя, командуя пароходом «Тамань», он прорвал блокаду и привел пароход в Одессу. Возвратившись в Севастополь по суше, А. А. Попов служил офицером для особых поручений при П. С. Нахимове и В. А. Корнилове. Во время ежедневных обходов укреплений П. С. Нахимов непременно брал с собой отважного и распорядительного офицера. Во время одного из таких обходов А. А. Попов был контужен в голову. К концу войны он уже был капитаном 2 ранга.

Активная кораблестроительная деятельность А. А. Попова началась с развертыванием послевоенного кораблестроения. Ей он посвятил многие годы. Не являясь кораблестроителем, он с юных лет унаследовал от отца пристрастие к кораблестроению и всегда им интересовался. Будучи в 1856 году в командировке в Англии, А. А. Попов познакомился с выдающимся кораблестроителем Э. Ридом. Знакомство дало дальнейший толчок к занятию вопросами кораблестроения. В 1856 году он осуществлял наблюдение за строительством шести винтовых корветов в Архангельске. С возвращением в Петербург занимался строительством здесь еще четырнадцати винтовых кораблей. К тому времени он уже был при-



знанным авторитетом в кораблестроении. В 1861 году А. А. Попов назначен одновременно действительным членом Морского ученого и Кораблестроительного комитетов.

Воспитанный на традициях парусного флота, А. А. Попов, один из немногих, сумел понять и оценить будущее паровых броненосных судов. Однако мало понять возможности новой техники, ее надо еще и познать. «Засучив рукава», А. А. Попов взялся за изучение котлов, паровых машин и другой корабельной техники. Досконально изучив сложные корабельные механизмы, он мог лично проверять знания профессиональных механиков.

В 1861 году А. А. Попов был произведен в контр-адмиралы. В 1862 году, возглавив отряд из только что вступивших в строй винтовых корветов и клиперов, А. А. Попов совершил плавание в Тихий океан. В течение нескольких лет он плавал на Дальнем Востоке, проводя гидрографические исследования, осваивая новые российские территории. В 1863–1864 годах он участвовал в Американской экспедиции, появившись со своей эскадрой неожиданно для всего мира в Сан-Франциско. После возвращения из Америки А. А. Попов вновь целиком посвятил себя кораблестроению. Его лозунг, поддержанный генерал-адмиралом, — «Строить флот дома!».

Теперь основные усилия его были направлены на разработку проекта мореходного башенного броненосца, получившего позднее название «Петр Великий». В британской прессе появилось сообщение о том, что автор проекта «Петра Великого» — Э. Рид. Буквально на следующий день Э. Рид поместил в «Таймс» статью, в которой писал: «Позвольте опровергнуть,... что я составлял проект недавно спущенного в Петербурге броненосца «Петр Великий». Этот проект — творение адмирала Попова, человека одинаково достойного как в военное, так и в мирное время...» Вслед за «Петром Великим» А. А. Попов проектировал океанские броненосные крейсера «Генерал-Адмирал», «Герцог Эдинбургский» и другие.

Имя А. А. Попова в истории отечественного кораблестроения связано с созданием оригинальных «круглых» судов. По идее А. А. Попова плавучие форты могли успешно защищать Черноморское по-

бережье в районе Днепровско-Бугского лимана и Керченского пролива. Круглая форма корпуса позволяла при малой осадке иметь мощную броню и гораздо более крупную артиллерию, чем на обычных броненосцах. В обиходе эти суда получили название «поповки». Их было построено всего два: «Новгород» и «Киев». Последний при спуске «по Высочайшему указу» переименовали в «Вице-адмирала Попова». История создания «поповок» завершилась постройкой императорской яхты «Ливадия».

«Беспокойный адмирал», а именно так А. А. Попова звали на флоте после того, как под таким псевдонимом его образ был увековечен в одном из «Морских рассказов» К. М. Станюковича, интересовался и поддерживал все новое на флоте. Он являлся горячим сторонником первой отечественной подводной лодки с механическим двигателем И. Ф. Александровского, его торпед, минных катеров и многого другого. В 1891 году А. А. Попов был произведен в адмиралы и до последних дней жизни деятельно и неустанно выполнял свои многочисленные обязанности. Скончался Андрей Александрович в 1898 году.

Ефим Васильевич Путятин родился в 1804 году в Новгородской губернии в семье отставного капитан-лейтенанта. В службу вступил гардемарин, окончил Морской корпус в 1822 году. В 1822–1825 годах мичманом совершил кругосветное плавание на фрегате «Крейсер» с заходом в Русскую Америку. На корабле «Азов» в 1827 году принимал участие в Наваринском сражении, за что был произведен в лейтенанты и награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Три последующих года плавал в Греческом Архипелаге, участвовал в блокаде Дарданелл. Будучи произведен в 1834 году в капитан-лейтенанты, плавал на Черном и Средиземном



Адмирал Ефим Васильевич Путятин.



морях. Неоднократно участвовал в высадке десантов на Кавказское побережье. Принимал участие во взятии Адлера и Туапсе, был ранен.

В 1838 году произведен в капитаны 2 ранга, а на следующий год в капитаны 1 ранга и назначен офицером для особых поручений при начальнике Главного морского штаба. В 1841 году участвовал в «пресечении хищничества туркмен в персидских водах Каспия», основал военную станцию в Астрабадском заливе, за что был произведен в контр-адмиралы. Возглавив дипломатическую миссию в Персию, добился отмены ограничений русской торговли и установил регулярное пароходное сообщение между Астраханью, Кавказом и Персией. В 1844–1848 годах выполнил ряд дипломатических поручений в Англии, Турции и Египте. С 1848 года — генерал-адъютант, с 1851 года — вице-адмирал.

В 1853 году на фрегате «Паллада» возглавил дипломатическую миссию в Китай и Японию. В 1855 году заключил первый договор с Японией о границах и торговле. В Петербург возвратился через Сибирь. Возведен в графское достоинство. В 1855 — 1856 годах служил начальником штаба Кронштадтского военного губернатора. В 1857–1858 годах на пароходе «Америка» был командирован в Китай в качестве чрезвычайного посланника. Участвовал в гидрографическом обследовании залива Ольга и открытии залива Владимир. Вступив в командование отрядом кораблей русской эскадры, приступил к переговорам с Китаем. Заключил Тяньцзинский договор об открытии морской торговли с Россией и об уточнении границы в Приморье. Учредил почтовое сообщение с Китаем. На фрегате «Аскольд» перешел в Японию и в 1858 году подписал договор о дружбе и торговле. По возвращении в Петербург был избран почетным членом Императорского Географического общества. В 1859–1861 годах состоял военно-морским атташе в Англии. Некоторое время являлся Министром народного просвещения. Умер в Париже в 1883 году. В окружении великого князя Е. В. Путятин занимал особое положение. Он был старше Константина Николаевича и его ближайших помощников на 15–20 лет. Это, а также несомненные заслуги Е. В. Путятин определяли, по существу, его высочайший авторитет среди окружения генерал-адмирала.



Иван Алексеевич Шестаков

родился в 1820 году. В десять лет поступил в Морской корпус, однако в 1836 году был отчислен с назначением на Черноморский флот. Через год за храбрость, проявленную в боях с горцами на Кавказском побережье, произведен в мичмана. В 1843 году лейтенантом был назначен адъютантом адмирала М. П. Лазарева. Совместно с Г. И. Бутаковым активно участвовал в составлении «Логистики Черного моря», за что в 1851 году награжден бриллиантовым перстнем.



Адмирал
Иван Алексеевич Шестаков.

Будучи замечен генерал-адмиралом, переведен в Петербург и вскоре стал его адъютантом. В 1856 году, как грамотный и энергичный офицер, командирован в Нью-Йорк для наблюдения за постройкой за границей первого броненосного фрегата «Генерал-Адмирал». Со своими обязанностями справился отлично. В 1859 году привел «Генерал-Адмирала» в Кронштадт. Назначен одновременно членом двух комитетов: Морского ученого и Кораблестроительного. В 1860–1861 годах командует эскадрой в Средиземном море, после чего вновь назначается членом Морского ученого и Кораблестроительного комитетов. В 1863 году был помощником Главного командира Кронштадтского порта.

Непростой, подчас неуживчивый характер Ивана Алексеевича прервал его службу на флоте. В 1866 году он стал Таганрогским градоначальником, в 1868 году — Виленским губернатором. Тем не менее в 1873 году И. А. Шестаков вновь возвратился на службу в Морское ведомство — он военно-морской агент (атташе. — Ю. К.) в южных странах Европы. В 1876 году возглавляет комиссию по приобретению в Австрии у Р. Уайтхеда торпед. В 1881 году назначен председателем Кораблестроительного отделения Морского ученого комитета, а в 1882 году — управляющим Морским



министерством. Умер Иван Алексеевич в 1888 году в Севастополе, погребен в храме Св. Владимира.

На долгие годы И. А. Шестаков был забыт. Причиной тому явились его воспоминания «Полвека обыкновенной жизни» и дневники последних лет. Дав волю своим чувствам, адмирал приводит в них далеко нелицеприятные характеристики многих власть имущих, в том числе и императора. В результате на его рукописи появилась резолюция Александра III «Запретить на 50 лет!»

Николай Иванович Путилов родился в 1820 году в Новгородской губернии. В десять лет поступил в Александровский кадетский корпус, а через два года был переведен в Морской корпус, который окончил в 1837 году и мичманом был оставлен для продолжения учебы в Высшем офицерском классе. В 1840 году, плавая на Балтике, участвовал в описании Балтийского моря. Возвратясь в 1841 году в качестве преподавателя в Морской корпус, читал математику, астрономию и навигацию. Благодаря своим незаурядным способностям вскоре был назначен помощником к академику М. В. Остроградскому для исследований по баллистике. Первым опубликованным научным трудом Н. И. Путилова была статья, посвященная выявленной им ошибке в книге знаменитого французского математика О. Л. Коши «Интегральное исчисление». Благодарный О. Л. Коши прислал автору статьи исправленную книгу и письмо «весьма лестного содержания». Впоследствии работы Н. И. Путилова неоднократно публиковались в «Известиях» Петербургской академии наук.

В связи с ухудшением здоровья в 1843 году лейтенант Н. И. Путилов оставил службу и уехал на юг. Здесь он поступил на службу в Южный округ Корпуса инженеров военных поселений. Строительная деятельность явилась для него отличной инженерной школой. Через пять лет Н. И. Путилов возвратился в С.-Петербург в качестве чиновника особых поручений при директоре Кораблестроительного департамента Морского министерства.

В годы Крымской войны Н. И. Путилов — «уполномоченный Великого Князя Генерал-Адмирала» по строительству канонерских лодок. За четыре месяца, с января по май 1855 года, он обеспечил строительство 32 канонерских лодок, а также создание для них котлов и машин. В следующие восемь месяцев были построены еще

35 лодок. «По окончании этой работы петербургские заводчики, изготовлявшие судовые машины, поднесли Путилову... серебряный венок из стольких лавровых листьев, сколько им было изготовлено судов».

Одновременно со строительством канонерских лодок Н. И. Путилов строил в Кронштадте для ремонта поврежденных в случае боя судов три плавдока и ремонтную мастерскую, ставшую позднее Кронштадтским паровым заводом. В это же время Н. И. Путилову было поручено «содействие адмиралу графу Путятину по строительству в Петербурге 14 плавучих батарей, адмиралу Попову в постройке в Архангельске 6 паровых клиперов, рижскому генерал-губернатору — по постройке в Риге 6 канонерских лодок». Трудно представить, но одновременно со всей этой работой он успевал еще издать 37 томов «Сборника известий с войны 1853–1855 гг.».

После войны с одобрения Константина Николаевича Н. И. Путилов сосредоточил свои силы на развитии металлургии на севере России — организовал производство железа из руд, добываемых в озерах Финляндии. Для изготовления корабельных котлов финское железо оказалось даже лучше английского, и это позволило отказаться от зарубежных поставок. Приобретенные и построенные Н. И. Путиловым на Сайменских каналах заводы получили привилегию «на добычу руд из 350 озер на пространстве 50 000 кв. верст».

Деловой размах Н. И. Путилова не знал границ. Он активно участвовал в создании сталелитейного завода, названного позднее по его же предложению Обуховским, приобрел в Петербурге небольшой завод и организовал на нем производство рельсов и железнодорожного оборудования. Быстро растущие российские железные дороги остро нуждались в рельсах. С 1868 года по 1875 год завод выпустил железнодорожной продукции на 27 млн. руб. В 1869 году с переходом армии с бумажных патронов на металлические правительство поручило Н. И. Путилову организовать переделку ружей. Арендовав пять заводов, он справился с поставленной задачей в рекордно короткий срок.

В 1873 году Н. И. Путилов создал акционерное общество Путиловских заводов, для чего недалеко от ранее приобретенного рельсового завода построил вагонный завод, рассчитанный на произ-



водство 1000 железнодорожных вагонов в год. Стоило только в Европе начать замену железных рельсов стальными, как Н. И. Путилов немедленно построил первый в России сталерельсовый завод. Его ежегодная производительность составляла 20 000 тонн стальных рельсов. Всего к началу XX века заводы Н. И. Путилова «кормили и учили до 12 000 мастеровых и рабочих. Их производительность составляла 9 000 000 руб. в год».

Наконец, одним из главных дел Н. И. Путилова явилось сооружение в С.-Петербурге торгового порта. Для этого Н. И. Путилов прорыл Морской канал от Кронштадта до Петербурга. Созданная им эскадра землечерпалок, пароходов и шаланд из 59 судов могла поднять и перевезти за сутки свыше 20 000 кубометров грунта. Построенная Н. И. Путиловым железная дорога соединила порт со всеми железными дорогами, связывающими Петербург с внутренними губерниями. Бассейн торгового порта получил первоклассные причалы, подъездные пути, подъемные краны и склады. Все это появилось благодаря неутомимой энергии и организаторскому таланту Н. И. Путилова. Увы, «десятки лет упорного умственного и физического труда, постоянное утомление, борьба с массой невежд и завистников сломили железное здоровье Николая Ивановича». В 1860 году его не стало.

Павел Матвеевич Обухов родился в 1820 году в Вятской губернии в семье смотрителя Воткинского чугунолитейного завода. После окончания в 1843 году с Большой золотой медалью петербургского Института корпуса горных инженеров он был назначен смотрителем на один из уральских заводов. Через год командирован за границу для усовершенствования в горнозаводском деле. После возвращения в 1848 году на Урал П. М. Обухов стал управляющим Кушвинского, а с 1851 года — Юговского заводов. Здесь он начал заниматься опытами по выплавке стали. Первые положительные результаты удалось получить лишь в 1853 году. Пластина из полученной им стали была вдвое тоньше обычной кавалерийской кирасы¹, не

¹ Защитное вооружение кавалериста, состоявшее из двух пластин, выгнутых по форме спины и груди и соединенных между собой. В России введена в 1731 году. — *Ред.*



пробивалась выстрелами из ружья. В 1854 году П. М. Обухов стал управляющим оружейного завода в Златоусте, где продолжил свои опыты. Наконец ему удалось получить сталь, не уступающую по своим качествам крупновской. Изготовленные из нее кирасы, ружья и клинки получили широкую известность. На них стоит клеймо «Литая сталь П. Обухова». В 1857 году П. М. Обухов вторично отправился в заграничную командировку, по возвращении из которой представил проект изготовления в России стальных орудий. В Златоусте начались пробные отливки. Первое стальное орудие, изготовленное в 1861 году, отправили на испытания в Петербург. На Волковском полигоне оно выдержало 4000 выстрелов. 12-фунтовое (141-миллиметровое) орудие и сегодня хранится в Артиллерийском историческом музее.

На завершающие выстрелы приехал Александр II.

«Обращаясь к Обухову, Государь спросил:

— Уверен ли ты, что пушка выдержит назначенную стрельбу?

— Вполне уверен, Ваше Величество!

— А чем это докажешь?

— Тем, что, если Вы позволите, я сяду на нее верхом и пусть стреляют сколько хотят...

Государь улыбнулся и добавил:

— Пожалуйста, не вздумай этого делать. Я и так от всех слышу, что пушка выше похвал и выдержит хорошо».

С завершением испытаний П. М. Обухов был произведен в полковники. Ему был пожалован орден Св. Владимира 4-й степени и добавочное содержание по 600 рублей в год. «Кроме того повелено уплачивать ему по 50 коп. с пуда приготовленных к сдаче орудий и по 35 коп. с пуда орудийных болванок и сортовой стали, приготовленных по заказу Правительства».

В 1861 году П. М. Обухов был избран членом-корреспондентом Ученого артиллерийского комитета и, оставаясь в должности директора построенной по его проекту Князе-Михайловской пушечной фабрики, первой в России по изготовлению стальных орудий, назначен горным начальником златоустовских заводов.

На Урале П. М. Обухов пробыл до 1863 года, когда в связи со строительством под Петербургом сталелитейного завода, названного по-



зднее Обуховским, отбыл в Петербург. С собой он забрал лучших мастеров и рабочих. Кстати, сколь тонким искусством являлось в те годы сталелитейное дело. Оставление Князе-Михайловской фабрики П. М. Обуховым и его помощниками привело через несколько лет к полному упадку на ней сталелитейного производства.

Первая отливка на Обуховском заводе под непосредственным руководством П. М. Обухова состоялась 15 апреля 1864 года. Полученная сталь отличалась высокой однородностью. По своим качествам она не только не уступала, но даже превосходила зарубежную. Вся остальная деятельность Павла Матвеевича вплоть до кончины в 1869 году была связана с заводом, носящим его имя.

Ликвидация крепостного права

Великого князя Константина Николаевича по праву можно назвать не только выдающимся русским моряком, но и крупнейшим государственным деятелем России XIX века. Казалось бы, какое отношение к флоту имеют ликвидация крепостного права, судебная, земельная, земская и другие реформы. Однако «нельзя лечить члены, когда заражен весь организм», и это Константин Николаевич понимал прекрасно. Преодолевая яростное сопротивление консерваторов-крепостников, он без устали трудился на поприще ликвидации крепостного права.

Когда в 1856 году Александр II решил осуществить «задуманное еще его родителем освобождение крестьян», его первой заботой стал поиск единомышленников. Найти таких было трудно даже царю. К освобождению крестьян большинство сановников относилось не только недоверчиво, но и неодобрительно. Император это знал. Будучи наследником, он председательствовал в двух из шести секретных комитетах, учрежденных по этому вопросу еще отцом. Тем не менее в январе 1857 года Александр II создал очередную «Секретный комитет по крестьянскому делу». Председательствовал периодически в нем сам. Комитет состоял из одиннадцати членов. Сторонников освобождения крестьян в нем было не более четырех. Полгода бесплодной работы наглядно продемонст-

рировали, что Комитет не только не содействует решению поставленной задачи, но даже тормозит ее. Стремясь оживить работу Комитета, Александр II ввел в него нового члена — великого князя Константина Николаевича. Это был продуманный шаг. Мысли и намерения брата император знал. Они были единомышленниками, и не на словах, а на деле.

Первое, что предпринял Константин Николаевич, возглавив флот, — устранил сословие кантонистов¹, т. е. ликвидировал введенную еще в 1826 году обязательную службу всех солдатских и матросских детей мужского пола. Проведенное по инициативе великого князя изучение быта кантонистов дало материал, послуживший основанием для подписания в августе 1856 года «Высочайшего манифеста о прекращении зачисления детей нижних чинов в Военное и Морское ведомства».

Вторым неотложным действием великого князя стало освобождение от крепостной зависимости охтинских и черноморских поселян, принадлежавших Морскому министерству. Охтинские поселения появились под Петербургом еще при Петре I. Черноморские на землях Херсонской губернии создала Екатерина II. И те и другие имели одну цель — обеспечить северные и южные адмиралтейства рабочей силой.

Изучив в 1856 году положение охтинских поселян, Константин Николаевич начал готовить вопрос об отпуске их на волю. Делал он это отнюдь не только из соображений гуманности, хотя и это, несомненно, присутствовало. Великий князь прекрасно понимал, что строить паровой и броненосный флот крепостные не могут. Максимум, на что способен подневольный, почти рабский труд, — это орудовать топором и пилой при постройке парусных кораблей. Паровые машины, электричество, гидравлика требовали совершенно иных работников. Освобождение охтинских поселян состоялось в 1858 году. Почти сразу был возбужден вопрос «об освобождении на тех же основаниях крестьян черноморских адмиралтейских по-

¹ В царской России XIX века сыновья солдат и военных поселян, закрепленные на основе крепостного права за военным и морским ведомствами и обязанные служить в армии. — *Ред.*



селений». Они были освобождены в 1860 году. Таким образом, отмена крепостного права в России началась фактически с освобождения крепостных, причисленных к Морскому ведомству.

Вступление великого князя в Комитет сразу оживило его деятельность. По инициативе Константина Николаевича Комитет приступил к обсуждению плана своей будущей работы. Прикрываясь пышными фразами об «осмотрительности и осторожности в столь важном государственном деле», большинство членов Комитета выработало настолько неопределенную программу, что она могла иметь только одну цель — затянуть освобождение крестьян на неопределенное время. Впрочем, Константин Николаевич «бодрости духа не теряет и ждет случая, который дал бы ему возможность сдвинуть дело с мертвой точки».

Такой случай вскоре представился. В конце 1857 года в ответ на обращение государя помещики трех прибалтийских губерний заявили о своем желании упразднить в их крае крепостное право. Константин Николаевич убедил Комитет немедленно разослать циркуляры всем губернаторам с предложением к дворянству выступить с аналогичными заявлениями. Комитет согласился. Однако через несколько дней большинство, испугавшись своего же решения, просит «Высочайшего разрешения» приостановить рассылку циркуляров. Но поздно. При неусыпном контроле со стороны великого князя циркуляры уже ушли. Первыми на призыв откликнулись нижегородские дворяне. Вслед за ними последовали и другие. В эти губернии немедленно были посланы «Высочайшие рескрипты» о создании губернских комитетов для обсуждения условий освобождения крестьян.

«Преданный всей душой делу освобождения крестьян Великий князь» настаивал, чтобы в тех губерниях, где дворянство еще медлило со своим ходатайством, создать комитеты и без их ходатайства. Однако при голосовании его инициатива снова не прошла. В качестве уступки Константину Николаевичу Комитет согласился придать всему делу ликвидации крепостной зависимости полную гласность. В результате Комитет переименован из «Секретного комитета» в «Главный комитет по крестьянскому делу». Не без усилий со стороны великого князя к середине 1858 года от

дворянства всех губерний поступили, наконец, заявления о желании приступить к освобождению крестьян.

Только теперь процесс ликвидации крепостного права принял необратимый характер. Впрочем, оставалось еще главное — определить, как осуществить освобождение крестьян и сформулировать сам манифест. Для этого были созданы редакционные комиссии. Центр тяжести всех работ по крестьянскому вопросу перешел в комиссии. Несмотря на фактически прекратившуюся временно деятельность Главного комитета, великий князь, единственный из всех его членов, продолжал постоянно работать в редакционных комиссиях. Будучи полностью в курсе дел разрабатывавшегося положения об освобождении крестьян, он знал не только подробности готовящегося проекта, но и мотивы, которыми руководствовался каждый из его составителей. Между тем и в Главном комитете, и в редакционных комиссиях единства не было. Дело продвигалось туго. Если бы не постоянное участие Константина Николаевича, трудно сказать, продвигалось бы оно вообще.

Когда в конце 1860 года в связи с окончанием деятельности Редакционных комиссий и предстоящей передачей разработанного ею проекта Положения об освобождении крестьян в Главный комитет встал вопрос, кто заменит тяжело заболевшего председателя, государь, колеблясь, назначил великого князя Константина Николаевича.

С необыкновенным умом, тактом и настойчивостью приступил к работе в Главном комитете в качестве председателя Константин Николаевич, проводя через него проект редакционных комиссий практически без каких бы то ни было изменений. При тогдашнем составе Главного комитета кроме великого князя толь-



Граф М. Н. Муравьев.



ко три его члена из десяти реально поддерживали освобождение крестьян. Остальные шесть «относились боязливо или не сочувственно,... а к законопроекту, составленному редакционными комиссиями..., даже враждебно».

Неудивительно, что при обсуждении основной части законопроекта — поземельного устройства крестьян мнения членов Комитета разделились. Лишь благодаря разделению шести членов на три группы они составляли слабое большинство. Два члена во главе с князем П. П. Гагариным вообще отвергали весь выработанный редакционными комиссиями проект. Три — во главе с М. Н. Муравьевым — отвергали выработанный проект поземельного устройства. Наконец, граф В. Н. Панин, поддерживая проект в целом, расходился с ним по ряду положений. «Горячо и ясно доказывал Великий князь, что при осуществлении предложений гр. В. Н. Панина у крестьян отойдет треть обеспечивающих их быт при крепостном праве наделов, что при предложениях М. Н. Муравьева будет отобрана у них большая половина этих наделов, а при предложениях кн. П. П. Гагарина — три четверти, и быт крестьян, таким образом, улучшен не будет». Однако все три меньшинства оставались при своих мнениях.



Граф В. Н. Панин.



Князь П. П. Гагарин.



Открытка, посвященная 50-летию отмены крепостного права.

Хотя между этими тремя мнениями, казалось, не могло быть почвы для компромисса, но умный М. Н. Муравьев, пользуясь сильной неприязнью В. Н. Панина и П. П. Гагарина к редакционным комиссиям, надеялся путем уступок собрать три меньшинства в большинство Главного комитета. «Никогда не изгладится из моей памяти, — вспоминал П. П. Семенов-Тянь-Шанский, — те усилия ума и воли, благодаря которым после двухчасовых горячих споров, происходивших в кабинете Великого Князя, ему удалось, наконец, убедить гр. Па-

БОЖИЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКИЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ, желая ИМПЕРАТОРСКИМЪ УКАЗОМЪ...

Божіею Провидѣніемъ и таинственнымъ закономъ престоупающа быти правыми на престолахъ Российскихъ Престолахъ, въ соответствии съему призывающъ МЫМЪ исполненію въ своей СВОЕЙ обити обити НАШЕЮ Царствомъ любовью и пожеланіемъ, въ НАШЕЮ ИМПЕРАТОРСКОМУ СЛОВОМЪ и составленію, отъ благодарно владѣющаго мечемъ на защиту Отечества до сего раба работающаго репрессивнымъ орудіемъ, отъ провозглашенія высшую службу Государственную по провозглашенію на полъ борозду собою павъ плутокъ.

Въвиду къ положенію законъ и составленъ въ составъ Государства, МЫМЪ усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣлать благоустроенъ и средній сословія, отнесены къ обязанности, права и присутствію, не достигли равновѣсной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ какъ законъ, потому что, что самъ, частью старыми законами, частью обещаніемъ, потомъ же укрѣплены подъ властью помѣщичьей, на которыхъ съ тѣмъ вѣдѣть обязанность устроить ихъ благополучіе. Права помѣщичьей были донынѣ обширны и не ограничены съ точностью закономъ, всего котораго заступали прѣдѣлы, обязанъ и добралъ подъ помѣщичью. Въ дѣлѣхъ, случившихся съ его

Манифест об отмене крепостного права.

нина присоединиться к мнению большинства комитета, после чего соединение двух меньшинств стало уже бесцельным».

Таким образом, законопроект был принят Главным комитетом и вынесен на рассмотрение Государственного совета. «Вот каким путем, — писал П. П. Семенов-Тянь-Шанский, — проект редакционных комиссий... под умелой охраной Великого Князя Константина Николаевича... сделался Положением 19 февраля 1861 г. ... Не забудет Россия... того участия, которое принимал в великом деле освобождения народа Великий князь Константин Николаевич».

Судебная реформа

Второй после освобождения крестьян важнейшей реформой Александра II стала судебная реформа 1864 года. Непосредственного участия в ее проведении Константин Николаевич не принимал. Однако под его руководством морское судопроизводство было преобразовано на тех же основах практически за два года до общей реформы — в 1862 году.

К совершенствованию морского судопроизводства великий князь приступил сразу с вступлением в управление флотом. Одной из первых его инициатив в этой области явилось начало гласности в деятельности военно-морского суда. «По распоряжению Великого Князя... наиболее любопытные из морских судебных дел начали оглашаться во всеобщее сведение на страницах „Морского сборника“».

В 1857 году по указанию генерал-адмирала учрежден Особый комитет по пересмотру на современных началах Свода морских уголовных постановлений. Как и следовало ожидать, большинство членов комитета оказалось просто незнакомо с необычным в то время для России западноевропейским судопроизводством. Для его изучения морские юристы командировались во Францию и Англию. В результате появился проект Устава морского судопроизводства и судопроизводства. Проект основывался на совершенно новых для России тех лет принципах. В нем впервые появились такие понятия, как независимость судей, гласность уголовных процессов и, наконец, право обвиняемого на защиту. В этом, по суще-

ству, и заключалась суть последующей судебной реформы 1864 года. Не случайно, справедливо гордясь своим содействием ее осуществлению, Константин Николаевич отмечал, что проект Военно-морского судебного устава 1860 года во многом предопределил коренное преобразование всего судопроизводства и судопроизводства России.

Напечатанный в 1860 году проект Устава был разослан высшим правительственным учреждениям, судебным чинам и юристам. На следующий год Морское министерство опубликовало два тома отзывов и предложений по нему. Так, «выйдя из области, подлежащей его непосредственному ведению — вопросов морского управления, Великий князь своим проектом смело поставил на очередь общую судебную реформу». Проект устава, разработанный флотскими юристами, имел исключительное значение для подготовки общей судебной реформы. Благодаря решительности великого князя «без всяких уступок были приняты великие начала судопроизводства: устное судоговорение, гласность, а также два главных западноевропейских начала — независимость судей и право обвиняемого на защиту».

Общество оценило этот шаг великого князя и восторженно его приветствовало, «как зарю прекрасного будущего России». Что говорить, даже обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев писал: «Морское ведомство хочет положить пример на практике. Благослови, Боже, это благое начинание Морского ведомства».

Непосредственно с судебной реформой связаны усилия великого князя и по отмене на флоте телесных наказаний. В 1860 году состоялось «Высочайшее повеление об освобождении от телесных наказаний унтер-офицеров и нижних чинов, имеющих нашивки». Объявляя об этом по флоту, генерал-адмирал в своем приказе категорически запретил офицерам вообще подвергать нижние чины побоям.

Непримиримый противник жестокости великий князь не считал возможным следовать примеру даже просвещенной Англии, упорно сохранявшей на флоте телесные наказания. Со страниц «Морского сборника» он первым начал готовить почву для полной ликвидации и в армии, и на флоте шпицрутен и розог. «Телесные



наказания, — писал Константин Николаевич, — составляют для государства такое зло, которое оставляет в народе самые вредные последствия, действуя разрушительно на народную нравственность... Жестокость телесных наказаний и неумеренное употребление их... без достаточно зрелого обсуждения проступка виновного могут только ослабить силу военной дисциплины, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами, поселяя в них чувство взаимного неуважения и не расположения».

Энергично настаивая на неотложной отмене наказаний розгами и шпицрутенами, Константин Николаевич настаивал на отмене их в Военном и Морском ведомствах немедленно, не ожидая соответствующих решений по стране в целом. «Решительный голос Великого Князя Константина Николаевича особенно повлиял на издание гуманного закона 17 апреля 1863 года, как голос представителя Морского ведомства, в котором необходимость железной дисциплины, казалось, оправдывала строгость наказания более, чем где-либо».

Личная жизнь, семья, дети

Начало семейной жизни Константина Николаевича относится к 1848 году. Смотрины невесты, семнадцатилетней принцессы Александры Саксен-Альтенбургской, состоялись осенью 1847 года. Обручение состоялось 6 февраля, свадьба — 30 августа 1848 года. С принятием православия принцесса Саксен-Альтенбургская стала Александрой Иосифовной. В день свадьбы великий князь был произведен в контр-адмиралы.

Долгие годы великокняжеский брак оставался, несомненно, счастливым. В семье царили любовь и ду-



Великая княгиня Александра Иосифовна. В кругу близких Константин Николаевич называл ее «жинкой».



Константин Николаевич с женой и старшим сыном Николаем.

шевная теплота. Александра Иосифовна неизменно сопровождала мужа не только в его частых поездках по Европе, но и в продолжительных заграничных плаваниях. Кстати, странно, но в кругу родных и близких обычным выражением Константина Николаевича по отношению к жене являлось «жинка». Кто знает, может быть, это было своеобразным проявлением русофильства великого князя, являвшегося в своей основе, несомненно, западником. В императорской семье Александру Иосифовну звали ласково Сани. В дневнике великого князя можно прочесть множество записей, говорящих о их безусловной душевной близости.

«...Приехал фельдгегерь. Доброе письмо от Сашы (императора Александра II. — Ю. К.)... Он же привез и биарабийский костюм для жинки с письмом ей от императрицы Евгении (жены Наполеона III. — Ю. К.). Жинка оделась в этот костюм и в нем ужасно мила».

«...В 11 часов пришли в Палермо. Я тотчас съехал. Радость увидеть жинку».

«...Потом я возил жинку на „Рюрика“, на котором она еще никогда не бывала».

«...Качка была слишком велика. Жинку перевели ко мне в рубку, потому что там винт меньше слышен и качка легче. Ночь звездная, отличная, но впереди мгла и ничего не видать. Потому в 1/2 12 мы пошли по параллели и тут пошло очень порядочно качать. Жинка осталась ночевать у меня в рубке, потому я не раздевался, а спал просто на диване».

«Жинка утром держалась, но потом ее укачало, и она ужасно страдала, но все-таки она молодец».



«Утром вступили в Балтийское море. После обеда сидели с ней вдвоем на диване подле штурвала. Тут и взгрустнулось при воспоминаниях о детях, особенно о Костюшке».

Судя по частым посещениям, естественно, вместе с великим князем, кораблей, судостроительных заводов, верфей и арсеналов Александра Иосифовна была небезразлична к деятельности мужа, интересовалась флотскими делами и многое о них знала. Тем не менее главной ее заботой все же была семья.

Первенец родился в 1850 году. В честь деда мальчика нарекли Николаем. Затем были две дочери — Вера и Ольга и еще три сына — Константин, Дмитрий, Вячеслав. Как часто говорил Константин Николаевич, его самой большой мечтой было видеть сыновей моряками. Увы, это не получилось. Николай еще в детстве оказался подвержен морской болезни. Дмитрий от природы был кавалерист, влюбленный в лошадей. Шутя, говорил, что остался неженатым только потому, что не мог же жениться на лошади. Вячеслав скончался юношей. Единственный, кто в какой-то мере выполнил волю отца, был Константин. Впрочем, моряком он пробыл недолго. На флоте прослужил всего 6 лет, дослужившись до лейтенанта.

Естественно, значительное место в личной жизни Константина Николаевича занимали отношения со старшим братом, императором Александром II. Оба — хорошо образованные, воспитанные светские люди с достойными манерами, свободно владеющие несколькими европейскими языками. Люди культурные, они отлично чувствовали себя на Западе. Несомненно, основу взаимоотношений братьев составляли их общие государственные интересы и заботы. Тем не менее взаимоотношения братьев всегда были теп-



Александра Иосифовна с детьми.
Стоят: Константин, Николай, Ольга.
Сидят: Вера, Вячеслав, Дмитрий

лыми и доверительными. Семейные узы и личная дружба связывали их прочно.

Впрочем, это отнюдь не мешало Александру II осознавать себя даже по отношению к Константину Николаевичу полноправным самодержцем. Как и всех в императорской семье, он воспринимал его не только как любимого брата, но и как «верноподданного». Не случайно в их обширной переписке со стороны императора прорываются иногда жесткие нотки, явно контрастирующие с его общей доброжелательностью. Заметна и почтительная дистанция в письмах великого князя, четко осознававшего свое место в строгой иерархии императорской семьи. Если случалось перейти «границу», отповедь следовала незамедлительно. Когда между Константином и Николаем Николаевичем (младшим братом. — Ю. К.) произошла служебная размолвка, Александр II немедленно одернул Константина Николаевича. «Ты и брат Николай, вы оба служите мне, и ваше дело состоит в том, чтобы друг другу помогать, а не ссориться. Аминь». Показательна и отповедь за своевольное отклонение в 1859 году от намеченного маршрута плавания без высочайшего разрешения: «Желаю, чтобы впредь ты непременно давал мне знать по телеграфу, где таковой есть, о твоём пребывании или отплытии и куда». Тон повеления в полной мере распространялся и на невестку — супругу Константина Николаевича. «Сани лучше быть дома, чем таскаться по Германии». Иной тон в письмах Константина Николаевича к брату-императору: «Ты знаешь, что имеешь во мне самого верного слугу, который близко ли, далеко ли — всегда готов Тебе служить с самой полной ревностью до последних дней жизни, до последней капли крови». И это были не просто слова. Это был образ мышления, образ жизни всей царствующей семьи.

Не случайно и подписи в письмах двух братьев разнятся: у Александра II — «Твой брат и друг», у Константина Николаевича — «Твой верный брат и друг». Разнятся и обращения: «Любезный Костя» и «Любезнейший Саша». Впрочем, этикет и субординация, традиционно соблюдавшиеся в августейшей семье, полностью уживались с большой доверительностью между братьями и не только в государственных, но и в личных и семейных делах.



Константин Николаевич постоянно и много читал. Круг его чтения весьма разнообразен. Здесь и «История Англии», и «Жизнь моря», и «Собор Парижской богородицы», и «Воспоминания Екатерины II», а также «Фауст» и «Ревизор». Еще больше великого князя интересовала и увлекала музыка. В его доме царили Моцарт, Бетховен, Мендельсон, Верди, Глинка. Великий князь владел несколькими инструментами. Часто музицировал на виолончели, фортепьяно — один, в четыре руки с женой, а иногда в восемь с гостями, реже играл на органе. Восклицания «чудо!», «совершенство!», «невыразимое удовольствие!» постоянно сопровождают его дневниковые записи, когда речь идет о хорошем музыкальном исполнении. С музыкой великий князь не расставался и в море. «Качка по временам была порядочная, и моя бедная жинка очень страдала, но, несмотря на то, показала себя молодцом и ничуть не падала духом. Напротив того, она 2 раза со мной играла на фортепиано, и я весьма доволен, что она скоро совершенно привыкнет к морю».

С удовольствием великий князь отмечал, что ему удастся увлечь наследника престола «Никсу» (скончавшегося в 1865 году великого князя Николая Александровича. — Ю. К.) музыкой — «наследник начинает входить во вкус хо-



Музыка в жизни Константина Николаевича играла большую роль.



Великий князь цесаревич — «Никса» — любимый племянник Константина Николаевича.



Великий князь Александр Александрович — «Сашка» — будущий император Александр III.

рошей музыки». С «Никсой» вообще отношения у дяди теплые, близкие, чего нельзя сказать о другом племяннике — «Сашке», будущем императоре Александре III.

Впрочем, добрые отношения поддерживались не только между четырьмя братьями и их детьми, но в большинстве случаев и между другими членами императорской семьи. Ритуал посещения друг друга в дни рождений и именин, в связи с появлением на свет и крещением новорожденных, в честь больших церковных праздников поддерживался строго. Домашним уютом веет со страниц дневника Константина Николаевича в записях о подготовке всем семейством с детьми к Пасхе, о встрече Нового года у «Сашки в Зимнем», где традиционно устраивались



Два брата — единомышленники и соратники. Император Александр II и Великий князь Константин Николаевич.



две елки — для взрослых и для детей. Кстати, дети, их заботы, их болезни и невзгоды оставались постоянно в поле зрения августейших родителей.

Что еще можно сказать о личной жизни генерал-адмирала? Несомненно, проходила она в роскоши, достойной члена императорской семьи. Ему лично принадлежали три дворца: Мраморный в Петербурге, дворцы в Павловске и Стрельне. Было еще любимое крымское имение Ореанда и несколько других менее обжитых имений. Роскошь окружала великого князя не только в России. Она сопровождала его во всех поездках по Европе. Однако это не мешало ему работать напряженно, целеустремленно, даже, пожалуй, одержимо. Вот лишь несколько выдержек из его писем-докладов Александру II о своей работе во время пребывания в 1857 году в Тулоне.

10 апреля, среда. «...Весь день таскался по Адмиралтейству, на этот раз без официальной свиты и потому мог осматривать его в самых больших подробностях...»

11 апреля, четверг. «...Потом я довольно долго сидел в чертежной и рассматривал с здешними инженерами во всех подробностях чертежи и детальны планы новых кораблей. Потом обходил в подробностях артиллерийские мастерские...»

12 апреля, пятница. «Утром осматривал артиллерийскую лабораторию. После завтрака осматривал новую часть Адмиралтейства... Потом осматривал Морской госпиталь...»

13 апреля, суббота. «Утро провел в чертежной, осматривал разные планы и чертежи. После завтрака мы часа три пробыли на корабле „Le Suffren“, который служит артиллерийской школой. Осмотр этот окончился стрельбой в цель...»



Дворец а Стрельне.

14 апреля, воскресенье. «Обедню утром мы отслужили на „Выборге“, а после полудня отправились в маленький порт La Seyne... в котором большая частная верфь... по строительству машин и судов. Тут строится одна шхуна для Кавказа и несколько пароходов для нашей Черноморской кампании...»

После переезда из Тулона в Париж работа продолжается.

22 апреля, понедельник. «Утром были в обсерватории часа полтора... Потом ездили в Морское гидрографическое депо... Меня ужасно тянет домой к Вам всем, к моим детям, в мой милый Кронштадт...»

23 апреля, вторник. «...Потом смотрели стрельбу артиллерийскую, учение 6 запряженных батарей, казармы и арсенал. Я воображаю, как Миша бы блаженствовал, если бы мог все это видеть. Он, который так же страстно влюблен в свое артиллерийское дело, как я в морское...»

Подобных примеров в письмах и дневниковых записях великого князя можно найти множество. Работал Константин Николаевич не то что увлеченно — одержимо.

И последнее, о чем следует сказать, говоря о личной жизни великого князя. Во времена Александра II, впрочем, как и в более поздние, иметь любовниц в великокняжеской среде являлось скорее правилом, чем исключением. Некоторые из великих князей помимо официальных жен имели на стороне не просто любовниц, а, по существу, вторые семьи.

Не являлся исключением в этом отношении и Константин Николаевич. В последние годы своей жизни он имел длительную связь с балериной Анной Кузнецовой. На Анг-



Так одеваться великий князь мог позволить себе только за границей.



лийском проспекте, дом № 18, для А. Кузнецовой великий князь построил особняк, в котором она и жила. От Константина Николаевича А. Кузнецова родила пятерых детей. До зрелого возраста дожили две дочери. Они получили фамилию Князевы. Старшая, Марина Константиновна, вышла замуж за генерала по фамилии Ершов и явилась основательницей большого рода. Некоторые из его членов после революции остались жить в Советском Союзе. Младшая, Анна Константиновна, вышла замуж за полковника Н. Лямина. Два их сына, Константин и Лев, эмигрировали во время революции в Бельгию.



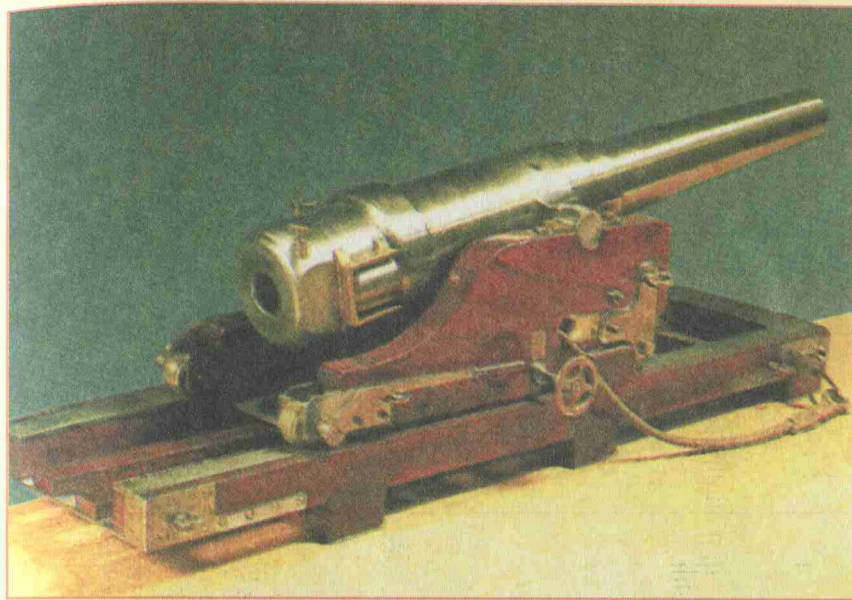
*Внебрачная жена
Константина Николаевича
балерина Анна Кузнецова*

Трудная судьба старшего сына

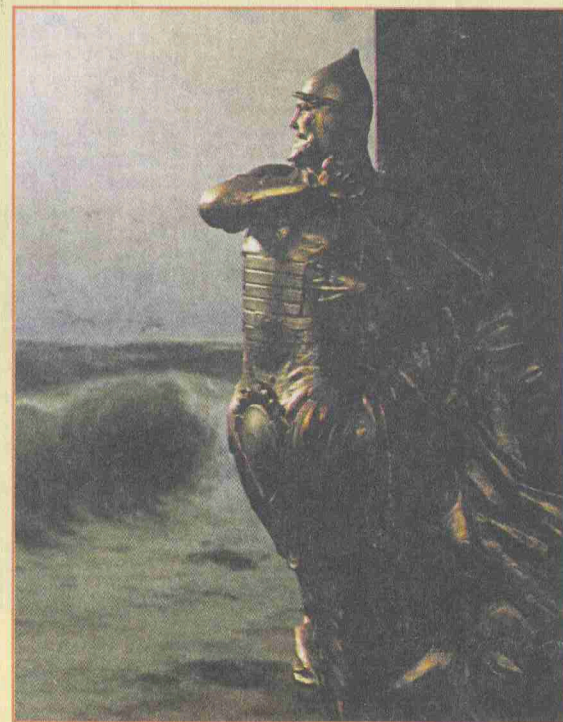
Старший сын Константина Николаевича великий князь Николай Константинович родился в 1850 году. По воле отца с детства он был предназначен к службе на флоте. Однако из-за рано проявившейся морской болезни будущее Николая пришлось изменить. Как и большинство мужчин царствующей династии, он стал военным, служил в гвардии, первым из великих князей окончил Академию Генерального штаба. Казалось, перед ним открывалось блестящее будущее. Однако неожиданно все изменилось буквально в одночасье.



*Великий князь
Николай Константинович.
С.-Петербург. 1872 г.*



*Модель 228-мм
нарезного орудия,
изготовленного
Обуховским заводом
в 1877 г.*



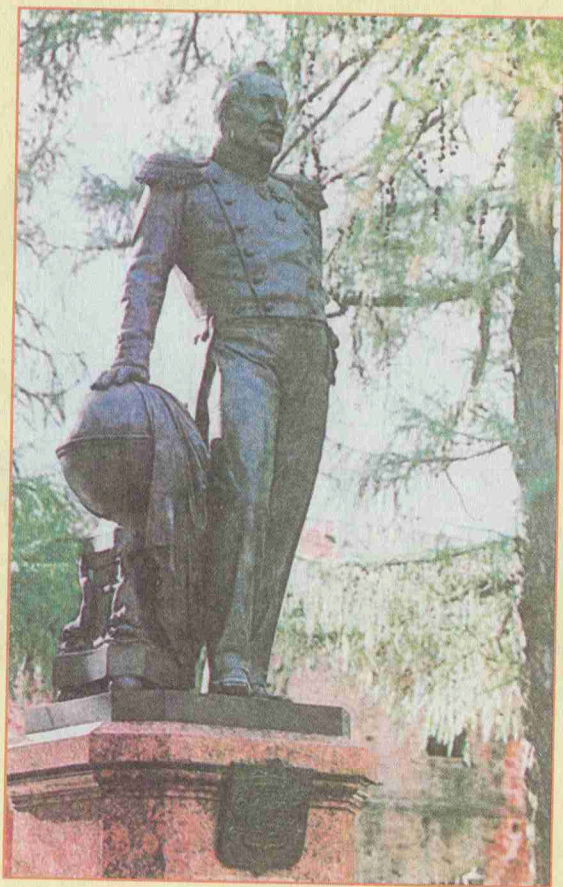
*Носовое украшение
фрегаты «Князь
Погарский»*



Эскадра С. С. Лесовского на пути в Америку. (Худ. А. П. Боголюбов)



Памятник клиперу «Опричник»,
погибшему в 1861 г. в Индийском
океане. Установлен в 1873 г.
в Кронштадтском Летнем саду



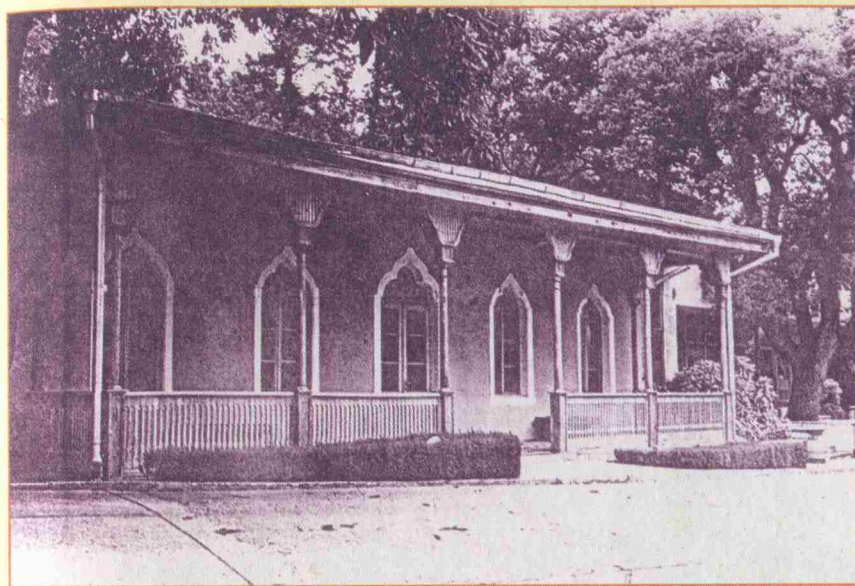
Памятник адмиралу
Ф. Ф. Беллинсгаузену.
Установлен
в Кронштадте в 1870 г.



Офицерские дома на Большой
Екатериненской улице
в Кронштадте.
Перестроены под жилые
квартиры в 1860—70-е гг.



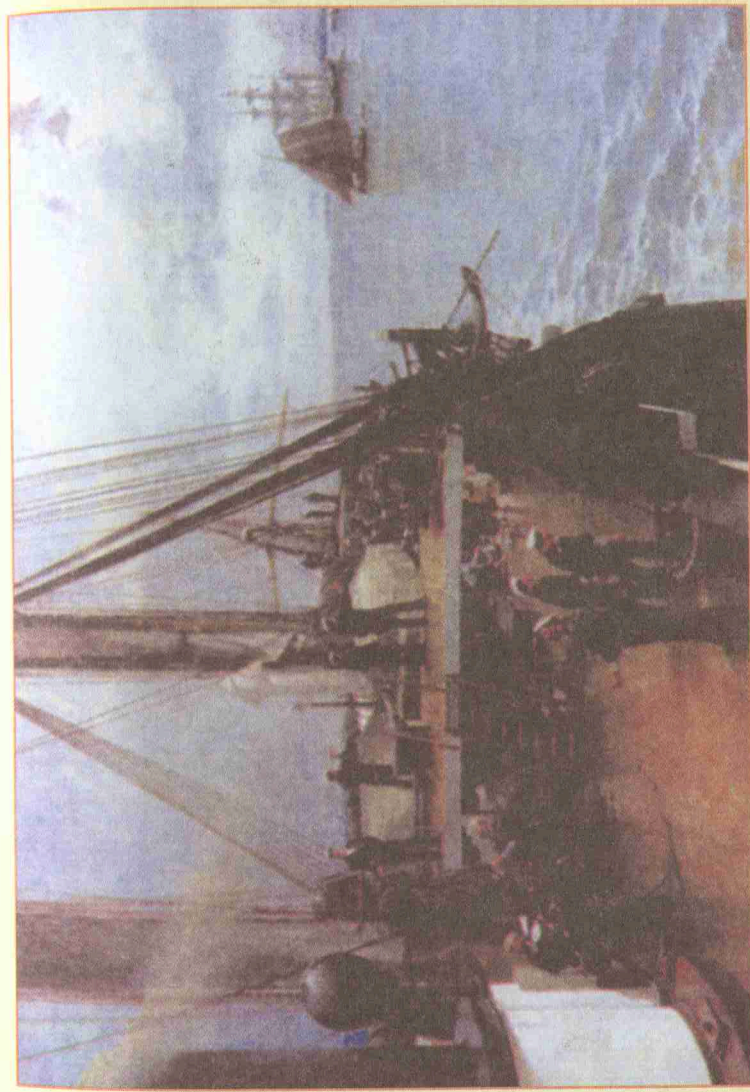
Здание
Артиллерийского
офицерского класса



Адмиральский
домик



Гибель в 1868 г. у Ютландского побережья фрегата «Александр Невский». Лейтенант великий князь Алексей Александрович во время катастрофы проявил мужество: сойти с корабля в числе первых отказался



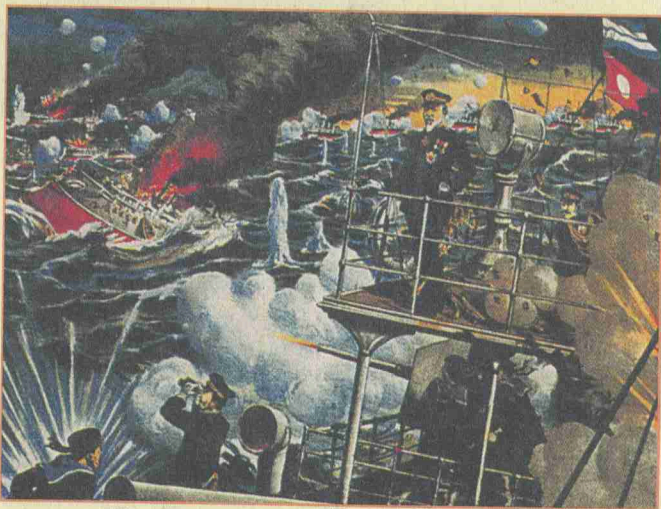
Фрегат «Светлана». На мостике августейший командир капитан 1-го ранга великий князь Алексей Александрович



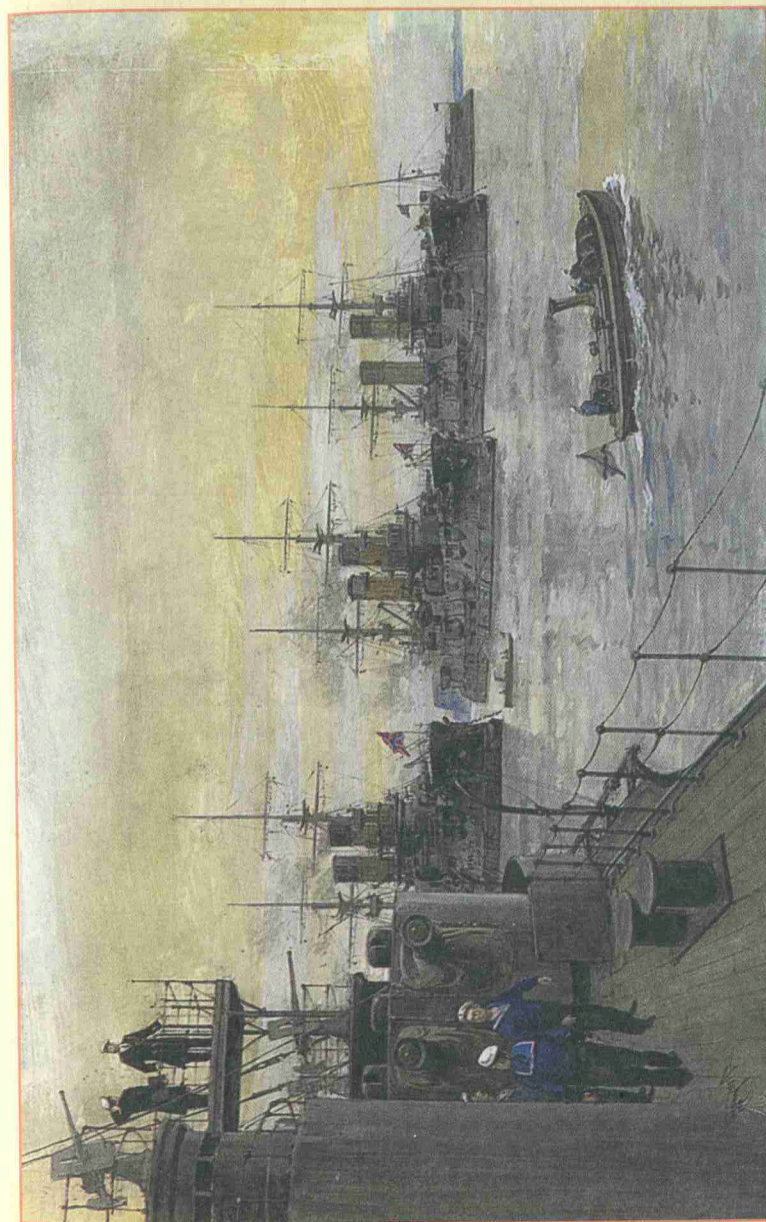
Командир Гвардейского
экипажа контр-адмирал
великий князь
Алексей Александрович



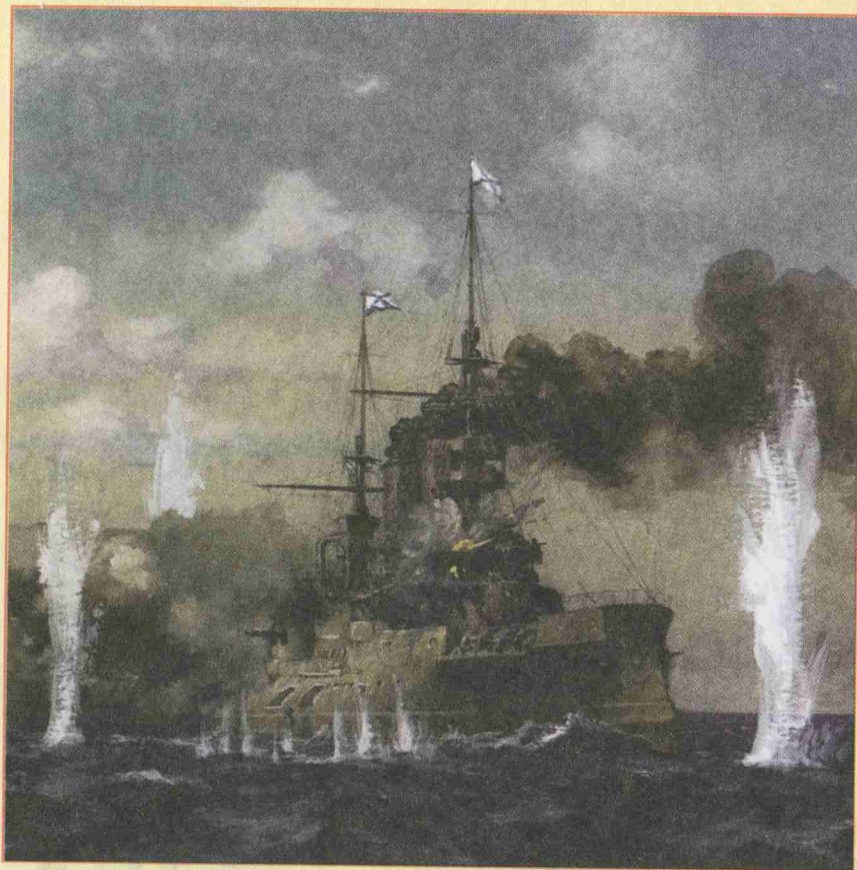
Открытие Морского канала
в С.-Петербурге в 1885 г.
(Худ. А. К. Беггров)



Русско-японская война 1904—1905 гг.
Два плаката: русский — 1904 г.
и японский — 1905 г.



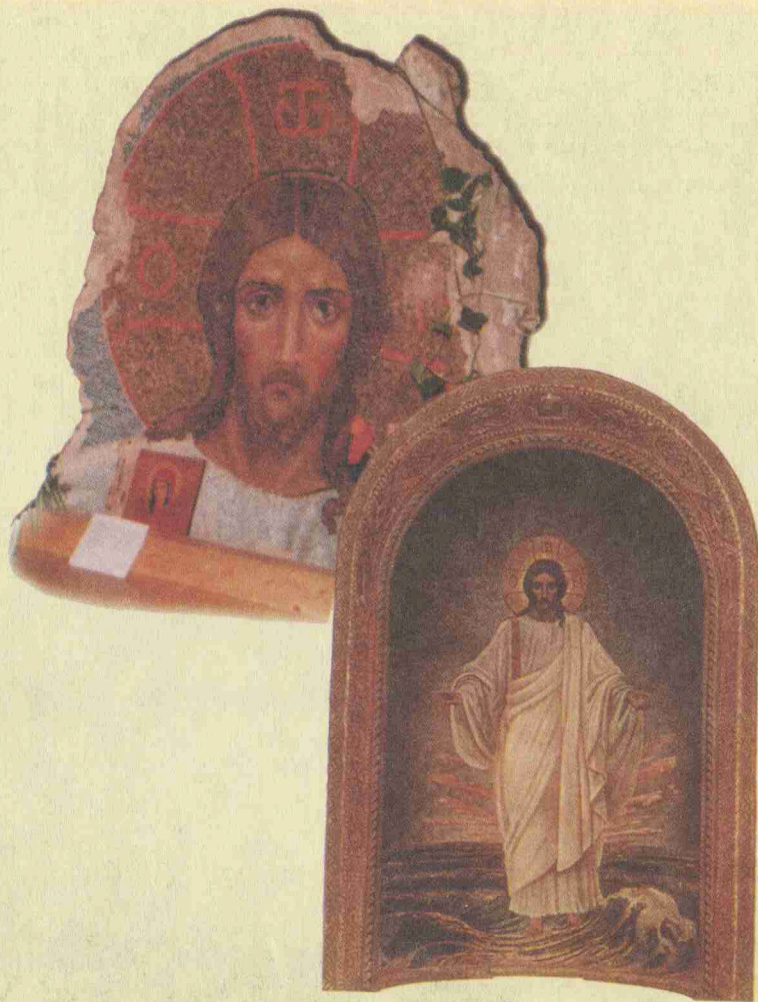
Корабли 2-й Тихоокеанской эскадры вице-адмирала
З. П. Рожественского перед уходом на Восток. (Худ. А. А. Тронь)



Эскадренный броненосец
«Цесаревич» в бою 28 июля 1904 г.
(Худ. А. А. Тронь)



Храм Спас-на-Водах — памятник русским
морякам, погибшим в войну с Японией
1904—1905 гг. Храм снесен в 1932 г.



Сохранившиеся фрагменты
мозаики храма Спас-на-Водах:
«Лик Спасителя» и «Спаситель,
шествующий по водам».
(Оригиналы Н. А. Бруни)

Вот что записал Константин Николаевич в дневнике 8 апреля 1874 года: «Саша наш (император Александр II. — Ю. К.) рассказал мне про пропажу печати из комнаты императрицы; что это второй раз в эту зиму и оба раза после семейных обедов. Какая мерзость!». Два дня спустя появилась вторая запись. «Утром Сани (великая княгиня Александра Иосифовна, жена Константина Николаевича. — Ю. К.) меня призвала к себе, чтобы показать, что на одной из наших свадебных икон отодрано и украдено бриллиантовое сияние и что с другой пробовали то же самое, но безуспешно и только отогнули... Просто ужас!».

К расследованию подключили полицию, и уже 12 апреля бриллиантовые лучи были найдены. В ломбард их заложил адъютант великого князя Николая Константиновича. Военный министр Д. А. Милютин вспоминал об этих событиях так: «Государь рассказал мне все как было, подробности эти возмутительны. Оказывается, что Николай Константинович после разных грязных проделок, продолжавшихся уже несколько лет, дошел, наконец, до того, что обдирал золотой оклад с образа у постели своей матери и похищал несколько раз мелкие вещи со стола императрицы... Всего хуже, что он не только упорно отпирался от всех обвинений, но даже сваливал вину на других, на состоявших при нем лиц».

И еще одна запись в дневнике генерал-адмирала за 15 апреля: «...страшная сцена допроса Николы Шуваловым (шеф жандармов граф П. А. Шувалов. — Ю. К.) и мной... Никакого сознания... Ожесточение и ни одной слезы». Тем не менее рассказ адъютанта, закладывавшего по указанию великого князя украденные вещи в ломбард, полностью проявил картину. Положение складывалось отчаянное: член царствующей династии — вор. Для выхода из сложившейся ситуации решили назначить врачебное освидетельствование. Однако участь Николая Константиновича была уже решена. 18 апреля отец записал в дневнике: «После долгих колебаний решились сперва выждать, что скажет докторское освидетельствование и какой бы ни был результат, объявить его для публики болезненным душевным недугом... но для самого Николы устроить заточение в виде строго одиночного заключения с характером каратель-

ным и исправительным и отнять у него и мундир, и эполеты, и ордена. Но это для него, а не для публики... Я могу быть отцом несчастного и сумасшедшего сына, но быть отцом преступника, публично ошельмованного... сделало бы все мое будущее состояние невыносимым». Итак, решение о фактическом заточении великого князя было принято еще до заключения врачей.

Между тем, сойдясь в диагнозе «психическое заболевание», в оценке поведения великого князя и в рекомендациях по его дальнейшей судьбе мнения врачей резко разошлись. Одни считали, что в нем «...столько же, если не больше, прекрасных качеств и стремлений, сколько и дурных наклонностей». Не признавая в Николае Константиновиче «глубокой испорченности», они рекомендовали лишь перемену обстановки, уединение, беседы с врачом, лекарства, кумыс и обливание холодной водой. Особенно настаивали на прекращении всякого надзора со стороны жандармерии. Совершенно иной точки зрения придерживался лейб-медик генерал-адмирала. Говоря о распутном образе жизни Николая Константиновича, он предлагал изолировать его от общества, поместить в психиатрическую лечебницу под строгий надзор, «где были бы предприняты меры к его лечению, если это возможно».

11 декабря 1874 года Александр II подписывает указ, извещающий о болезни Николая Константиновича, и назначает над ним опеку в лице отца. Через несколько дней великий князь был отправлен в Ореанду, в Крым, в имение Константина Николаевича. Надзор за ним осуществлял адъютант генерал-адмирала капитан 1 ранга князь Э. А. Ухтомский. Судя по всему, надзор был нестрогим. В результате в жизнь великого князя вошла женщина — А. А. Демидова, урожденная Абаза. Впрочем, скорее не вошла, а ворвалась. Освободившись предварительно от мужа, она всю зиму 1875 года буквально атаковала Николая Константиновича. Следствием этой связи и скандалов в Крыму явилось перемещение великого князя из Ореанды в село Смоленское Владимирской губернии. При этом Александр II потребовал «строжайшего надзора за больным и запрещения всякого случая попытки на независимость и свободу действий». Между тем А. А. Демидова начала писать императору бесконечные письма, что ее любовь к больному великому князю бескорыстна, что она бе-

ременна от него и что цель ее жизни — быть рядом с великим князем и ухаживать за ним. Ей во всем было отказано, а Николая Константиновича в июле 1875 года перевели в Умань, что в 270 километрах от Киева. Однако в декабре того же года туда приехала и А. А. Демидова и через несколько дней родила сына. В конце декабря великого князя срочно перевели в Ореанду. Одновременно последовало повеление Александра II «воспретить поездку в Крым... жене бывшего камер-юнкера Демидовой». Опасаясь, что воспретить все же не удастся, в июле 1876 г. Николай Константинович тайно перевезли в Тыврово под Винницу.

Однако не тут-то было, в середине сентября 1876 года А. А. Демидова тайно появилась в Тыврово. Пробравшись в дом великого князя, она прожила с ним в спальне, куда он никого не допускал, около десяти дней, прячась иногда в гардеробе. Результатом этого эпизода явилось рождение в мае 1877 года дочери. Надо заметить, что после Тыврова А. А. Демидова с Николаем Константиновичем уже никогда не встречалась. По ее неоднократным ходатайствам «для воспитания детей» государь выделил ей наконец около пяти тысяч рублей в год из капиталов своего племянника.

Между тем в жизни великого князя произошли очередные перемены. Его перевели в Оренбург. Прибыв в Оренбург в конце мая 1877 года, Николай Константинович начал новую для себя деятельность. Еще в Тыврове он проявил интерес к исследованию Средней Азии, написал труд «Водный путь в Среднюю Азию, указанный Петром Великим». В 1877 году труд был издан в Оренбурге. Здесь же им овладела идея постройки железной дороги в Туркестан. Николай Константинович выписал из С.-Петербурга ли-



Надежда Александровна Дрейер
(Искандер). Самара, 1880 г.



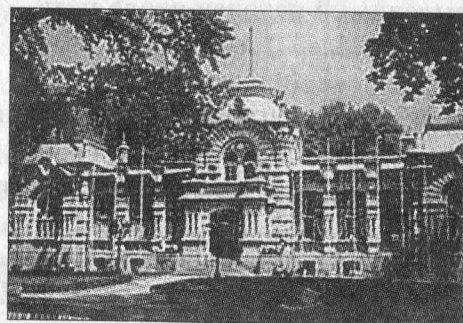
температуру и много читал о Средней Азии. В сентябре–октябре 1878 года он организовал и провел с участием ряда ученых и инженеров свою первую среднеазиатскую экспедицию.

Однако прежде чем отправиться в экспедицию, великий князь вновь потряс петербургское начальство и оренбургские власти очередным скандалом. Он увлекся дочерью оренбургского полицмейстера Н. А. Дрейер и 15 февраля 1878 года тайно обвенчался с ней. Между столицей и Оренбургом началась переписка. Результатом переписки стало расторжение брака специальным указом Святейшего Синода. Вскоре после этого великий князь уехал в экспедицию. Возвратился из нее он уже не в Оренбург, а в Самару, где теперь ему и предстояло жить.

Во всех этих историях с женщинами удивляет бездумие властей. Вместо того, чтобы позволить великому князю создать семью, что, несомненно, могло благотворно сказаться на его здоровье и поведении, власти заботились только об одном: чтобы «великий князь избегал постоянной связи с одной и той же женщиной». «Высокого больного», ожидавшего, что его пристойный образ жизни заслужит ему наконец прощение со стороны высочайших родственников, это приводило в бешенство.

В 1879 году Николай Константинович организовал и провел вторую экспедицию. Сбор участников был назначен в Ташкенте. Оттуда экспедиция двинулась через Казалинск в Самарканд и далее через владения Бухарского эмира по правому берегу Аму-Дарьи до Петро-Александровска и обратно через Казалинск в Самарканд и Ташкент. Вместе с прислугой в экспедиции участвовало более пятидесяти человек. По завершении экспедиции все они были отмечены различными наградами, кроме самого великого князя.

К 1880 году отношения Николая Константиновича с гра-



Дворец Николая Константиновича в Ташкенте.



Великий князь Николай Константинович. Ташкент, 1896 г.

фом Н. Я. Ростовцевым, осуществлявшим за ним надзор, настолько обострились, что он просто отказывался исполнять любые Высочайшие повеления, если они передавались через графа. Командированный в Самару профессор И. М. Балинский, проведя расследование, доложил в Петербург, что великий князь «потерял веру в справедливость и даже в законность действий безотлучно состоявших при нем распорядителей». И. М. Балинский рекомендовал упразднить должность главного распорядителя, заменив ее особым попечителем, осуществлявшим попечение как о великом князе, так и о его имуществе. Очевидно, доклад И. М. Балинского возымел действие.

Великого князя перевели в имение Пустынка под Петербургом, где свободы стало значительно больше.

Однако с восшествием в 1881 году на престол Александра III положение Николая Константиновича резко ухудшилось. Питавший к нему личную неприязнь император подписал инструкцию, резко ужесточившую режим содержания. Вновь назначался строгий надзор, вход и выход из дома строго контролировались, прогулки разрешались только пешком, встречи допускались только с лицами, поименованными в особом списке. Готовился очередной переезд великого князя. Местом его пребывания на этот раз был назначен Ташкент. Утвержденная Александром III инструкция туркестанскому генерал-губернатору предусматривала «обращение с Его Высочеством... как с частным лицом, а не членом Императорского дома». Генерал-губернатору предоставлялось даже право арестовывать великого князя. В то же время инструкция разрешала Н. А. Дрейер жить с Николаем Константиновичем, следствием чего явилось восстановление их брака.



Летом 1881 года великий князь и Н. А. Дрейер приехали в Ташкент. Здесь он прожил 38 лет вплоть до своей кончины. В центре города великий князь построил дом, вокруг которого разбил тенистый парк, дававший прохладу в знойные летние дни. Первые двадцать лет пребывания в Средней Азии стали самыми плодотворными в его жизни. В 1880-е годы Николай Константинович организовал на свои средства и возглавил три экспедиции в Аральский бассейн. Главная цель — исследование возможности орошения Туркестана. Результаты экспедиций были описаны им в обширных документах военному министру и туркестанскому генерал-губернатору.

В первой половине 1890-х годов для орошения Голодной степи Николай Константинович построил на свои средства канал из Аму-Дарьи к Узбою. Для этого он добился разрешения Хивинского хана на проведение работ на его территории с привлечением хивинских рабочих. Для оживления «мертвых земель» велись также работы по созданию целой сети оросительных каналов. В Туркестанском крае создавались новые русские поселения с православными храмами и церковными училищами. На свои средства Николай Константинович в 1881–1900 годах построил два рабочих городка — Старый и Новый Искандеры, соответственно, у Искандерских стремнин горной речки Чирчик и у Бегавадских порогов Аму-Дарьи. Были прорыты каналы «Искандер» и «Ханым», а также стокилометровый магистральный канал имени «Императора Николая I» с сотнями арыков, ожививших плодородные земли. Работы обошлись в 40 миллионов рублей, из которых личные затраты великого князя составили 2 миллиона рублей. На этих землях возникло 12 русских поселений, опытные поля и Троицкий лагерь для войск Туркестанского военного округа. В Голодной степи великий князь создал имение «Золотая Орда», а в Ташкентском уезде — «Искандер», открыл в Ташкенте зоопарк («зверинец»), построил первые кинотеатры «Зимняя Хива» и «Летняя Хива». В своих имениях он культивировал американский хлопок, построил хлопкоочистительную фабрику. Со временем все это стало приносить солидный доход. Одна лишь «Золотая Орда» давала ежегодно до одного миллиона рублей. К 1917 году ежегодные доходы Николая Константиновича с уче-

том 200 000 рублей, получаемых им как великим князем от министерства двора, составляли более 1,4 миллиона рублей в год. Однако и расходы были немалые. Продолжавшиеся работы по орошению пустыни, благоустройству Ташкента (мощение улиц) и благотворительная деятельность съедали значительную часть доходов. Чего могла стоить только одна инициатива и участие в постройке у скал Фархита так называемой «Царь-плотины», поднявшей уровень Аму-Дарьи более чем на два метра.

Казалось, наступила счастливая пора и в личной жизни великого князя. Надежда Александровна родила ему двух сыновей: Артемия — в 1878 году и Александра — в 1887 году. В 1899 году Николай II дал им и их матери фамилию Искандер и потомственное дворянство. Тем не менее туркестанские генерал-губернаторы поглядывали на своего подопечного с опаской. И не зря. В середине 1890-х годов Николай Константинович снова начал «чудить». В 1895 году он «купил за сто рублей» у семиреченского казака Елисея Часовитина его шестнадцатилетнюю дочь Дарью, и она стала его неофициальной женой. Построив в пригороде Ташкента для нее дом, он почти ежедневно уезжал вечером туда. От Д. Е. Часовитиной великий князь имел троих детей: дочь Дарью и двух сыновей — Святослава и Николая. Все они носили фамилию Часовитины. В 1901 году произошел новый срыв. Николай Константинович увлекся пятнадцатилетней гимназисткой Варварой Хмельницкой. Когда его жена Н. А. Искандер (Дрейер) уехала в очередной раз в С.-Петербург, он обвенчался с В. Хмельницкой. В результате вновь разразился скандал, брак был признан недействительным. Семью Хмельницких выслали из Ташкента в Одессу.

Однако время брало свое. С годами пыл у Николая Константиновича ослабевал. Он рано состарился, одряхлел и ко всему



Дарья Елисеевна Часовитина.
Ташкент, 1910 г.



охладел. Февральскую революцию великий князь встретил с радостью — с ней кончилась всякая опека. Говорят, что он надел красные шаровары и рубашку и в них ездил в коляске по городу, приветствуя толпы митингующих, потом послал приветственную телеграмму Временному правительству. Октябрьская революция не внесла каких-либо изменений в его жизнь. Зимой он заболел воспалением легких. Болел недолго, но тяжело и скончался 14 января 1918 г. Большевики похоронили Николая Константиновича торжественно в центре Ташкента в специально построенном около Георгиевского собора склепе.

Несколько слов о его потомстве. Два сына от Н. А. Искандер (Дрейер) окончили Николаевское кавалерийское училище и служили в гвардии. Старший, Артемий, незадолго до Первой мировой войны вышел в отставку. По одной версии, он погиб в Гражданскую войну, сражаясь в белой армии, по другой — скончался от сыпного тифа в 1919 году в Ташкенте. Александр участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. По рассказам очевидцев, обладал решительным характером и безудержной храбростью. Воевал в армии Врангеля, эвакуировался в Галлиполи, скончался во Франции в 1957 году. Жена великого князя Н. А. Искандер (Дрейер) осталась в Ташкенте в своем бывшем доме, который большевики превратили в Художественный музей. Его основу составили коллекции, собранные ее мужем. Сначала она работала его заведующей, потом — главным хранителем. По рассказам очевидцев, очень нуждалась, вела нищенский образ жизни. Ее часто встречали на ташкентском базаре в рваной одежде и галошах, привязанных веревками, скончалась она в 1929 году.

Судьба сыновей великого князя от Д. Е. Часовитиной трагична. Станислав был расстрелян в Ташкенте в 1919 году во время красного террора. Николай служил в Красной Армии. Приехав как-то на побывку к матери в Ташкент, угорел в своей комнате и скончался. Дочь Дарья переехала в 1923 году в Москву, где работала машинисткой, впоследствии многие годы являлась секретарем писательницы Мариетты Шагинян, скончалась в 1966 году.

Кем же был Николай Константинович в конечном итоге? Плохое и хорошее, разумное и беспутное тесно переплетались в его

жизни. Обуревавшие его страсти часто брали верх. Однако если оценивать человека по главному, что он сделал в жизни, трудно не отдать должное созидательной энергии Николая Константиновича, его роли в утверждении России в Средней Азии и экономическом процветании этого края.

Не только поэт, но и моряк

Второй сын генерал-адмирала, великий князь Константин Константинович, родился 10 августа 1858 года. По существовавшей тогда традиции в день своего рождения мальчик сразу стал кавалером четырех орденов: Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла и Анны 1-й степени. Предназначенный по воле отца к службе на флоте, он был зачислен в Гвардейский экипаж. Воспитание и образование его велось под непосредственным наблюдением августейших родителей. Будучи сами высокообразованными людьми, они много внимания уделяли развитию его гуманитарных наклонностей. Преподавателями Константина стали крупнейшие историки К. Н. Бестужев-Рюмин и С. М. Соловьев, известный петербургский виолончелист И. И. Зейферт, пианист Р. Кюндигер. В программу обучения Константина входили такие предметы, как история музыки, театральное искусство и т. д.

И все же основное внимание в учебе великого князя уделялось его подготовке к службе на флоте. Когда Константину исполнилось семь лет, его воспитателем стал флаг-офицер отца лейтенант Н. И. Зеленой, представитель известной в России морской фами-



Кадет Морского корпуса
великий князь
Константин Константинович.



лии. С морем Константин познакомился, когда ему не было и двенадцати лет. В 1870 году на фрегате «Громобой» в составе учебной эскадры Морского училища он совершил свое первое плавание по Балтике. С этого момента летние учебные походы были регулярными. Руководил практикой великого князя лично начальник Морского училища контр-адмирал В. А. Римский-Корсаков (старший брат композитора). В своих регулярных письмах-докладах генерал-адмиралу он подробно докладывал о приобщении Константина к морскому делу. Досконально освещал его учебу и досуг, подробно писал о его физическом и нравственном развитии, о том, что читал и чем увлекался Константин, как общался с кадетами и гардемаринами, характеризовал его интересы, наклонности и т. д. Слов нет, условия, в которых плавал Константин Романов, существенно отличались от обычного быта кадетов. Вот лишь один отрывок из очередного доклада В. А. Римского-Корсакова: «20 июня, воскресенье, у Ревеля. С моря подошла к фрегату военная шхуна. С нее к нам приехали в полных мундирах директор департамента внешней торговли Качалов и начальник пограничной стражи генерал-лейтенант граф Толстой, чтобы представиться Великому Князю (Константину тогда шел тринадцатый год. — Ю. К.). Вскоре они уехали. Я с Великим Князем и Шурой (кадет, приятель Константина. — Ю. К.)... отправился к обедне в собор в город... Дождь перестал около 5 часов, и мы отправились на фрегат... Поиграли в шахматы, потом Великий князь поиграл на пианино и в заключение до чая прочитал Шуре вслух 2-й акт Иоанна Грозного. 21 июня, понедельник. В 9 утра отслужили молебен..., потом я усадил Великого князя за повторение пройденного. Отвечал небезошибочно, но довольно порядоч-



Директор Морского корпуса контр-адмирал В. А. Римский-Корсаков.



Гардемарин Константин Константинович перед уходом в первое дальнее плавание на фрегате «Светлана».

но... После обеда с 2 до 4 Великий князь занимался со второй артелью кадет... Великий князь все это время здоров как нельзя лучше, лицо загорело под самые глаза и румянец во всю щеку...» Что и говорить, внимание к кадету К. Романову соответствовало его титулу. И тем не менее это была учеба. Учеба целеустремленная, последовательная и напряженная. Из юноши делали не просто моряка, но и высокообразованного, культурного человека.

В 1874 году, по достижении шестнадцатилетнего возраста, Константин производится в гардемарины. Год спустя на фрегате «Светлана» он ушел в свое первое дальнее плавание.

Командовал фрегатом капитан 1 ранга великий князь Алексей Александрович, сын царя, двоюродный брат Константина. Запись в вахтенном журнале «Светланы» за 3 июня 1875 года гласит: «В 1/2 3 начали разводиться пары. В 4 часа на фрегат прибыл Е. И. В. Константин Константинович. В 4 1/2 пары были готовы. В 4 3/4 прибыл на фрегат Е. И. В. Генерал-Адмирал. В 5 часов снялись с якоря и дали ход машинам...» Константин Николаевич провожал «Светлану» до Ревеля. Здесь генерал-адмирал сошел с фрегата и «был провожаем криками „ура!“ команды, стоявшей на вантах всех мачт». Итак, впереди были незнакомые моря, впереди была Европа: Копенгаген, Плимут, Брест, Кадис, Гибралтар, Неаполь, Пирей, Корфу, Венеция. Плавание Константина продолжалось до 25 сентября 1875 года. В Венеции он сошел с корабля и отбыл в Петербург — начинался очередной учебный год.

В 1876 году в день своего рождения Константин был произведен в мичманы. К этому времени резко осложнилась международная обстановка. Назревала очередная русско-турецкая война. В историю она вошла как война 1877–1878 годов. Помимо освобожде-



ния болгар от турецкого ига Россия ставила перед собой задачу усиления собственного влияния на Черном море и в проливной зоне. С этим никак не могла согласиться Англия. Ее позиция была столь непримирима, что начало военных действий на Балканах могло привести к войне с «владычицей морей». В этой ситуации вновь возникла идея крейсерской войны в океане. Как и в 1863–1864 годах, планировалось, что корабли будут базироваться на порты дружественных Соединенных Штатов. По согласованию с американской стороной были срочно сформированы две эскадры — Атлантическая и Тихоокеанская. Портами их базирования назначены Норфолк и Сан-Франциско. Командующим Атлантической эскадрой становится И. И. Бутаков, брат Г. И. Бутакова, а его флагманским кораблем — «Светлана».

Одним словом, не успел восемнадцатилетний мичман отпраздновать свое производство, как надо было ехать на корабль. 11 сентября 1876 года вахтенный начальник «Светланы» барон Энгельгард записал в вахтенном журнале: «Стоим на якоре в эскадре контр-адмирала Бутакова на Смирнском рейде. В 8 ¹/₂ был дан сигнал с „Петропавловска“ — „Поднять брам-реи“ (РЛД), по которому подняли брам-стенги и брам-реи. На фрегат прибыл Е. И. В. Константин Константинович. Каната на левом клюзе 35 саж.». Так началось второе заграничное плавание великого князя, однако в этот раз предстояло не просто плавание: готовились к войне. После принятия полных запасов эскадра снялась с якоря и взяла курс на запад.

Атлантика встретила моряков осенними штормами. После короткой передышки на Мадейрских островах двинулись дальше. В самый канун нового 1877 года «Светлана» отдала якорь на Норфолкском рейде. Остальные корабли ожидались со дня на день.



Мичман великий князь
Константин Константинович.

Надо сказать, что многие русские моряки были в Америке не первый раз. Хорошо знал Соединенные Штаты и И. И. Бутаков. В эскадре С. С. Лесовского в 1863–1864 годах он командовал фрегатом «Ослябя», был очевидцем Гражданской войны, не раз бывал на боевых позициях северян, встречался с А. Линкольном. Не первый раз здесь был и августейший командир «Светланы» Алексей Александрович. Плавая вахтенным начальником на эскадре К. Н. Посяета, он посетил Соединенные Штаты в 1872 году. Для Константина же здесь все было ново и незнакомо.

С гордостью и волнением принимал Константин чувства симпатии и уважения, которые граждане «великой республики на Западе» выражали морякам «великой империи на Востоке».

Впрочем, время летело быстро, и в первых числах марта эскадра начала готовиться к уходу. Ее ждали в Нью-Йорке.

11 марта «Светлана» с другими кораблями эскадры прибыла в Нью-Йорк. Снова пошли визиты и приемы. Друзей и знакомых, начиная еще с Гражданской войны, у русских моряков здесь было много. И. И. Бутаков с офицерами штаба был приглашен на обед к вдове Д. Фаррагута, посещавшей в 1867 году вместе с мужем Кронштадт. Частыми гостям на берегу были и матросы. Американские газеты удивлялись — матросы вовремя являлись на свои суда.

Приказание о выходе в море И. И. Бутаков получил 30 апреля, а через два дня об этом знал уже весь Нью-Йорк. 11 мая фрегат «Светлана» и оба корвета были наполнены посетителями и посетительницами, приехавшими проститься со своими русскими друзьями. Отплытие эскадры последовало 5 мая. Целая флотилия мелких шлюпок окружила суда, собирающиеся сняться с якоря.

В Кронштадт «Светлана» пришла 19 июня и «23 июня, войдя в гавань, окончила кампанию. В тот же день Его Высочество В. К. Константин Константинович убыл с корабля в Гвардейский экипаж».

Между тем война на юге была в разгаре, и 4 июля мичман К. Романов в составе команды Гвардейского экипажа (25 офицеров и 504 рядовых) отправился на Дунайский театр военных действий. Здесь в ночь на 3 октября 1877 года он отличился под Силистрией



удачным спуском брандера¹ против турецкого парохода. «За храбрость и распорядительность при воспрепятствовании турецким войскам переправиться через Дунай... Константин Константинович награждается орденом Св. Георгия 4 ст.». С окончанием военных действий на Дунае великий князь возвратился в Петербург. 21 мая 1878 года он произведен в лейтенанты, а в день своего двадцатилетия стал флигель-адъютантом. После окончания войны Константин Константинович продолжил морскую службу. В 1879 году он сопровождал отца в его поездке на Черное море, участвовал в испытаниях «поповки» «Вице-адмирал Попов».

15 сентября 1880 года лейтенант Константин Романов уходит в свое третье дальнее плавание. На этот раз на полуброненосном фрегате «Герцог Эдинбургский». Покинув Кронштадт, фрегат посетил Шербур, Гибралтар, Алжир, Неаполь, Яффу, Пирей. На обратном пути зашел на Мальту, в Триест и Александрию. В Пирее фрегат неоднократно посещала греческая королевская семья, сам Константин Константинович гостил у своей родной сестры — греческой королевы Ольги.

В вахтенном журнале «Герцога Эдинбургского» можно прочесть многочисленные записи, сделанные вахтенным начальником «флигель-адъютантом лейтенантом Константином» — так подписывался великий князь. Вахты были частые, на ходу и на якорю. Судя по всему, без каких бы то ни было скидок на великокняжеское происхождение. Интересен офицерский состав фрегата. Вместе с лейтенантом К. Романовым вахту несли лейтенант князь И. В. Барятин-



Командир лейб-гвардии
Преображенского полка полковник
великий князь Константин
Константинович.

¹ Старое судно, груженное балластом, которое затопляли в узком фарватере с целью воспрепятствовать кораблям противника. — Ред.

ский, мичман граф Н. М. Толстой, князь Н. А. Дондуков-Корсаков, князь К. Н. Мещерский и другие. Плавание Константина Константиновича продолжалось 419 дней. 25 января 1882 года при стоянке в Палермо в вахтенном журнале была сделана запись: «Мыли белье, койки, шлюпочные чехлы и брезенты. Съехал на берег для излечения от болезни Е. И. В. Великий князь Константин Константинович. К 11 часам мытье окончили и начали скатывать палубу. В 11 ³/₄ дали команде обед».

На этом практически и закончилась морская служба великого князя. Как вспоминает его дочь, — «к великому неудовольствию и даже гневу отца». Вся последующая служба Константина Константиновича проходила в гвардии. В течение семи лет он командовал ротой лейб-гвардии Измайловского полка. В 1901 году был произведен в полковники, командовал Преображенским полком. В 1910 году стал генерал-инспектором военно-учебных заведений.

И все же не служба в гвардии и на флоте составила итог жизни великого князя. Он известен прежде всего как поэт, талантливый переводчик Шиллера, Гете, Шекспира, автор многих лирических произведений, публиковавшихся под псевдонимом К. Р. Некоторые из них были переложены на музыку П. И. Чайковским, А. Г. Рубинштейном, А. К. Глазуновым. Они звучат и сегодня.

Последние годы генерал-адмирала

28 мая 1881 года живший в своем крымском имении Ореанда Константин Николаевич получил из Петербурга от своего старого сотрудника и друга А. В. Головнина письмо.



Солдатская песня на стихи поэта К. Р.
«Умер бедняга в больнице военной».



«Ваше Императорское Высочество!

Получив Высочайшее повеление явиться 23 мая к Государю императору в Гатчину, я был принят в 11 ¹/₂ утра. Его Императорское Величество изволил приказать мне написать Вашему Высочеству с Морским курьером и по получении ответа предоставить оный Его Величеству.

Государь изволил сказать, что нынешние совершенно новые обстоятельства требуют новых государственных деятелей... и что Его Величество желает, чтобы Вы облегчили Ему распоряжение, выразив готовность Вашу оставить управление Флотом и Морским ведомством и председательствование в Государственном Совете... Звание Генерал-Адмирала, как пожизненное, генерал-адъютанта, члена Совета, Председателя комитета о раненых и вообще все почетные звания должны остаться... Его Величеству весьма не хотелось бы произвести тяжелое впечатление, не сказав в указе „согласно желанию“. Сверх того Государь желал бы, чтобы Вы отдохнули, успокоились... и чтобы Ваше Высочество, вполне располагая своим временем, не считали себя обязанным торопиться приездом в Петербург». Ответ Константина Николаевича последовал незамедлительно.

«Любезный Александр Васильевич!

Письмо твое от 24 мая... я получил... Всем происходившим, начиная с несчастного 1 марта, я уже был подготовлен к этой развязке и успел вполне к ней подготовиться. Если Его Величество находит, что ввиду теперешних новых обстоятельств нужны и новые государственные деятели, то я вполне преклоняюсь перед его волей, нисколько не намерен ей препятствовать и поэтому желаю и прошу его ни в чем не стесняться в распоряжении Его об увольнении меня от каких Ему угодно должностей.



Великий князь
Константин Николаевич.

Занимал я их по избранию и доверию двух незабвенных Государей: моего отца и моего брата. Морским ведомством я управлял 29 лет, в Государственном Совете председательствовал 16 с половиной лет, Крестьянское дело вел 20 лет с самого дня объявления Манифеста. Если... долговременная 37-летняя служба, в которой я по совести кое-какую пользу принес, оказывается ныне более ненужной, то, повторяю, прошу Его Величество ничем не стесняться и уволить меня от тех должностей, какие Ему угодно. И вдали от деятельной службы и от столицы в моей груди, пока я жив, будет продолжать биться то же сердце, горячо преданное Матушке-России, ее Государю и ее Флоту, с которым я сроднился и сросся в течение 50 лет».

Переписка продолжалась. А. В. Головин держал Константина Николаевича в курсе своих докладов императору. В одном из своих писем Константин Николаевич писал: «Для того, чтобы мне жить в покое, необходимо, чтобы было как-нибудь и где-нибудь выражено, что я имею право жить, где мне угодно, как в России, так и за границей. Ты же знаешь, что у меня денег не очень много и что при обыкновенной жизни мы едва сводили концы с концами. Теперь же приходится мне очень жутко. Чтобы иметь достаточные средства, необходимо иметь возможность упразднить в Петербурге большую часть двора, прислуги и конюшни, а для этого необходимо получить право жить мне, где угодно. Все лето и осень, разумеется, я намерен остаться в Ореанде, но где жить зиму? That is the question¹. Полагаю остановиться на выборе Ниццы. Об этом мы долго говорили с Ив. Шестаковым, который, кажется, лет 9 там прожил и говорит, что жить там можно и дешево, и скромно, но в то же время приятно».

Наконец в июле 1881 года был опубликован Высочайший именной указ Государственному Совету: «Снисходя просьбе Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Константина Николаевича, всемилостивейше увольняем Его Высочество от должностей Председателя Государственного Совета, Главного начальника Флота и Морского ведомства, председательствующего в Главном комитете об устройстве сельского состояния и председателя

¹ Это вопрос (англ.). — Ред.



Особого присутствия о воинской повинности с оставлением в званиях Генерал-Адмирала и генерал-адъютанта, а также в прочих должностях и званиях». В тот же день был опубликован Высочайший рескрипт, отмечающий все заслуги великого князя. На подлинном император написал: «Искренне любящий Вас Александр». Вряд ли последнее соответствовало действительности.

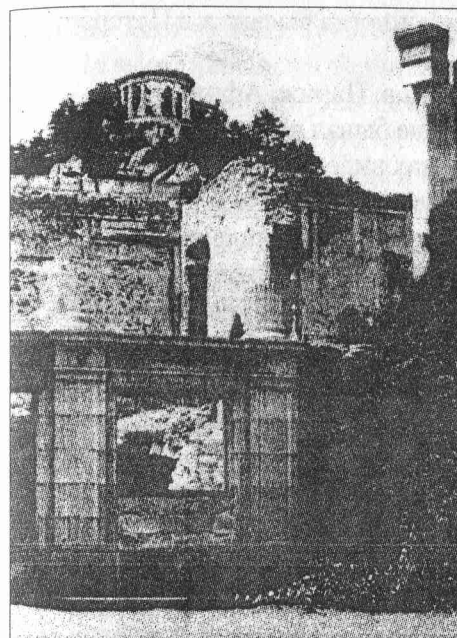
И все же не зря существует русская пословица: «Пришла беда — открывай ворота». 7 августа 1881 года любимый дворец великого князя в его крымском имении Ореанда сгорел. Вот как описывает эти события капитан 1 ранга в отставке К. П. Голенко, приехавший в Ореанду к умиравшему от чахотки сыну, находившемуся «под особым попечением Великого Князя Генерал-Адмирала».

«До сих пор я думал, что в продолжение 10 лет успел изучить натуру Великого Князя, но в эти несколько дней убедился, что богатства этой прекрасной души неисчерпаемы. В течение 4-х дней я был свидетелем способности в нем к нежному женскому участию в чужом горе и к стойческой твердости в перенесении собственного несчастья, к слезам на могиле чужого сына и к спокойному хладнокровному распоряжению на пожаре своего дома, последнего убежища, которое осталось ему на родине и которое он так горячо любил.

Весь день 7 августа дул NW (Норд-вест. — Ю. К.), порывами доходя иногда до степени урагана. В 5 часов после обычной партии в крокет мы спустились для прогулки на взморье, побродив по прибрежью, покойно начали подниматься ко дворцу, когда заметили, что в облаке пыли, которое заслоняло Крестовую гору, стали пробегать струйки черного дыма. Когда, запыхавшись, мы добрались до дворца, то густой дым уже валил из-под крыши. Легко было убедиться, что спасения дворцу уже не было, горели чердаки плоской крыши, в которые уже не было доступа при полном отсутствии пожарных ин-



Управляющий Павловским дворцом
К. П. Голенко.



Руины сгоревшего дворца Ореанда

струментов и с десятком прислуги, которые составляли почти весь штат имения. Пока приехали две трубы с тремя бочками из Ливадии, верхний этаж уже был в огне, раздуваемом порывами ветра, а за сим почти всю ночь огонь делал свое дело — этаж за этажом. По временам и сегодня еще огонь пробегает то в одном месте, то в другом.

Мебель и все вещи вынесли, надворные строения сохранились благодаря направлению ветра с гор. Пожар произошел, по всей вероятности, от перегретой трубы.

К утру Великому Князю приготовили постель в Адмиральском домике, и он так же спокойно заснул, как хладнокровно помогал рабочим выносить из залы свой любимый рояль. Поутру, как всегда, занимался, в 1 час завтракал, а в 3 часа, как всегда, играл в крокет.

Теперь мы устроились в Адмиральском домике: одну комнату занимает Великий князь, другую, через сени, я с адъютантом, три остальных клетушки заняты прислугой».

8 августа К. П. Голенко отправил в С.-Петербург А. В. Головинну телеграмму: «В сегодняшнюю ночь от Ореандского дворца одни живописные развалины. Надворные постройки не пострадали. Его Высочество присутствовал на пожаре с замечательным душевным спокойствием и, надеюсь, здоровьем». О восстановлении дворца не могло быть и речи. Для этого не было ни средств, ни душевных сил.

Итак, активная государственная и политическая деятельность Константина Николаевича закончилась. Впереди оставались еще одиннадцать лет жизни. Эти годы великий князь провел практически в Крыму, в своем любимом имении Ореанда, точнее, в том,



что осталось от него после пожара, иногда выезжал в Петербург и Павловск, но чаще — в Европу.

Венеция, Флоренция, Рим, Ницца, Париж, Афины, Вена — это далеко не полный перечень мест, где бывал великий князь. Сохранилась переписка тех лет. В письмах виден его духовный облик — многогранный, широкий, отзывчивый на все. Здесь и религиозные размышления, и крестьянский вопрос, и размышления о целесообразности парламентского строя в России, и резкое осуждение революционных настроений с одновременным признанием отрицательных сторон самодержавия, и неустанные заботы о родном флоте, любовь к искусству, литературе, дружба с И. С. Тургеневым и многое другое.

При всем этом из писем встает образ не просто любителя, интересующегося разнообразными вопросами. Нет, это разносторонне образованный человек, имеющий на все свой собственный взгляд. Вот лишь несколько выдержек из писем Константина Николаевича.

Париж, 4 февраля 1882 года. «Тургеневу, кажется, у меня понравилось... Весь разговор был такой оживленный, что о каком-либо чтении не приходилось даже заикаться. Жаль было променять на оное наш разговор... Много интересного он рассказал о своей жизни, из своих наблюдений... Время прошло прелестно и совсем незаметно и оставило всем неизгладимое впечатление».

Париж, 22 февраля 1882 года. «В письме твоём я встретил... мысль, которая совершенно сходится с моей старой и задушевной мыслью насчет Петропавловской крепости. Меня всегда корбила мысль, что царская усыпальница окружена тюрьмами... Моя мысль именно состояла в том, чтобы тюрьмы заменить богадельнями и инвалидными домами».

Ореанда, 17 июня 1882 года. «Все эти чудные места по Черноморскому побережью суть чудный благодатный материал... Эти места были густо заселены горцами и весьма тщательно возделаны... После же окончания войны и полного покорения Кавказа они превратились в непроходимую глушь... Я никогда не мог понять Кавказского начальства, которое... постоянно поощряло выселение туземцев в Турцию, стремилось к совершенному обезлюдению этих

богатых местностей... Тут жило прежде воинственное племя Убыхов. Не выселившаяся в Турцию часть Убыхов ушла в горы... Когда им стало там невмочь, они стали проситься на свои старые места... Они как-то узнали, что их старые земли на Черноморском берегу принадлежат теперь мне и в прошлом году обратились ко мне с просьбой о позволении воротиться на свои старые пепелища. Эта просьба пришлась мне по сердцу и в прошлом году, когда я на „Ливадии“ ходил в Батум, это дело было, наконец, обделано, и мы добыли у Кавказского начальства согласие на их переселение ко мне. Убыхи теперь очень довольны».

Париж, 8 февраля 1883 года. «Посетил бедного Ив. Серг. Тургенева. Операция удалась превосходно, но он опять, бедный, невыразимо страшно страдает своим старым недугом — грудной жабой... Ужасно его жаль».

Афины, 21 марта 1883 года. «Познакомился с известным Шлиманом, открывшим развалины Трои... Он очень оригинальная личность. Был сперва купцом и долго проживал лет 30 тому назад в Петербурге... в 1848 году он даже был в Зимнем Дворце... на моей свадьбе в числе приглашенного почетного купечества. И теперь он еще не забыл по-русски. Нажив весьма порядочное состояние, он вздумал сделаться ученым археологом, научился древнегреческому языку и отправился на Восток делать археологические раскопки. Он, должно быть, действительно обладает каким-нибудь удивительным археологическим чутьем...».

Трудно не согласиться, что Константин Николаевич был одним из культурнейших людей своего времени и, несомненно, самым образованным в императорской семье.

В 1889 году, когда Константин Николаевич жил в Ореанде, его разбил паралич. Отнялась левая сторона, пропала речь. Последние три года великий князь жил в Павловске. Здоровье ухудшалось. Иногда его вывозили на прогулку в шарабане, запряженном старым мерином Мишкой. Мерин шел шагом, рядом шли управляющий двором генерал П. Е. Кеппен, адъютанты и доктора. Скончался великий князь 13 января 1892 года.



Глава 6. Последний генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович

Детство и юность

Великий князь Алексей Александрович, четвертый сын великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II, и принцессы Гессенской Марии, ставшей после крещения великой княгиней Марией Александровной, а позднее и русской императрицей, родился 2 января 1850 года. По воле деда, императора Николая I, уже в день своего рождения мальчик был определен «к служению на морском поприще», а потому зачислен в Гвардейский экипаж.

Детство Алексея протекало как и обычно у мальчиков из великокняжеской семьи — с одной стороны, дворцовая роскошь, с другой, — строгий порядок и неукоснительное соблюдение правил придворной жизни. Фрейлина императрицы А. Ф. Тютчева вспоминала, что ее всегда поражала выучка маленьких великих князей, неподвижно выста-



Великий князь Алексей
Александрович.

ивающих долгие службы в дворцовой церкви. «Я никогда не понимала, как удавалось внушить этим маленьким детям чувство приличия, которого никогда нельзя было бы добиться от ребенка нашего круга; однако не приходилось прибегать ни к каким мерам принуждения, чтобы приучить их к такому умению себя держать, оно воспринималось ими с воздухом, которым они дышали». Впрочем, можно сказать, что с воздухом, которым дышали маленькие великие князья, они воспринимали и слово «надо». Для каждого из них оно становилось неотъемлемой частью их детства. Церковные службы были далеко не единственной обязанностью августейших мальчиков. Разводы и смотры гвардейских частей, причем всегда в мундирчиках соответствующих полков, официальные торжества, визиты и приемы являлись обязательным атрибутом их жизни с самого раннего детства. Судя по дневнику помощника воспитателя будущего императора Александра III и его брата Владимира Александровича Н. П. Литвинова, распорядок дня у молодых великих князей был достаточно строгий.

Подъем всегда в 7 утра. Умывание и завтрак, затем занятия. Учителей подбирали, естественно, самых лучших, что, впрочем, не мешало им быть строгими даже по отношению к великим князьям. По всем предметам выставлялись две отметки — за знания и за прилежание. «Двойки» и «тройки» в дневнике фигурируют довольно часто. В числе обязательных предметов были три языка: французский, английский, немецкий. «За обедом Великие князья вели себя порядочно и говорили по-французски». Нельзя сказать, что не было и строгости. Выражалась она почтительно, но присутствовала постоянно. Во время завтрака Александр попросил положить ему котлету и показал пальцем, какую именно. «Когда я стал ему выговаривать за его манеры, — пишет Н. П. Литвинов, — он с самым дерзким видом начал презрительно пофыркивать, прикидываясь, что не понимает, за что я к нему привязываюсь. Я, признаться, очень рассердился и сильно на него прикрикнул. Если бы он еще высказал какое-нибудь возражение, я бы его выслал из-за стола и оставил без завтрака».

И все же мальчишки всегда остаются мальчишками. Эпизодов, подтверждающих это, в дневнике предостаточно. «После чая Ве-



ликие Князья пошли ко мне в комнату, где устроили гальваническую батарею. Опыты ограничились нагреванием платиновой проволоки и отклонением магнитной стрелки... Великих князей интересовали больше искры». «Ездили в Таврический дворец. Кататься на коньках не было никакой возможности. Великие Князья с особой энергией принялись за новое удовольствие — игру в снежки. Я боялся только одного, чтобы Великие Князья не разбили кому-нибудь физиономию...» «Великие князья занялись довольно пустым препровождением времени. Алексей Александрович играл на скрипке и кривлялся, а Александр Александрович и Владимир Александрович играли роль зрителей, т. е. аплодировали и шикали попеременно». Высшим и непререкаемым авторитетом в августейшей семье, несомненно, являлся отец-император.

Надо сказать, что, несмотря на детские шалости, сыновья императора Александра II между собой были дружны. Особенно теплые отношения у Алексея сложились с его старшим братом, будущим императором Александром III.

Что отличало Алексея с детских лет — так это правдивость и непосредственность — свойства характера, которые, судя по всему, сохранились и во взрослой жизни великого князя. В своем дневнике 2 июля 1855 года А. Ф. Тютчева записала: «Сегодня утром я была у императрицы. К ней вошли ее четыре сына, все крупные, красивые, хорошо сложенные мальчики, смотреть на которых доставляет удовольствие. Императрица спросила у них отчет об их уроках, младший сознался, что... плохо учился. Императрица

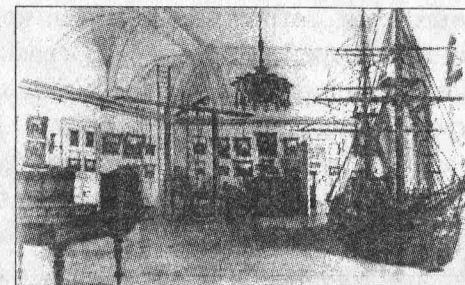


Великий князь
Николай Константинович.



очень строго посмотрела на него и сказала: „Это меня очень огорчает“. Ребенок, которому только пять лет, опустил голову, и на глазах его выступили слезы».

Детская половина в Зимнем дворце состояла из помещений, расположенных в западной части второго этажа. Окна детских комнат выходили на Большой двор. Главное внимание в покое мальчиков уделялось не отделке, а обстановке. Здесь было все, что требовалось для воспитания будущих военных: специально подобранная библиотека, наглядные пособия, образцы оружия, модели кораблей, карты, глобусы и гимнастические снаряды. Одним из помещений, где, судя по всему, чаще всего проводил время Алексей, являлась «Корабельная комната», созданная еще для великого князя Константина Николаевича.



Корабельная комната в Зимнем дворце.
Акварель И. И. Шарлемана 1856 г.

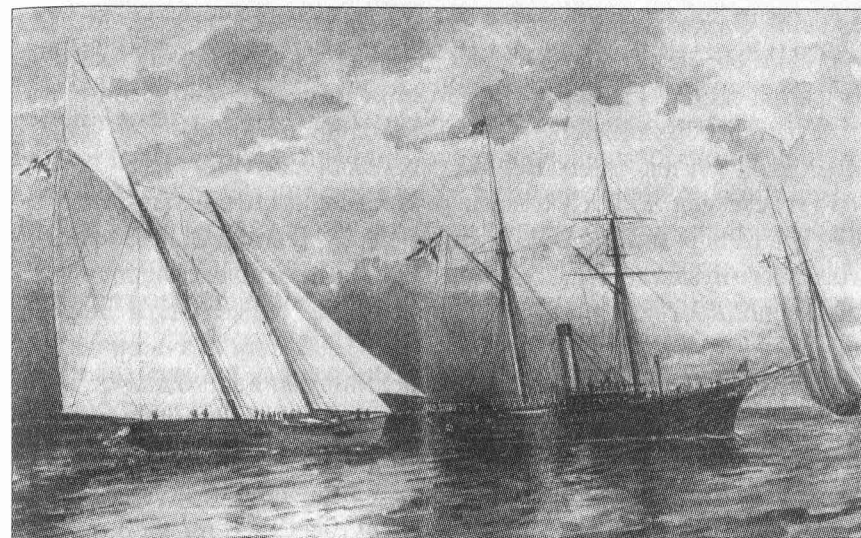
Облик «Корабельной комнаты» сохранила акварель И. И. Шарлемана, датируемая 1856 годом. Ее хозяину, вице-адмиралу Константину Николаевичу, к этому времени уже было 29 лет, и, естественно, здесь он не занимался, но вот его старший сын Николай, в детстве также предназначавшийся к службе на флоте, и племянник великий князь Алексей, ровесник Николая, комнатой, несомненно, пользовались. Что представляла из себя «Корабельная комната»? Небольшой зал, стены которого почти сплошь были увешаны картинами на морскую тематику. Здесь же размещалось множество моделей кораблей и орудий. Большую часть комнаты занимал стоящий прямо на полу огромный макет парусника. Под руководством учителей дети могли на него даже забираться. В углу комнаты был оборудован гимнастический комплекс: лестница, корабельный штормтрап, канаты, перекладины, трапеции.

Когда Алексею исполнилось восемь лет, как и ко всем мальчикам в императорской семье, к нему был назначен воспитатель — капитан 1 ранга Константин Николаевич Посьет. На многие годы



он стал не только воспитателем, но и учителем, наставником будущего генерал-адмирала. С его приходом у Алексея начались регулярные зимние занятия. Помимо общеобразовательных дисциплин, программа обучения включала в себя полный курс Морского кадетского корпуса. Изучалось морское дело, оснастка парусных судов, устройство кораблей, корабельных двигателей, астрономия, морские карты, гидрография и многое другое. Немалая роль отводилась изучению и таких отраслей морского дела, как судостроение, портовое хозяйство. Особое внимание уделялось истории отечественного флота. Ее, как и математику, а также некоторые другие науки преподавал впоследствии известный морской историк Ф. Ф. Веселаго. Это был один из образованнейших морских офицеров, только что удостоенный Демидовской премии за первую монографию по истории русского флота. Частыми были посещения Морского музея, основанного еще Петром I и размещавшегося в здании Адмиралтейства. Здесь Алексей знакомился с портретами морских деятелей, трофеями русского флота, моделями кораблей, морским оружием. Одна из записей в книге почетных посетителей музея от 29 декабря 1867 года гласит: «Его Императорское Высочество Великий князь Алексей Александрович в сопровождении преподавателя корабельной архитектуры полковника Гезехуса изволил заниматься в Музее с 1 час. 30 мин. дня до 3 часов».

Не терялось попусту и летнее время. Юного моряка знакомили с «живой практической стороной морского дела». Первые плавания совершались на яхтах «в интересные по своему разнообразию финляндские шхеры. Здесь, знакомясь только с удовольствиями морской жизни, великий князь начал привыкать к ней». Позднее в сопровождении К. Н. Посыета он «посещает на военных судах... окрестности Петербурга, потом пределы его плавания постепенно расширяются». Послужной список великого князя свидетельствует о многих походах, совершенных им не то что в юношеские — в детские годы. Вот лишь некоторые из них: «1860 год — из Петергофа на яхте „Штандарт“ ходил в Либаву, а оттуда на пароходе „Смелый“ в финляндские шхеры,... 1861–1863 гг. — на яхте „Забава“ под флагом контр-адмирала Посыета ежегодно крейсировал в Финском и Бот-



Паровая императорская яхта «Забава» на Кронштадтском рейде.

ническом заливах... 1864 г. — на фрегате „Светлана“ под флагом того же контр-адмирала имел практическое плавание в Финском заливе и Балтийском море... 1866 году — на фрегате „Ослябя“... находился в практическом плавании по Балтийскому, Немецкому¹ морям, Атлантическому океану, посетил Копенгаген... Лиссабон, остров Мадейру, Азорские острова...» Так, начав еще в детские годы «знакомство с удовольствиями морской жизни», Алексей постепенно втянулся в настоящую морскую службу. В 17 лет он уже исполнял штатную должность вахтенного начальника. Впрочем, к этому времени стаж его плаваний насчитывал седьмую кампанию.

Романтичный, красивый и темпераментный юноша, Алексей унаследовал от своего отца необыкновенную склонность к увлечению красивыми женщинами. Одним из первых его романов стала любовь к Александре Жуковской — дочери великого русского поэта, в прошлом наставника его отца. Александра родилась в 1842 году. Известно о ней мало, разве что обучал ее сам В. А. Жуковский и был весьма доволен ее успехами. В письмах он называл ее гени-

¹ Северное море. — *Ред.*

альной. Однако в 1852 году В. А. Жуковский скоропостижно скончался, и его дети — дочь и сын — остались на руках психически больной жены. Императрица Мария Александровна зачислила Александру Жуковскую в штат своих фрейлин. Именно к ней и возникла у Алексея его первая серьезная любовь.

От Алексея А. В. Жуковская родила сына, который получил титул графа и фамилию Белевский. Белев — родина В. А. Жуковского. Своего незаконнорожденного сына Алексей Александрович признал и полностью обеспечил содержанием. Позже А. В. Жуковская вышла замуж и уехала в Германию. В 1892 году она скончалась в Дрездене. Что же касается самого великого князя, то для завершения морского образования, а еще больше для «отрезвления» от нежелательной любви к женщине, которая была не только старше на восемь лет, но и по своему происхождению явно не подходила для женитьбы, его срочно отправили в кругосветное плавание. Впрочем, об этом чуть позже.

Начало морской карьеры

Продвижение великих князей по службе шло не как у простых смертных. Первый офицерский чин — мичман — Алексей получил, когда ему исполнилось 7 лет. «Наш милый Никола (старший сын великого князя Константина Николаевича. — Ю. К.), — писал Александр II Константину Николаевичу, — благодаря Богу совершенно поправился... Офицерский мундир, подаренный Алексею в день его 7 лет, в нем возбудил немного зависть. Он, впрочем, сам себя утешает мыслью, что скоро... того же удостоится. Мило будет видеть обоих наших моряков в одинаковом мундире». Лейтенантом Алексей стал в 16 лет. В соответствии с законом, который назывался «Учреждение об Императорской фамилии», совершеннолетним он был объявлен при достижении двадцатилетнего возраста.

В жизни великих князей это событие отмечалось принятием двух присяг: «Клятвенного обещания в лице Великого Князя Российского Императорского Дома» и «Воинской присяги». В соответствии с законом в этот день менялся и статус К. Н. Посыета. Из

воспитателя он становился на пять последующих лет попечителем великого князя. Главная обязанность попечителя заключалась в оказании помощи своему подопечному во всех его делах и, главное, в управлении его финансовыми делами. Кстати, с наступлением совершеннолетия финансовое положение великих князей резко менялось. Если до двадцати лет они получали карманные деньги лишь от родителей, то, став совершеннолетним, каждый великий князь начинал получать пожизненно содержание от Министерства уделов Императорского двора. В зависимости от доходов, получаемых от удельных земель, и процентов с капиталов, принадлежавших императорской семье, содержание каждого великого князя составляло около 200 000 рублей в год. Для сравнения скажем, что годовое жалованье адмирала составляло 7–9 тысяч рублей, а мой дед, Алексей Кузьмич Коршунов, подполковник 87 Нейшлотского пехотного полка, выйдя в отставку, стал получать пенсию 690 рублей в год.

Впрочем, вернемся к нашему герою. Справедливости ради следует заметить, что к своему совершеннолетию Алексей Александрович как моряк наплавал много больше, чем все его сверстники. В послужном списке великого князя значится, что на 1870 год стаж его морской службы составил: «в плавании под парусами и за границей — 425 дней, на якоре — 67 дней». Вот лишь краткий обзор двух его последних кампаний.

В конце марта 1868 года К. Н. Посыет докладывал управляющему Морским министерством: «Милостивый государь! Сегодня утром определено время отъезда Великого Князя Алексея Александровича из Царского Села в предстоящее... путешествие. Государю Императору благоугодно было утвердить следующее распределение плавания: 8 мая Его Высочество оставляет Петербург по Николаевской железной дороге, чтобы в Твери сесть на пароход и спуститься по Волге до Астрахани... Плавание по Каспийскому морю с заходом в Петровск, Баку и... Астрабад¹ возьмет более недели, переезд через Кавказ... — около двух недель. Так что в Потти Великий князь может быть не ранее 20 июня. Если к этому време-

¹ До 1930 года название города Горчан на севере Ирана. — Ред.



ни фрегат „Александр Невский” прибует в Пот... («Александр Невский» шел из Кронштадта. — Ю. К.), он пойдет в Константинополь, Афины и на Азорские острова. В Кронштадт я буду стараться прибыть к 1 сентября». Заметим, что забота о комфорте своего подопечного также входила в обязанности воспитателя, и внимание этому уделялось отнюдь не малое. «При оставлении в прошлом году фрегата „Александр Невский”, — продолжает К. Н. Посьет, — были перевезены по моему распоряжению в Николаев все отпущенные от Двора принадлежности для стола, как-то: посуда, серебро, стекло и пр., которые теперь необходимо доставить опять на фрегат. Кроме того, по достижении Царицына будут отправлены в Николаев через Азовское море еще некоторые вещи и при них прислуга, излишняя при переезде через Кавказ. Для принятия этих и других вещей и прислуги фрегату будет удобно прибыть в Одессу».

И все же как учитель К. Н. Посьет был строг и требователен. Знакомство с обширным хозяйством Астраханского и Бакинского портов проходило не то что тщательно — скрупулезно. «Великий князь изволил осмотреть сооружения... Астраханского порта, при этом посетил домик, где хранятся шлюпки Петра Великого, некоторые из магазинов и шлюпочный сарай». В Астрабаде после осмотра береговых сооружений состоялась «гонка гребных судов под парусами и веслами; во время гонки Великий князь находился сам на руле одной из состязающихся шлюпок, которой и достался первый приз» (кто знает, может, и справедливо). В Баку после осмотра Адмиралтейства и «всех береговых учреждений Великий князь изволил прибыть на Байлов мыс, где была заложена православная морская церковь». Далее предстояло путешествие через Кавказ в Пот... — «Дагестанская область с Гунибом (аул, где был пленен Шамиль. — Ю. К.), казачьи станицы Терской области по линии Сунджи и Терека, Военно-грузинская дорога, Тифлис, Кутаиси и течение Риони от Оршери до устья». В Пот... великого князя уже ждал фрегат «Александр Невский». Плавание на «Александре Невском» включало в себя посещение многих портов Черного и Средиземного морей.

Заметим, что, несмотря на, безусловно, особые бытовые условия, создаваемые великому князю на корабле, в служебном отно-

шении его плавание было практически тем же, что и для остальных офицеров. Те же вахты, якорные и ходовые, те же учения, парусные, артиллерийские, abordажные, те же авральные работы и даже общеобразовательные занятия с «нижними чинами», кстати, впервые введенные и генерал-адмиралом Константином Николаевичем. Да и море не делало разницы между теми, кто плыл на корабле. Ветер, дождь, шторм были одинаковы для всех.

Другое дело на берегу. Здесь великий князь во всех отношениях считался персоной особой — членом «августейшей семьи», а на всех официальных приемах, особенно за рубежом, — личным представителем императора. Двоюродный брат будущего генерал-адмирала, великий князь Александр Михайлович, тоже моряк, так писал о своих взаимоотношениях с командиром: «На борту корабля — он мой неограниченный начальник, но на суше он должен становиться передо мной во фронт». Таковы были традиции, таковы были порядки, и выполнялись они неукоснительно. Да и жизнь великих князей на берегу протекала совсем по иным стандартам, чем у простых смертных. Один из очевидцев вспоминал, например, как во время игры с сослуживцами в карты, разумеется на берегу, во время расчета Алексей Александрович, указав на одну из монет, положенных на стол, спросил: «Что это такое?» Ему ответили: «Пятачок». Это были обычные медные пять копеек. Великий князь взял монету в руки и, с любопытством рассматривая ее, заметил: «В первый раз вижу». По впечатлению очевидцев, это была отнюдь не шутка, а свидетельство того, насколько он был далек от реальной земной жизни.

Впрочем, вернемся к путешествию. Плавание на «Александре Невском» проходило по плану и завершилось бы в строго назначенные сроки, если бы... Если бы на пути в Кронштадт, уже в Северном море, не произошла катастрофа. Во время шторма у Ютландского побережья фрегат врезался в отмель. Вот как докладывал об этом командир фрегата капитан 1 ранга О. К. Кремер: «Я вдруг увидел в правой стороне черную полосу близ фрегата и тотчас же скомандовал «Право на борт!»... Но в тот же момент фрегат сильно ударился кормой, а волна, ударяя в левый борт, вкатилась на шканцы... Это случилось в 2 1/2 часа утра... Вслед за пер-



вым ударом последовал второй, еще сильнее, а потом и третий. Адмирал, все офицеры и команда выбежали навверх моментально... Сила ударов, свежесть ветра... и близость берега не позволяли сомневаться, что нет ни малейшей надежды снять фрегат... Надлежало немедленно готовить средства для своза команды... Адмирал приказал рубить мачты. Это было исполнено... В это же время лейтенанты: Его Императорское Высочество Алексей Александрович, Ден, Вишилов и прочие офицеры... занимались устройством плотов, порученных их командованию... Наконец начался давно желанный рассвет, и мы увидели себя... в расстоянии $2\frac{1}{2}$ кабельтовых от низменной косы, на которую выкатывались громадные буруны».

Попытка спустить шлюпку и завести трос на берег закончилась трагедией — погибли два офицера, квартирмейстер и два матроса. Наконец трос удалось завести. «Около 1 часа пришла к фрегату спасательная лодка... Я отправил на ней больных и лейтенанта Тудера, который знал шведский язык... На предложение генерал-адъютанта Посьета отправиться на катере Алексей Александрович положительно отказался, не желая оставить фрегат из первых». Только когда связь с берегом была налажена и начался своз команды, «Его Императорское Высочество, видя, что есть надежда спасти и других, согласился уехать... Около $6\frac{1}{2}$ часа вечера команда была переправлена. Тогда адмирал и я обошли все палубы и, убедившись... по состоянию фрегата, что бесполезно оставаться на нем далее, решили оставить его... На берегу адмирал был встречен... командой, стоящей во фронт... и тотчас же приказал отслужить благодарственный молебен, а затем панихиду по погибшим товарищам».

Как и положено, военно-морской суд С.-Петербургского порта рассмотрел дело о крушении фрегата «Александр Невский». «Суд признал по оному виновными:

1. Генерал-адъютанта вице-адмирала Посьета в неосторожности, последствием которой была гибель фрегата „Александр Невский“, состоящей в том, что при перемене курса в 8 часов вечера 12 сентября 1868 года, не имея положительных данных о верности своего места, он не принял в соображение указание лоции о тече-

ниях и не сделал распоряжения о последовательном бросании лота после перемены курса на NO 54 ° ...

2. Флигель-адъютанта капитана 1 ранга Кремера в неосторожности... состоящей в том, что при совещании с адмиралом о перемене курса... не имея положительных данных о верности своего места, не принял в соображение указание лоции о течениях и не представил адмиралу о необходимости бросания лота после перемены курса...

3. Старшего штурманского офицера... в неосторожности... состоящей в том, что при прокладывании избранного адмиралом курса... не обратил внимания на указание лоции о течениях и лоте и ушел вниз, не дождавшись, какие меры будут приняты относительно усмотренного огня...

Вахтенного штурманского офицера подпоручика... в неисполнении своей обязанности.

Посему суд определил:

генерал-адъютанту вице-адмиралу Посьету объявить выговор в приказе;

флигель-адъютанта капитана 1 ранга Кремера подвергнуть аресту на гауптвахте на один месяц;

корпуса флотских штурманов штабс-капитана... подвергнуть аресту на две недели;

подпоручика того же корпуса... подвергнуть дисциплинарному взысканию в административном порядке по усмотрению его начальства.

На всеподданнейшем о сем докладе последовала 10 марта 1869 года Собственноручная Его Императорского Величества конфирмация¹:

„Во внимание к особым заслугам генерал-адъютанта Посьета и флигель-адъютанта Кремера, лично Мне оказанным, а равно в уважение героических подвигов и истинно молодецкого, без исключения всеми чинами фрегата, исполнения своего долга, сопряженно с самоотвержением, повелеваю: лиц, виновных по делу о круше-

¹ Утверждение высшей властью судебного приговора. — Ред.



нии фрегата „Александр Невский”, никакому взысканию не подвергать”.

Заметим, что гибель «Александра Невского» отнюдь не изменила намерений великого князя связать свою жизнь с морем. Как моряк он уже состоялся. В свое очередное плавание Алексей Александрович ушел в июне 1870 года, на этот раз — по северным морям. Путешествие началось переходом по Мариинской системе на паровом катере Гвардейского экипажа из Петербурга в Архангельск. Шли не торопясь, подробно, во всех деталях изучая главную водную магистраль северо-запада России: Лодейное Поле, Петрозаводск, Повенец, Вытегру, Белозерск, Череповец, Вологду, Тотму, Великий Устюг, Холмогоры. На знакомство с каждым городом отводились день-два. Особенно детально изучались шлюзы. Да и где еще, как не здесь, можно было не только увидеть их в таком количестве, но и понять процесс шлюзования судов.

Надо сказать, что к этому времени великому князю уже исполнилось двадцать лет и он стал совершеннолетним. Очевидно, этим и объясняется, что помимо познавательных целей остановка на несколько дней в Архангельске имела еще и представительские. Ведь представлять царствующую династию, а за рубежом и Россию — тоже надо было уметь. Будущий генерал-адмирал учился и этому.

Программа пребывания в Архангельске была насыщенной: 26 июля — осмотр воспитательных заведений: мужской и женской гимназий, семинарии, женского духовного училища, приюта Св. Петра, немецкого училища и детского приюта. После обеда — городской летний сад, где «Великий князь изволил пробыть 1 1/2 часа, милостиво приняв участие в танцах»; 27 июля — «выставка мануфактурных и сельскохозяйственных произведений Архангельской губернии», типография, военно-окружной суд со слушанием дела «о матросе... судившемся за нанесение оскорбления офицеру», осмотр пожарной команды и подробное знакомство с Архангельским адмиралтейством; 28 июля — после воскресной литургии в Кафедральном соборе гонка частных гребных судов. Последний заезд особенно привлек внимание «Его Высочества — ...гребцами в нем находились поморские женщины. Призы состояли из серебряных часов для рулевых в мужском отделении и золотых

серег — в женском...»; 29 июля — педагогические курсы сельских учителей, губернские присутственные места, Морская офицерская библиотека и морское собрание, где «Великий князь изволил принять участие в танцах, протанцевав 5 кадрилей», 30 июня — льняной и смоляной буяны¹, где «в подробности осматривал процесс браковки льна, смолы и пеньки».

Казалось бы, все идет хорошо и тем не менее не все было так просто. Даже при достаточно строго регламентированных взаимоотношениях. Не успел великий князь покинуть Архангельск, как губернатор Архангельска получил «строго конфиденциальное» послание управляющего Морским министерством адмирала К. Н. Краббе: «Из дошедших до нас сведений видно, что Государь Великий князь Алексей Александрович остался вполне доволен сделанным ему в Архангельске приемом. Радуюсь этому и поздравляю Ваше превосходительство. В описаниях празднеств меня удивило, однако, как могло случиться, что, принимая у себя гостя-моряка, общество морского города не вспомнило о главе нашего флота и пропустило тост за Генерал-Адмирала. Хотелось бы знать, отчего это произошло?» Впрочем, ответ губернатора был прост и краток: «Вам известна русская пословица, что наш брат задним умом крепок, и только по этой причине не было тоста за Генерал-Адмирала».

Вскоре небольшая эскадра в составе корвета «Варяг», клипера «Жемчуг» и шхуны «Секстан» покинула Архангельск. Вахтенным начальником на «Варяге» был великий князь. Север есть Север. «С выходом в море, — писал К. Н. Посьет, — мы... встретили дурную и сырую погоду». Зато повидать предстояло многое: Соловецкие острова, Новую Землю с заходом в пролив Маточкин Шар, Мурманское побережье с заходом в Кольский залив и знакомством с древним городом Кола, а также с Екатерининской гаванью. Далее шли Нордкап, порты северной Норвегии, плавание по шхерному фарватеру в Тромсе и, наконец, Исландия. Знакомство с Рейкьявиком и островом заняло почти неделю. В Кронштадт «Варяг» возвратился в конце сентября.

¹ Открытое место на берегу, служащее для склада товаров. — *Ред.*



К. Н. Посьет — адмирал и министр

30 апреля 1899 года Петербург прощался с адмиралом Константином Николаевичем Посьетом. В собор Св. Петра проводить адмирала в последний путь приехали император Николай II, императрица Мария Федоровна, великие князья, руководители Морского ведомства вице-адмиралы П. П. Тыртов, Ф. К. Авелан, министры гражданских ведомств, офицеры-моряки, сослуживцы, родственники и друзья покойного. Гроб с телом адмирала вынесли на руках генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович, министр путей сообщения князь М. И. Хилков, другие высокопоставленные лица.

По пути траурной процессии до Новодевичьего монастыря стояли войска почетного эскорта: Гвардейский экипаж, сводный отряд офицеров флотских экипажей, лейб-гвардии Измайловский полк, лейб-гвардии конный полк. «Торжественные похороны К. Н. Посьета не были просто актом соблюдения российской традиции при прощании с министром. Это была дань глубокого уважения к моряку и государственному деятелю, много сделавшему для развития российского флота и портов, для повышения престижа России».

Предки К. Н. Посьета были французами и носили фамилию Посьет-де-Россье. Позднее семья разделилась. Переселившиеся в Россию взяли себе фамилию Посьет, оставшиеся во Франции — Россье. Дед Константина Николаевича, Петр Посьет, служил при Петре I начальником Астраханского адмиралтейства, строил суда для Каспийского моря. Отец — Николай Петрович Посьет — плавал на Балтике, командовал кораблями. В 1831 году отец скончал-



Адмирал К. Н. Посьет.

ся. Вдова осталась с тремя дочерьми и одиннадцатилетним сыном, только что отданным в Морской корпус. Единственным средством существования семьи была пенсия.

После окончания в 1836 году Морского корпуса К. Н. Посьета оставили для дальнейшего повышения образования и последующего преподавания «теории артиллерии» в Офицерских классах. В те годы там читали лекции такие крупные ученые, как академики М. В. Остроградский, Э. Х. Ленц, известные морские специалисты: кораблестроитель С. О. Бурачек, астроном и математик С. И. Зеленой. Мичманом и лейтенантом К. Н. Посьет плавал на Балтике, совершил переход из Архангельска в Кронштадт. Вместе с адмиралом Е. В. Путятиным плавал в Англию, где познакомился с новейшими достижениями в развитии корабельной артиллерии. По рекомендации Е. В. Путятина К. Н. Посьет обобщил и внедрил сначала на тех кораблях, которыми командовал сам, а затем на Балтийском и Черноморском флотах передовой опыт подготовки корабельных артиллеристов. В 1847 году К. Н. Посьет выпустил книгу о корабельных артиллерийских учениях. Книга получила высокую оценку адмиралов М. П. Лазарева, В. А. Корнилова, П. С. Нахимова. В 1849 году в свет вышла еще одна книга К. Н. Посьета «Вооружение военных судов» — основополагающий труд по всем вопросам морской практики. Императорская Академия наук присудила ему Демидовскую премию, а «Государь Император и Августейший Генерал-Адмирал» — по драгоценному перстню.

В 1852 году капитан-лейтенант К. Н. Посьет в качестве помощника Е. В. Путятина в составе дипломатической миссии на фрегате «Паллада» отправился в Японию. Для этого потребовалось в короткое время овладеть голландским языком — переговоры и переписку со всеми европейцами японцы вели только на голландском языке. На фрегате «Паллада», а затем на «Диане» К. Н. Посьет совершил длительное, полное приключений плавание по восточным морям. Как помощник Е. В. Путятина и единственный офицер, владеющий голландским языком, он участвовал во всех переговорах с японцами, вел протоколы, готовил необходимые документы. Переговоры шли трудно, с длительными перерывами. В то время «Паллада» совершала плавания к берегам Китая, Филиппин, Ко-



реи и Русского Приморья. Эти походы К. Н. Посьет использовал для изучения и описания новых земель.

11 декабря 1854 года, стоя на якоре у Японских островов, в результате сильного землетрясения фрегат «Диана» погиб. Экипажу удалось перебраться на берег и обосноваться в небольшой японской бухточке Хеда. Безупречное поведение русских моряков на берегу, оказание посильной помощи жителям разрушенного города Симодо изменило к ним отношение населения и властей. Наконец, долгожданный договор был подписан. Е. В. Путятин торопился сообщить об этом в Петербург. Русские моряки построили из обломков «Дианы» шхуну «Хеда», добрались на ней до Петропавловска, а затем, избежав встречи с англо-французской эскадрой (шла Крымская война), вошли в устье Амура. Без карт и пособий на небольшом колесном пароходике они совершили трехмесячное плавание вверх по реке. Преодолев почти две тысячи километров по безлюдному Амуру, путешественники достигли устья рек Шилки и Аргуни. Отсюда путь в Петербург был уже легче.

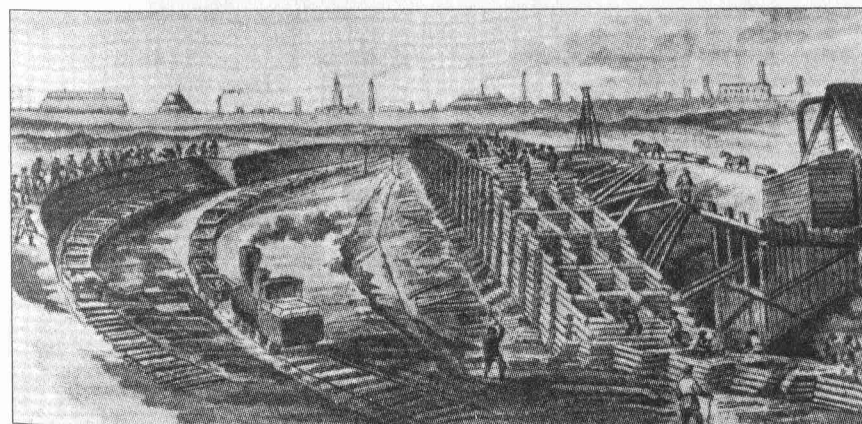
В 1856 году К. Н. Посьет совершил второе плавание в Японию. Ему было поручено доставить ратифицированные грамоты, а также передать японскому правительству в дар шхуну «Хеда» и орудия, снятые с «Дианы». Для Страны восходящего солнца «Хеда» стала такой же реликвией, как для России ботик Петра.

По возвращении в Россию К. Н. Посьет стал воспитателем, а затем и попечителем будущего генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича. Этой работе он отдал почти пятнадцать лет своей жизни. Что это были за годы? Непрерывные плавания и путешествия: по северу и югу России, по Сибири, по Северной Америке, по Китаю. Где только не побывал К. Н. Посьет со своим воспитанником: Рио-де-Жанейро, Кейптаун, Сингапур, Исландия, Манила, Новая Земля, не говоря уже о Европе и Средиземном море. Справедливости ради следует заметить, что под флагом К. Н. Посьета вырос далеко не только будущий генерал-адмирал. Его воспитанниками считали себя многие русские морские офицеры.

Плавая в отечественных и зарубежных водах, адмирал К. Н. Посьет постоянно изучал судоходство на различных морских и речных бассейнах, постановку портового дела за границей и в России.

Очевидно, именно это и явилось причиной назначения его в июле 1874 года на пост министра путей сообщения России. Надо сказать, что помимо сухопутных и железных дорог в ведение Министерства путей сообщения входили и морские порты. Традиционно в России их рассматривали как ворота для груза, доставляемого из внутренних районов империи по железным дорогам и речным магистралям в заморские страны. Хотя формально порты и находились в ведении правительства, но государственного подхода к их развитию практически не было. «Первым, кто по-настоящему обратил на торговые порты внимание, был адмирал Посьет. Главным недостатком портов... России была мелководность акваторий и подходов фарватеров, из-за чего крупные иностранные пароходы не могли входить без разгрузки на рейде ни в Архангельск, ни в Петербург, ни в Таганрог... Многие порты были плохо защищены от господствующих ветров, особенно Одесса».

Первой крупной работой, которой новый министр занялся буквально с первых месяцев своего правления, стало сооружение С.-Петербургского морского канала. Главная цель работы формулировалась четко — «обращение речного Петербургского порта в морской для непосредственного сближения оканчивающейся в С.-Петербурге железной дороги и внутренних водных путей с морскими судами, дабы вагон и речная баржа могли быть поставлены



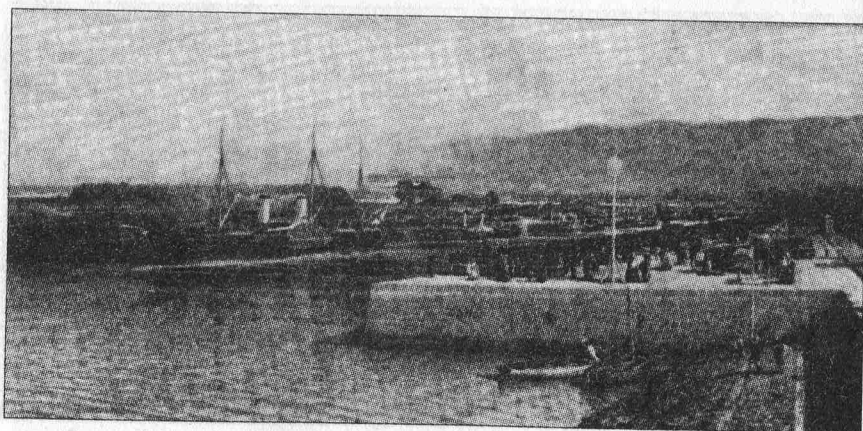
Строительство в С.-Петербурге Морского канала. Литография конца XIX в.



рядом с морским кораблем, не нуждаясь в передаче грузов в посредстве каботажных судов». Работы по прокладке канала протяженностью 28 километров продолжались около 10 лет. Открытие канала состоялось 15 мая 1885 года. Первой по нему прошла яхта «Держава» под штандартом императора Александра III. За ней следовали пароходы «Онега», «Нева», «Петербург», «Озерный», «Цесаревич» и «Алексей» с членами императорской семьи, министрами, дипломатами и купечеством. С выходом «Державы» на Малый Кронштадтский рейд ее встретили салютом военные корабли и форты. Помимо С.-Петербургского порта, на Балтике были реконструированы также торговые порты в Ревеле и Риге.

К. Н. Посьет никогда не был кабинетным работником. Уже осенью 1874 года он совершил поездку по южному бассейну. Ее результатом явилось буквальное преобразование портов России на Черном и Азовском морях. Что же касается Одесского порта, то его строительство министр контролировал постоянно. Он сам на месте определял направление волнолома и мола, образовавших четыре закрытых гавани Одесского порта. К середине 80-х годов акватория порта была углублена, построены выложенные гранитом набережные и мостовые.

В результате углубления Очаковского канала, фарватеров Бугско-Днепровского лимана, постройки причалов и подведения к ним железнодорожных путей Николаев был превращен в главный порт



Торжественное открытие Морского канала в 1885 г. Худ. А. П. Боголюбов.



России на Черном море по вывозу зерна за границу. Его торговый оборот с 1872 по 1879 год вырос с 11,5 миллионов рублей до 30, то есть более чем в 2,5 раза. Началось практически на пустом месте строительство в 80-е годы портов и на Кавказском побережье — в Новороссийске, Поти, Батуми. Одним словом, адмирал К. Н. Посьет стал первым в России министром путей сообщения, поставившим развитие морских портов на государственную основу.

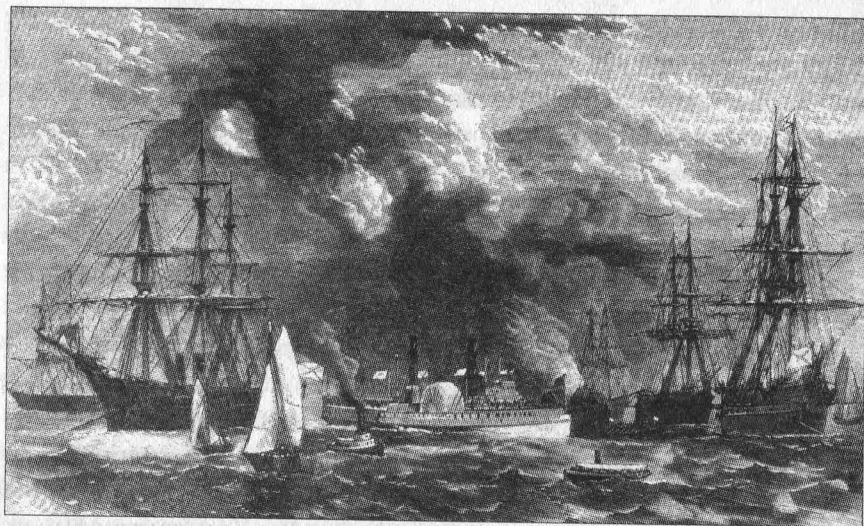
Впрочем, не надо думать, что в ведении адмирала находились только торговые порты и фарватеры. К. Н. Посьет отвечал и за другие пути сообщения. Их развитию министр-моряк уделял также немалое внимание. Достаточно сказать, что в бытность его министром железнодорожная сеть России выросла более, чем в полтора раза. Российские железные дороги протянулись к Екатеринбург и Челябинску.

В ноябре 1888 года по состоянию здоровья Константин Николаевич оставил пост министра. До конца жизни он оставался членом Государственного совета. За свою долгую плодотворную деятельность К. Н. Посьет был удостоен всех орденов России, являлся почетным членом Императорской академии наук и Николаевской морской академии. Его именем назван залив в Японском море, мыс в Карском море и остров у Кольского полуострова. Таким был воспитатель будущего генерал-адмирала.

Визит в Соединенные Штаты Америки

Менее чем через год после возвращения из Архангельска Алексей Александрович снова ушел в очередное плавание, на этот раз самое продолжительное. Политическая обстановка для России к началу 70-х годов складывалась неблагоприятно. Обеспокоенная восстановлением после поражения в Крымской войне ее военной мощи и, в частности, усилением русского флота, особую враждебность проявляла Англия. Руководствуясь неизменно принципом «таскать каштаны из огня чужими руками», она начала подстрекать против России другие государства. В Европе назревала очередная война.





Эскадра К. Н. Посьета, сопровождаемая американскими кораблями, входит в залив Гудзон.

В этой ситуации русской дипломатии важно было подчеркнуть, что у нее есть союзники. И в первую очередь — Соединенные Штаты, оказавшиеся, по существу, единственным государством, приветствовавшим восстановление прав России на Черном море. Угроза возможного конфликта с «владычицей морей» заставила морское командование вновь обратиться к идее крейсерской войны в океане. Естественно, что при таком повороте событий в качестве опорных баз, как и во время первой американской экспедиции 1863–1864 годов, рассматривались порты Соединенных Штатов.

Подготовка второй американской экспедиции, а именно под таким названием вошло в историю плавание Алексея Александровича в Соединенные Штаты, началась весной 1870 года. В первое время она велась в глубокой тайне. Однако международная обстановка постепенно изменялась к лучшему, и экспедиция приобрела существенно мирный характер. Она стала готовиться как второй дружественный визит русского флота в США. Это подчеркивало и участие в ней великого князя Алексея Александровича. Впрочем, для него плавание, как уже говорилось, преследовало и другую цель — прервать его нежелательную связь с дочерью В. А. Жуковского.

Командующим эскадрой был назначен вице-адмирал К. Н. Посьет. В состав эскадры, формировавшейся для визита, вошли: фрегат «Светлана», корвет «Богатырь» и клипер «Абрек». Флагманским кораблем шла «Светлана», один из лучших кораблей русского флота. Отплытие эскадры состоялось 2 сентября 1871 года. Накануне вечером на «Светлану» прибыл царь. Он осмотрел весь фрегат, в том числе и лазарет, где осведомился о состоянии каждого больного. Затем государь простился «со своим августейшим сыном» и, пожелав «Светлане» счастливого плавания, сошел с корабля. На следующий день рано утром «при ясном небе и тихом ветре отряд... снялся с якоря и, сопровождаемый лучшими пожеланиями товарищей, скрылся из виду». Первую ходовую вахту на «Светлане» нес командир фок-мачты лейтенант Алексей Романов.

Плыли не таясь и не торопясь. Цель похода не скрывали. По пути совершили несколько заходов в Данию, Англию, Францию. В одном из них, как пишет в своих «Воспоминаниях» С. Ю. Витте, с великим князем произошел казус. Как-то с компанией молодых офицеров он отправился в ночное «веселое заведение с дамами». Здесь Алексей Александрович «совершил различные буйства и... был привлечен к ответственности». Однако на следующий день вместо него в полицию явился шедший на «Светлане» мичман Е. И. Алексеев и заявил, что буйства эти совершил он, а полиция по ошибке приписала их великому князю, «потому что фамилия его Алексеев, а французские власти не разобрались и вообразили, что буйства эти учинил великий князь Алексей». Что и говорить, поступок, несомненно, был джентльменский, и для Е. И. Алексеева он явился своеобразным трамплином во всей его последующей карьере. Служба у Е. И. Алексеева была более чем успешной. В 1903 году он стал заместителем на Дальнем Востоке и главнокомандующим всеми силами России во время русско-японской войны.

Однако вернемся к плаванию «Светланы». 26 сентября эскадра вышла в Атлантику. Океан пересекали по тропикам, с заходом на Мадейру. Плавание этим путем «хотя и было медленнее, чем северным, но... имело то важное преимущество, что теплые тропические погоды, сохраняя здоровье команды, позволяли... ежедневно делать учения и практиковать команды в действии как орудия-

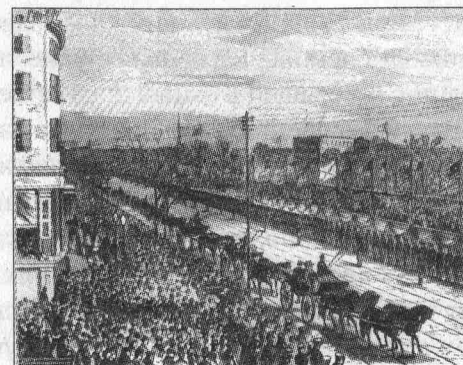
ми, так и парусами». И все же океан есть океан. Испытать его нрав русским морякам пришлось сполна. Было все — и штормовая погода с внезапно налетающими шквалами, и туманы, и штилевые полосы с изнуряющим ожиданием ветра. Однако самое серьезное испытание моряков ожидало в конце пути.

Первые признаки урагана появились 13 ноября. На следующий день шел проливной дождь, барометр падал. Фрегат «летел» под всеми парусами. К вечеру ветер достиг ураганной силы. Как писал в своем донесении К. Н. Посьет, качка стала настолько «велика, что редко приходилось испытывать подобную... Ни один кренометр не в состоянии был показать настоящую величину размахов, т. к. стрелка далеко выходила из делений. Надо полагать, что под ветер размахи доходили до 40° и не менее 20° на ветер». Однако все обошлось благополучно. Адмирал мог быть доволен, экипаж и корабль экзаме́н выдержали с честью.

Между тем в США шли последние приготовления к встрече гостей. На самом высоком здании Нью-Йорка — доме Астора — развевался огромный государственный флаг России, как бы напоминавший о скором прибытии гостей. Газеты писали, что великому князю и русским морякам будет оказан самый дружественный прием.

Шумно и празднично было на улицах Нью-Йорка 21 ноября. Русских моряков приветствовали тысячи горожан. На всем пути следования экипажей с великим князем и адмиралом Посьетом во главе «виднелось необъятное, непрерывно движущееся море людей... Почти с каждого балкона в дружеском единении свешивались американские и русские флаги». Тротуары Бродвея были заполнены толпами желающих приветствовать гостей, тысячи людей высывались из окон, а по крышам зданий протянулась нескончаемая лента зрителей. Сына императора и русских моряков принимали как гостей нации. В их честь состоялся парад нью-йоркской национальной гвардии. Как писала одна из местных газет, «никто до сих пор не видел такого выражения симпатий... Пусть весь мир... задумается, что означали все эти залпы из орудий наших и русских военных кораблей у входа в нью-йоркский порт... Не выражается ли всем этим наша благодарность России за то, что она была нашим самым верным другом во время недавней междоусобной борьбы?»

На следующий день рано утром великий князь в сопровождении адмирала К. Н. Посьета и других лиц отбыл в Вашингтон. Предстоял прием у президента Соединенных Штатов. Ехали на специальном поезде, предоставленном русской делегации на все время ее путешествия по стране. Это был роскошный поезд, состоявший из локомотива и



Торжественная встреча на Бродвее великого князя и российских моряков.

трех вагонов. Снаружи вагоны были украшены русскими и американскими флагами. Алексею Александровичу и сопровождавшим его лицам в этом поезде предстояло совершить путешествие по всему североамериканскому континенту, проехать более 10 тысяч километров, познакомиться с десятками американских городов. Уже по пути в Вашингтон на вокзалах Филадельфии и Балтимора русских гостей приветствовали тысячные толпы людей. Даже на промежуточные станции с приближением поезда стекались многочисленные толпы. Все желали видеть великого князя и посланцев русского народа. В истории русско-американских отношений это был первый, хоть и не официальный, но государственный визит представителя царствующей династии в дружественные Соединенные Штаты. Его значение для дальнейшего укрепления традиционно дружественных отношений между двумя странами Алексей Александрович понимал прекрасно. Когда один из сопровождавших заметил: «Вы видите, Ваше Высочество, как любопытны американцы», он поправил: «Я вижу большую любезность с их стороны».

Президентский прием состоялся в Синем зале Белого дома. Гости встречали президент У. Грант с семьей, государственный секретарь Г. Фиш, морской министр Д. Рубенс и другие официальные лица. Как писали вашингтонские газеты, прием был «сердечный, простой и традиционный». В качестве личного представителя русского царя на приеме столь высокого уровня лейтенант Алексей Романов присутствовал впервые. Тем не менее, судя по отзывам прессы, вел



он себя достойно. Великий князь заверил президента, что русским морякам доставляет большое удовольствие встретиться с «главой нации, состоящей в самых дружественных отношениях с их отечеством». Во время беседы президент заметил Алексею Александровичу, что тот «совершенно свободно выражается по-английски»

Следующий день высокий гость провел в военно-морской академии в Аннаполисе и в военной академии Вест-Поинт. Русские моряки присутствовали на занятиях молодых офицеров. Будущему генерал-адмиралу рассказали о системе подготовки офицеров американского флота. Он осмотрел учебный артиллерийский фрегат и классы академии. Особый интерес вызвали хранящиеся в музее знамена и другие трофеи, взятые американцами во время последней войны. Морскую академию в то время возглавлял Д. Уорден, прославленный участник Гражданской войны, командир «Монитора», участник первого в морской истории боя двух броненосных кораблей. Это он обратил в бегство броненосец южан «Мерримак», сумевший накануне уничтожить целую эскадру небронированных судов северян. На приеме великий князь провозгласил здравицу в честь хозяев. Он пожелал, чтобы из стен академии выходило больше таких храбрых и талантливых моряков, как Д. Уорден.

Где бы ни появлялись гости, они везде встречали сердечный прием. Это и понятно, со времени первой американской экспедиции русские моряки в Соединенных Штатах пользовались исключительной любовью. Да и великий князь был хорош собой — молодой, высокий, стройный, с окладистой бородкой и густой шевелюрой каштановых волос. Симпатии, смешанные с некоторой долей любопытства к представителям далекой, загадочной, но дружественной страны, проявлялись по-американски — откровенно и бурно. Русские были нарасхват. «Все наше время, — писал К. Н. Посьет, — до того поглощается приемами, представлениями и приглашениями, что решительно не остается часа... на посещение мест, полезных в морском или общеобразовательном отношении». Что поделаешь, наставник и воспитатель всегда оставался самим собой, даже если его ученику уже за двадцать и он не просто ученик, а великий князь.



Американская певица Лидия Томпсон.

После визита в Вашингтон русская делегация возвратилась в Нью-Йорк. Здесь предстояло провести несколько дней. Великого князя интересовала не только деловая, но и театральная жизнь города. Одна из американских легенд, популярная даже в наши дни, утверждает, что якобы здесь возникло еще одно увлечение молодого великого князя. Согласно легенде, на одном из спектаклей в Музыкальной комедии Алексей Александрович был восхищен актрисой Лидией Томпсон, нью-йоркской звездой, исполнительницей главной роли в оперетте «Синяя борода». Алексея так восхитило ее исполнение арий, особенно небольшой шуточной баллады «Если я когда-нибудь перестану любить», что сразу после спектакля он пригласил

актрису на ужин. Во время ужина великий князь просил ее исполнять балладу еще несколько раз. Он не знал, что выбранная им песня скоро станет знаменитой песней карнавала в Новом Орлеане, что она останется бессмертной в городе, который он еще не видел и который никогда больше не увидит после своего краткого визита в дни карнавала. Впрочем, развязка этой истории еще впереди.

В Нью-Йорк на встречу с русскими моряками из многих городов, больших и малых, спешили делегации. Великого князя хотели видеть повсюду. Приглашений было столько, что все принять их было просто невозможно. Но вот от одного из них русские моряки отказаться не могли. Их приглашал Густав Фокс и муниципалитет небольшого городка Лоуэлла. Имя Г. Фокса в русском флоте в те годы было хорошо известно. Его знали не только как активного участника Гражданской войны в США и сподвижника А. Линкольна, одного из организаторов флота северян, но и как



человека, возглавившего первый официальный визит американского флота в Россию. Осуществляя свой визит, Г. Фокс впервые осмелился пересечь океан на мониторе. Это был мужественный поход, а мужество в русском флоте умели ценить всегда.

Лоуэлл — центр текстильного производства. Русская делегация с интересом знакомилась с многими текстильными новинками, в том числе и на фабрике Г. Фокса. Неожиданно великий князь захотел посмотреть, как живут американские рабочие. Его просьба была удовлетворена. Гостей тут же пригласили в один из домов — общежитие рабочих. Они осмотрели «кухню, пищу, общую комнату и спальни». «Я бы очень хотел, — заметил великий князь, — чтобы что-то подобное мы имели в России». Внимание гостей привлекли фотографии московской ситцевой фабрики, привезенные Г. Фоксом из России. Кстати, из России же были привезены и многие образцы ситца. Запущенный впервые в производство в Лоуэлле «русский ситец» в Америке шел нарасхват.

Лоуэлл встречал гостей как старых добрых друзей. Над городом по русскому обычаю плыл колокольный звон. В доме Г. Фокса моряки с интересом рассматривали многочисленные сувениры и подарки, привезенные хозяином из далекой России, — алмазную табакерку, с выполненным на слоновой кости и осыпанным бриллиантами портретом императора (подарок Александра II), шкатулку из малахита в золоченой бронзе, дипломы почетного гражданина С.-Петербурга, Москвы, Кронштадта и Костромы, картины с видами С.-Петербурга и многое другое.

Не менее гостеприимны и хлебосольны хозяева были и в других местах. В честь гостей устраивались приемы, музыкальные вечера, театральные представления. Например, в Бруклине в здании Адмиралтейства на бал по случаю пребывания великого князя были приглашены 2000 человек. Огромный зал «в 250 футов длиной и 60 шириной был украшен флагами обеих держав», в простенках стояли модели американских судов; на стенах висело оружие. «Потолок был затянут красными и белыми полосами материи, употребляемой для шитья флагов, которой на убранство всех комнат пошло до 1 000 000 ярдов. Над местом, назначенным для Великого Князя, стояло древко с флагом фрегата, на котором знаменитый

американский адмирал Фаррагут во время Гражданской войны ворвался на рейд Мобил. Его Высочество прибыл в 10 часов 30 минут и оставался на балу до ужина. На столах стояли вазы с цветами, якоря из живых цветов и сделанные из сахара модели „Светланы“, „Богатыря“, и „Абрека“. Против прибора Великого Князя стоял сделанный из сахара желтый Императорский штандарт с черным орлом».

Еще более грандиозный бал в честь великого князя состоялся в Нью-Йоркской музыкальной академии. Билеты на него продавались по небывалой для того времени цене — по 10 долларов. Как и везде убранство зала отличалось роскошью. На стенах висели картины, изображающие освобождение крестьян Александром II и негров, освобожденных А. Линкольном. Великий князь прибыл на бал в 10 часов и занял место в приготовленной для него ложе. В глубине ее «висели портреты Государа Императора и Государыни Императрицы. При входе Великого князя музыка заиграла „Боже, Царя Храни“, публика встала, почтительно кланяясь высокому гостю».

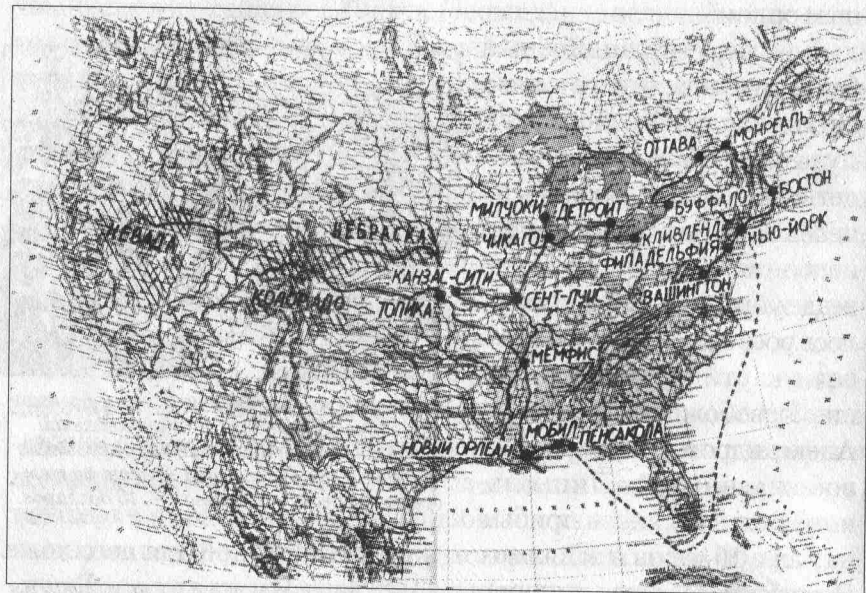
В Академии художеств общественность вручила великому князю картину с изображением адмирала Д. Фаррагута. «Какую бы судьбу будущее ни готовило флотам России и США, будет ли она исполнена опасностей или героических подвигов, — заявили хозяева на церемонии, — со своей стороны выражаем чистосердечное желание, чтобы флоты эти никогда не встречались иначе, как для обмена любезностями, как вестники мира и взаимного расположения». В ответном слове Алексей Александрович выразил уверенность в том, что «дружба между Америкой и Россией будет продолжаться постоянно и в нашем флоте, и в наших странах».



Бал в честь великого князя Алексея Александровича в Нью-Йоркской музыкальной академии. Число приглашенных превысило 4000 человек. Стоимость билета по тем временам была невиданная — 10 долларов.



Между тем путешествие русской делегации по Соединенным Штатам продолжалось. Из Нью-Йорка ее путь лежал сначала на север (Бостон, Монреаль, Оттава, канадская сторона Ниагарских водопадов), затем на запад (Буффало, Кливленд, Детройт, Чикаго, Милуоки, Сент-Луис, Канзас-Сити) и далее через Небраску к Скалистым горам в Неваде и Колорадо.



Карта путешествия великого князя Алексея Александровича по Америке.

Как уже говорилось, наряду с политическими целями — дальнейшим укреплением дружественных отношений между Россией и США — миссия великого князя имела своей задачей также ознакомление с научно-техническими достижениями Америки, особенно в области кораблестроения. Американцы охотно показывали свои морские порты, доки, арсеналы, судостроительные верфи, металлургические и машиностроительные заводы.

Быть в Америке и не увидеть Ниагарский водопад — такого К. Н. Посыет допустить не мог. О посещении Ниагары великим князем американские газеты писали по-разному. Одни уверяли, что зрелище водопада «едва не заставило свернуться кровь Его Императорского Высочества». Другие, наоборот, утверждали, что он «бес-

страшно прошел в гуттаперчевом костюме под водопадом и даже побывал на Козьем острове».

На завершающем этапе путешествия командующий Западным военным округом генерал Ф. Шеридан передал Алексею Александровичу приглашение индейских вождей принять участие в охоте на бизонов. Штаты Небраска, Невада и Колорадо, по которым проходил маршрут путешествия, славилась несметными стадами этих экзотических животных. Русские оказались не менее удачливы, чем хозяева. Стоит только представить скачущего во главе кавалькады великого князя. «У него за пояс заткнут русский охотничий нож и револьвер Смита и Вессона..., поднесенный незадолго до охоты и украшенный гербами России и Соединенных Штатов». Как писали газеты, «преследуя бизонов, Алексей дважды подвергся смертельной опасности от пришедших в ярость животных», но был ловок и смел. Это, очевидно, и явилось причиной того, что одна из вершин в горах Денвер получила с тех пор название «пик Алексея». Сам великий князь писал об этом своему брату так: «Об охоте на буйволов я писал Папа. Но должен сказать тебе, что я был так счастлив быть опять на охоте и имел такие эмоции, что даже смешно вспомнить. Если бы ты мог быть со мной, у тебя бы вся душа заходила. Ах, какое наслаждение!.. Посылаю тебе мою фотографию... Обрати внимание на 9 хвостов на моей фотографии... а голова принадлежала одному из убитых мною буйволов». И еще в письме цесаревне Марии Федоровне: «Да, не раз вспоминаю наши вечера в Зимнем... и наши театры... Я надеюсь, что ты веселишься на балах... На охоте на буйволов я вспоминал о тебе, как бы ты была довольна скакать по этим неизмеримым степям... Я танцевал с двумя молодыми дамами, которые сами убили двух буйволов».

В планы К. Н. Посыета входило посещение западного побережья континента. Увы, пробиться туда оказалось невозможно. Зимние заносы сделали перевалы практически непреодолимыми. По уверению хозяев, проезд через них стал небезопасен. Пришлось возвращаться. Обратный путь лежал через Топику, Джефферсон-Сити, Мемфис, Луисвилл, Новый Орлеан и Мобил. Конечным пунктом являлась Пенсакола. Там, в Мексиканском заливе, путешественников должны были ждать пришедшие из Нью-Йорка корабли.



Впрочем, по некоторым американским источникам, маршрут великого князя на завершающем этапе путешествия определялся другими причинами — гастролями труппы Лидии Томпсон. Они проходили в Джефферсон-Сити, Луисвилле и Мемфисе. Так это или не так — судить трудно, но для путешествия по Миссисипи от Сент-Луиса до Нового Орлеана К. Н. Посьет арендует один из самых роскошных пароходов — «Джеймс Хорвад». Как считают американцы, теперь Алексей Александрович имел возможность видеть Лидию Томпсон почти ежедневно. И все же, скорее всего, они ошибаются. В письме своему брату Владимиру Александровичу, отправленному 24 января 1872 года из Сент-Луиса, великий князь писал: «Женщины здесь чудные и будь то в другое время, я бы влюблялся на каждом шагу». И далее: «Милый брат мой, я беру с тебя одну святую клятву... если меня не будет на этом свете, что более чем вероятно, то ты заступишь мое место моему сыну и будешь их любить и беречь, как я бы то делал».

Между тем Новый Орлеан готовился к предстоящему традиционному карнавалу. Приготовления шли полным ходом. Украшались улицы, создавались карнавальные комитеты, готовились костюмы. На карнавал съезжались актеры и целые театральные труппы. Вскоре был избран и «Король карнавала». От имени его участников он пригласил великого князя в качестве почетного гостя карнавала. Получил Алексей Александрович приглашение и от Лидии Томпсон. Направляясь в Новый Орлеан, она также хотела видеть великого князя на своих спектаклях. Известие о предстоящем участии в карнавале сына русского императора быстро разнеслось по городу. Еще более сенсационной стала новость, что великий князь и Лидия Томпсон знакомы. Актриса и раньше гастролировала в Новом Орлеане, пользуясь здесь большой популярностью. «Помимо других проявлений симпатий, ее имя было даже присвоено городской бейсбольной команде». Как-то сама по себе в городе возникла тема любовных «романов» между актрисами и царствующими особами. Все вдруг вспомнили, «что в прошлом одна из актрис, имя которой также было присвоено городской бейсбольной команде, неожиданно для всех стала графиней Баварии». Теперь на уме у всех было



только одно — не ожидает ли нечто подобное во время карнавала Лидию и Алексея?

В Новый Орлеан «Джеймс Ховард» прибыл 11 февраля в девять часов вечера. «Огромная толпа, в основном женщин, бросилась на набережную, рассчитывая хоть мельком увидеть Его Высочество. Здесь же с готовыми речами стояли и джентльмены в вечерних костюмах. Музыканты с нетерпением настраивали инструменты. Однако, увы, вскоре из свиты великого князя на пристань сошли трое и сообщили, что до следующего утра Его Императорское Высочество не покинет пароход».

На следующий день утром к центральной пристани, куда уже перешвартовался «Джеймс Ховард», вновь пришли представители администрации и встречающий комитет. «Вместе с комитетом пришло куда больше, чем накануне, запыхавшихся женщин. Все они, щебеча и порхая под своими зонтиками, только и спрашивали друг друга: «Как делается реверанс?» «Достаточно ли Великому Князю одного реверанса?» «Правда ли, что в Кливленде Алексей сказал, что американские женщины лучшие в мире?» «Действительно ли Его Высочество демократичен и восхищается всем американским?»

В девять часов утра на пристань прибыл мэр города. «Тогда адмирал Посьет вместе с Алексеем, одетым в форму лейтенанта Императорского флота, спустились по трапу. Адмирал обратился к собравшимся на французском языке. Мэр и члены комитета улыбнулись и заметили адмиралу, что присутствовавшие не говорят по-французски. Посьет был несколько удивлен, но перешел на английский. Что же касается Алексея, то тот, приветливо улыбаясь и весьма демократично отвечая на приветствия, легко сбежал по трапу, сел в экипаж и уехал в отель».

Открытие карнавала состоялось на следующий день. Стояла теплая солнечная погода. Город выглядел особенно нарядным. К полудню улицы заполнили тысячи людей в масках и карнавальных костюмах. Трибуны были полны зрителей. Для великого князя соорудили специальную трибуну. На ней под балдахином из темно-красного шелка с золотой бахромой и кистями стояло нечто, напоминающее трон. Именно здесь губернатор штата и мэр города, окруженные огромной толпой горожан, в основном женщинами, и



приняли приехавшего на карнавал великого князя. Однако случилось неожиданное: великий князь наотрез отказался занять предназначавшееся ему место. Сначала губернатор и мэр с улыбкой протестовали, потом просили, но безуспешно. «Нет, — на чистейшем английском языке заявил Алексей, — я предпочитаю стоять вместе со всеми. Я ценю ваши усилия, но не понимаю вас. Разве я не в демократической стране? Я просто удивлен реверансам перед моим титулом в стране, которая отказалась от всяких титулов. Уважаемые джентльмены должны понять, что на карнавале я просто лейтенант Русского Императорского флота и хочу, чтобы ко мне именно так и обращались».

Никогда еще в карнавальном шествии не участвовало так много масок. Газеты писали, что их было «около десяти тысяч, но, очевидно, их было больше». Открывал шествие Король карнавала. Он ехал на лошади, «приветствуя собравшихся взмахами руки в пурпурной перчатке». Когда Король карнавала приблизился к «трибуне, где рядом с пустым тронном стоял Алексей, они обменялись тостами шампанского, а Алексей подчеркнуто вежливо поклонился. Король дружелюбно помахал ему рукой и двинулся дальше». Но тут произошло то, чего никак не ожидал великий князь. Стоило первому оркестру приблизиться к трибуне, как он неожиданно заиграл его любимую песню — балладу Лидии Томпсон из «Синей бороды». «Алексей не улыбнулся и никто из приближенных не мог угадать его реакции». Песня была аранжирована под марш, и по мере приближения к трибуне каждый оркестр подхватывал ее мелодию. Неожиданно все вокруг начали петь. Они пели хорошо знакомую Алексею песню. Вот только в ней появились новые слова. Как говорили позднее, принадлежали они самой Лидии Томпсон.

If ever I cease to love,
If ever I cease to love,
May the grand Duke ride a buffalo
In a Texas rodeo...

Если я когда-нибудь перестану любить,
Что мне делать, как мне жить?



На родео скорее в Техас,
Там бизона седлает великий князь¹.

Великий князь стоял неподвижно и не произнес ни слова. Между тем карнавал продолжался. На город опустились сумерки. Шествие кончилось, и начались всеобщие танцы. Продолжались они до глубокой ночи, уже при тусклом свете газовых рожков. Как гласит легенда, Лидию Томпсон Алексей Александрович после карнавала больше не увидел.

На следующий день великий князь покинул Новый Орлеан. Прошло еще несколько дней, и эскадра оставила гостеприимные Соединенные Штаты. В море у командующего было больше свободного времени. Осмысливая увиденное, обмениваясь мнениями с великим князем, с другими офицерами, К. Н. Посыет пришел к заключению, что Россия и США имеют гораздо больше общего, чем это может показаться на первый взгляд. Свои размышления он изложил в очередном докладе, который отправил из Рио-де-Жанейро в Петербург. «Обширные пространства, земли, большие реки, просторные озера, разнообразие климатов, в том числе холодный со значительными морозами, снегами и льдами, — писал К. Н. Посыет, — суть условия, общие обеим странам. Богатства хлебобобовыми пространствами на Западе, каменноугольными... и нефтяными на Востоке и в средних штатах... условия труда и проч. — все это суть причины, которые, будучи общими обеим странам, вызывают и одинаковые последствия, а именно: того же рода занятия, сходственную промышленность, вообще одинаковую деятельность; вследствие этого те же понятия, тот же широкий взгляд и та же ширь характера, как у русского, так и у американского человека». Странно, но через 115 лет дочка И. В. Сталина Светлана Аллилуева напишет: «Америка и Советская Россия даже не знают, насколько они похожие близнецы».

Имел ли практические результаты столь продолжительный визит великого князя в США? Несомненно, это был первый государственный визит в Соединенные Штаты представителя царствующей

¹ Перевод с англ. автора.



щей династии. Визит не только способствовал дальнейшему развитию традиционно дружественных отношений между двумя великими державами, но и значительно укрепил их престиж и влияние на международной арене.

На Дальнем Востоке

После продолжительного путешествия по Соединенным Штатам главной целью дальнейшего плавания великого князя стало знакомство с Дальним Востоком. В те годы Россия только начинала его осваивать, а ее отношения с дальневосточными соседями только еще формировались. Увидеть и оценить все это своими глазами для будущего генерал-адмирала было важно. Так считал К. Н. Посыет. Согласен с ним был и император. Впрочем, путь до дальневосточных рубежей России был неблизок. Впереди была Гавана, Рио-де-Жанейро, мыс Доброй Надежды, долгое плавание через Индийский океан и, наконец, Сингапур. Кстати, эту часть путешествия Алексей Александрович выполнял уже в должности старшего офицера фрегата. Высочайший приказ о его назначении был получен в Гаване.

Наконец 13 октября 1872 года «Светлана» отдала якорь на рейде Нагасаки. Своих баз у России в Приморье тогда еще практически не было, и для зимней стоянки наши корабли часто использовали гостеприимный Нагасаки. После долгого одиночного плавания приятно было встретить соотечественников. Среди японских и других кораблей на рейде Нагасаки под флагом командующего Тихоокеанской эскадрой контр-адмирала М. Ф. Федоровского стояли корвет «Витязь» и канонерская лодка «Морж».

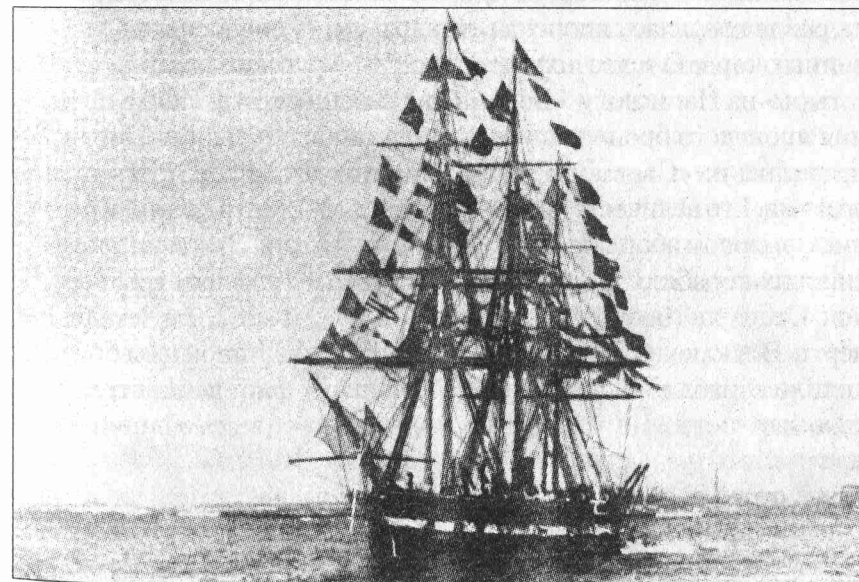
Традиционный обмен салютами, и вскоре на борт «Светланы» поднялись первые представители японских властей. С благополучным прибытием великого князя приветствовал губернатор Нагасаки и личный представитель микадо¹ князь Уводзимо. В Стране восходящего солнца Алексея Александровича уже ждали.

¹ Титул императора Японии. — *Ред.*



Непродолжительный отдых, и сопровождаемая «Витязем» и японским корветом «Нис-Сан-Кан» с князем Уводзимо на борту «Светлана» направилась во Внутреннее море Японии. Два дня ушли на знакомство с Осакой, три — на Кобе, затем следовал порт столицы — Иокогама. Так начался первый в истории российско-японских отношений государственный визит в Японию представителя царствующей династии. Вскоре великий князь сошел на берег. Происходило это весьма торжественно. Все военные корабли на рейде подняли флаги расцвечивания и выстроили матросов по рядам. Прозвучал артиллерийский салют. На берегу великого князя встретил почетный караул, сопровождавший его до резиденции. Здесь высокого гостя приветствовал представитель императорской семьи принц Арисугава.

Через несколько дней по приглашению микадо великий князь выехал специальным поездом в Токио. И снова торжественная встреча — снова почетный караул, приветствие принца Арисугавы, представление всех министров японского правительства и поклоны, поклоны, поклоны. В качестве резиденции в Токио вели-



Фрегат «Светлана» в Японии.



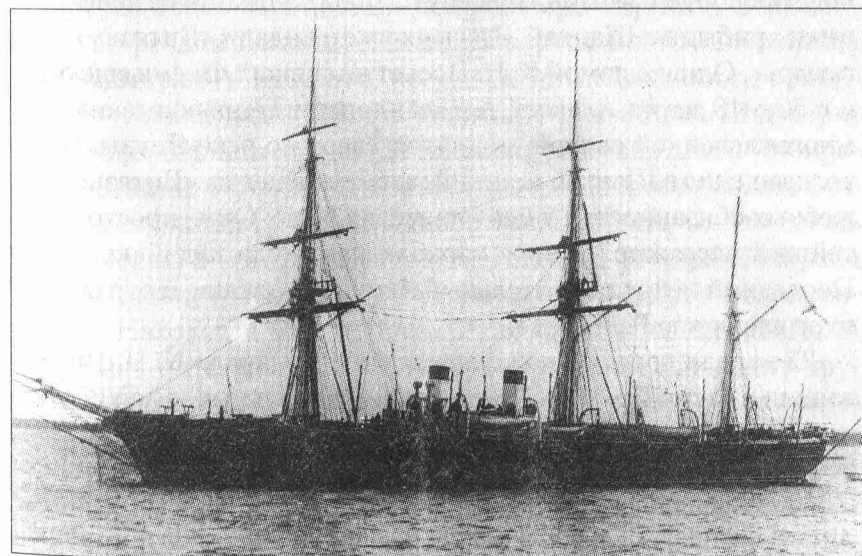
кому князю был отведен специально отремонтированный по этому случаю дворец. На следующий день Алексея Александровича принимал микадо. Прием проходил официально, торжественно и по-восточному церемонно. День спустя микадо нанес ответный визит.

Трудно сказать, какое впечатление за время короткого знакомства произвели друг на друга два молодых человека, представлявших столь различные по своим традициям государства. Микадо, как и великому князю, шел двадцать второй год. Худощавый, по японским меркам даже высокий, он был вполне под стать Алексею. Да и отношения между Россией и ее восточным соседом в условиях нарастающей открытости Японии складывались тогда вполне дружелюбно. Ничто не омрачало визита. После военного парада, состоявшегося в честь великого князя, микадо представил гостя своей супруге.

Через несколько дней, намереваясь посетить «Светлану», микадо с Алексеем Александровичем направились в Иокогаму. Однако из-за ненастной погоды визит пришлось отложить. Вскоре микадо и великий князь снова прибыли в Иокогаму. К этому времени на рейде собралась японская эскадра: два броненосных, два деревянных корвета и две шхуны. Подошли и русские корабли — «Богатырь» из Нагасаки и «Боярин» из Владивостока. После посещения японского броненосного корвета микадо и великий князь направились на «Светлану». Встречали микадо с императорскими почестями. Его величеству продемонстрировали артиллерийское учение с вызовом abordажных и пожарных партий. Затем на трех российских кораблях прошли парусные учения и гонки гребных судов. Стоит ли говорить, что по вантам и реям матросы летали, как черти. В заключение перед «Светланой» с орудийной пальбой проходили корабли микадо. Молодой японский флот демонстрировал свое мастерство. По завершении маневров состоялся официальный прием. Звучали тосты: «За Его Величество Микадо», «За Государя императора Александра II и весь Августейший дом». После приема провожаемый со всеми почестями микадо съехал на берег. Вечером в одном из клубов Иокогамы в честь великого князя и русских моряков состоялся большой бал.

Время летело быстро, и 16 ноября русские корабли покинули Иокогаму. Предстояло знакомство с северной провинцией Японии — островом Хоккайдо. Несколько дней плавания вдоль Тихоокеанского побережья Японских островов, и русская эскадра встала на якорь на рейде Хоккайдо. Опять салют, опять визит губернатора и приглашение разместиться на берегу. Резиденция великого князя украшена российскими флагами и обставлена европейской мебелью. Однако не только это напоминало о близости России. В Хоккайдо имеется православная церковь, обедню и напутственный молебен служили в ней. Кроме сотрудников консульства и офицеров с российских кораблей, в храме присутствовало около 50 японцев-христиан.

26 ноября «Светлана» и «Витязь» покинули Хоккайдо. Пройдя Сангарским проливом, они направились во Владивосток. Через несколько дней корабли отдали якорь в бухте Золотой Рог, уже почти затянутой льдом. В тот же день из Нагасаки пришел клипер «Абрек» с телеграммой от императора. В связи с наступлением зимы и опасностью вмерзнуть в лед император «повелел отложить возвращение великого князя в С.-Петербург через Сибирь».



Корвет «Витязь» на Владивостокском рейде.



до весны 1873 года». Алексею Александровичу предписывалось «продолжить плавание в дальневосточных водах». Приказ есть приказ, и буквально на следующий день «Светлана» и «Витязь» покинули Владивосток. Их путь лежал в Нагасаки и далее в Гонконг. Цель плавания — пополнение запасов угля и продовольствия в Нагасаки, а также встреча с курьером в Гонконге. Новый 1873 год встречали в море, а несколько дней спустя в качестве подарка ко дню рождения Алексей Александрович получил чин капитана 2 ранга. Высочайший приказ о производстве привез в Гонконг царский курьер.

Между тем время до весны еще оставалось, и К. Н. Посыет решил посетить Филиппины. Январь ушел на плавание в Южно-Китайском море и знакомство с Манилой. К началу февраля «Светлана» и «Витязь» возвратились в Гонконг. Вскоре в связи с предстоящим уходом «Светланы» в Европу великий князь сдал обязанности старшего офицера фрегата. Сам вместе с К. Н. Посыетом перешел на частный английский пароход. Из уважения к августейшему пассажиру на пароходе подняли российский флаг. Великий князь совершил плавание вдоль китайского побережья, посетил порты Сямынь, Фучжоу и Нинбо, а 1 марта путешественники прибыли в Шанхай. Здесь их уже ожидали «Витязь» и «Богатырь». Однако домой К. Н. Посыет не спешил. Время еще было, и с 5 по 18 марта Алексей Александрович, сопровождаемый немногочисленной свитой, поднялся вверх по реке Янцзы. После возвращения в Шанхай великий князь перешел на «Витязь». Служебных обязанностей у него теперь не было. Он — просто августейший пассажир. Вскоре корабли покинули китайские воды. Последний непродолжительный заход в Нагасаки, и отряд берет курс на родное Приморье.

23 апреля корабли под флагом вице-адмирала К. Н. Посыета вышли в залив Посыета. Каких-либо специальных целей посещения этих мест не было. Однако, согласитесь, грех было не зайти К. Н. Посыету в залив, который почти двадцать лет носил его имя. Во время непродолжительной стоянки в бухте Новгородской великий князь сошел на берег, посетил Новгородский пост, Ново-Киевское урочище и расквартированный там 1-й Восточно-Си-

бирский батальон со взводом горной артиллерии. После этого Алексей Александрович совершил поездку в корейскую деревню. Так впервые более чем за 200 лет освоения Дальнего Востока на российское побережье Тихого океана ступил представитель Российского Императорского дома. Заметим, что пребывание Алексея Александровича на Дальнем Востоке совпало с таким важным для флота мероприятием, как перенос главного порта из Николаевска во Владивосток. Ко времени прибытия великого князя здесь уже находились суда Сибирской флотилии, большая часть Сибирского флотского экипажа, склады и другие флотские учреждения. На северном берегу бухты Золотой Рог шло интенсивное строительство пристаней, мастерских, госпиталя, возводились казармы и офицерские корпуса. В полную силу функционировали кирпичный и лесопильный заводы. Одним словом, было что посмотреть будущему генерал-адмиралу.

Вечером 27 апреля отряд кораблей перешел из залива Посыета в бухту Золотой Рог. Здесь стояли пароходофрегат «Америка» и только что привезший для дорожных работ солдат транспорт «Тунгус». После зимы в гавани вооружались клипер «Абрек», канонерская лодка «Горноста́й» и транспорт «Ермак». Великого князя встречали Главный командир портов Восточного океана контр-адмирал А. Е. Кроун, исполняющий обязанности командира Владивостокского порта капитан 1 ранга А. К. Шефнер и другие официальные лица. Естественно, разговор шел о Сибирской флотилии, о флотском экипаже, о перебазировании главного порта, о строительстве во Владивостоке. Впрочем, то, что жизнь здесь идет полным ходом, видно было и так. 30 апреля на рейд пришел транспорт «Японец» с углем, шхуна «Алеут» с пассажирами из Находки, 1 мая — канонерская лодка «Соболь» из Нагасаки, 3 мая — транспорт «Маньчжур» с грузом из Нагасаки и другие. 2 мая великий князь сошел на берег. Во время своего недолгого пребывания во Владивостоке он встречается с приморским купечеством, «призывая его к самостоятельности», с местной общественностью, «перед которой выдвигает мысль об учреждении в городе музея и передает некоторые собственные коллекции». Конечно, не обошлось и без охоты в окрестностях Владивостока.

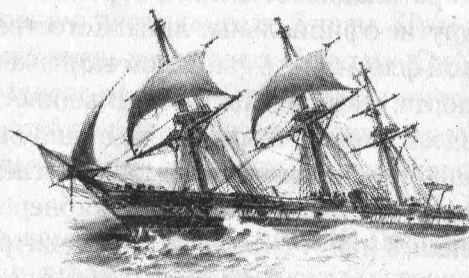


10 мая сопровождаемый К. Н. Посыетом на пароходофрегате «Америка» великий князь убывает к устью реки Раздольная. Как и полагалось, с корветов «Витязь» и «Богатырь» звучал салют, а на всех кораблях и судах команды разбегались по реям и кричали «ура!». Гребные суда сопровождали «Америку» до самой Раздольной. Здесь великий князь перешел на речной пароход и поднялся вверх по реке. Затем в экипаже доехал до селения Камень-Рыболов на озере Хасан и далее на пароходах «Сунгач», «Великий князь Алексей» и «Джиллинда» направился вверх по реке Уссури. Дальнейший маршрут до Сретенска проходил по рекам Амур и Шилка. В Сретенск Алексей Александрович прибыл 3 июня. Дальше были Чита, Кяхта и Иркутск. В С.-Петербург великий князь возвратился 20 июля 1873 года.

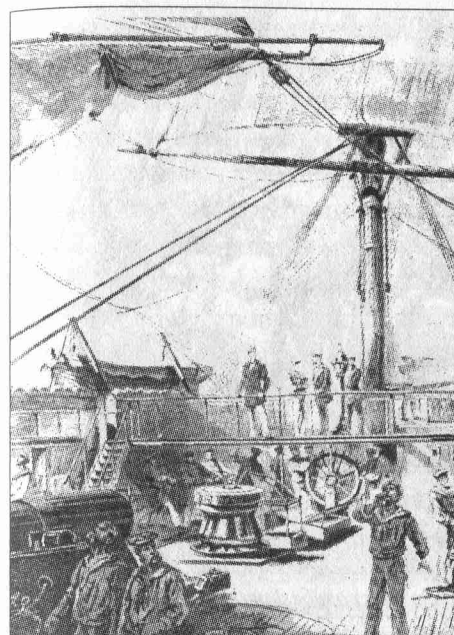
На этот раз плавание и путешествие по Америке, Китаю и Сибири заняли почти два года. «Под парусами и машинами» было пройдено более 40 000 миль. В столице Алексея Александровича ждали назначение исполняющим обязанности командира Гвардейского экипажа и чин капитана 1 ранга.

Августейший командир «Светланы». Снова Америка

Самое знаменательное событие в жизни великого князя как моряка произошло 18 февраля 1874 года — он стал командиром фрегата «Светлана». В тот же год 2 июля Алексей Александрович ушел в свое первое самостоятельное плавание. Продолжалось оно недолго, всего три месяца, да и дальше Балтики молодого командира не пустили. Зато на следующий год — 15 мая 1875 года — «Светлана» вновь покинула Кронштадт, на этот раз снова надолго. Полтора года великий князь пла-



60-пушечный фрегат «Светлана».
Худ. В. Игнатиус.



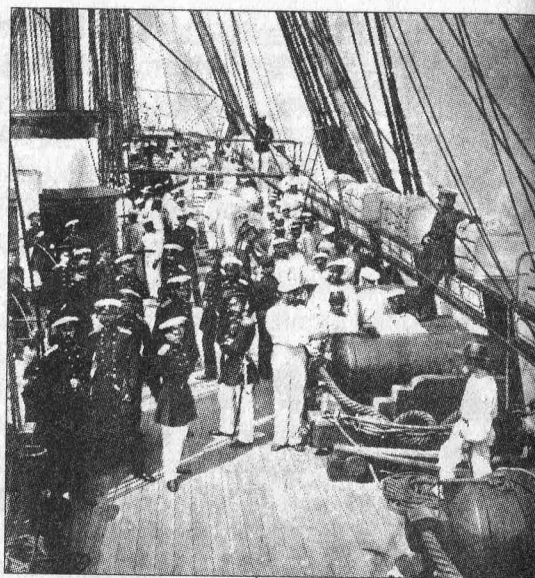
Капитан 1 ранга великий князь Алексей Александрович на мостике фрегата «Светлана».

вал, как писали тогда в послужных списках, «сам командир» в Атлантике и Средиземном море. Однако к середине 1876 года случилось так, что обстановка на Балканах резко обострилась. Назревала русско-турецкая война 1877–1878 годов. В связи с этим опять возникла угроза конфликта с Англией. В сложившейся ситуации снова вспомнили о крейсерской войне в океане. Базировать крейсера, как и прежде, планировалось на порты Соединенных Штатов. Срочно были сформированы две эскадры: Атлантическая, командующим которой стал контр-адмирал И. И. Бутаков (брат знаменитого адмирала Г. И. Бутакова), и Тихоокеанская, которой командовал контр-адмирал О. П. Пузино. В состав Атлантической эскадры вошли фрегат «Светлана», клипер «Крейсер», корветы «Аскольд» и «Богатырь». Флагманским кораблем И. И. Бутакова стал фрегат «Светлана».

По согласованию с американской стороной пунктами базирования эскадр были назначены: на Атлантическом побережье — Норфолк, на Тихоокеанском — Сан-Франциско. Сборы были недолгие. 11 ноября 1876 года находившаяся в Неаполе «Светлана», срочно приняв полные запасы по нормам военного времени, вышла в море и взяла курс на запад. На этот раз в дружественную Америку шли не просто с визитом, готовились к войне. Гибралтар проходили ночью, в полной боевой готовности — орудия заряжены, прислуга у орудий, адмирал и «августейший командир» на мостике. 21 ноября после прохода Гибралтара в вахтенном журнале фрегата появилась запись: «Отслужили благодарственный молебен».



Надо сказать, что на «Светлане» в этот раз под командой Алексея Александровича шел еще один великий князь — мичман Константин Константинович, сын генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, будущий поэт. В отечественную литературу он вошел как талантливый переводчик Шиллера, Гете, Шекспира, автор многих лирических произведений.



На верхней палубе фрегата «Светлана».

Впрочем, помимо великих князей «Светлана» славилась и другими именитыми фамилиями. На фрегате служили: лейтенант барон Энгельгард, мичман князь И. М. Оболенский, мичман князь Н. С. Щербатов, мичман граф А. И. Коновницын, флаг-гардемарин князь И. В. Барятинский.

Переход через океан удалось завершить спокойно, без обычных зимних штормов. В канун нового 1877 года «Светлана» отдала якорь на рейде Норфолка. В США русские эскадры оставались более четырех месяцев. Это было время не только проявления традиционной дружбы между Россией и США, но и постоянной готовности к войне с Англией. На кораблях проводились боевые учения: артиллерийские, парусные, абордажные. И все же жизнь шла своим чередом. Помимо учений, общеобразовательных занятий с нижними чинами и постоянных приборок (русские корабли всегда славилась своей безупречной чистотой) шли деловые встречи, обеды, приемы. Начало им положил большой бал, данный мэрией города в честь офицеров русской эскадры. Вслед за городским балом последовала непрерывная череда завтраков, обедов, ужинов на кораблях, в полках и различных общественных организациях.



Однако венцом всех празднеств, как писали местные газеты, стал прием, данный августейшим командиром «Светланы». «На прием были приглашены самые красивые и элегантные дамы Норфолка, моряки находящейся здесь станции и генерал Барри со всеми офицерами штаба форта Монро». Точно в назначенный час от борта «Светланы» за приглашенными отошли катера. «При входе на фрегат ничто не напоминало судна, вы находились в прекрасно устроенной для бала зале. Палуба, обтянутая, как снег, белым полотном, вдоль бортов устроены диваны, покрытые персидскими коврами, сверху искусно натянут тент, украшенный русскими и американскими флагами». Алексей Александрович как командир фрегата принимал гостей у входа на шканцы. «Офицеры, один другого любезнее, оказывали всем величайшее внимание. Щегольски одетые матросы... с ловкостью услуживали гостям... Адмирал Бутаков и Великий князь Константин Константинович... помогали Августейшему командиру... в оказываемом им истинно царском гостеприимстве. Завтрак был великолепно сервирован *à la Russe*. Может быть не всем известно, что в настоящее время сервировка *à la Russe* считается самой элегантной». Для города, как писали газеты, бал на «Светлане» стал эпохальным событием.

В первых числах марта эскадра начала готовиться к уходу. Ее ждали в Нью-Йорке. Прощание с Норфолком русские моряки ознаменовали театральной постановкой на фрегате «Светлана» комедии А. Н. Островского «Тяжелые дни». Театр был устроен между двумя мачтами в виде палатки со всеми атрибутами настоящего театра. «Декорации и занавес не заставляли желать ничего лучшего. Над партером висела громадной величины устроенная из штыков и шомполов люстра, разливавшая весьма яркий свет по всему партеру... Участвовавшие в пьесе были исключительно офицеры с фрегата „Светлана“ и корвета „Богатырь“. Дамские роли были сыграны весьма недурно... Театр доставил истинное удовольствие всем служащим эскадры и приглашенным американским офицерам». Принимал участие в вечере и Константин Константинович, но вряд ли командир фрегата был непосредственным участником спектакля. Скорее всего, должность командира это исключала, но инициатива в подготовке и проведении



спектакля, несомненно, принадлежала Алексею Александровичу. Что и говорить, любителем театра он был большим.

Через несколько дней эскадра покидала Норфолк. Как провожали русских? Вот что писала об этом под заголовком «Удивительный феномен» одна из местных газет «The Norfolk Land-mark». «Внезапно воды залива стали подниматься. Сначала все жители побережья пришли в смятение, но вскоре дело объяснилось. Комиссия, назначенная для исследования явления..., могла убедиться, что река поднялась в своем уровне от слез целой массы прелестных жительниц города, молодых девушек, заплаканные глаза которых были устремлены на рейд,... где в отдалении видны были еще высокие мачты русских кораблей, уносивших с собой столько благородных русских, родившихся в замках и дворцах. Увидев эту ужасную, раздирающую душу сцену, члены комиссии поняли таинственную причину внезапного поднятия уровня реки».

Переход русской эскадры в Нью-Йорк был не случаен. Это был очередной военно-дипломатический демарш, предпринятый Россией и США с целью оказания давления на «владычицу морей». В начале апреля оба великих князя — Алексей Александрович и сопровождавший его Константин Константинович — с адмиралом И. И. Бутаковым нанесли визит президенту США Р. Хайзу. Прием в Белом доме, устроенный в честь русских моряков, на этот раз носил характер большого парадного обеда. «На обеде присутствовал президент, его семейство... Все министры и высшие представители исполнительной власти Соединенных Штатов». Торжественность и даже некоторая помпезность приема русских в Вашингтоне была не случайна. Обстановка на Балканах накалялась. Начало войны с Турцией ожидали со дня на день. Какова будет реакция Англии? Этого не знал никто.

Телеграмму о начале военных действий на Балканах И. И. Бутаков получил 13 апреля. Собрали экипажи, объявили царский манифест: «Ныне, призывая благословение Божье на доблестные войска наши, Мы повелели им вступить в пределы Турции». Над водами Гудзона прокатилось троекратное русское «ура!». Как и полагалось, на кораблях отслужили молебны во славу русского оружия.

Впрочем, благоразумие в Англии победило. Британский каби-

нет ограничился лишь дипломатическим демаршем и вскоре стало ясно, что крейсерской войны не будет. Эскадра начала готовиться к возвращению на родину. Адмирал провел «инспекторские смотры». «Проводились артиллерийские, парусные и крьюйт-камерные учения, свозился десант и даже проверялись успехи, сделанные в грамотности нижними чинами». «Светлана» инспектировалась первой и, как писали газеты, с пристрастием. «При проверке успехов грамотности адмирал сам заставлял нижних чинов читать вслух и писать под диктовку». 5 мая эскадра покинула Нью-Йорк. Американские суда украсили флагами, отдавая честь русской эскадре. Когда «Светлана» подошла к устью Гудзона, стоявший здесь брендвахтенный американский фрегат произвел салют нации. «Светлана» ответила на него тотчас.

Между тем война с Турцией шла полным ходом. Отражая настроение русской общественности, приказ Главнокомандующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича Старшего звучал призывно. «Последнее слово Царское сказано. Война Турции объявлена. Войска вверенной мне Армии! Нам выпала доля — исполнить волю Царскую и Святой завет предков наших. Не для завоеваний идем мы, а на защиту поруганных и угнетенных братьев наших, на защиту Веры Христовой». Мог ли не спешить на театр военных действий Алексей Александрович? Естественно, нет!

Командир Гвардейского экипажа

В французский порт Брест «Светлана» пришла 29 мая. Буквально на следующий день «по Высочайшему повелению» августейший командир оставил фрегат и поездом поехал в Петербург. 5 июня,



Командир Гвардейского экипажа контр-адмирал великий князь Алексей Александрович.



через несколько дней после приезда в столицу, великий князь отправился в действующую армию, спеша догнать уже выехавшую на Дунай команду Гвардейского экипажа (25 офицеров и 504 рядовых). Да и не мог не спешить Алексей Александрович. В действующей армии к этому времени находились уже не только все великие князья, но и сам император. На Дунай великий князь прибыл 10 июня. Через несколько дней он произведен в контр-адмиралы, утвержден командиром Гвардейского экипажа и назначен «начальником всех морских команд на Дунае».

Трудно сказать, какова была реальная роль великого князя в организации боевых операций на Дунае. Конечно, его вклад в их подготовку не мог быть сколько-нибудь значительным. Планирование и подготовка боевых действий на Дунае велись в то время, когда великий князь находился в Америке. Тем не менее русские моряки на Дунае действовали блестяще. Массовое применение якорных мин и катеров с шестовыми минами практически полностью парализовало значительно превосходившие по своей численности турецкие броненосные силы. Армия смогла приступить к устройству всего, что требовалось для переправы через реку, а это и была главная задача флота.

В то же время, судя по телеграммам, донесениям и корреспонденции, во время войны Алексей Александрович почти постоянно находился с Гвардейским экипажем. «Спешу сообщить морякам, — писал в телеграмме генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, — следующую депешу, которую я удостоился получить от Государя Императора из Зимниц. „Вчера гребцы Гвардейского экипажа с их командиром (великим князем Алексеем Александровичем. — Ю. К.)... перевезли меня через Дунай, где благодарил войска на самом поле сраженья... Алексей сообщил тебе о наградах морякам, которые при переправе покрыли себя новой славой. Поздравляю нашу морскую семью с этим столь лестным выражением царской милости”». С взятием Никополя Алексей Александрович телеграфировал генерал-адмиралу в Петербург: «Две казематированные¹ лодки достались нам при сдаче

¹ Бронированные. — Ред.



Никополя. Они довольно много пострадали от наших выстрелов и в машинах некоторых вещей недостает. Надеюсь, что их можно употребить в дело. Подводные части целы». Принимал участие в боевых действиях и сам великий князь. «За отличное мужество и распорядительность при переводе понтонов из Никополя в Систово мимо неприятельских позиций» он был награжден золотой саблей с надписью: «За храбрость».

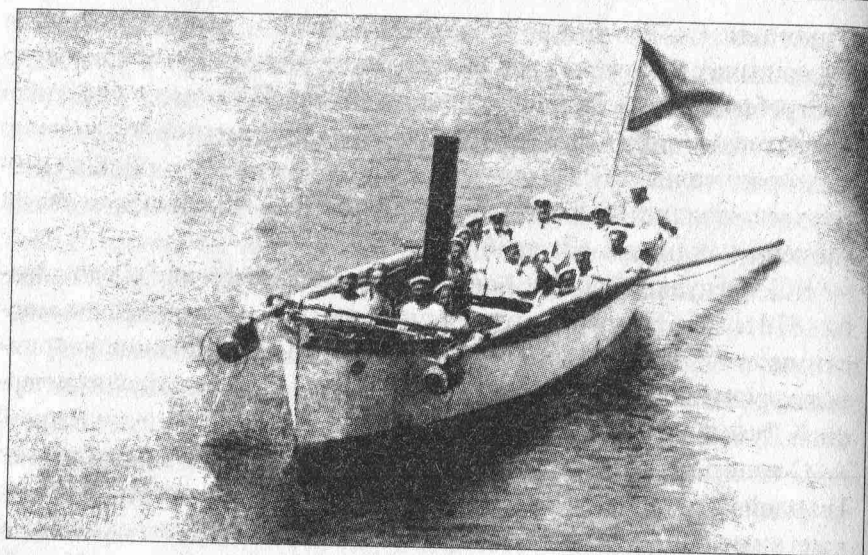
В Действующей армии Алексей Александрович пробыл до января 1878 года. «За неутомимую и успешную распорядительность морскими командами, за... принятие всех мер, не допускающих неприятелю вред нашим переправам» по «удостоверению местной кавалерской Думы» он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

С возвращением в столицу великий князь снова командовал Гвардейским экипажем. Заботы у экипажа были сугубо придворные: зимой — дворцовые караулы, летом — императорские яхты. Правда, были у Алексея Александровича еще заседания Кораблестроительного и Адмиралтейского отделов Морского технического комитета, а также Коллегии Николаевской морской академии, членом которых он являлся, но скажем прямо: его они не увлекали. После длительных и непрерывных плаваний придворная жизнь практически полностью поглотила великого князя. В феврале 1880 года, оставаясь в должности командира Гвардейского экипажа, он стал «Генерал-Адъютантом Его Императорского Величества», а в январе 1881 года членом Государственного совета. Впрочем, и то и то другое — тоже работа.

Боевые действия флота на Дунае

Самой трудной задачей на первом этапе войны с Турцией являлось форсирование Дуная. Турецкий флот на Дунае, впрочем, как и на Черном море, обладал несомненным превосходством. После поражения в Крыму Россия на своих южных рубежах практически не имела флота. Между тем противник располагал на Дунае мощной речной флотилией. В ее состав входили 20 судов: 2 броненосных корвета, 2 больших монитора, 5 малых мониторов, 11 колесных парохо-





Паровой катер с шестовыми минами.

дов и канонерских лодок. Стоит ли говорить, сколь серьезную угрозу представляла турецкая флотилия для армии, форсирующей Дунай. Что же планировалось противопоставить противнику?

Идей было две: во-первых, постановка минных заграждений, которые бы лишили турецкие мониторы возможности маневра по реке и, во-вторых, широкое использование против бронированных кораблей легких катеров с шестовыми минами. В соответствии с замыслом, разработанным, кстати, не без участия двух великих князей — Главнокомандующего Дунайской армией Николая Николаевича Старшего и генерал-адмирала Константина Николаевича, — к началу войны на складах города Бендеры было сосредоточено 300 гальванических мин, 150 гальваноударных мин Герца, заблаговременно приобретенных в Германии, и около 100 шестовых мин. Были сформированы два морских отряда: Гвардейского экипажа — для действия на Среднем Дунае в районе Никополь—Рещук — и отряд Черноморского флота — для действия на Нижнем Дунае в районе Браилова—Рени. Основную силу отрядов составляли катера с шестовыми минами. Для Гвардейского экипажа катера доставили из Кронштадта. В основном это были обычные паровые катера с кораблей Балтийского фло-

та. Они даже назывались по имени кораблей, с которых были взяты: «Петр Великий», «Адмирал Грейг», «Генерал-Адмирал» и другие катера Черноморского отряда доставили из Николаева.

Только два катера — «Шутка» и «Мина» — имели скорость 14–16 узлов. Остальные давали 5–6 узлов по течению и 2–3 — против течения. Ни один из катеров практически не имел брони. Лишь на некоторых из них было установлено подобие защиты — 1,5-миллиметровые железные листы, сверху прикрытые еще и мешками с углем. Такое «бронирование» предохраняло машину от пуль, однако, увы, снижало скорость. Для поражения противника катера использовали мины, закрепленные на носовых шестах длиной около 12 метров. При атаке катера должны были подойти вплотную к кораблю и подвести под него заранее выдвинутую на шесте мину. Подрыв мины осуществлялся автоматически или «по желанию» — от гальванической батареи.

Постановка минных заграждений на Нижнем Дунае началась сразу с объявлением войны. Буквально на следующий день после начала военных действий на левом берегу реки установили батареи, сначала из полевых, а затем и из осадных орудий. Под их прикрытием в конце апреля у Браилова и Рени были поставлены первые минные заграждения, перегородившие Нижний Дунай. Ставились мины с обычных шлюпок, плотиков и катеров, как правило, ночью. «Работа эта была, конечно, нелегкая. Нужно было прежде всего всячески скрыться от глаз неприятеля. С этой целью лодки и пароходики наши действовали большей частью по ночам, да в туманную или ненастную погоду, а иногда и под проливным дождем... Турки иногда замечали нашу работу и начинали стрелять по закладчикам мин..., тогда матросы... ложились на дно лодки и лежа продолжали... под выстрелами делать свое дело. Пули и ядра носились над головой и спиной, но, к счастью, никого ни разу не задел. И не мудрено: турецкие мониторы стреляли обыкновенно издали, так как не знали, где заложены торпеды, и потому не решались подходить близко к месту работ, боясь наткнуться на мины». К началу июня было уже выставлено около 30 минных линий из 250 мин.

Несомненным успехом в первые же дни войны явилось потопление 11 мая артиллерией турецкого броненосного корвета «Люф-

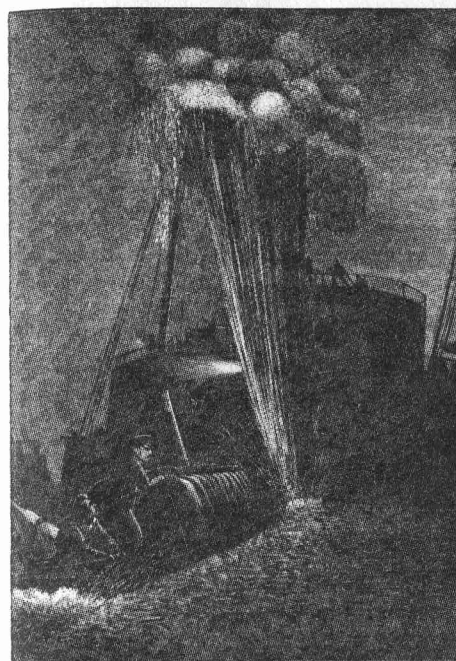
ти Джалиль». Из 218 человек экипажа спасся лишь один матрос. Вместе с турецким флагом его подобрала русские минные катера. А еще две недели спустя минные катера Черноморского отряда взорвали большой турецкий монитор «Сельфи».



Лейтенант Ф. В. Дубасов.

В ночь с 25 на 26 мая от берега отошли четыре катера. Впереди на «Цесаревиче» шел лейтенант Ф. В. Дубасов, за ним на «Ксении» — лейтенант И. А. Шестаков и еще два катера. «Шли они тихо и осторожно, стараясь не производить шум ни водой, ни паровой машиной». Наконец в темноте показались очертания трех кораблей. Ф. В. Дубасов выбрал самый большой, средний, и направил на него свой катер. За ним пошли и остальные. Турки на мониторах, как видно, спали. Заслышав шум, часовой окликнул подходящие катера: „Сезын-адам“. „Ваш человек“, — ответил Ф. В. Дубасов». Однако фразу по-турецки он произнес, конечно, неправильно, и часовой дал выстрел. За ним последовали еще несколько. Ни одна из пуль в цель не попала. Между тем на всех трех мониторах прозвучала тревога, турки засуетились. Поднялась страшная суматоха. Тем временем Ф. В. Дубасов уже подошел к большому монитору и подвел мину под его кормовую часть. Последовал взрыв. Поднявшийся столб воды залил катер. Ф. В. Дубасов тотчас дал команду отходить. «Со всех мониторов открылась страшная пальба по нашим шлюпкам; турки стреляли из пушек, ружей и штуцеров¹. Большой монитор хотя несколько и опустился кормой, но еще держался на поверхности... Дубасов, нимало не медля, скомандовал: „Шестаков, подходи!“ Шестаков выдвинул свой пароходик полным ходом вперед и под градом пуль и ядер подвел вторую мину под бок монитора, прямо против середины... Раздался новый взрыв,

¹ Нарезное ружье. — Ред.



Атака турецкого монитора Ф. В. Дубасовым.

еще ужаснее прежнего... После этого монитор стал тихо опускаться в воду. Как на беду, пароходик Шестакова не мог двинуться с места: он запутался в обломках расшибленного монитора и должен был оставаться подле его борта, под самыми выстрелами... Лейтенант Шестаков с четырьмя матросами начал отстреливаться из револьверов». Наконец катер удалось освободить, и он начал отходить от тонущего монитора. К этому времени и Ф. В. Дубасов успел откачать воду из катера.

В это время на нашем берегу собралось много народа. Все с замиранием сердца ждали возвращения смельчаков. Слыша взрывы и выстрелы, многие считали их уже погибшими. «Однако то-то и было всего удивительнее в этом поистине удивительном деле: никто из моряков не был не только убит или ранен, но даже оцарапан; они сами не верили, что это так, и решительно не могли понять, как это случилось». Естественно, когда моряки вышли на берег, радости и приветствий их товарищей не было конца. «В тот же день Великий князь Главнокомандующий собственноручно возложил на обоих лейтенантов Георгиевские кресты. Награждены были военными орденами и все остальные участники взрыва». Уничтожение двух крупных кораблей настолько деморализовало турок, что остальные суда поспешили отойти под прикрытие крепостных пушек Никополя. Таким образом, уже к началу июня русские смогли не только преградить доступ турецким кораблям в Дунай с Черного моря, но и практически полностью прекратить их свободное плавание на Нижнем Дунае.



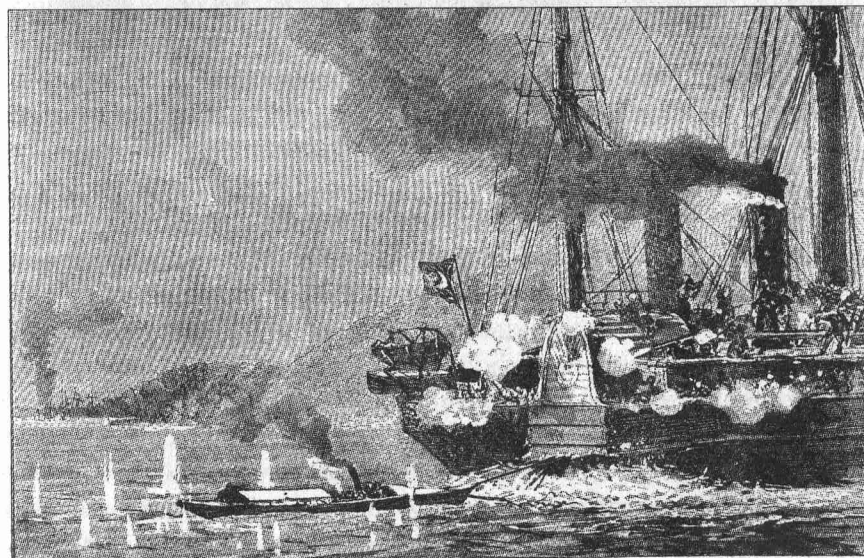
Борьбу за господство на Среднем Дунае отряд Гвардейского экипажа начал несколько позже, с выходом передовых частей к Дунаю. Минные заграждения начали ставить и здесь. Технология постановки была та же. Всего для обеспечения форсирования Дуная были выставлены 22 заграждения из 51 линии и 436 мин. Районы форсирования реки были блокированы минными заграждениями снизу и сверху течения. Всякая попытка противника прервать минные постановки и тем более переправу русских войск пресекалась активными и всегда мужественными действиями минных катеров. Вот лишь несколько характерных эпизодов.

Ночью 8 июня в районе Зимниц ставилась очередная минная линия. Постановку обеспечивал минный катер отряда Гвардейского экипажа «Шутка». Катером командовал лейтенант Н. И. Скрыдлов. В качестве волонтера на нем находился художник В. В. Верещагин. Неожиданно показался турецкий монитор, «шедший медленным ходом на наши работы». Несмотря на то, что солнце уже встало и было совершенно светло, командир «Шутки» решил атаковать монитор. «Нападение на исполинский пароход нашей крошечной лодки было делом высшей отваги и мужества. „Шутка“ уже выдвинула торпеду вперед перед собой на длинном шесте, дрожавшем от быстрого движения... Турки видели это — и вот грозное турецкое судно дало задний ход и стало позорно отступать перед маленьким, но смелым врагом. Отступление монитора вскоре превратилось в бегство. „Шутка“ погналась за ним. Она была превосходный ходок, обогнала его, перерезала ему дорогу и загнала его к самому турецкому берегу. С палубы монитора и берега турки осыпали „Шутку“ градом пуль и ядер. Но наши матросы были скрыты на лодке под крышкой из стальных плит. Только командир „Шутки“ — Скрыдлов и художник Верещагин были на виду — первый на своем командирском месте, —



Капитан-лейтенант Н. И. Скрыдлов.

второй на корме... у руля, и оба они были вскоре ранены. Две пули разом ударили Скрыдлова в обе ноги... Верещагин почувствовал удар пули в бедро, но он даже не обратил на это внимания и преспокойно продолжал править рулем... Загнав монитор к берегу, „Шутка“ под страшным неприятельским огнем пронеслась мимо правого борта турецкого парохода близко к колесу его... Раненый Скрыдлов, продолжая сидеть на... командирском месте, командовал направить шест с торпедой в монитор, и удар был нанесен... Мина врезалась в самое опасное место — в середину судна, за колесом... Но, к удивлению наших моряков, взрыва не последовало. Мина должна была воспламениться от электрической искры, приведенной с лодки к торпедной проволоке..., но оказалось, что проволока была перебита пулей. Положение „Шутки“ сделалось крайне опасным. Монитор мог выстрелить из своих огромных пушек и расщепить вдребезги безоружную „Шутку“... Скрыдлов велел пустить в ход другую запасную проволоку. Но взрыва опять не последовало... Новая проволока оказалась тоже испорченной от страшного огня; сверх того шест, поддерживавший мину, сломался... Нужно было скорее отступать... К счастью, на самих турок напал в это время страх. Когда „Шутка“ нанесла удар



Катер «Шутка» атакует турецкий броненосец.



в борт, все находившиеся на нем турки бросились спасаться к противоположному борту. Артиллеристы бросили орудия, командир монитора спрыгнул со своего места, на всей палубе поднялась суетливая и бестолковая беготня... Но когда первая минута прошла, они снова бросились к своим местам и с яростью открыли адский огонь... „Шутка” получила уже довольно сильную пробоину картечью; кроме того она вся была изрешечена неприятельскими пулями... Скрыдлов велел отступать. Сам он не мог подняться с места от полученных в обе ноги ран, но голос его по-прежнему гремел громко и отчетливо. Художник Верещагин, несмотря на свою рану, работал также усердно наравне с матросами. „Шутка” дала полный ход и пошла от монитора прочь... Благодаря необыкновенной отваге и самоотвержению моряков работы наши были доведены до окончания».

Аналогичные события произошли и 16 июня при переправе у Зимниц. Переправу обеспечивали катера «Петр Великий», «Опыт» и «Генерал-Адмирал». Неожиданно заметили поднимающийся над Дунаем дымок. Командирам катеров приказано было немедленно атаковать неприятеля и «не возвращаться живыми, если он, чего Боже сохрани, прорвется к переправе». Положение становилось более чем критическое. Кроме минных катеров и обычных понтонов, у русских ничего не было. Начальник переправы даже обратился к морякам Гвардейского экипажа с просьбой взять суда противника на абордаж. «Моряки! Всей нашей переправе угрожает опасность. На нас смотрит Европа — удивите ее, взяв монитор на абордаж с ваших понтонов». К счастью, до этого дело не дошло. «Из-за поросшего кустарником выступа показался колесный пароход, а за ним однопалубный монитор. Отвечая на беглый огонь с берега, они продолжали двигаться вперед средним ходом. Но неожиданная встреча с минными катерами должно быть порядком смутила турецких командиров... Сделав по катерам... несколько бесполезных выстрелов и, вероятно, убедившись в твердой намеренности грозных „миноносцев” броситься немедленно в атаку, оттоманские суда повернули назад и поспешно ушли вниз».

Так воевали русские моряки на Дунае. В итоге двухмесячной борьбы с турецкой речной флотилией им удалось с ничтожными силами полностью обеспечить безопасность переправ как на Ниж-

нем Дунае, так и на Среднем. В этом и заключалась главная задача флота.

Генерал-адмирал

1 марта 1881 года народовольцами был убит Александр II. На престол вступил его сын Александр III — старший брат Алексея Александровича. Все изменилось во внутренней политике России. Эпоха «Великих реформ» закончилась безвозвратно. С первых дней воцарения нового императора в армии и на флоте началась кадровая перестановка. Не могла она не коснуться и одного из самых активных соратников Александра II по его либеральным реформам — великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича. Впрочем, помимо политических соображений была к августейшему дяде у молодого императора и сугубо личная неприязнь. Наследник слыл примерным семьянином. Константин Николаевич же несколько лет почти открыто имел вторую семью. И еще император, несомненно, был уверен, что новый Главный начальник Флота и Морского ведомства давно уже готов — это его любимый младший брат, близкий ему по духу, великий князь Алексей Александрович.

Вот только на пути императора оставался все еще действующий генерал-адмирал. Несмотря на прямые намеки и просьбы царя, Константин Николаевич никак не соглашался подать прошение об отставке. Тем не менее император был тверд. 18 мая в письме К. П. Победоносцеву он писал: «Я желаю, чтобы назначение Алексея состоялось 20 мая, в день его именин. Конст. Ник. наотрез отказался подать просьбу об увольнении, я ждал два месяца... и не



Генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович.



дождался, так что теперь не намерен более ждать, а прямо его уволить и назначить Алексея».

Как же происходило назначение Алексея Александровича? Обратимся к «Приказам по Морскому ведомству за 1881 год». До 11 мая 1881 года все они подписывались «Генерал-Адмирал Константин». Приказ № 11 от 20 мая за подписью управляющего Морским министерством контр-адмирала А. А. Пещурова гласит: «Его Императорское Величество в присутствии своем в Гатчине... соизволил отдать следующий приказ. Генерал-Адъютанту, Контр-Адмиралу Его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ Великому Князю АЛЕКСЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ вступить в управление Флотом и Морским ведомством на время отсутствия ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великого Князя Генерал-Адмирала». (Константин Николаевич в это время находился в Крыму, в Ореанде.)

Справедливости ради следует заметить, что, по рассказу А. А. Пещурова, великий князь Алексей Александрович, также прибывший в Гатчину (по случаю своих именин), был поражен этой вестью и упрашивал государя не делать такого распоряжения или, если решение его величества неизменное, — соблюсти, по крайней мере, все необходимые формы приличия в отношении к великому князю Константину Николаевичу. После долгих переговоров государь решил поручить Алексею Александровичу заведовать флотом временно, впредь до возвращения Константина Николаевича. С этого дня и до 13 июля 1881 года в соответствии с высочайшей волей на приказах появлялась подпись великого князя Алексея Александровича. Звучала она так: «За отсутствием Генерал-Адмирала Генерал-Адъютант Алексей». Но через некоторое время и понявший бесполезность своего сопротивления Константин Николаевич подал прошение об отставке. В тот же день, 13 июля 1881 года, император отдал приказ: «ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ согласно просьбе ЕГО ВЫСОЧЕСТВА Всемилоостивейше увольняется от управления Флотом и Морским ведомством с оставлением в званиях Генерал-Адмирала и Генерал-Адъютанта, равно и в прочих должностях и званиях. Генерал-Адъютант, Контр-Адмирал ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великий князь АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРО-

ВИЧ назначается Главным начальником Флота и Морского ведомства с правами, предоставленными Генерал-Адмиралу». Прошли еще два года, и 15 мая 1883 года — в день своей коронации — Александр III присвоил Алексею Александровичу звание генерал-адмирала. Великому князю шел тогда тридцать четвертый год.

Итак, 13 июля 1881 года великий князь Алексей Александрович стал полновластным, практически безраздельным хозяином Русского флота. На этом посту он пробыл до 2 июня 1905 года — чуть меньше двадцати четырех лет. Что можно сказать о деятельности Алексея Александровича как генерал-адмирала? Ответить однозначно на этот вопрос трудно, практически невозможно. Слишком широк круг забот у главы флота, слишком многоплановы его обязанности.

Важнейшей общегосударственной задачей в то время считалось «улучшение российских финансов, оказавшихся сильно поколеб-



Генерал-адмирал Алексей Александрович с адмиралами и офицерами на катере. Крайний слева — контр-адмирал С. О. Макаров.



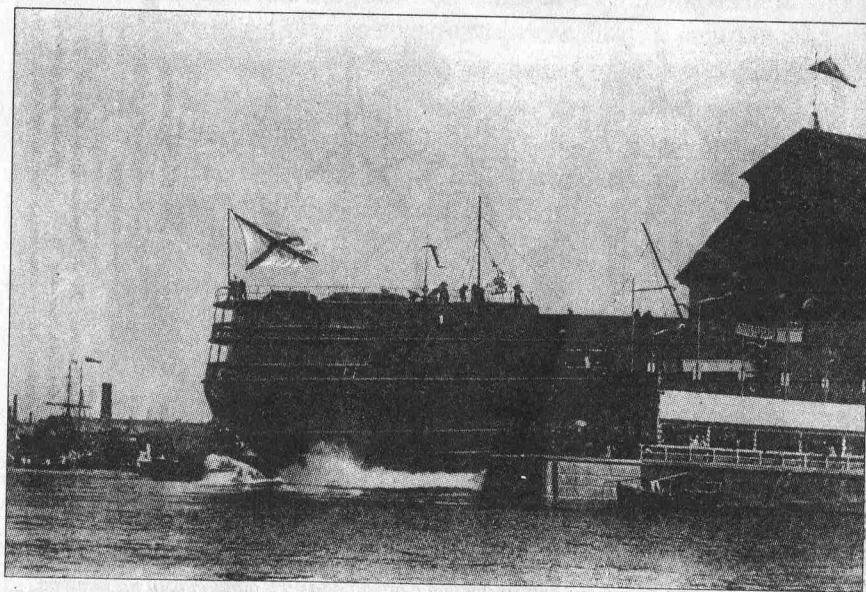
ленными в результате последней войны с Турцией». Лозунгом новой администрации, сформулированным и неоднократно повторявшимся самим Александром III, стало «честность и бережливость». Определяющим в государстве был объявлен режим экономии. В то же время России требовалось строить флот. На Черном море его практически не было совсем. На Балтике опасно росли морские силы Германии, недоброжелательная позиция которой на Берлинском конгрессе в 1878 году практически лишила Россию многих плодов ее победы в войне с Турцией. Все больше забот доставлял и Тихоокеанский театр. Назревавшая война Японии с Китаем грозила нарушить существовавшее там хрупкое равновесие.

В августе 1881 года под председательством нового главы флота по Высочайшему повелению состоялось Особое совещание. В нем приняли участие: военный министр П. С. Ванновский, управляющий Морским министерством А. А. Пешуров и руководивший тогда Министерством иностранных дел вместо престарелого, но все еще остававшегося министром А. М. Горчакова Н. К. Гирс. Перед совещанием стояли две сложные задачи: во-первых, с учетом ре-

ально существующей политической обстановки сформулировать задачи флота на трех его главных театрах и, во-вторых, найти средства, чтобы, как выразился в одном из своих докладов Алексей Александрович, вывести флот из состояния «застоя и слабости».

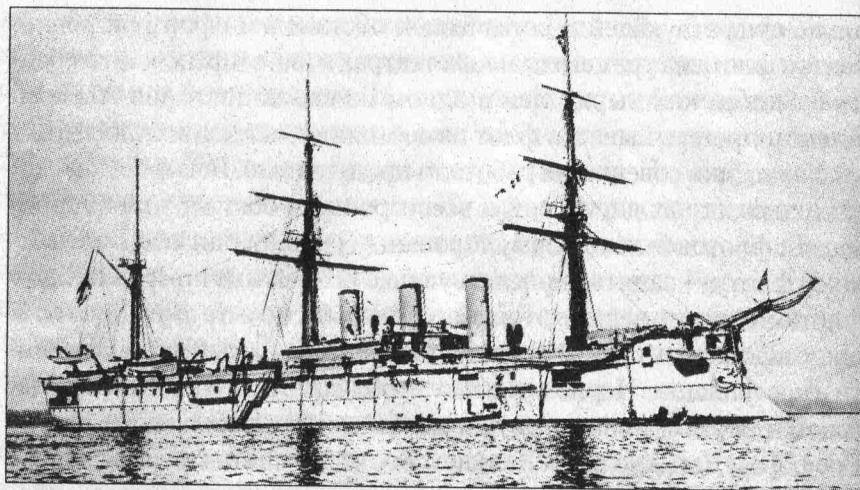
Участники совещания работали продуктивно. Вскоре в ходе достаточно острых дискуссий и всестороннего обсуждения вопроса задачи флотов были сформулированы. Звучали они так: Балтийскому флоту — занять первенствующее положение по сравнению с флотами других держав этого бассейна, обеспечить активную оборону, исключить блокаду своего побережья и быть готовым перейти в наступление; Черноморскому — обладать безусловным господством в Черном море и в случае необходимости обеспечить захват Босфора и Дарданелл, на Дальнем Востоке — внимательно следить «за Японией и Китаем, делающими быстрые успехи на море», оборону побережья обеспечить «инженерно-артиллерийскими и минными заграждениями». В случае возникновения военной угрозы перебросить в Тихий океан эскадры из состава Балтийского и Черноморского флотов. Общий вывод совещания гласил: «Россия не должна играть на море той же слабой роли, как в последнюю русско-турецкую войну. Она должна быть готова встретить неприятеля за пределами своих вод у его берегов, будь это в Балтике или в Черном море». Трудно что-либо возразить против столь четко сформулированных задач. 22 сентября 1881 года на «журнале Особого совещания» появилась резолюция императора: «Совершенно одобряю эти заключения».

Однако для генерал-адмирала это было лишь началом работы. Чтобы в соответствии с резолюцией императора определить типы и количество кораблей, предполагаемых к постройке согласно сформулированным задачам флотов, была создана Особая комиссия. Возглавил ее, естественно, сам Алексей Александрович. Вряд ли комиссия имела возможность работать с прохладцей, так как к началу 1882 года программа строительства кораблей для Балтийского и Черноморского флотов, а также Сибирской флотилии практически была готова. Не будем вдаваться в технические подробности программы. Заметим лишь, что в течение двадцати лет планировалось построить 24 броненосца, 26 крейсеров и морских канонер-



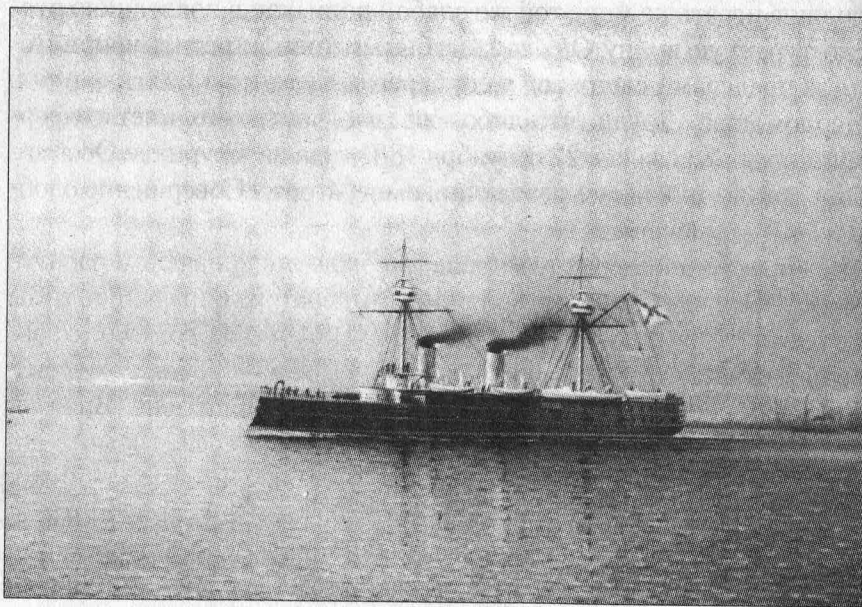
Спуск на воду броненосца «Император Николай I».





Броненосный крейсер «Память Азова».

ских лодок, свыше сотни миноносцев. В апреле 1882 года без каких-либо изъятий и дополнений программа «во всех ее подробностях» была утверждена Александром III и приобрела силу закона.



Броненосец «Император Николай I».



Так при непосредственном участии Алексея Александровича впервые в России начал создаваться океанский броненосный флот.

Что можно сказать о строившихся кораблях? Оценивались они по-разному. Наиболее негативно их оценивал академик А. Н. Крылов, правда, уже в советское время: «За 23 года его (Алексея Александровича. — Ю. К.) управления флотом... было построено множество броненосцев и броненосных крейсеров. Но это «множество» являлось только собранием отдельных судов, а не флотом. Так, броненосные крейсеры «Владимир Мономах» и «Дмитрий Донской» были заложены одновременно однотипными. По окончании постройки оказалось: один — как бы корвет, другой — фрегат, один — двухвинтовой, другой — одновинтовой и т. п. «Адмирал Нахимов» был сильным, но единственным в своем роде кораблем. «Память Азова» — слабый крейсер, как по вооружению, так и по бронированию. «Рюрик», «Громобой» и «Россия» между собой были разнотипны — двух- и трехвинтовые с артиллерией трех различных калибров... Еще большее разнообразие царило между броненосцами «Александр II» и «Николай I»; хотя они должны были быть совершенно одинаковыми, они вышли разными; «Гангут», «Сысой Великий» и «Наварин» также оказались совершенно разнотипными... Уже этот краткий перечень показывает, что в смысле создания флота деятельность генерал-адмирала Алексея была характерным образцом бесплановой растраты государственных средств...» Да и о самом великом князе как о генерал-адмирале А. Н. Крылов говорил с явной издевкой, вспоминая, что на вопрос: «Что такое Алексей?» начальник Балтийского завода — известный на флоте остро слов М. И. Кази отвечал: «семь пудов августейшего мяса».

Хуже А. Н. Крылова об Алексее Александровиче как о генерал-адмирале говорил лишь его двоюродный брат великий князь Александр Михайлович. В своих воспоминаниях он писал: «Алексей — это непревзойденная карикатура на генерал-адмирала... Трудно себе представить более скромные познания, которые были по морским делам у этого адмирала могущественной державы». Кажется, куда уж резче. Однако, не пренебрегая мнением Александра Михайловича, следует иметь в виду не только его личные человеческие качества, которые современники оценивали далеко не однозначно,



но и его карьеристские устремления. Будучи женат на сестре Николая II, великий князь Александр Михайлович многие годы сам претендовал на пост генерал-адмирала.

И все же, несмотря на столь критическую оценку личности и деятельности генерал-адмирала, флот России в те годы строился и строился интенсивно. В 1888 году в строй вступили первые черноморские броненосцы «Екатерина II» и «Чесма». К 1897 году на Черном море уже плавали 6 броненосцев, 4 крейсера и 22 миноносца. По существу, Черноморский флот был воссоздан заново. В течение десяти лет на верфях С.-Петербурга с 1887 по 1896 год были построены 11 броненосцев. Особенно своей мощью выделялись новые броненосцы «Полтава», «Петропавловск» и «Севастополь». Здесь же были построены и океанские броненосные крейсера «Память Азова», «Адмирал Нахимов», «Рюрик». Последний в то время считался сильнейшим крейсером в мире.

Справедливости ради следует отметить, что в строительстве флота, в формировании программ его развития генерал-адмирал, конечно, принимал непосредственное участие. Об этом свидетельствуют и его неоднократные «Всепоподданнейшие» доклады. Так, 7 мая 1890 года великий князь докладывал: «Все меры, ранее предпринятые для переоформления флота и устранения его отставания от уровня европейских стран, не привели к цели, указанной в 1881 году». По его настоянию требовалось принять новую программу «усиленного судостроения с дополнительным выделением 65,5 млн. руб.» (по 12,3 миллиона рублей в год). Благодаря авторитету генерал-адмирала новая программа кораблестроения была принята. Флот дополнительно получает броненосец «Сысой Великий», три броненосца типа «Полтава», крейсер «Россия», три броненосца береговой обороны и три канонерских лодки. В целом к концу XIX века Российский флот, насчитывавший уже свыше 1000 вымпелов, не только занял третье место в мире по числу кораблей после флотов Великобритании и Франции, но и превратился в мощный инструмент внешнеполитической деятельности России.

Как известно, время царствования Александра III для России — мирная эпоха. Однако это отнюдь не означало, что флот в то время бездействовал. Наоборот, то время в значительной мере потому и

было мирным, что флот действовал, и действовал активно. Вот лишь несколько примеров.

1893 год — Средиземноморская эскадра под флагом контр-адмирала Ф. К. Авелана нанесла дружественный визит в Тулон. Визит русской эскадры во Францию в значительной степени способствовал начавшемуся с конца XIX века сближению Франции с Россией. В том же году четыре крейсера Атлантической эскадры под флагом контр-адмирала Н. И. Казнакова представляли Россию на морском параде в Нью-Йорке по случаю 400-летия открытия Америки. В знак уважения к Российской империи американцы поставили корабли Н. И. Казнакова во главе парадного строя. В 1895 году отряд контр-адмирала Н. И. Скрыдлова в составе броненосца «Император Александр II», крейсера «Рюрик» и броненосной лодки «Грозный» участвовал в торжествах по случаю открытия Кильского канала. Стоит ли говорить, что все это были не только парады, но и нечто большее — демонстрация мощи России. В 1896–1898 годы — во время греко-турецкой войны — Средиземноморская эскадра под флагом контр-адмирала П. П. Андреева участвовала в демонстрации силы у острова Крит. В боевую готовность был приведен и флот в Севастополе. Именно морская мощь России позволила тогда не только защитить греков, но и добиться важного политического успеха — назначения в декабре 1898 года на пост верховного комиссара Крита родственника дома Романовых принца Георга Греческого.

Значительных усилий требовали интересы России и на Дальнем Востоке. В процессе Афганского кризиса в 1885 году возникла угроза войны с Англией. Напряженной складывалась обстановка на Тихом океане. В связи с этим на Дальний Восток срочно были направлены наши новейшие корабли. Англичане организовали слежение за русской эскадрой. Особым вниманием пользовался ее флагманский корабль «Владимир Мономах». Однажды в порту Нагасаки английский броненосец «Агамемнон», подняв сигнал «руль не действует», пытался даже угрожать «Владимиру Мономаху» таранным ударом. В ответ контр-адмирал А. Е. Кроун пробил «боевую тревогу», навел орудия на броненосец и потребовал от англичан немедленно убратся с рейда. Нечасто рос-



сийский адмирал мог позволить себе такое по отношению к «владычице морей».

В середине 1890-х годов обстановка на Дальнем Востоке еще больше обострилась. Добившись решительной победы в войне с Китаем, Япония потребовала себе ряд территорий, в том числе и Ляодунский полуостров с Порт-Артуром. Против японской экспансии выступили Россия, Франция и Германия. Однако только Россия смогла поддержать свои требования демонстрацией морской силы. По приказу Адмиралтейства из Средиземного моря в Тихий океан срочно были направлены корабли контр-адмирала С. О. Макарова. К началу 1895 года на китайском рейде Чифу, близ Порт-Артура, сосредоточилась объединенная русская эскадра под командованием вице-адмирала П. П. Тыртова. По предложению Особого совещания, в котором под председательством Алексея Александровича участвовали министр иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский, военный министр П. С. Ванновский, начальник Генерального штаба Н. Н. Обручев и управляющий Морским министерством Н. М. Чихачев, Россия предъявила Японии ультиматум. На что опирался ультиматум России? Главным образом, на реальную мощь ее флота. Сила российского флота произвела на Японию столь значительное впечатление, что она отказалась от своих претензий на материке. Впрочем, именно с этого момента правительство микадо начало широкомасштабную подготовку к войне с Россией. На европейских верфях началось строительство японского броненосного флота.

Неуклонно нараставшая угроза со стороны Японии привела к необходимости создания в 1897–1898 годах третьего флота России — Тихоокеанского. В связи с этим 27 августа 1897 года решением Особого совещания, проходившего, естественно, под председательством великого князя Алексея Александровича, была назначена специальная пятилетняя кораблестроительная программа 1898–1902 годов. Она так и называлась — «для нужд Дальнего Востока». Подкрепляемое экстренными ассигнованиями кораблестроение России приобрело небывалый размах. За период с 1895 года по 1902 год ежегодный бюджет Морского министерства возрос почти вдвое — с 53 миллионов рублей до 98 миллионов рублей. Но-

вая семилетняя программа предусматривала строительство для Тихоокеанского флота пяти броненосцев, шестнадцати крейсеров, двух минных заградителей и тридцати миноносцев. Наконец, на Дальнем Востоке произошло одно из самых важных событий — Россия арендовала у Китая часть полуострова Ляодун. Главной базой Тихоокеанского флота стал Порт-Артур.

Правомерно задать вопрос: а могло ли все это осуществляться без непосредственного участия генерал-адмирала? Могли ли императоры Александр III и Николай II, принимавшие по всем вопросам внешней и военной политики всегда сугубо личные решения, обойтись без совета августейшего генерал-адмирала? И мог ли позволить себе Алексей Александрович не быть в курсе тех вопросов, которые непосредственно касались его ведомства? Конечно, нет. Больше того, именно опыт его предыдущих плаваний, его личное знакомство со многими морскими и океанскими театрами делали его советы для императора особенно убедительными. К тому же не следует считать, что свои решения император принимал в условиях всеобщего согласия. Отнюдь нет. Точки зрения, особенно между Морским и Военным министерствами чаще всего бывали взаимоисключающими. Отстаивать позицию Морского министерства, естественно, приходилось генерал-адмиралу. Вот лишь один из таких примеров.

В мае 1894 года рассматривался вопрос об укреплении морской обороны Либавы. В своем докладе генерал-адмирал пишет: «При совместном обсуждении вопроса... между представителями Морского и Военного ведомств возникло совершенное несогласие во взглядах. Для защиты... порта, которому предугазано быть оплотом главных наших морских сил на Балтике, Военное министерство считает достаточным возвести открытые батареи, вооруженные второстепенной по калибру и дальности боя артиллерией... тогда как, по мнению представителей Морского ведомства, создание такого порта немыслимо без артиллерийской обороны, вполне надежной, соответствующей современному состоянию морского вооружения... В случае осуществления проекта, предлагаемого Военным ведомством, Либавские укрепления будут менее грозны для неприятеля, чем были в Крымскую войну крытые гранитные форты Кронштадта, Свеаборга и Севастополя... Ввиду значения Лива-

вы не только как исходного пункта железных путей, ведущих внутрь России, и громадного склада хлебных и других запасов, но и как будущего первенствующего оплота нашим морским силам на Балтике... необходимо сделать вновь создаваемый военный порт неприступным и настолько грозным для неприятеля, чтобы он не легко мог отважиться на попытку предпринять против него... военные действия...» Далее великий князь излагает соображения об организации морской обороны Либавы, которые в полной мере могут быть названы основами минно-артиллерийских позиций, получивших столь блестящее развитие в отечественном флоте в годы Первой мировой войны. В заключение своего доклада генерал-адмирал писал: «Поставляю долгом всеподданнейше просить соизволение Вашего Императорского Величества, чтобы работы по постройке батарей, проектированных для Либавского аванпорта, были приостановлены... до окончательного соглашения по этому предмету между Военным и Морским ведомством».

Кстати, заметим, что не только вопросы обороны, но и само решение о строительстве Либавского порта принималось Александром III в условиях острых противоречий и полемики. Противниками строительства порта в Либаве являлись великий князь Александр Михайлович, С. Ю. Витте и М. И. Кази, отдававшие предпочтение строительству нового незамерзающего порта в Кольском заливе. Алексею Александровичу эти места были хорошо знакомы еще по плаванию здесь в 1870 году на «Варяге». Что же касается его оппонентов, то для своей аргументации им пришлось совершить специальную поездку на Кольское побережье. Тем не менее император принял сторону генерал-адмирала. Аналогичные дискуссии и спорные вопросы возникали неоднократно. Принимать в них непосредственное участие великому князю как генерал-адмиралу приходилось постоянно.

Иное дело, технические вопросы, связанные со строительством кораблей. Не в пример своему предшественнику, великому князю Константину Николаевичу, технику Алексей Александрович откровенно не любил и практически никогда ей не занимался. Начальник Морской академии вице-адмирал А. П. Епанчин вспоминал, как однажды при своем докладе генерал-адмиралу о неупевающих

слушателях, которые подлежали отчислению, Алексей Александрович заметил: «Алексей Павлович... будем говорить откровенно, неужели из-за того, что эти офицеры не имеют установленных баллов их надо отчислить от Академии? Вот я никаких этих девиаций, навигаций и пр. не знаю, а я генерал-адмирал!»

Так уж повелось, что с первых шагов своей деятельности на посту генерал-адмирала все вопросы кораблестроения Алексей Александрович практически полностью передал в руки своему энергичному управляющему Морским министерством вице-адмиралу И. А. Шестакову. Он и вершил их по своему усмотрению. Пользуясь установившимися доверительными отношениями с генерал-адмиралом, И. А. Шестаков не утруждал себя обсуждением заданий на проектирование кораблей ни с членами Морского технического комитета, ни с инженерами-кораблестроителями, ни со специалистами. Формулировал он их, как правило, сам, обычно по тому или иному зарубежному прототипу. Сам же в процессе строительства непрерывно их и перекраивал. Его неизменное кредо «Я сам» явилось одной из главных причин поразительного разноречия в строительстве флота, о чем говорил А. Н. Крылов. Неслучайно в истории отечественного кораблестроения появилось даже выражение «броненосцы адмирала Шестакова». Установившаяся при И. А. Шестакове традиция невмешательства генерал-адмирала в формирование тактико-технического облика кораблей сохранилась в определенной степени и при других управляющих Морским министерством: Н. М. Чихачеве, П. П. Тыртове, Ф. К. Авелане. Участие Алексея Александровича в рассмотрении проектов кораблей сводилось, как правило, к знакомству с ними в объеме, необходимом для Высочайшего доклада.

Что еще можно сказать о деятельности Алексея Александровича как генерал-адмирала? Хорошо знавший его И. А. Шестаков оставил после себя дневник, который вел в течение многих лет. В нем есть многочисленные заметки и о великом князе. В основном они сводятся к тому, что человек он, несомненно, порядочный и доброжелательный, характер у него общительный, мягкий, но серьезности в жизни и работе проявляет мало. И, главное, что должности генерал-адмирала, увы, не соответствует. Вот лишь несколь-



ко записей из дневника И. А. Шестакова: «...опять ездил в Кронштадт, докладывал у Великого Князя, нет не стал он еще на ноги...», «...что и говорить, ленив мой Великий князь...», «...доклад был бесцветен, как все при Алексее...», «...кажется, мой Великий князь равнодушен и не только к флоту...» Впрочем, есть и такие записи: «...обедал в кают-компани Гв. Экипажа, веселая молодежь. После обеда хотел уйти... но Великий князь велел меня догнать... Подали братскую чашу. Великий князь, взявши ее в руки, громким голосом провозгласил тост мое здоровье. Дружное „ура“ полилось в ответ».

Достаточно близко к оценкам И. А. Шестакова звучат и характеристики С. Ю. Витте: «Алексей Александрович, будучи очень милым, честным и благородным, в то же время был человеком в деловом отношении не особенно серьезным». «Человек он был во всех отношениях достойный и прекрасный, но который своих собственных государственных идей и вообще серьезных идей не имел». Почти слово в слово с характеристиками С. Ю. Витте совпадает и мнение начальника Пажеского корпуса генерала Н. А. Епанчина, хорошо знавшего великого князя и писавшего, что Алексей Александрович «был характера общительного, мягкого, человек доброжелательный, но серьезности в жизни и работе проявлял мало». Пожалуй, единственный, кто говорил об Алексее Александровиче иначе, — это К. Н. Посыет. Своего воспитанника он оценивал как истинного моряка. Ведь он имел возможность «видеть Великого Князя, хладнокровно и безупречно строго исполняющим свои обязанности на палубе фрегата в шторм при 22 градусах мороза и в борьбе с китайским тайфуном при таких приступах урагана, когда размахи фрегата доходили до 40 градусов и мачты угрожали пем». Слов нет, К. Н. Посыет писал правду. Вот только быть хорошим моряком и возглавлять флот России — это далеко не одно и то же.

Над Порт-Артуром Андреевский флаг

Долгие годы восточные рубежи России оборонялись исключительно морскими силами. Такая ситуация для огромной сухопутной державы была явно необычной. Однако иной возможности не было. От-

сутствие железнодорожного сообщения и огромные расстояния, отделяющие европейский экономический центр страны от малонаселенного Дальнего Востока, полностью исключали содержание здесь крупных воинских контингентов. Постепенно определяющая роль флота в обороне Тихоокеанского побережья привела к тому, что его интересы превратились здесь в общегосударственные. Главной заботой внешней политики России на Дальнем Востоке стало обеспечение флота необходимой системой базирования. Это в полной мере относится и к истории приобретения Россией Порт-Артура.

Как крепость и база Порт-Артур начал строиться в конце 70-х годов XIX столетия. После проигранной Китаем в 1860 году войны с союзными силами Англии и Франции встал вопрос о защите Пекина. В качестве передового рубежа, прикрывающего подходы к столице с моря, выбрали южную оконечность Ляодунского полуострова. В одной из бухт, приютившей небольшую рыбацкую деревню, начали строить порт и крепость. Европейцам эта бухта больше была известна как Порт-Артур. Так ее назвали по имени командира одного из английских кораблей, зашедшего сюда еще в 1858 году.

Сооружением крепостных укреплений и установкой на них орудий занимались немецкие специалисты. Порт строили французские инженеры. На работах ежедневно было занято около 4000 человек. К 1892 году крепость и порт в основном были готовы. Морская оборона крепости состояла из восьми фортов с 62 орудиями, сухопутная — из двенадцати батарей и редутов с 51 орудием. На суше оборона крепости представляла собой не более чем полевые укрепления. Она «не имела ни казематированных помещений, ни рвов, ни даже блиндажей».

Капитальнее сооружался порт. Для его устройства была не только углублена естественная гавань, но и выкопан искусственный Восточный бассейн размером 500 на 300 метров. Вокруг бассейна на облицованных гранитом набережных разместились многочисленные мастерские, другие портовые учреждения. Здесь же построили два сухих дока. Вся территория порта освещалась электрическим светом. Увы, китайским Порт-Артур оставался недолго. Вспыхнувшая в 1894 году японо-китайская война привела к потере Китаем и Порт-Артура и Ляодунского полуострова.



Однако Россию не устраивало распространение японского присутствия на материке. Предпринятые ею при поддержке Франции и Германии дипломатический демарш и демонстрация морской силы вынудили Японию отказаться от Ляодунского полуострова. К концу 1895 года Порт-Артур снова стал китайским, правда, опять ненадолго. В мае 1896 года Россия заключила с Китаем соглашение, по которому в случае возникновения военных действий с Японией все порты Китая открываются для русского флота. В ноябре 1897 года Германия фактически захватила китайский порт Циндао. Эти ее действия явились прецедентом для других государств. Вскоре Франция захватывает Гуанчжоувань, Англия — порт Вэйхайвэй. На Дальнем Востоке складывалась опасная ситуация — Россия и Англия нацеливаются на Порт-Артур. В ноябре 1897 года от русского посланника в Пекине поступила информация, что в Желтое море вошла английская эскадра, один из ее кораблей даже посетил Порт-Артур. Срочно 3 декабря отряд русских кораблей во главе с крейсером «Рюрик» появился на внешнем рейде крепости и остался там зимовать. На шедших в



Крепостной флаг на Золотой горе Порт-Артура 16 марта 1898 г. поднял вахтенный начальник крейсера «Россия» великий князь Кирилл Владимирович.



Капитан 2 ранга великий князь Кирилл Владимирович.

это время в Пекине переговорах о предоставлении Китаю денежного займа Россия выдвинула требование — сдать ей в аренду полуостров Ляодун. Китай затягивал переговоры. Посол России А. И. Павлов телеграфировал из Пекина: «Пока фактически мы не займем намеченной территории, до тех пор мы не добьемся удовлетворительного решения». На очередном Особом совещании под председательством генерал-адмирала Алексея Александровича, проходившего 24 февраля 1898 года, было принято решение «Порт-Артур и Квантунский полуостров — арендовать» (Квантунский полуостров — в русской терминологии южная оконечность полуострова Ляодун. — Ю. К.). Решение Особого совещания Николай II утвердил.

В соответствии с принятым решением в распоряжение командующего Тихоокеанской эскадрой направляется десант. Его высадка намечена на 15 марта. Однако уже 11 марта уступки Китаем удастся добиться мирным путем. 15 марта в Пекине подписана русско-китайская конвенция, согласно которой Квантунский полуостров передается России в аренду на 25 лет. Статья 6 конвенции объявила Порт-Артур закрытым военным портом России и Китая. 16 марта 1898 года на Золотой горе под грохот салюта с кораблей Тихоокеанской эскадры и громкое «ура!» был поднят Андреевский флаг. Поднял его вахтенный начальник крейсера «Россия», племянник генерал-адмирала мичман великий князь Кирилл Владимирович. Десятилетиями стоявший на повестке дня вопрос о приобретении Россией незамерзающего военного порта на Дальнем Востоке был решен. Вскоре южная оконечность Ляодунского полуострова с прилегающими к ней островами, получившая название Квантунской области, включается в состав Российской империи. С. Ю. Витте писал: «Сделан один из последних шагов в поступа-



тельном движении России на Дальнем Востоке, в ее стремлении найти выход к открытому морю, к незамерзающим берегам Тихого океана».

При занятии Порт-Артура русскими он представлял собой благоустроенный поселок с населением около 4 тысяч человек. Через год-два город начал быстро застраиваться. Его население и местная торговля быстро росли. Каждый пароход привозил новые воинские части, служащих, военное имущество, строительные материалы и товары. Из внутренних провинций Китая в Квантунскую область хлынул мощный поток рабочей силы. К началу 1904 года в городе помимо войск проживали 15 тысяч русских и 35 тысяч китайцев. Шло интенсивное строительство и расширение порта. В 1901 году приступили к углублению Западного бассейна, предназначавшегося для броненосцев. Увы, к началу войны эти работы, как и строительство нового сухого дока для броненосцев, закончить не успели. Правда, успели увеличить унаследованный от китайцев старый док для крейсеров, восстановить и усовершенствовать разрушенную японцами малую верфь, арсенал, портовые и торпедные мастерские, док для миноносцев. И все же сделать все, что было запланировано, к началу войны так и не удалось. Открытость внешнего рейда делала его весьма неудобным при восточных и южных ветрах. Внутренние бассейны оставались тесными. С внешним рейдом они соединялись узким проходом длиной 900 метров. Пользоваться им большие корабли могли лишь во время полного прилива. Все это, несомненно, снижало значение Порт-Артура как военно-морской базы.

Дворец на Мойке, личная жизнь

До 1881 года вопрос о собственном дворце для великого князя Алексея Александровича даже не возникал. В нем он просто не нуждался. За десять лет своей совершеннолетней жизни, с 1870 по 1880 год, согласно послужному списку, великий князь провел в море, в заграничных плаваниях под парусами и на якоре 1477 дней. Это более четырех лет, то есть почти половину всего времени. Были

периоды, когда в море Алексей Александрович находился и больше. Например, в 1876–1877 годах он плывал 588 дней, то есть более четырех пятых всего времени. Вот уж воистину, в море — дома, на берегу — в гостях. Не заводя семьи и не придавая большого значения «домашнему очагу», молодой моряк вполне обходился апартаментами в Зимнем дворце. На третьем этаже северо-западного фасада он занимал бывшие комнаты своего деда, императора Николая I.

Иное дело после 1881 года. Главному начальнику флота, естественно, требовалась своя резиденция. Да и великокняжеское положение к тому обязывало. Выбор места будущего дворца определился, если можно так выразиться, служебным положением его хозяина. Император считал, что глава флота должен жить в традиционно морском районе столицы, в непосредственной близости к казармам Гвардейского экипажа, вблизи от центра «казенного военного кораблестроения» — Нового Адмиралтейства, там, где находятся верфи Галерного острова, склады Новой Голландии и другие флотские заведения.

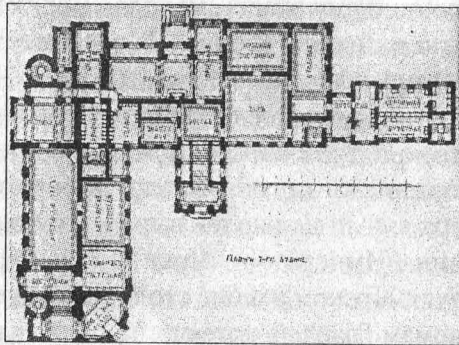
Надо сказать, что район этот был достаточно плотно застроен и приобрести здесь соответствующее место Министерству уделов оказалось не так-то просто. Тем более, что для великокняжеской усадьбы требовался достаточно обширный земельный участок. Однако император свою волю не менял, и Министерству уделов пришлось трудиться. Первым в марте 1882 года был приобретен небольшой участок земли площадью около 500 квадратных метров, выходивший на Алексеевскую улицу (ныне улицу Писарева). Вскоре на углу набережной Мойки и Английского проспекта удалось купить второй участок площадью около 2000 квадратных метров. На нем находился и особняк, ставший после перестройки дворцом генерал-адмирала. Ранее он принадлежал некоему потомственному почетному гражданину Г. Малкиелия. Прошло еще некоторое время и путем приобретения и обмена Министерство уделов сформировало на левом берегу Мойки достаточно обширный участок площадью более трех гектаров. Располагался он в непосредственной близости от раскинувшегося на противоположном берегу Мойки Адмиралтейского завода. Стук молотов и визг пил слышался здесь постоянно.



Перестройку дворца решено было поручить М. Е. Месмахеру. К тому времени это был уже достаточно известный архитектор. Окончив в 1866 году Академию художеств, М. Е. Месмахер за «Проект загородного дома для богатого вельможи» получил Большую золотую медаль и звание классного художника 1-й степени. Это дало ему право на четырехлетнюю пенсионерскую поездку за границу. М. Е. Месмахер посетил Германию, Бельгию, Францию и Италию. В 1872 году за работы, выполненные во время пенсионерской поездки, он становится профессором. К началу перестройки дворца для Алексея Александровича М. Е. Месмахер был уже известен как человек, удивительно сочетающий в себе черты архитектора, художника и декоратора. Он с успехом не только проектировал городские особняки и великокняжеские дворцы, но и осуществлял отделку их интерьеров. В Петербурге его работы пользовались известностью.

Следует заметить, что время строительства Алексеевского дворца, как позднее его стали называть, совпало с переходом в архитектуре к модерну. Главное отличие модерна заключалось в том, что дворцы и особняки утратили свое былое величие, а основным критерием их достоинства стали уют и удобство в повседневной жизни. Парадный дворец вельможи превращался в уютный буржуазный особняк. Результатом этого прежде всего явилась свободная планировка внутренних помещений. Теперь она подчинялась не столько внешней парадности здания, его симметрии, сколько удобству и образу жизни владельца.

Что же касается архитектурного решения Алексеевского дворца, то можно смело утверждать, что оно отражает не только почерк архитектора, но в значительной степени вкус и образ жизни его буду-



План первого этажа дворца Алексея Александровича.

щего хозяина. С одной стороны, это была резиденция главы Российского флота, с другой — дом вельможи, холостяка, хлебосольного хозяина и большого гурмана. Другими словами, дворец принадлежал не только генерал-адмиралу, но и человеку, о котором С. Ю. Витте в свое время говорил, что он «скорее склонен к личной удобной жизни, чем к государственной».

По своей планировке дворец строился как бы из двух относительно самостоятельных частей: официальной и личной. Это подчеркивалось и двумя подъездами со стороны парадного фасада: «Парадным» и «Собственным Его Высочества». Третий подъезд с противоположной стороны дворца выходил в большой тенистый сад с множеством затейливых дорожек. Некоторые из них сохранились и по сей день.

Вошедшему через Парадный подъезд прежде всего бросалось в глаза обилие экзотической зелени и застывшие на лестничной площадке часовые Гвардейского экипажа. Внимание привлекали стоящие в нишах две скульптуры: музы астрономии Урании и музы поэзии Эрато. Великий князь был не только моряком, но и большим любителем искусства, особенно театра.



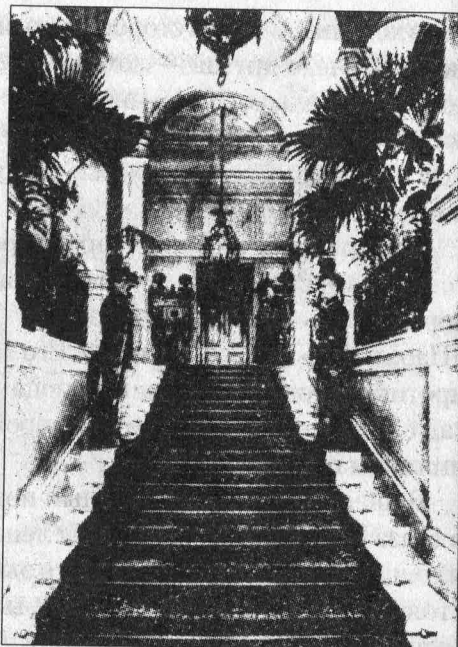
Парадный подъезд дворца.



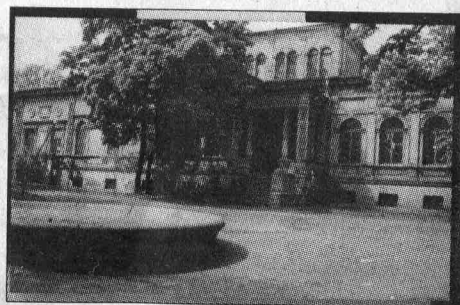
Прямо напротив вестибюля располагалась приемная, слева от нее — кабинет генерал-адмирала. Интерьер кабинета отличался роскошью и большой оригинальностью. Его стены на одну треть были облицованы дубовыми панелями, выше обтянуты тисненой кожей с золотым узором. Большой камин из серого камня венчался золоченым вензелем хозяина. Кстати, такой же вензель в виде монограммы из двух причудливо сплетенных букв «А» и сегодня украшает ажурную ограду дворца.

Что было в кабинете? Письменный стол с множеством изящных принадлежностей, готические кресла, шкаф ампир, оттоманка, большая бронзовая люстра, а также фарфоровые и терракотовые бюсты русских князей и императоров. Чего не было в кабинете? Не было рабочего стола для рассмотрения чертежей кораблей и морских карт, не было и стола для проведения совещаний. Дверь в углу кабинета вела в личные покои генерал-адмирала.

Слева от вестибюля находились еще две небольшие комнаты: знаменная — для хранения корабельных флагов и отделанная узкими дубовыми шкафами библиотека. В шкафах хранились атласы, исторические и справочные книги по морскому делу. Увы, генерал-адмирал вряд



Вестибюль парадного подъезда.



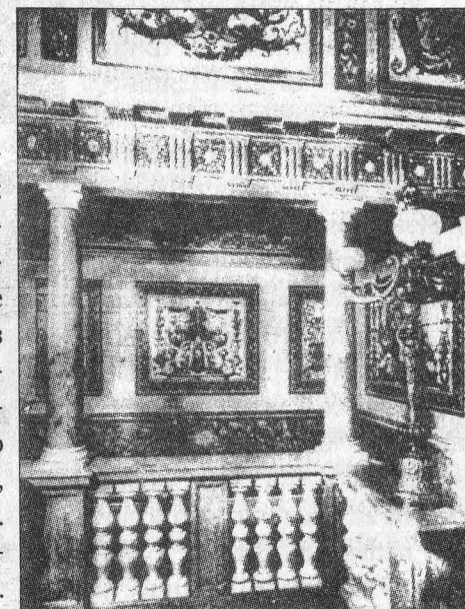
Фонтан перед спальней.

ли здесь бывал часто. Любителем чтения и библиофилом он никогда не был.

Небольшой темный коридор соединял кабинет с личными покоями великого князя: спальней, гардеробной и ванной комнатой. Отделка спальни не отличалась роскошью. Ее обстановка состояла лишь из кровати, ночного столика и небольшого резного стола с изображением якоря. Впрочем, во дворце была еще одна спальня, так называемая «Верхняя». Отделана она была со значительно большей роскошью. Для кого предназначалась верхняя спальня? Это знал хозяин. Окна кабинета и спален выходили в сад, прямо на небольшой фонтан. В летнее время ежедневно ровно в 8 часов утра камердирер включал фонтан, и это служило сигналом к подъему.

Основным украшением ванной комнаты являлось майоликовое панно, изображающее мифологических повелителей морской стихии. Такая тематика, несомненно, обуславливалась не только назначением самого помещения, но и профессией хозяина. Помимо мраморной ванны здесь имелся и небольшой бассейн. Примечательно, что холодная вода в него поступала прямо из Мойки по специально проложенной пятидесятиметровой трубе из серебра.

Следует заметить, что в отличие от других великокняжеских резиденций русский стиль в Алексеевском дворце ограничивался лишь предметами прикладного искусства. Великий князь был, скорее, «западником», нежели «славянофилом». Его многочисленные путешествия, любовь к европейскому образу жизни, особенно к Парижу, ориентировали его вкус на западную культуру и восточную экзотику.



Ванная комната.

В официальной части дворца располагались еще три помещения — это находящиеся справа от Парадного подъезда танцевальный зал, Красная гостиная и Парадная столовая. Последняя являлась предметом особой любви, забот и гордости хлебосольного хозяина. Повар великого князя славился на весь Петербург, а его винные погреба уступали разве что царским. Чего только не было в них: коньяки, херес, сорок сортов водки и множество других напитков. Все это хранилось в несчетном количестве бочек, бутылок, графинов и кувшинов.



«Собственный Его Высочества» подъезд.

В Парадной столовой Алексей Александрович любил проводить не только званые обеды, но и заседания Адмиралтейств-совета¹. Великий князь Александр Михайлович вспоминал, что генерал-адмирал «приглашал членов Адмиралтейств-совета к себе во дворец на обед и после того, как наполеоновский коньяк попадал в желудки его гостей, радушный хозяин открывал заседание». Что же касается его повара, то он, несомненно, «был настоящим артистом».

Впрочем, подобно тому, как во дворце была Верхняя спальня, так была в нем и Нижняя столовая. Размещалась она в цокольном этаже и, судя по обстановке, предназначалась для самого узкого круга друзей и близких. В уютной комнате под невысоким сводчатым потолком с мягкой восточной мебелью стоял небольшой обеденный стол, низкая оттоманка, по бокам — столики с кальянами, на стенах резные дубовые полки с серебряной посудой. Кстати, известно, что одних только поднесенных

великому князю серебряных блюд во дворце было тридцать четыре. Столового же серебра, включая более десяти столовых и десертных сервизов, множества суповых мисок и подносов, серебряных ведерок под шампанское, братин, кофейников, сливочников и прочей утвари согласно дворцовой описи числилось более пятисот двадцати. Только одних серебряных солонок было пятьдесят три. Что и говорить, приемы во дворце генерал-адмирала всегда отличались особым великолепием.

А теперь представим себя входящими во дворец через Собственный Его Высочества подъезд. Вестибюль здесь скромнее. Нет часовых. От Собственного подъезда личные покои отделялись тремя парадными залами: Английским, оформленным в стиле рыцарского средневековья, Китайской гостиной, наполненной восточной экзотикой, и Фламандской гостиной. Несомненно, их интерьер напоминал о многочисленных плаваниях и путешествиях великого князя. Да и многое из того, что здесь находилось, было привезено им самим.

Вот в такой дворец 13 ноября 1885 года и въехал генерал-адмирал. Было ему тогда 35 лет. Надо сказать, что в те годы Алексей Александрович считался одним из самых красивых членов императорской семьи. Светский человек «с головы до пят», он пользовался большим успехом у женщин, и не только в России, но и за границей во время своих многочисленных путешествий. А. А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства Императорского Двора, вспоминал, что однажды он встретил великого князя в Париже. Алексей Александрович буквально «поражал своей наружностью». «Как-то, гуляя на Бульварах, — писал А. А. Мосолов, — я заметил впереди себя высокого мужчину. Прохожие, видя его, останавливались, а некоторые восклицали: „Какой красавец!“ Подойдя ближе, я узнал великого князя в штатском платье...»

Хотя жизнь великого князя и изобиловала любовными романами, складывались они далеко не всегда счастливо. К тому времени, когда Алексей Александрович обосновался в новом дворце, он был страстно влюблен в З. Д. Богарне. Это был, пожалуй, главный роман всей его жизни.

¹ Образован взамен упраздненной Адмиралтейств-коллегии, совещательный орган военно-морского управления. — *Ред.*



Зинаида Дмитриевна Богарне, урожденная Скобелева, младшая сестра известного генерала М. Д. Скобелева, была замужем за герцогом Лейхтенбергским и носила титул графини Богарне. Отец ее мужа — сын пасынка Наполеона Максимилиан Богарне — женился на дочери Николая I великой княжне Марии Николаевне. По случаю брака король Баварии пожаловал им титул герцогов Лейхтенбергских, а Николай I — императорских высочеств. На З. Д. Скобелевой Е. М. Лейхтенбергский женился в 1878 году, после смерти своей первой жены.



Зинаида Дмитриевна Богарне.

Судя по воспоминаниям современников, Зинаида Дмитриевна, или, как ее чаще называли в свете, просто Зина Богарне, была женщиной необычайно красивой и обаятельной. «Когда я упоминаю ее имя, — писал в своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович, — я отдаю себе отчет в полной невозможности описать физические качества этой женщины. Я никогда не видел подобной ей во время всех моих путешествий по Европе, Азии, Америке и Австралии, что является большим счастьем, так как такие женщины не должны попадаться часто на глаза. Когда она входила, я не мог оставаться с нею в одной комнате. Я знал ее манеру подходить в разговоре очень близко к людям, и я признавал, что в ее обществе я становлюсь безответственным за свои поступки. Все молодые Великие Князья мне сочувствовали, так как каждый страдал при виде ее так же, как и я. Находясь в обществе очаровательной Зины, единственно, что оставалось сделать, — это ее обнять...»

Неразлучным спутником четы Лейхтенбергских и становится великий князь Алексей Александрович. Его любовь к герцогине приобрела почти скандальный характер. Чету Лейхтенбергских и великого князя иначе и не называли, как «*manage royal à trois*» —

«августейшая любовь втроем». Впрочем, и Алексей Александрович, и З. Богарне своих отношений практически не скрывали. «На станции, — пишет в дневнике А. А. Половцев, — вижу Алексея Александровича, который садится в открытую коляску с графиней Богарне и супружески шествует по городу». Чета Лейхтенбергских — частые гости в Алексеевском дворце. Что же касалось Зинаиды Богарне, то она вела себя здесь просто как хозяйка. Естественно, это не нравилось многим, в том числе и императрице Марии Федоровне. Несмотря на симпатии к брату императора, она никогда не упускала случая отпустить в адрес графини «очередную маленькую пику». «Не могу одобрить поведения Алексея с гр. Богарне», — заметил в беседе с императором и его дядя, великий князь Михаил Николаевич.

Как и вся русская знать, Алексей Александрович обожал Париж. Гостила там часто и З. Богарне. «Одновременно со мной, — пишет А. А. Половцев, — в Париже находится Вел. Кн. Алексей Александрович, проживающий в отеле «Continental» с Зиной Богарне и ее пьяным мужем». А вот еще одна интересная запись из дневника А. А. Половцева: «Алексей... просит позволения поехать в Париж навестить Зину Богарне, о чем последняя прислала телеграмму через своего мужа... Государь очень смущен этим ходатайством, говорит, что разрешил бы эту поездку, если бы была хоть какая-нибудь возможность устроить ее под предлогом посещения строящихся за границей судов».

Вскоре во время одного из своих «всеподданнейших» докладов Алексей Александрович тщетно просил государя принять на казенное содержание яхту герцога Лейхтенбергского «Зина». Несмотря на упорное домогательство, получил отказ. Как вспоминает А. А. Половцев, государь величает великого князя «лентяем, а Евгения Лейхтенбергского — мужем-негодяем». Теперь Алексея Александровича почти открыто обвиняли в том, что он только и думает, как бы, не нарушив «этикета, поскорее ускользнуть отовсюду и вернуться к кровати Зины». Впрочем, доставалось и другой стороне августейшего треугольника — герцогу Лейхтенбергскому. Он теперь «лишенный всякого нравственного чувства негодяй, промышляющий тем, что Вел. кн. Алексей Александрович без памяти влюб-



лен в его жену,... которая вместе с мужем вытягивает из Алексея Александровича как можно больше денег». Так это или не так, судить сегодня трудно. Известно лишь одно — продолжался этот роман долго, не год и не два, а до самой смерти Зинаиды Дмитриевны в 1899 году.

Что еще заполняло личную жизнь великого князя? Охота и теннис, один из немногих видов спорта, культивировавшихся в великокняжеской среде. Его племянник, тоже моряк, великий князь Кирилл Владимирович вспоминал, что, будучи заядлым теннисистом, он часто играл на корте, устроенном в помещении одного из складов военно-морской верфи. «Отец и дядя Алексей... часто присоединялся к нашим полным беззаботного веселья играм. Дядя Алексей облачался в странное одеяние собственного изобретения, что-то вроде мефистофельского костюма... Он очень гордился, что был единственным обладателем такого фантастического наряда... Когда в перерывах между сетами мы пили чай, — а его... подавали из находившегося недалеко дома дяди Алексея, — мальчишки из мореходного училища, которые подносили нам мячи, начинали дурачиться и поднимали такой шум и гам, что дядя Алексей своим зычным командным голосом призывал их к порядку». С племянником, также избравшим морскую профессию, Алексей Александрович поддерживал до конца своих дней особенно теплые отношения.

Что еще можно сказать о великом князе Алексее Александровиче? Пожалуй, что в императорской семье он был практически всеми любим. Любили его за добрый нрав, прямоту, незлобивый характер и простоту, если вообще можно говорить о простоте великого князя.

Русско-японская война. Цусима

Нельзя сказать, что к войне с Японией Россия не готовилась. Готовился к войне и флот. «Чтобы удержать революцию, — заметил как-то министр внутренних дел В. К. Плеве, — нам нужна маленькая, но победоносная война». Такой же точки зрения придерживалось, несомненно, и военно-политическое руководство стра-

ны, так что вопрос о войне заключался лишь в том, как и когда она начнется. К сожалению, как это часто бывало в нашей истории, для России война и в этот раз началась внезапно и с поражения.

Январь в Петербурге — время зимних балов. 13 января из Царского Села в Зимний дворец переехала семья императора. «По прибытии в Петербург, — записал в дневнике Николай II, — поехали в Аничков к Мама. В 4 1/2 приехали к себе. Сейчас же начали разбираться и очень скоро привели комнаты в жилой вид». Неделю спустя в Зимнем состоялся большой бал. «Народу было как никогда много... Обходил столы по всем залам. К счастью, дорогая Аликс¹ отлично выдержала бал». Еще через неделю, 26 января, в дневнике Николая II появилась запись: «Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу: решено не начинать самим... В 8 часов поехали в театр: шла «Русалка», очень хорошо». По возвращении из театра императора ждала телеграмма Е. И. Алексеева о том, что ночью корабли Тихоокеанской эскадры, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура, были внезапно атакованы японскими миноносцами.

Не успели русские комендоры открыть огонь, как броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада» оказались подорваны торпедами. На следующий день у Порт-Артура появились главные силы Того². Русские корабли — 5 броненосцев и 5 крейсеров, — подняв стеньговые флаги, вышли навстречу противнику и вступили в бой. Того со своими пятнадцатью броненосцами и крейсерами не ожидал столь решительных действий и отступил.

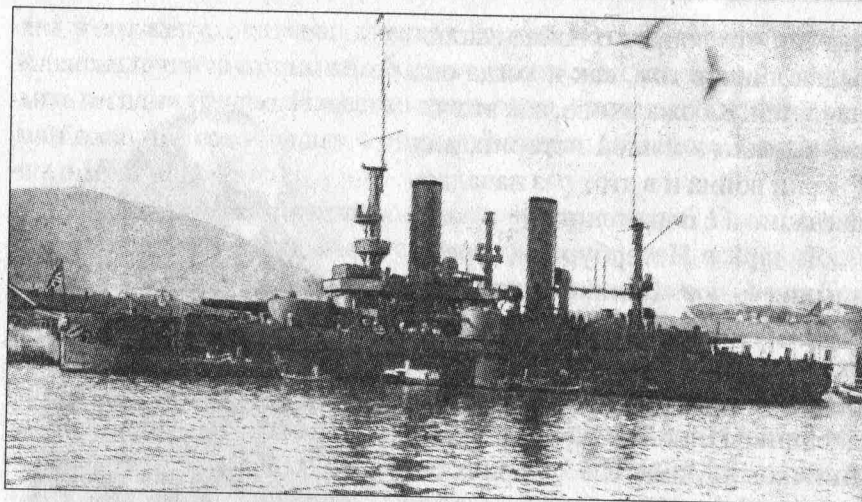


Вице-адмирал С. О. Макаров.

¹ Александра Федоровна, жена Николая II. — *Ред.*

² Того — японский адмирал флота. — *Ред.*





Броненосец «Петропавловск».

Еще накануне боя у Порт-Артура японцы заблокировали в Чемульпо крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». В ответ на ультиматум командир «Варяга» капитан 1 ранга В. Ф. Руднев вывел оба корабля в море и вступил в неравный бой. «Варяг» и «Кореец» понесли значительные потери. Не имея возможности продолжать бой, В. Ф. Руднев затопил поврежденный крейсер и взорвал «Корейца».

В Петербурге моряков-героев ожидала торжественная встреча. Увы, еще никто не знал, что война эта будет богата подвигами, но так бедна победами. Прошло несколько дней, и на собственных минах у Порт-Артура подорвался крейсер «Боярин» и минный транспорт «Енисей». Казалось, злой рок преследует русский флот с первых дней войны.

Все надежды связывали с назначением нового командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирала С. О. Макарова. Так оно и было — с его



Контр-адмирал В. К. Виттефт.



Корабли 1-й Тихоокеанской эскадры, затопленные на внутреннем рейде Порт-Артура.

прибытием флот ожил. Однако 31 марта «Петропавловск», на котором С. О. Макаров вышел навстречу японской эскадре, подорвался на mine и почти мгновенно затонул. С командующим погибли 650 офицеров и матросов. Вслед за флагманским кораблем на минах подорвался и броненосец «Победа». Ослабленный флот снова укрылся в гавани.

Между тем японцы, организовав морскую блокаду Порт-Артура, высадились на Квантунский полуостров и начали наступать на крепость с суши. 10 июня 1904 года контр-адмирал В. К. Виттефт с шестью броненосцами, пятью крейсерами и восьмью миноносцами вышел из Порт-Артура. Адмирал Того незамедлительно выставил все свои наличные силы: четыре броненосца, десять крейсеров и тридцать миноносцев. Увидев в строю русской эскадры ранее поврежденных «Цесаревича», «Ретвизан» и «Победу», японцы удивились. Их наличие обеспечивало В. К. Виттефту даже некоторый перевес в орудиях главного калибра. Атаковать русскую эскадру Того не осмелился. Однако и В. К. Виттефт проявил нерешительность. Посчитав преимущество японцев в миноносцах, он без единого выстрела возвратился в Порт-Артур. Расплата наступила быстро. 25 июля, установив на берегу осадные орудия, японцы начали расстреливать корабли, стоявшие на внутреннем рейде. Теперь от полного уничтожения эскадру мог спасти только прорыв во Владивосток.

28 июля 1904 года В. К. Виттефт снова вывел свои корабли в море. Бой, вошедший в историю как сражение в Желтом море, успеха русским не принес. Через два часа после начала сражения на мостике «Цесаревича» был убит адмирал В. К. Виттефт. Вскоре в боевую рубку броненосца попал второй снаряд. «Цесаревич» потерял управление и вышел из строя. Боевой порядок эскадры нарушился. Часть кораблей погибла под огнем противника, часть прорвалась в нейтральные порты, где и была интернирована. Остальные вернулись в осажденный Порт-Артур. Ослабленная оче-



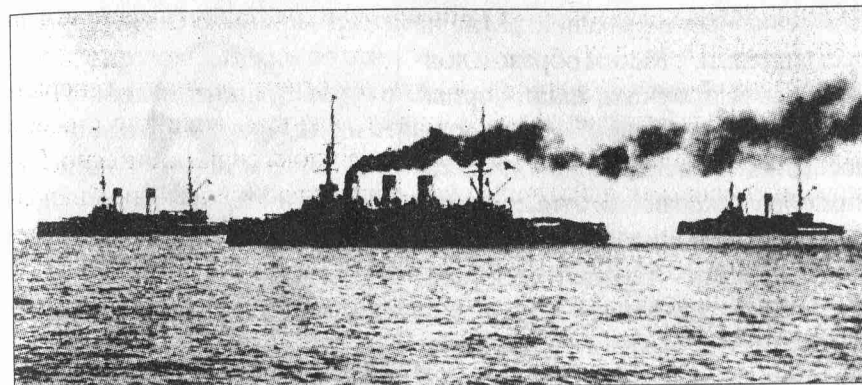
редным поражением Тихоокеанская эскадра теперь уже не могла рассчитывать на победу.

Правомерно задать вопрос, какова же ответственность генерал-адмирала за все эти неудачи? Слов нет, обвинять великого князя в тактических и оперативно-тактических ошибках вряд ли можно. Руководить боевыми действиями за десять тысяч километров невозможно даже при современной технике. Да и война есть война. Она никогда не обходится без ошибок и неудач. Другое дело, когда их слишком много. О чем это говорило? О неготовности флота к выполнению своей главной функции — воевать на море. За это великий князь, возглавлявший флот почти четверть века, несомненно, несет ответственность.

Будучи моряком, Алексей Александрович никогда не командовал не только соединениями боевых кораблей, но, по существу, и боевыми кораблями. Его многочисленные и продолжительные плаванья носили скорее ознакомительный и представительский характер. Боевой подготовкой — обязательным видом деятельности для любого флота — генерал-адмирал не занимался никогда. Это в определенной степени сказалось и на деятельности флота в течение нескольких предвоенных десятилетий. Находясь почти постоянно в океане, флот плавал много, даже очень много. Как моряки командиры кораблей были подготовлены прекрасно. Кстати, это подтвердил и беспримерный переход 2-й Тихоокеанской эскадры из Балтики на Восток. Однако боевой подготовкой флот занимался мало. Тактическая и огневая выучка командиров кораблей, офицеров и экипа-



Генерал-адмирал
великий князь Алексей Александрович,
вице-адмирал
великий князь Александр Михайлович и
управляющий Морским министерством
адмирал Ф. К. Авелан
проводят 2-ю Тихоокеанскую эскадру.



Эскадра З. П. Рожественского на подходе к Цусимскому проливу.

жей оказалась явно недостаточной. Русско-японская война выявила это в полной мере. Увы, для боя флот был просто не подготовлен, и в этом, несомненно, была вина высшего морского руководства, в том числе и генерал-адмирала.

В чем же заключалась деятельность Алексея Александровича во время войны и чем она отличалась от его повседневной деятельности в мирное время? Практически ничем. По понедельникам все те же еженедельные «всеподданнейшие» доклады царю по Морскому ведомству, те же обязательные завтраки после докладов с императорской семьей. Почти о каждом понедельнике в дневнике Николая II можно прочитать: «Завтракали с дядей Алексеем», «Был только дядя Алексей с докладом», «Принял доклад у д. Алексея», «После докладов и приема д. Алексей завтракал у нас» и т. д. Естественно, к повседневным делам добавились телеграммы с донесениями и запросами из Порт-Артура и Владивостока, заботы об обеспечении воюющего Тихоокеанского флота, об отправке на Восток железной дорогой подводных лодок, миноносцев и т. п.

Впрочем, если верить язвительному великому князю Александру Михайловичу, военные заботы не очень тревожили генерал-адмирала. Вот как описывает Александр Михайлович свою встречу с Алексеем Александровичем после его срочного возвращения в январе 1904 года из Парижа в связи с началом войны. «Свидание носило, скорее, комический характер. Все вооруженные силы ми- кадо на суше и на море не могли смутить оптимизма дяди Алексея.



Его девиз был неизменен: „Мне на все наплевать“. Каким образом должны были проучить наши „орлы“ „желтолицых обезьян“ — так и осталось для меня тайной. Покончив таким образом со всеми этими вопросами, он заговорил о последних новостях Ривьеры. Что дал бы он, чтобы очутиться в Монте-Карло! Пошли вопросы: видел ли я мисс «Х» и понравилась ли мне миссис «У»? Не соберусь ли я к нему пообедать и вспомнить старое? Его повар изобрел новый способ приготовления стерляди, представлявший собой величайшее достижение кулинарного искусства, и т. д.». Трудно судить, так это было или не так, но доля истины в том, что говорил Александр Михайлович, несомненно, была. То же, по сути, но, естественно, деликатнее писал и С. Ю. Витте: «Великий князь Алексей высказал крайнюю свою слабость в смысле предупреждения этой войны, хотя и сознавал, что война эта принесет нам, скорее, беду, нежели пользу».

Одним из самых трудных вопросов во время русско-японской войны стал вопрос об отправке на восток 2-й Тихоокеанской эскадры. Что известно об истории принятия этого решения? Очень немного. Естественно, принималось оно лично императором. Предшествовало ему несколько совещаний. Проходили они в очень узком составе. Протоколы на царских совещаниях, как известно, не велись. Участниками совещаний являлись: генерал-адмирал Алексей Александрович, великий князь Александр Михайлович, управляющий Морским министерством Ф. К. Авелан, министр иностранных дел В. Н. Ламсдорф и начальник Главного морского штаба З. П. Рожественский. Находясь под давлением правопатриотического общественного мнения, в основном урапатриотических и безответственных газетных публикаций, главным инициатором отправления 2-й Тихоокеанской эскадры являлся



Вице-адмирал З. П. Рожественский.

прежде всего сам царь. Естественно, к его мнению прислушивались и другие, однако не все.

Наиболее отрицательную позицию занимал великий князь Александр Михайлович. Как ни странно, почти нейтральную позицию, заявив на первом же совещании, что он не имеет по этому вопросу определенного мнения, занял генерал-адмирал Алексей Александрович. Выступления Ф. К. Авелана, как вспоминает Александр Михайлович, носили характер, «с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, — нельзя не признаться». Безоговорочно поддерживал царя, правда, со все нарастающим оттенком обреченности, лишь З. П. Рожественский. Колебался, судя по всему, и сам царь: «К моему величайшему удивлению, — вспоминает Александр Михайлович, — на первом совещании было решено последовать моему совету, и наш Балтийский флот на верную гибель в Тихий океан не посылать». Однако через две недели и император снова начинал колебаться: «Дай мне еще раз поговорить с дядей Алексеем и Авеланом, — сказал он, — ...дай мне поговорить с ними с глазу на глаз. Я не хочу, чтобы твои доводы на меня влияли». Очередное заседание при посещении кораблей в Кронштадте длилось несколько часов. «Ваша взяла, — сказал Авелан, появляясь на палубе, — мы приняли неизменное решение — эскадру на Дальний Восток не посылать». Увы, эта «неизменность» продолжалась лишь несколько дней. «Наши суда, матросы и офицеры должны были все-таки быть принесены в жертву на алтарь общественного мнения».

В воскресенье 26 сентября 1904 года Николай II, Александра Федоровна и даже полуторамесячный наследник цесаревич Алексей, крестником которого, кстати, был не кто иной



Император Николай II.



как Алексей Александрович, провожали на Ревельском рейде 2-ю Тихоокеанскую эскадру. Вел эскадру адмирал З. П. Рождественский. В своих «Воспоминаниях» С. Ю. Витте писал, что «пошла она только потому, что Рождественский хотел угодить государю и не имел мужества сказать, что затея эта приведет к беде...» Еще резче, как о человеке «с психологией самоубийцы» о З. П. Рождественском отзывался Александр Михайлович. Очевидно это было близко к истине. Один из офицеров штаба 2-й Тихоокеанской эскадры, участник Цусимского сражения, хорошо знавший своего адмирала, автор известной книги «Расплата» капитан 1 ранга В. И. Семенов также считал, что «Рождественский никому не уступил бы чести быть первым в рядах людей, добровольно идущих к кровавому расчету».

Прошло немногим меньше восьми месяцев, и 19 мая 1905 года Николай II записал в своем дневнике: «Теперь окончательно подтвердились ужасные известия о гибели почти всей эскадры в двухдневном бою. Сам Рождественский раненый взят в плен!!». «Если бы я был на месте Ники¹, — заметил великий князь Александр Михайлович, — я бы немедленно отрекся от престола. В Цусимском поражении он не мог винить никого, кроме самого себя».

Через несколько дней, 30 мая 1905 года, после очередного «всепопданнейшего» доклада генерал-адмирала в дневнике Николая II появилась запись: «Сегодня после доклада дядя Алексей объявил, что он желает уйти теперь же. Ввиду серьезности доводов, высказанных им, я согласился...» Так закончилось почти четвертьвековое генерал-адмиральство великого князя Алексея Александровича.

Последние годы

Почти сразу с уходом в отставку Алексей Александрович переехал в столь милый его сердцу Париж. Здесь он жил практически постоянно до конца своих дней. Ему 55 лет, но силы еще есть. Не обремененный никакими обязанностями, великий князь вел в Париже светский образ жизни. Он постоянный гость парижских ресторанов и кабаре.

¹ Император Николай II. — Ред.

Особенно часто его можно было видеть на Монмартре в любимом кабаре «Сламинг». Дома великий князь принимал художников, писателей, актеров и актрис. Основным его увлечением оставался театр, особенно балет. Его последняя любовь — балерина по имени Баллет. На подарки Алексей Александрович был по-прежнему щедр. На груди Баллет красовалось подаренное им бриллиантовое кольцо. В свете его многозначительно называли «Тихоокеанский флот», однако к тому вряд ли были какие-либо основания.

Великий князь продолжал поддерживать связи со своей августейшей семьей, но в России бывал редко. Говорят, что в один из приездов в Петербург он был узан в театре и публично освистан. Особенно близкие отношения Алексей Александрович поддерживал со своим племянником — великим князем Кириллом Владимировичем, тоже моряком. Когда вопреки воле императора Кирилл Владимирович решил жениться, он хотел, чтобы свидетелем при его венчании был непременно Алексей Александрович. «Мой дорогой дядя... — писал Кирилл Владимирович, — в трудные минуты жизни всегда был на моей стороне... Он находился в Мюнхене, и я телеграфировал ему, прося приехать как можно скорее... Но он не приехал, и мы свершили обряд без него... Свадебный „пир“ продолжался полчаса. На дворе бушевала буря и в разгар праздника ввалился дядя Алексей. Этот великан так похож на дядю Сашу (Александра III. — Ю. К.) и по характеру и по внешности... Его открытая живая натура и громкая речь добавили веселья нашему празднику».

В апреле 1908 года Алексей Александрович приехал в Россию на свадьбу великой княжны Марии Павловны. Ее жених — сын шведского короля, тоже морской офицер. Увы, это был последний приезд великого князя на родину.

В конце октября Алексей Александрович простудился и через несколько дней умер. 1 ноября по флотам и базам Российского флота пошла телеграмма: «Сегодня в 6 часов утра в Париже от крупозного воспаления легких в Бозе почил¹ Августейший генерал-адмирал». На кораблях приспустили флаги.

¹ Скончался. — Ред.



Что осталось после смерти великого князя в Париже? Очень немного. Опись имущества в его небольшой квартире на улице Габри насчитывает всего 269 предметов. Среди них найденная на счастье подкова, множество портретов Зинаиды Богарне и ее мраморный бюст в ореховом футляре.

В Петербурге в воскресенье 2 ноября «по случаю кончины Его Императорского Высочества Великого Князя Генерал-Адмирала Алексея Александровича» всем адмиралам, генералам, штаб- и обер-офицерам Морского ведомства предлагается собраться на панихиду в соборе Св. Спиридония (Главное Адмиралтейство). «Форма одежды — обыкновенная (сюртук, эполеты, шляпа, сабля, шарф, ордена и короткие сапоги) с трауром на левом рукаве». В тот же день «Государь Император Высочайше соизволил повелеть» по случаю кончины великого князя «иметь приезд 2-го сего ноября в 2 часа пополудни в Исаакиевский собор к панихиде... Кавалерам как военным, так и гражданским быть в обыкновенной форме в мундирах и лентах, имея флер¹ на левом рукаве». Хоронили великого князя 6 ноября. Траурная процессия к великокняжеской усыпальнице в Петропавловской крепости проследовала от Николаевского вокзала по Невскому, Садовой, Марсову полю через Троицкий мост.

В связи с кончиной Алексея Александровича С. Ю. Витте писал: «Это был прекраснейший человек, весьма добрый, никому не делавший зла, очень приятный в своих сношениях, имеющий то качество, которым должен обладать великий князь, а именно благородство... По существу же и в политическом отношении это был человек совершенно слабый».

От себя лишь добавим, что великий князь Алексей Александрович, несомненно, был достойным моряком, но никогда не был настоящим Главнокомандующим флота России. И тем не менее еще один штрих к его характеристике. Во всех послужных списках Алексея Александровича в графе «Получаемое по службе содержание» неизменно стоит: «не получает».

Именной указатель¹

А

- Авелан Федор Карлович (1839—1916), адмирал (1905), управляющий Морским министерством (1903—1905)
 Александр II (1818—1881), император (1855—1881)
 Александр III (1845—1894), император (1881—1894)
 Александр Михайлович (1866—1933), великий князь, внук Александра II, вице-адмирал (1909)
 Александра Иосифовна (1830—1911), великая княгиня, жена великого князя Константина Николаевича
 Александра Федоровна (1798—1860), императрица (1825—1855), жена императора Николая I
 Александровский Иван Федорович (1817—1894), изобретатель отечественной торпеды и первой подводной лодки с механическим двигателем
 Алексеев Евгений Иванович (1843—1917), адмирал (1903)
 Алексей (1690—1718), царевич, сын Петра I
 Алексей (1904—1918), великий князь, цесаревич, сын Николая II
 Алексей Александрович (1850—1908), великий князь, сын Александра II, генерал-адмирал (1883)
 Аллилуева Светлана Иосифовна (род. в 1926), дочь И. В. Сталина
 Андреев Павел Петрович (ок. 1843—), вице-адмирал
 Анна Иоанновна (1693—1740), императрица (1730—1740)
 Апраксин Федор Матвеевич (1661—1728), граф, генерал-адмирал (1708)
 Апраксина Марфа Матвеевна (1664—1715), царица (1682), жена Федора Алексеевича, брата Петра I
 Арман французский кораблестроитель

Б

- Балинский Иван Михайлович (1827—1902), врач-психиатр, профессор Военно-медицинской академии
 Баятинский Александр Иванович (1814—1879), князь, генерал-фельдмаршал (1859), завершивший покорение Кавказа (1859)
 Баллет, французская балерина
 Баятинский Иван Викторович (1857—), князь, капитан-лейтенант (1884)
 Белевский Алексей Алексеевич (1871—1932), граф, сын великого князя Алексея Александровича
 Берг Федор Федорович (1790—1874), граф, генерал-фельдмаршал, автор военно-статистических и топографических работ
 Берх Василий Николаевич (1771—1834), историк русского флота, полковник корпуса флотских штурманов (1830)
 Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897), историк, академик

¹ В Указатель включены только те лица, которые имеют отношение к биографии генерал-адмиралов и истории русского флота. — Ю. К.



¹ Траурная повязка. — Ред.

Бирилев Николай Алексеевич (1828—1882), контр-адмирал (1872)
 Богарне Зинаида Дмитриевна (—1899), урожденная Скобелева, графиня, герцогиня, жена Е. М. Романовского герцога Лейхтенбергского
 Богарне Максимилиан Евгений (1817—1852), сын пасынка Наполеона Евгения Богарне
 Брюс Яков Михайлович (1670—1735), сподвижник Петра I, дипломат и ученый
 Бурачек Евгений Степанович (1836—1911), контр-адмирал (1888), один из основателей Владивостока
 Бурачек Степан Осипович (1800—1876), инженер-кораблестроитель, генерал-лейтенант Корпуса корабельных инженеров (1869)
 Бутаков Григорий Иванович (1820—1882), адмирал (1878), создатель тактики парового броненосного флота
 Бутаков Иван Иванович (1822—1882), вице-адмирал (1881)
 Бухвостов Николай Михайлович (1857—1905), капитан 1 ранга (1902)
 Бэр Карл Максимович (1792—1876), ученый-натуралист, академик, основатель эмбриологии

В

Валуев Петр Александрович (1814—1890), граф, государственный деятель, министр внутренних дел (1861—1868), председатель комитета министров (1877—1881), писатель
 Ванновский Петр Семенович (1822—1904), генерал от инфантерии (1883), военный министр (1882—1898)
 Вашингтон Джордж (1732—1799), президент США (1789—1797)
 Вера Константиновна (1854—1912), великая княжна, дочь великого князя Константина Николаевича
 Вера Константиновна (1906—2001), великая княжна, дочь великого князя Константина Константиновича
 Верещагин Василий Васильевич (1842—1904), художник-баталист, погиб с С. О. Макаровым на броненосце „Петропавловск“
 Веселаго Феодосий Федорович (1817—1897), военно-морской историк
 Вильбоа Франц (Никита Петрович) (—1760), вице-адмирал (1747)
 Витгефт Вильгельм Карлович (1847—1904), контр-адмирал (1899), погиб на броненосце „Цесаревич“ при попытке прорыва эскадры из Порт-Артура
 Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф, государственный деятель, министр финансов (1892—1903), председатель Совета министров (1905—1906)
 Вишилов, лейтенант, вахтенный начальник фрегата „Александр Невский“
 Владимир Александрович (1847—1909), великий князь, сын Александра II
 Воеводский Аркадий Васильевич (—1879), адмирал (1879)
 Волконский Сергей Васильевич (— ок. 1885), князь, общественный деятель в эпоху Александра II
 Врангель Петр Николаевич (1878—1920), барон, генерал, один из руководителей белого движения
 Врангель Федор Петрович (1796—1870), мореплаватель, адмирал (1856),
 Вячеслав Константинович (1862—1879), великий князь, сын великого князя Константина Николаевича

Г

Гагарин Павел Петрович (1789—1872), князь, государственный деятель в эпоху Александра II
 Гагман Федор Федорович (1817—1874), контр-адмирал (1873)
 Гезехус Александр Яковлевич (ок. 1816—), полковник Корпуса корабельных инженеров
 Гирс Николай Карлович (1820—1895), дипломат, министр иностранных дел (1882—1895)
 Глазунов Александр Константинович (1865—1930), композитор
 Глинка Федор Николаевич (1786—1880), писатель-декабрист
 Голенко Константин Петрович (1822—), капитан 1 ранга (1867), управляющий Павловским дворцом великого князя Константина Николаевича
 Голицын Евгений Александрович (1822—1854), князь, лейтенант (1846)
 Голицын Михаил Михайлович (1684—1764), князь, генерал-адмирал (1756)
 Головин Николай Федорович (1693—1745), граф, адмирал (1733), президент Адмиралтейств-коллегии (1733—1744)
 Головин Федор Алексеевич (1650—1706), сподвижник Петра I, генерал-фельдмаршал (1700) и адмирал (1699)
 Головин Александр Васильевич (1821—), государственный деятель в эпоху Александра II, ближайший помощник великого князя Константина Николаевича
 Головин Василий Михайлович (1776—1831), мореплаватель, вице-адмирал (1830)
 Гончаров Иван Александрович (1812—1899), писатель
 Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), князь, дипломат, министр иностранных дел (1856—1882), канцлер (1867)
 Грант Улиссис (1822—1885), президент США (1869—1877)
 Грейг Самуил Карлович (1736—1788), флотоводец, адмирал (1782)
 Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1900), писатель

Д

Даль Владимир Иванович (1801—1872), лексикограф, писатель
 Данилевский Григорий Петрович (1829—1890), писатель
 Демидова Александра Александровна (1853—1894), любовница и мать сына и дочери великого князя Николая Константиновича
 Ден лейтенант, вахтенный начальник фрегата „Александр Невский“
 Джонсон Эндрю (1808—1875), президент США (1865—1869)
 Дмитриев-Мамонтов Василий Афанасьевич (—1739), контр-адмирал (1732)
 Дмитрий Константинович (1860—1919), великий князь, сын великого князя Константина Николаевича, генерал от кавалерии
 Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891), князь, генерал-губернатор Москвы (1865—1891)
 Дондуков-Корсаков Николай Александрович (1858—), князь, лейтенант (1883)
 Дрейер (Искандер), Надежда Александровна (—1929), жена великого князя Николая Константиновича
 Дубасов Федор Васильевич (1845—1912), адмирал (1906)



Е

- Екатерина I (1684—1727), императрица (1725—1727)
 Екатерина II (1729—1796), императрица (1762—1796)
 Елизавета Петровна (1709—1761), императрица (1741—1761)
 Епанчин Алексей Николаевич (1857—1941), адмирал (1909)
 Епанчин Николай Алексеевич (1857—1941), генерал-лейтенант, автор военно-исторических трудов
 Еришова Марина Константиновна, дочь великого князя Константина Николаевича

Ж

- Жуковская Александра Васильевна (1842—1892), дочь поэта А. В. Жуковского
 Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт, воспитатель императора Александра II

З

- Зеленой Никандр Ильич (1829—1888), генерал-майор по Адмиралтейству (1855), редактор журнала „Морской сборник“
 Зеленой Нил Ильич (1815—1859), капитан 2 ранга (1856)
 Зеленой Семен Ильич (1810—1892), астроном, математик, директор Гидрографического департамента Морского министерства, почетный член Российской АН (1873), капитан 1 ранга (1855)

И

- Иоанн V (1766—1696), царь (1682—1696),
 Искандер Александр Николаевич (1887—1957), сын великого князя Николая Константиновича
 Искандер Артемий Николаевич (1878—1919), сын великого князя Николая Константиновича
 Искандер (Дрейер), Надежда Александровна (—1929), жена великого князя Николая Константиновича
 Истомин Константин Иванович (1807—1876), адмирал (1870)

К

- Казакевич Петр Васильевич (1816—1887), адмирал (1878)
 Кази Михаил Ильич (1839—1896), управляющий Балтийским судостроительным заводом (1876—1896)
 Казнаков Николай Иванович (1834—), адмирал (1910)
 Карл XII (1681—1718), король Швеции
 Кеплен П. Е., управляющий Павловским дворцом великого князя Константина Николаевича
 Кирилл Владимирович (1876—1938), великий князь, внук Александра II, контр-адмирал (1916), в 1924 г. провозгласил себя императором Кириллом I
 Колокольцев Александр Александрович, генерал-лейтенант по Адмиралтейству (1892),
 Коновницын Алексей Иванович (1854—), граф, мичман (1876)

Константин Константинович (1858—1915), великий князь, сын великого князя Константина Николаевича, лейтенант (1878), поэт, генерал от инфантерии (1907)

Константин Николаевич (1827—1892), великий князь, сын Николая I, генерал-адмирал (1831)

Копытов Николай Васильевич (1833—1901), вице-адмирал (1888)

Корнилов Владимир Алексеевич (1806—1854), вице-адмирал (1852), один из руководителей обороны Севастополя во время Крымской войны 1853—1856 гг.

Коцебу Отто Евстафьевич (1788—1846), мореплаватель, капитан 1 ранга (1830)

Коши Огюст Луи (1789—1857), французский математик

Краббе Николай Карлович (1814—1876), адмирал (1869), управляющий Морским министерством (1860—1876)

Кремер Оскар Карлович (1829—1904), мореплаватель, адмирал (1896)

Кроун Александр Егорович, вице-адмирал (1888)

Кроун Роман Васильевич (1754—1841), адмирал (1824)

Крузенштерн Иван Федорович (1770—1846), первый российский кругосветный мореплаватель, адмирал (1841)

Крылов Алексей Николаевич (1863—1945), кораблестроитель, академик АН СССР

Крюйс Корнелий Иванович (1657—1727), сподвижник Петра I, адмирал (1721),

Кудрявцев С. Г., подрядчик, строитель парусных и первых паровых судов

Кузнецов Дмитрий Иванович (1805—1889), адмирал (1878)

Кузнецова Анна, балерина, неофициальная жена великого князя Константина Николаевича

Л

Лазарев Михаил Петрович (1788—1851), флотоводец и мореплаватель, адмирал (1843)

Ламсдорф Владимир Николаевич (1844—1907), граф, дипломат, министр иностранных дел (1900—1906)

Ленц Эмилий Христианович (1804—1865), физик, академик, участник кругосветного плавания О. Е. Коцебу

Лесовский Степан Степанович (1817—1884), адмирал, мореплаватель, управляющий Морским министерством (1876—1880)

Линкольн Авраам (1809—1865), президент США (1861—1865)

Лисянский Платон Юрьевич (1820—1900), адмирал (1892)

Лисянский Юрий Федорович (1773—1837), участник первого русского кругосветного плавания

Литвинов Н. П., помощник воспитателя великих князей Александра Александровича и Владимира Александровича

Литке Федор Петрович (1797—1882), граф, мореплаватель, ученый, адмирал (1855), воспитатель великого князя Константина Николаевича

Лихачев Иван Федорович (1826—1907), вице-адмирал (1874)

Лобанов-Ростовский Александр Борисович (1824—1897), князь, дипломат, министр иностранных дел (1895)



Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), ученый, энциклопедист, поэт
Лямин К. Н., внук великого князя Константина Николаевича
Лямин Л. Н., внук великого князя Константина Николаевича
Лямина Анна Константиновна, дочь великого князя Константина Николаевича

М

Макаров Степан Осипович (1848—1904), мореплаватель, ученый, флотоводец, вице-адмирал (1896), погиб на броненосце „Петропавловск“
Мария Александровна (1824—1880), императрица (1855—1881), жена Александра II
Мария Николаевна (1819—1876), великая княжна, дочь Николая I
Мария Павловна (1890—1958), великая княжна, внучка Александра II
Мария Федоровна (1847—1898), императрица (1881—1894), жена Александра III
Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907), ученый-химик
Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869), князь, адмирал (1833), главнокомандующий военными и морскими силами в Крыму (1854—1855)
Месмахер Максимилиан Егорович (1842—1906), архитектор, академик архитектуры (1872)
Мецкерский Константин Николаевич (1859—), князь, лейтенант (1887)
Миних Бухард Христофор (1683—1767), граф, генерал-фельдмаршал (1732), Митчел К., английский предприниматель, судостроитель
Михаил Николаевич (1832—1909), великий князь, сын Николая I
Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865), писатель
Мишуков Захарий Данилович (—1762), вице-адмирал (1742)
Мордвинов Семен Иванович (1701—1777), адмирал (1764)
Мосолов Александр Александрович (1854—1939), начальник канцелярии Министрства Императорского двора (1900—1916), генерал-лейтенант
Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866), граф, государственный деятель в эпоху Александра II
Муравьев (Амурский), Николай Николаевич (1809—1881), граф, генерал-губернатор Восточной Сибири

Н

Наумов Николай Алексеевич (ок. 1825—), капитан 1 ранга (1879),
Нахимов Павел Степанович (1802—1855), флотоводец, адмирал (1855), один из руководителей обороны Севастополя во время Крымской войны 1853—1856 гг.
Нельсон Горацио (1758—1805), английский адмирал
Николай I (1796—1855), император (1825—1855)
Николай II (1868—1918), император (1894—1917)
Николай Александрович (1843—1865), великий князь, цесаревич, сын Александра II
Николай Константинович (1850—1918), великий князь, сын великого князя Константина Николаевича

Николай Николаевич Старший (1831—1891), великий князь, сын Николая I
Нобель Эммануил (1801—1872), изобретатель морских мин, отец Альфреда Нобеля, учредителя Нобелевских премий
Новосильский Федор Михайлович (1808—1892), адмирал (1863)

О

Оболенский Иван Михайлович (1854—), князь, мичман (1876)
Обручев Николай Николаевич (1830—1904), начальник Генерального штаба (1881—1897), генерал от инфантерии (1887)
Обухов Павел Матвеевич (1820—1869), металлург
Ольга Константиновна (1851—1926), великая княжна, дочь великого князя Константина Николаевича, королева Греции
Ольденбургский Петр Георгиевич (1812—1881), принц Гольштинский, общественный и государственный деятель в эпоху Александра II
Орлов Алексей Григорьевич (1737—1807), граф, военный, морской и государственный деятель
Остерман Андрей Иванович (1686—1747), граф, генерал-адмирал (1740)
Островский Александр Николаевич (1823—1886), драматург
Остроградский Михаил Васильевич (1801—1861), математик, академик

П

Павел I (1754—1801), император (1798—1801)
Павлов А. И., дипломат, посол России в Китае
Панин Виктор Никитич (1801—1874), граф, общественный и государственный деятель в эпоху Александра II
Паскевич Иван Федорович (1782—1856), граф Варшавский, князь Эриванский, генерал-фельдмаршал (1829)
Петр I (1672—1725), император (1682—1725)
Петр III (1728—1762), император (1761—1762)
Петрушевский Федор Федорович (1829—1904), физик, профессор Электротехнического института, основатель Русского физического общества
Пещуров Алексей Алексеевич (1834—1891), вице-адмирал (1882), управляющий Морским министерством (1880—1882)
Пилкин Константин Павлович (1824—1913), адмирал (1896), море-плаватель, организатор минно-торпедной службы в отечественном флоте
Пирогов Николай Иванович (1810—1881), хирург, основоположник военно-полевой хирургии, герой обороны Севастополя (1854—1855)
Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904), государственный деятель, министр внутренних дел и шеф жандармов (1902—1904)
Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), обер-прокурор Синода (1880—1905)
Половцев Александр Александрович (1832—1909), статс-секретарь, член Государственного совета
Попов Александр Степанович (1859—1905), ученый, изобретатель радио
Попов Андрей Александрович (1821—1898), адмирал (1891), море-плаватель, кораблестроитель



Посъет Константин Николаевич (1819—1899), адмирал (1882), воспитатель великого князя Алексея Александровича, министр путей сообщения (1874—1888)

Посъет Николай Петрович (ок. 1784—1831), капитан-лейтенант (1826)
Посъет Петр, в 1720-х годах начальник Астраханского адмиралтейства
Прасковья Федоровна (1664—1723), царица (1684—1696), жена Иоанна V
Пузуно Орест Поликарпович (1819—1880), вице-адмирал (1885)

Путилов Николай Иванович (1820—1880), лейтенант (1841), крупный предприниматель в области сталелитейного производства и кораблестроения

Путятин Ефим Васильевич (1804—1883), граф, адмирал (1858), мореплаватель, дипломат

Р

Рид Эдвард Джеинс (1830—1906), английский кораблестроитель
Риккорд Петр Иванович (1776—1855), адмирал (1843), мореплаватель
Римский-Корсаков Воин Андреевич (1822—1871), контр-адмирал (1865), директор Морского корпуса (1861—1871)

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908), композитор
Рожественский Зиновий Петрович (1848—1909), вице-адмирал (1904), командующий русской эскадрой в Цусимском бою

Ростовцев Н. Я., граф, полковник
Роубенс Д., морской министр США в правительстве президента У. Гранта (1869—1877)

Руднев Всеволод Федорович (1855—1913), контр-адмирал (1905), командир крейсера „Варяг“

С

Семенов Владимир Иванович (1876—1910), капитан 1 ранга (1907), писатель, публицист, участник обороны Порт-Артура и Цусимского боя

Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович (1827—1914), ученый-географ, статистик, ботаник, вице-президент Русского географического общества (1873—1914)

Сенявин Наум Акимович (ок. 1680—1738), вице-адмирал (1727)
Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882), генерал, герой русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Скрыдлов Николай Илларионович (1844—1918), адмирал (1909)
Скрыплев Константин Григорьевич (1826—1900), контр-адмирал (1882)
Соколов Александр Иванович (1817—1889), генерал-лейтенант по Адмиралтейству (1885)

Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, профессор Московского университета

Сомов Иосиф Иванович (1815—1876), астроном, математик, профессор С.-Петербургского университета

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), государственный деятель, руководил изданием „Полного собрания законов Российской империи“

Спиридов Григорий Андреевич (1713—1790), флотоводец, адмирал (1769)

Станюкович Константин Михайлович (1843—1903), писатель

Струве Василий Яковлевич (1793—1864), астроном, академик, первый директор Пулковской обсерватории

Стюард, государственный секретарь США в правительстве А. Линкольна (1861—1865)

Суворов Александр Васильевич (1720—1800), князь Италийский, граф Рымникский, генералиссимус (1799)

Сульменов Иван Саввич (ок. 1771—1851), вице-адмирал (1836)

Т

Толстой Николай Михайлович (1856—), граф, лейтенант (1883)

Толстой Юрий Васильевич (1824—1874), граф, государственный деятель в эпоху Александра II, историк

Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884), генерал, возглавлял инженерные работы при обороне Севастополя в 1854 г.

Тудер Стен-Карл Иванович (1840—), капитан 2 ранга (1883)

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), писатель

Тыртов Павел Петрович (1836—1903), адмирал (1901)

Тютчева Анна Федоровна (1829—1889), дочь поэта Ф. И. Тютчева, фрейлина жены Александра II Марии Александровны (1853—1866)

У

Уайтхед Роберт (1823—1905), английский инженер, изобретатель торпеды

Уорден Джон (1818—1897), контр-адмирал ВМС США (1872), командир „Монитора“ в бою с броненосцем южан „Мерримак“

Ухтомский Эспер Алексеевич (1834—1885), капитан 1 ранга (1870)

Ушаков Федор Федорович (1744—1817), флотоводец, адмирал (1799)

Уэллес Давид (1828—1898), американский государственный деятель, морской министр в правительстве А. Линкольна (1861—1865)

Ф

Фаррагут Дэвид (1801—1870), адмирал ВМС США (1866),

Федоровский Михаил Яковлевич (ок. 1822—), контр-адмирал (1871)

Федор Алексеевич (1661—1682), царь (1676—1682), брат Петра I

Фиш Гамельтон (1808—1898), американский государственный деятель, дипломат, госсекретарь в правительстве президента У. Гранта (1869—1877)

Фокс Густав (1821—1883), помощник морского министра США в правительстве президента А. Линкольна (1861—1865)

Франклин Бенджамин (1706—1790), американский политический деятель, ученый

Х

Хайз Ратерфорд (1822—1893), президент США (1877—1881)

Хилков Михаил Иванович (1843—), князь, министр путей сообщения с 1895 г.

Хмельницкая Варвара (1886—), признанная незаконной жена великого князя Николая Константиновича



Ч

- Чайковский Петр Ильич (1840—1893), композитор
 Часовитин Елисей, семиреченский казак
 Часовитин Николай Николаевич, сын великого князя Николая Константиновича
 Часовитин Станислав Николаевич (—1919), сын великого князя Николая Константиновича
 Чевакинский Савва Иванович (1713—), архитектор
 Чихачев Николай Матвеевич (1830—1917), адмирал (1892), управляющий Морским министерством (1898—1904)
 Чичагов Василий Яковлевич (1726—1809), мореплаватель, адмирал (1782)

Ш

- Шанц Фридрих Себастьянович (1836—), контр-адмирал (1889)
 Шарлеман Йосиф Йосифович (1824—1870), архитектор, художник
 Швабе Карл Иванович (1820—1863), начальник адмиралтейских Изжорских заводов
 Шеридан Филипп (1831—1888), американский генерал-лейтенант (1869)
 Шестаков Иван Алексеевич (1820—1888), адмирал (1888)
 Шефнер Алексей Карлович (1832—1891), генерал-лейтенант по Адмиралтейству (1890),
 Шлиман Генрих (1822—1890), археолог, открывший Трою
 Шувалов Иван Максимович (—1736), генерал-майор (1723), сподвижник Петра I
 Шувалов Петр Андреевич (1827—1889), управляющий III отделением и шеф жандармов

Щ

- Щербатов Николай Сергеевич (1854—), князь, мичман (1876)

Э

- Энгельгард Максимилиан Рудольфович (1848—), барон, лейтенант (1874)

Я

- Ягужинский Павел Иванович (1683—1736), сподвижник Петра I
 Якоби Борис Семенович (1801—1874), академик, создатель первых морских мин

Список использованной литературы

- РГИА Ф. 10880. Оп. 2 Д. 888
 РГА ОР Ф. 652. Оп. 1 Д. 385
 РГА ОР Ф. 612. Оп. 1 Д. 768
 РГА ОР Ф. 641. Оп. 1 Д. 34
 РГА ВМФ Ф. 406. Оп. 3 Д. 1071
 РГА ВМФ Ф. 410. Оп. 2 Д. 2998
 РГА ВМФ Ф. 410. Оп. 2 Д. 3148
 РГА ВМФ Ф. 410. Оп. 2 Д. 3539
 РГА ВМФ Ф. 870. Оп. 1 Д. 1057
 РГА ВМФ Ф. 26. Оп. 1 Д. 2
 РГА ВМФ Ф. 26. Оп. 1 Д. 21
 РГА ВМФ Ф. 26. Оп. 1 Д. 29
 РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 2 Д. 1107
 РГА ВМФ Ф. 315. Оп. 1 Д. 1928
- Алексеев А. И. Федор Петрович Литке М., 1976
 Арбузов В. В. Броненосцы „Петр Великий” и „Девастейшен” // Судостроение. № 7. 1984
 Арбузов В. В. На рейде — броненосцы // С.-Петербургская панорама. № 11. 1991
 Аренс Е. Загадочный эпизод последней Турецкой кампании. СПб.
- Берх В. Н. Жизнеописание генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. СПб., 1825
 Берх В. Н. Жизнеописание первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. Ч. 1., Москва, 1833
 Берх В. Н. Жизнеописание первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. Ч. 3., СПб., 1834
 Болгурцев Б. Н. Забытый адмирал // СПб., Гангут. № 16 1998
 Болгурцев Б. Н. Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки. Владивосток, 1998
 Болгурцев Б. Н. Стратегическая ошибка князя Горчакова. СПб., Гангут. № 5, 1993
 Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1890
 Бунин И. Л. Великий реформатор Российского флота. СПб., Гангут., № 8, 1995
 Быховский И. А. Корабельных дел мастера. Судпромгиз, 1961
 Быховский А. А. Первый в мире брустверно-башенный броненосец // Судостроение. № 5. 1969
- Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Париж, 1933
 Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб., Logos, 1993
 Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. Лики России, 1996
 Витте С. Ю. Воспоминания Ч. 1, 2, 3. М., 1960
 Военная энциклопедия Т. 1. СПб., 1911, Т. 8. СПб., 1915
 Война 1877 и 1878 гг. в европейской части Турции. С картами, планами и рисунками под редакцией генерал-майора Зыкова. СПб., 1881
 Волконский С. В. Князь. Мои воспоминания. М., 1992



Всепопданнейший отчет по Морскому ведомству за первое двадцатипятилетие царствования Государя Императора Александра Николаевича 1855—180 гг. СПб., 1880

Гладких С. А. Проблема приобретения Россией незамерзающего военного порта на Дальнем Востоке. СПб., Гангут, № 16, 1998
Головин Ю. И. 60-пушечный парусно-винтовой фрегат „Светлана” // Судостроение. № 1, 1997
Голос. 16 декабря 1871 г., 29 декабря 1871 г.
Груздев А. И. Из века в век. Визиты военных кораблей флотов на Тихом и Индийском океанах 1739—1995 гг. Владивосток, 1996
Гуткин-Васильев В. Н. Материалы к статье о поэте К. Р. (на правах рукописи). ЦГА ВМФ, 1993
Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. Т. 2. М., 1966
Дневник императора Николая II. Orbita, 1991
Дом Романовых, биографические сведения о членах царствующего дома, их предках и родственниках. СПб., 1992
Доценко В. Д. Словарь биографический морской. СПб., 2000

Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М., 1996

Житков К. Г. Вице-адмирал Иван Федорович Лихачев // Морской сборник, № 11, 1912
Житков К. Г. Светлой памяти великого князя Константина Николаевича генерал-адмирала российского флота // Морской сборник, № 1, № 3, 1912

Захаров О. Н. Архитектурные панорамы Невских берегов. Стройиздат, 1984

Император Павел I и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России / Сборник статей / Редактор-составитель Р. Г. Красюков. СПб., 1998
История дипломатии / под ред. В. П. Потемкина. Т. 1, 2. М., 1941
История отечественного судостроения / под ред. И. Д. Спаского. Т. 1, 2. Судостроение, СПб., 1996

Кан П. Я. Прогулки по Петербургу. СПб., 1994
Климовских С. Д. Порт-Артур. СПб., Гангут, № 2, 1991
Колчак В. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб., 1903
Коршунов Ю. Л. Августейшие моряки. Блиц. СПб., 1999
Коршунов Ю. Л. Американские эскадры на Кронштадтском рейде // США экономика, политика, идеология. № 4, 1991
Коршунов Ю. Л. Когда океан соединяет. СПб., 1996
Коршунов Ю. Л. Первые визиты флотов России и США // Проблемы Дальнего Востока. № 4. 1991
Красный Архив. Исторический журнал. Т. 1 (38), 1930. Т. 3 (94), 1939
Краснознаменный Тихоокеанский флот. Воениздат, 1973
Красюков Р. Г. Великий князь Николай Константинович (Опыт биографий). Из глубины веков. Вып. 3., СПб 1994
Кронштадтский вестник 18 января 1864 г., 25 февраля 1877 г., 20 апреля 1877 г., 8 мая 1877 г., 19 июня 1877, 19 июля 1877 г.
Крылов А. Н. „Мои воспоминания”. Ленинград, 1984

Лурье В. М. Яценко В. В. Полководцы, военачальники и военные деятели России в Военной энциклопедии Сытина. СПб., 1997

Малинин М. М. Гражданская война в США и царская Россия. М., 1939
Малинина Т. М., Суздалева Т. Э. Дворец великого князя Алексея Александровича. СПб., 1997
Манн К. А. Обзор деятельности Морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Императора Александра Николаевича 1855—1880 гг. СПб., 1880
Материалы для истории Русского флота. Ч. XI. 1886, Ч. XVI 1886 СПб
Морской исторический сборник. № 2, 1991
Морской сборник. XXX, 1857; № 2; 1876; № 11; 1898, № 8; 1913; № 10; 1914; № 8; 1957; № 11, 1994
Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. М., 1993

Общий морской именной список. Ч. 1. СПб., 1885, Ч. XIII, 1907
Огородников С. Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802—1902 гг.), СПб., 1902
Орлов Б. П. Федор Петрович Литке, замечательный русский путешественник и ученый (К 150-летию со дня рождения). М., 1948

Переписка Императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневники великого князя Константина Николаевича. М., 1994
Петербургский монархический сборник. № 2, 1990
Петров Д. Б. Авраам Линкольн — великий гражданин Америки. М., 1960
Победоносцев К. П. и его корреспонденты (письма и записки). Т. 1 Петроград, 1923
Приказы и чины Военных и Гражданских за 1881 г. СПб., 1890
Пузырев Ю. Посыет — адмирал и министр // Морской флот. № 5, 1996

Русская старина. СПб., Т. 53, 1887

Семенов В. И. Расплата. СПб., 1886
Семенович Н. Н. История русского военно-морского флага. Ленинград, 1946
Струве О. В. Речь об ученых заслугах графа Ф. П. Литке. СПб., 1882
США. Экономика, политика, идеология. № 7, 1974 г.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания, дневники 1853—1955 гг. М., 1990

Шестаков И. А. Воспоминания опального адмирала. СПб., Гангут, 1995

Farragut L. The life of David Glasgow Farragut, first admiral of United State Navy. N-Y., 1879
Fiseble Y. Dolmatoff N. Was the Duke Grand? Madri Gras Guide. N-Y., 1997
Loubat J. Fox, s mission to Russia. № 4, 1873
The New-York Herald. 22 nov, 1871
Tallant R. Madri Gras: As it was. Lousiana, 1994

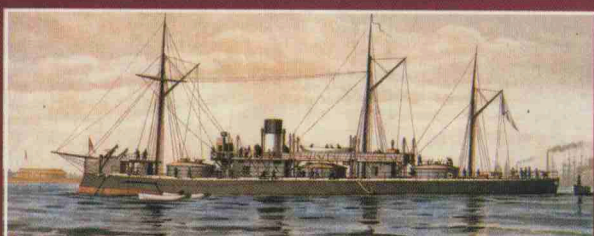




Коршунов Юрий Леонидович – контр-адмирал, доктор военно-морских наук, профессор, действительный член Академии военных наук, заведующий историческим отделом 1-го ЦНИИ Министерства обороны РФ. Является автором многих статей и книг по истории флота и морского оружия. В их числе: «Торпеды Российского флота» (1993 г.); «Когда океан соединяет» (1996 г.); «Августейшие моряки» (1999 г.); «Люди, корабли, оружие» (2002 г.) и др.



В книге освещены малоизвестные страницы истории Российского флота, посвященные жизни и деятельности генерал-адмиралов Ф. М. Апраксина, А. И. Остермана, М.М. Голицына, Павла I и двух великих князей – Константина Николаевича, Алексея Александровича. Впервые на основе большого фактического материала воссоздан облик венценосных адмиралов – великих князей Романовых, дана характеристика их роли и места в истории отечественного флота.



ISBN 5-7654-2751-0



9 785765 427514



издательский дом
НЕВА